№ 1(222), вып. 37
Март 2016

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология

Основан в 1995 г.
Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Belgorod State University
Scientific Bulletin
History Political Science

Учредитель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»
Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-63054 от 10 сентября 2015 г.

Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Зам. главного редактора
И.С. Константинов,
проректор по научной и инновационной работе НИУ «БелГУ», доктор технических наук, профессор

Научный редактор:
В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:
О.В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии
В.А. Шаповалов,
проректор по заочному обучению и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:
Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин,
профессор кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А.Ю. Худавердян
Биоархеологические подходы в изучении населения железного века Армении **5**

Н.И. Соловьянов
О культах римской кавалерии **14**

К.В. Пимков
К вопросу об особенностях некоторых поселений сельской территории Европейского Боспора в первые века н.э. **16**

С.В. Ярцев
К вопросу о причинах поражения римлян в битве с готами при Адрианополе 9 августа 378 г. **20**

А.В. Кобзева
К вопросу о религиозных взглядах Иоанна Малалы **26**

А.В. Курбанов
Устройство палестинского монастыря и законодательство Юстиниана о монашестве (на примере монастыря Аввы Серида) **30**

М.М. Синица, Н.Н. Болгов
Иоанн Лид и его трактат «О месяцах» **37**

П.А. Акопян
Византийская империя в трактовке Себеоса **43**

Ф.М. Рамазанова
Турецкие религиозные ассоциации Западной Европы во второй половине XX века **47**

Ю.Ю. Комлякова
Проблемы эмиграции населения стран Центральной Азии в Соединенные Штаты **51**

А.К. Дудайти
Война в Ираке 2003 г. и позиция ведущих стран-членов Евросоюза ... **56**

Ц.М. Чикаидзе, С.Х. Сурхаева
Принципы китайско-американских отношений (кон. 1970-х – нач. 2010-х гг.) **61**

Н.И. Быстрицкий
Вторая международная конференция «Виртуальная археология» **67**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А.Н. Бессуднов, А.А. Бессуднов
Направления комплексных исследований палеолитических памятников в Дивногорье **73**

А.Б. Пичугин
Роль села XI – начала XIII вв. в истории Волжской Булгарии **82**

А.Е. Гребенщиков
Взгляды адмирала А.С. Шишкова на сословный вопрос в России **85**

А.В. Сахаров
Проект судоходства по реке Сейм в 30-е годы XIX в. (на материалах Курской губернии) **90**

В.Н. Шилов,
профессор кафедры культурологии
и политологии НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь
И.Г. Оноприенко,
доцент кафедры российской истории и
документоведения НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:
М.Г. Абрамзон, доктор исторических
наук, профессор (Магнитогорский
государственный технический университет
им. Г.И. Носова)

С. Атлагич, доктор политических наук
(Белградский государственный университет,
Республика Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук,
профессор (Воронежский государственный
университет)

А.В. Головнев доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, главный научный
сотрудник Института истории и археологии
Уральского отделения РАН (Екатеринбург,
Россия)

М. Казански, доктор истории (Центр
изучения византийской цивилизации,
Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии
(Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук
(Белгородский юридический институт МВД
России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук,
профессор (Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории
(Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский национальный
университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических
наук, ведущий научный сотрудник
(Институт российской истории
Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский
национальный университет
им. В. Н. Каразина, Украина)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент
(Великотырновский университет
«Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский
национальный университет, г. Рига)

Редактор *А. Оберемок*

Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко*,
Л.П. Котенко

E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 30.03.2016
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 24,9
Заказ 76
Цена свободная
Тираж 1000 экз.

Дата выхода 31.03.2016

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражиро-
ван в Издательском доме «Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

С.Е. Бочарова
Законодательное регулирование процесса организации ярмарочной торговли в Тульской губернии в XIX – начале XX вв. **96**

С.П. Шаповалова, И.В. Истомина
Отражение добрачных отношений в деревенской молодежной среде во второй половине XIX – начале XX вв. в народных частушках **101**

Т.А. Вепренцева
Благотворительная деятельность церковной интеллигенции в епархиальных братствах в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века **109**

С.Н. Брежнева
Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением **113**

Е.П. Ермачкова
Противораскольническая деятельность Русской Православной церкви в Сибирской провинции на рубеже XIX–XX вв **118**

Скотони Джорджо Ренато
Католический вариант «войн цивилизации»: вклад клерикальной идеологии в фашисткую антисоветскую пропаганду **124**

А.Г. Алятина, Н.А. Дегтярева
Роль местных и распределительных эвакуационных пунктов в системе госпитального лечения в 1941–1945 гг. (на примере госпиталей Южного Урала) **128**

В.П. Пашин
Органы контрразведки «Смерш» в Курской битве **133**

А.С. Захов
Россия и Украина: становление приграничного сотрудничества после распада СССР (1991–1994 гг.) **137**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

К.Н. Лобанов, Е.А. Погонина
Слобожанский край и его политико-стратегические возможности в контексте развития российской государственности и евразийской интеграции **143**

Л.С. Половнева
Теоретико-концептуальные подходы к анализу взаимодействия групп интересов и государства в политическом процессе **151**

С.О. Лебедева, И.Ю. Лясина, Р.В. Соколов
Особенности электората ведущих политических партий современной России (по итогам социологического исследования в г. Волжском Волгоградской области) **157**

К.А. Лотарев
Консервативное мировоззренческое кредо Ф.М. Достоевского в аспекте безнравственности и ошибочности революции **162**

В.В. Огнева
ЕАЭС: противоречивая поступь интеграции **168**

Ф. Руми, А.С. Матвеев
Возможности использования Россией «мягкой силы» для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях **173**

О.А. Харина
Неореалистический подход к анализу конфликтных отношений в «треугольнике» Пакистан – Индия – Китай **178**

Е.С. Задворная
Конструирование идентичности Республики Корея в регионе Северо-Восточная Азия **184**

В.А. Смирнов
Проблемы взаимодействия формальных и неформальных институтов в странах Прибалтики **190**

Сведения об авторах **198**

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2016

№ 1 (222), Issue 37
March 2016

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Belgorod State University Scientific Bulletin
History Political science

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология

Founder:
Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod State National Research University»

Publisher:
Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House
Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-63054
September 10, 2015

Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief
O.N. Polukhin,
rector of Belgorod State National Research University, doctor of political sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief
I.S. Konstantinov,
vice-rector on scientific and innovative work of Belgorod State National Research University, doctor of technical sciences, professor

Science Editor
V.M. Moskovkin,
professor of world economy department of Belgorod State National Research University, doctor of geographical sciences

Assistant Editors
O.V. Shevchenko,
deputy head of department of scientific and innovative activity of Belgorod State National Research University, candidate of historical sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series
V.A. Shapovalov,
vice-rector on distance and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief
N.N. Bolgov,
world history and international area studies department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatohin,
professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

CONTENTS

WORLD HISTORY

A.Yu. Khudaverdyan
Bioarchaeological approach in studying of the iron age population of Armenia **5**

N.I. Solovyanov
About cults of the roman cavalry **14**

K.V. Pimkov
On the features of some settlements of rural areas of the European Bosporus in the first century ad **16**

S.V. Yartsev
To the problem of the causes of roman defeatin the battle of Adrianople with the gothsin august 9th in 378 ..... **20**

A.V. Kobzeva
To the question about religious views of John Malalas **26**

A.V. Kurbanov
Unit of palestinian monastery and Justinian's legislation about monasticism (on example of the Abba Serid' monastery) **30**

M.M. Sinitsa, N.N. Bolgov
John the Lydian and his work «On months» **37**

P. Akopian
Sebeos's interpretation of the Byzantine empire **43**

F.M. Ramazanova
The turkish religious associations of Western Europe in the second half of XX century **47**

J.U. Komlyakova
Migration problems of the citizens of the of Central Asian countries to the United States **51**

A.K. Dudaiti
The Iraq war of 2003 and the position of the leading countries-members of EU **56**

Ts.M. Chikaidze, S.H. Soorkhaeva
Sino-American principles of mutual relations (con. 1970's - early 2010s.) ... **61**

N.I. Bystrizky
The second international conference «Virtual archaeology» **67**

RUSSIAN HISTORY

A.N. Bessudnov, A.A. Bessudnov
Lines of multidisciplinary studies of Palaeolithic sites in Divnogor'ye **73**

A.B. Pichugin
The role of the village of the XI – the beginning of the XIII centuries in the Volga Bulgaria history **82**

A.E. Grebenshchikov
The views of admiral A.S. Shishkov on the estates question in Russia **85**

A.V. Sakharov
The project to transformation to navigable condition the river Seim in the thirties of the XIX century (on materials of Kursk province) **90**

V.N. Shilov,
professor of the cultural and political studies department, doctor of philosophical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant
I.G. Onoprienko,
associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences

Members of Editorial Board:
M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Republic of Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member, russian academy of sciences; institute of history and archeology, russian academy of sciences (Ural Branch) (Ekaterinburg, Russia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in history (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Todorov, PhD in history, associate professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

Editor *A. Oberemok*

Page layout: *I.G. Onoprienko, L.P. Kotenko*

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 30.03.2016
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 24,9
Order 76
Price free
Circulation 1000 copies
Date of publishing: 31.03.2016

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House «Belgorod», Belgorod State National Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

S.E. Bocharova
Legislative regulation of trade fair organization's process in Tula province of XIX – early XX centuries **96**

S.P. Shapovalova, I.V. Istomina
Pre-marital relations in the peasant youth milieu in the second half of XIX – early XX cent. as reflected in folk chastushkas **101**

T.A. Veprenceva
The chrity activity off clergy intelligentsia in eparchy communities in the second half of XIX century and at the beginning of XX century in Russian province **109**

S.N. Brezhneva
Russian immigrants in Turkestan: problems of interrelation with the local population **113**

E.P. Ermachkova
Antidissident activity of Russian orthodox church in the Siberian province at the boundary of the XIX–XX centuries **118**

Scotoni Giorgio
The Catholic version of «civilization's war»: the contribution of clerical ideology to Fascist antisoviet propaganda **124**

A.G. Alyatina, N.A. Degtyareva
The role of local and distributive evacuation stations at the system of the hospital treatment in 1941–1945 (by the example of the Southern Ural hospitals) **128**

V.P. Pashin
Organs of counterintelligence «Smersh» in the battle of Kursk **133**

A.P. Zakhov
Russia and Ukraine: formation of border cooperation after collapse of the USSR (1991–1994) **137**

POLITICAL SCIENCE

K.N. Lobanov, E.A. Pogonina
Slobozhansky krai and its political and strategic opportunities in context of development of the russian statehood and the euroasian integration **143**

L.S. Polovneva
Theoretical and conceptual approaches to the analysis of interaction of interest groups and the state in the political process **151**

S.O. Lebedeva, I.U. Lyasina, R.V. Sokolov
Features of the elektorate of the leading political partiescontemporary Russia **157**

K.A. Lotarev
Conservative ideological credo of Fyodor Dostoyevsky in the aspect of immorality and falsity of the revolution **162**

V.V. Ogneva
The EEU is contradictory pace of integration **168**

F. Roomi, A.S. Matveev
Possibilities for using Russian «soft power» to overcome mistrust in the russian-iranian relations **173**

O.A. Harina
The neorealist approach to the analysis of conflict relations in the Pakistan – India – China «triangle» **178**

E.S. Zadvornaya
Republic of Korea identity construction in the Northeast Asia region **184**

V.A. Smirnov
Problems of interaction between formal and informal institutions in the Baltic states **190**

Information about Authors **198**

© Belgorod National Research University, 2016

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК: 930.26

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА АРМЕНИИ

BIOARCHAEOLOGICAL APPROACH IN STUDYING OF THE IRON AGE POPULATION OF ARMENIA

А. Ю. Худавердян
A.Yu. Khudaverdyan

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения,
Республика Армения, 0019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24

Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Republic of Armenia, 0019, Yerevan, Marshal Bagramyan Ave., 24

e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Общая оценка патологий в сериях эпохи железа с территории Севанского бассейна свидетельствует об адекватной адаптации населения к конкретным условиям среды. Переохлаждение организма на фоне хронических очагов стафилококковой и стрептококковой природы могло провоцировать воспаление среднего уха. Травмы свидетельствуют об агрессивном состоянии среды. Распространение маркеров эпизодического стресса указывает на систематичное воздействие негативных факторов среды. Индивиды, умершие в детском возрасте, испытывали наиболее сильные стрессы. Результаты получены на основе анализа результатов археологических раскопок.

Resume. Overall assessment of pathologies in a sites of Iron Age from the territory of Sevan basin indicates adequate adaptation to specific environmental conditions. Supercooling of organism could provoke inflammation of the middle ear. Injuries indicate about aggressive environmental conditions. Distribution of episodic stress markers indicates systematic the impact of negative environmental factors. Individuals who died in childhood, suffered the strongest stresses.

Ключевые слова: Армения, эпоха железа, железодефицитная анемия, криогенный стресс, эмалевая гипоплазия, пищевой стресс, травмы.

Key words: Armenia, Iron Age, iron deficiency anemia, cryogenic stress, enamel hypoplasia, nutritional stress, trauma.

В далеком прошлом, так же, как и в наши дни, человек испытывал негативное воздействие окружающей среды. Данное исследование впервые позволит нам провести генерализованный анализ последствий адаптации четырех дистанционно близких групп с территории Севанского бассейна Армении (Норадуз, Сарухан, Арцвакар, Кармир: раскопки А.С. Пилипосяна) с учетом их культурной и антропологической близости в условиях единой климатической зоны обитания. На этот период приходился пик палеоэкологического кризиса, который, несомненно, сказался на хозяйственной жизни населения.

Палеосейсмологические исследования зафиксировали поверхностный разрыв от сильного землетрясения, сместивший в двух местах каменную стену древнего поселения у побережья озера Севан, датированного XVII в. до н.э. [1] Землетрясение с Mw ≈ 7.3 [2] (магнитуда по величине вертикального смещения [3]) по своему разрушительному воздействию вполне могло оказать очень серьезное негативное воздействие на окружающую среду и на людей. Воздействия землетрясения могли быть как кратковременными (гибель людей, разрушения жилищ), так и длительными (сопро-

[1] Karakhanian A., Djrbashian R., Trifonov V., Philip H., Arakelian S., Avagian A. Holocene-historical volcanism and active faults as natural risk factor for Armenia and adjacent countries // Journal of Volcanology and Geothermal Research, 2000. Vol. 113. No 1. P. 319–344.

[2] Mw = 6.9 – спитакское землетрясение 1988 г.

[3] Wells D.L., Coppersmith K.J. New empirical relationships among magnitude, rupture length, rupture width, rupture area, and surface displacement // Bulletin of the Seismological Society of America. 1994. Vol. 84. № 4. P. 974–1002.

вождающие землетрясения изменения водного режима, извержения вулканов, миграции населения, эпидемии). Это обстоятельство позволяет нам с большей уверенностью говорить о значительном влиянии неблагоприятных внешних факторов.

Палеоантропологические материалы были раскопаны в 1979-1989 гг. и состоят из 71 индивида: мужчин – 38, женщин – 21, детей – 10 и 2 – неопределенного пола. Эти коллекции хранятся в кабинете антропологии Института археологии и этнографии НАН РА. При анализе антропологических материалов серий были использованы традиционные методы антропологии и палеопатологии [4]. Определение пола проводилось по останкам половозрелых индивидов с учетом развития морфологических особенностей черепа [5]. При оценке возраста взрослых учитывались облитерация швов черепа [6], стертость моляров [7]. Возраст детей указывался коротким интервалом (1–2 года), благодаря более точной оценке состояния закладок зубных коронок и/или выхода молочных или постоянных зубов [8].

Программа исследования предусматривала регистрацию показателей состояния здоровья зубочелюстной системы (травматических повреждений и скорости стирания зубов, torus palatinus, кариеса, зубного камня, пародонтита, прижизненной утраты зубов), а также эмалевой гипоплазии. Кроме того, учитывалось наличие маркеров анемии (cribra orbitalia, поротического гиперостоза), воспалений, а также травматических повреждений костей черепа.

1. *Элементы биологической адаптации.*

При неблагоприятных условиях обитания, связанных как с некоторыми природными, так и социальными факторами, значительно повышается число различных заболеваний. Общая картина заболеваемости в сериях может косвенным образом указывать на неблагоприятную обстановку или специфическую среду обитания исследуемых популяций.

Cribra orbitalia в большинстве случаев ассоциируется с железодефицитной анемией[9]. Но этиология возникновения поротического гиперостоза и гиперостоза орбит множественна. Физиологический статус, половые и возрастные особенности также являются важным фактором в возникновении железодефицитных нарушений[10]. Возникновение анемии происходит, если уровень железа уменьшается, чему могут способствовать следующие факторы: неправильная диета, затруднения организма, связанные с усвоением и переработкой пищи, окружающая среда и образ жизни. Нехватка железа в организме также может быть связана с паразитарными инвазиями и развитием неспецифических инфекций[11]. Регистрация этого признака на останках взрослых людей свидетельствует о перенесенном в детском возрасте заболевании.

Могильник Норадуз. Для определения cribra orbitalia в норадузской серии черепов пригодными оказались 32 из 36 (табл. 2). Из этого числа в той или иной степени развития он зафиксирован в 14 случаев, что составляет около 44%. Это значение следует отнести к разряду высоких. Из 17 мужских черепов признак отмечен у восьми (около 47%), из восьми женских – у двух (25%). Встречаемость маркера у взрослых мужчин и женщин разная, что говорит о различных условиях жизни обоих полов в этой древней популяции. Из десяти просмотренных детских черепов признак отмечен у четырех, что составляет 40%. Таким образом, практически нет расхождений между показателями во взрослой и детской частях палеопопуляции. Во всей серии преобладает слабое развитие cribra orbitalia (балл 1), балл 2 определен в трех случаях во взрослой части и в одном – в детской. Встречаемость маркера у мужчин в различных возрастных группах примерно стабильна и пропорциональна общей численности индивидов в каждой из них. Следует отметить, что в возрастных группах от 5 до 20 лет признак не обнаружен.

На палеоантропологическом материале признаки анемии фиксируются также в виде поротического гиперостоза на лобной, теменных и затылочной костях. Для определения признака в серии черепов пригодными оказались 33. Поротический гиперостоз выявлен только у 20 индивидов (табл. 3), что составляет около 60%. Из 17 мужских черепов признак отмечен у восьми (около 47%), из восьми женских - у четырех (50%). Таким образом, встречаемость маркера у взрослых мужчин и женщин практически одинаковая. Из десяти просмотренных детских черепов признак отмечен у восьми, что составляет 80%. Даже при такой малочисленной выборке вряд ли стоит объяснять расхождение показателей во взрослой и детской частях популяции только случайными

---

[4] Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture / Edited by M.N. Cohen, G.J. Armelagos. New York. Academic Press. 1984. P. 13-49; Goodman A.H., Armelagos G.J. Infant and Childhood Morbidity and Mortality Risks in Archaeological Populations // World Archaeology. 1989. No 21(2). P. 225-243.

[5] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия (методика антропологических исследований). М., 1964. С. 29-40; Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. P. 18.

[6] Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 68. No 1.

[7] Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique // American Journal of Physical Anthropology. 1979. Vol. 51.

[8] Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains. Arcansas. 1994. P. 18.

[9] Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Smithsonian Contributions to Anthropology. Vol. 28. Washington. Smithsonian Institution Press, 1981. P. 27.

[10] Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. Ibid. P. 35.

[11] Larsen C.S. Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge: University Press, 1997. P. 78.

причинами. Вероятно, индивиды, умершие в детском возрасте, испытывали наиболее сильные стрессы.

Сборная краниологическая серия из могильников IX–VIII вв. до н. э. Из-за малочисленности серии Сарухан, Арцвакар и Кармир были объединены. В сборной краниологической серии сохранность материала позволила оценивать cribra orbitalia у 26 черепов (из 33) (табл. 2). В среднем частота встречаемости маркера составляет 57,7% (15 случаев), что можно квалифицировать как высокую величину. Это указывает на некоторую напряженность адаптационных реакций в группе. Максимальная частота встречаемости отмечена в мужской части палеопопуляции: из 11 мужских черепов признак присутствует у 7 (около 64%). У женщин cribra orbitalia встречается реже: из 15 женских - у восьми (около 54%), в возрастных группах 30 и старше данный показатель выше. Во всей серии преобладает слабое развитие cribra orbitalia (балл 1), балл 2 определен в двух случаях у женщин. В целом стрессовые нагрузки, судя по этому индикатору, были чрезвычайно велики.

Для сравнения приведем сводные данные из других могильников эпохи железного века (Лори Берд, Ширакаван): частота встречаемости cribra orbitalia не превышает в группах Ширакаван 42,9% и Лори Берд 42,5%[12].

Поротический гиперостоз на лобной, теменных и затылочной костях фиксируется у 34 индивидов (табл. 3), что составляет 67,7%. Из 21 мужского черепа признак отмечен у одиннадцати (около 53%), из 13 женских - у девяти (около 69%).

Вероятно, различные бактериальные, грибковые, паразитарные инфекции, проникая в организм, вызвали физиологическую реакцию, требующую затрат значительных объемов железа, что и провоцировало в целом снижение его уровня в организме.

2. *Следы криогенного стресса*

Известно, что при охлаждении отдельных участков тела происходит расширение периферических кровеносных сосудов. Поражение (типа cribra) области наружных слуховых проходов представляет собой результат адаптации организма к ветреным условиям.

Могильник Норадуз. В норадузской серии пригодными для оценки следов cribra в области наружных слуховых проходов оказались 33 черепа (табл. 4). Признак зафиксирован у 26 индивидов (около 79%) – это очень высокий показатель. Максимальная частота встречаемости отмечена у взрослых индивидов: на всех 15 мужских и 8 женских черепах признак присутствует. Изменчивость маркера в различных группах взрослых мужчин и женщин позволил обнаружить увеличения данного показателя после 50 лет. Из десяти обследованных детских черепов только у трех были следы холодового стресса. Детские черепа – со слабыми проявлениями признака. Основным выводом можно считать то, что холодовый стресс в большей степени испытывали мужчины и женщины, нежели дети.

Частое переохлаждение организма приводило к различным инфекционным заболеваниям. Косвенным доказательством этого могут быть случаи мастоидита у двух индивидов.

В ушных каналах у всех обследованных взрослых индивидов отмечается наличие оссеофитных образований (экзостозы) (рис. 1). Они представляют собой опухоли остеобластического происхождения, в виде бесформенных масс. Появление экзостозов связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале. Корреляция, обнаруженная между поражениями cribra в области наружных слуховых проходов и оссеофитными образованиями, не может быть случайной. Данный феномен, видимо, объясняется специальным родом деятельности людей, проживавших на территории Севанского бассейна Армении, которая была связана с постоянным пребыванием на холодном воздухе. Это явное свидетельство того, что первостепенное значение для обитателей побережья оз. Севан имела рыбная ловля. Рыбный промысел играл не менее важную роль, чем земледелие и животноводство, ибо он не требовал больших физических усилий и особых навыков. Таким способом добыть себе пропитание могли женщины, подростки и пожилые люди. Этот вид получения ценной белковой пищи чрезвычайно важен как в социальном (более независимое и благополучное положение женщин, подростков, людей пожилого возраста), так и в хозяйственном (малые затраты энергии) плане.

Сборная краниологическая серия из могильников IX–VIII вв. до н. э. Оценить последствия холодового стресса можно было на 13 мужских, 16 женских черепах из могильников эпохи освоения железного века (табл. 4). Частота встречаемости следов cribra в области наружных слуховых проходов у взрослых женщин – 68,75%, у мужчин – 92,30%. Как нетрудно заметить, популяция, оставившая норадузский могильник, значительно более была подвержена холодовому стрессу, чем объединенная группа эпохи железного века. В остальном же тенденции одни и те же, а именно: более высокие частоты встречаемости в старшей возрастной группе; наличие корреляции между поражениями cribra в области наружных слуховых проходов и оссеофитными образованиями; случаи мастоидита.

[12] Худавердян А.Ю. Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения): по данным палеоантропологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 72–85.

3. *Маркер эпизодического стресса (эмалевая гипоплазия)*

Появление линейной эмалевой гипоплазии связано с воздействием неблагоприятных факторов среды (белковой и витаминной недостаточности питания, острых инфекционных заболеваний), которые поражают организм в детском возрасте, в период формирования коронок постоянных зубов. Признак возникает в результате прерывания ростовых процессов.

Могильник Норадуз. Сохранность краниологического материала определила численность выборки для оценки этого маркера – 20 (табл. 5). Эмалевая гипоплазия, чаще слабо или средне выраженная. Из двух подростков со сформированными коренными зубами, погребенных в норадузском могильнике, у одного имелся признак гипоплазии эмали, из восьми захороненных здесь мужчин маркер был у 3-х (37,5%), из 10 женщин – у двух (20%). Низкая встречаемость признака на костях детей вероятнее всего связана с плохой сохранностью костного материала и с тем обстоятельством, что у большей части исследованных детей возраст на момент смерти составлял от 1 до 3,5 года.

Наличие у шести индивидов, как правило, нерезко выраженной множественной эмалевой гипоплазии, отражающей воздействие частого, но не сильного физиологического стресса, было обусловлено сезонными колебаниями в поступлении пищевых ресурсов.

Сборная краниологическая серия из могильников IX–VIII вв. до н. э. Оценить последствия маркера эпизодического стресса можно было на 10 черепах. Для взрослых мужчин и женщин встречаемость эмалевой гипоплазии составляет 50% (табл. 5). Из четырех захороненных здесь мужчин, маркер был у 3-х (75%), из шести женщин – у 2-х (33,34%). Малая численность серии не позволяет считать разницу в частоте встречаемости достоверной.

Таким образом, для изученных серий с территории Армении характерны высокие показатели суммы стрессов детства. При сравнении частоты встречаемости эмалевой гипоплазии у исследованного населения с другими синхронными группами с территории Ширакской равнины и плато Ташратап (Ташир-Дзорагете) оказалось, что аналогичные частоты наблюдаются и там (Ширакаван: 35,3%, Лори Берд 64,3%)[13].

4. *Травмы*

Травмы являются результатом экстремального влияния внешних факторов. Эти факторы весьма многочисленны: воздействие природных условий, риски при выполнении работ, целенаправленные действия других людей и т.д. Количественные данные по травматизму отражают уровень благополучности общества. Наиболее характерными патологическими проявлениями в изученных группах являются травмы разного рода: их можно разделить условно на три группы:

1) травмы черепа;

2) травмы зубов;

3) травмы конечностей.

Травмы черепа: в *норадузской серии* повреждения были зафиксированы на 17,65% черепов. У мужчин доля пораженных черепов составляет 31,25% (n=16), у женщин – 11,12% (n=9). В норадузской выборке тупые травмы отмечены только у мужчин. Это зажившие переломы в теменной области с левой стороны (пог. 21а, пог. 18/1), с правой стороны (пог. 3/1) и на лобной кости (пог. 19/1а), в виде вмятин с неровными краями. Кроме этого, сюда относится еще случай отсечения головы у женщины из погребения 21-8[14].

В *сборной краниологической серии из могильников IX-VIII вв. до н. э.* доля пораженных черепов составляет 19,36%. Из 11 захороненных здесь мужчин, импрессионные переломы черепа (Сарухан, пог. 2: на лобной кости; пог. 12: на лобной кости и в теменной области с левой стороны; Арцвакар, пог. 5: на лобной кости, пог. 1: в теменной области с правой стороны) были у 4 (36,37%), из 20 женщин – у 1 (5%; вмятина над левой глазницей). Еще один случай травмы черепа: отсечение головы у женщины из могильника Кармир[15]. Случаи захоронения черепов со следами декапитации в эпоху железа зафиксированы в могильнике Ширакаван[16].

Количество поврежденных мужчин ожидаемо превышает количество травмированных женщин, но в данном случае разница статистически недостоверна.

Травматические повреждения зубов (pressure chipping) у погребенных регистрировались как легкие (мелкие сколы эмали в пределах 1–3 мм). Чаще всего регистрируются на мезиальных резцах и первых премолярах. В детском и юношеском возрасте травмы зубов не выявлены. Из 14 взрослых из могильника Норадуз зубной травматизм фиксируется у четверых. Количество травмированных зубов у мужчин существенно меньше, чем у женщин (12,5% против 50%). В сборной краниологической серии из могильников IX–VIII вв. до н. э. признак зарегистрирован у 18,19% индивидов (n=11). Травмы зубов наблюдались только у двух женщин. Происхождение зубных травм в изученных группах остается неясным, однако предполагается, что они были связаны с раз-

[13] Худавердян А.Ю. Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Способы обращения… С. 77.

[14] Khudaverdyan A.Yu. Decapitations in Late Bronze Age and Iron Age sites from Sevan region (Armenia) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2014. Vol. 7. № 9. P. 1555–1566.

[15] Там же. P. 1558.

[16] Худавердян А.Ю. Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Способы обращения… С. 77.

грызанием костей при извлечении костного мозга. Кости животных представляются наиболее вероятным источником зубного микротравматизма у населения.

Обширный патологический процесс деформировал кости правой голени у индивида из могильника Арцвакар (пог. 2) в верхней и нижней трети (рис. 2) и привел к образованию синостоза между берцовыми костями, развитию деформирующего артроза. Синостоз нарушил биомеханику голеностопного сустава, ограничивая объем движений. Это могло произойти задолго до смерти и сопровождаться хромотой индивидуума.

5. *Доброкачественные опухоли*

На исследованных материалах были зафиксированы остеомы различных размеров – множественные и одиночные. Известно, что все доброкачественные опухоли, достигнув определенной величины, прекращают или сильно замедляют свой рост. Согласно данным некоторых исследователей, этот признак может передаваться по наследству[17]. По мнению А.В. Русакова, образование остеом может быть следствием каких-либо нарушений скелетогенной мезенхимы.

По нашим данным *в норадузской группе* частота встречаемости этого признака у мужчин составила 25% (n=16), а у женщин 30% (n=10). Для взрослых мужчин и женщин встречаемость признака составляет 26,93% (n=26). Чаще остеомы у погребенных обнаружены на теменных костях (мужчины: пог. 9, пог. 3/1, женщины: пог. 24, пог. 21/3). Признак фиксируется также на лобной (мужчина: пог. 18) и затылочной (мужчина: пог. 45) костях. На детских и юношеских краниумах остеомы не выявлены. Достаточно большой процент встречаемости этого признака указывает на тесные кровнородственные связи в группе.

В *сборной краниологической серии из могильников IX–VIII вв. до н. э.* остеомы различных размеров зафиксированы у семи индивидов (22,59%, n=31). Из 10 захороненных здесь мужчин, маркер был у одного (10%), из 21 женщины – у шести (28,58%). Остеомы обнаружены на теменных костях (Сарухан: пог. 12 мужчина 50–55 лет; Арцвакар: пог. 2: женщина 30–35 лет, пог. 1: женщина 40–45 лет; Кармир: пог. 3: женщина 30–35; пог. 2: женщина 50 лет) и на затылочной (Кармир: пог. 1: женщина 25–30 лет; пог. 2: женщина 50–55 лет). В группе из Кармира признак зафиксирован у четверых (из 8) индивидов: возможно, что они были родственниками. По отчетам раскопок известно, что двое были захоронены в одном одиночном кургане, двое – в разных, но расположенных недалеко друг от друга.

Челюстные экзостозы имеют сложную этиологию и определяются как генетическими, так и средовыми факторами. К первоочередным средовым факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, относят жевательную гиперфункцию. В норадузской серии ореховидные вздутия на небе (torus palatinum) были зафиксированы на 50% черепов. У мужчин признак составляет 44,45% (n=9), у женщин – 57,15% (n=7). В сборной краниологической серии из могильников IX–VIII вв. до н. э. валики были зафиксированы на 21,53% черепов (у мужчин 16,67%, n=6, у женщин 25%, n=8). Небольшая численность выборок не позволяет считать разницу в частоте встречаемости достоверной.

6. *Воспалительные процессы*

У девяти индивидов (Норадуз: пог. 1/1, мужчина 55–60 лет, пог. 21/5, мужчина 30–35 лет; Арцвакар: пог. 9, женщина 20–25 лет; пог. 7, женщина 30–35 лет; Сарухан: пог. 8, мужчина 16–19 лет, пог. 4, женщина 50–55 лет, пог. 2, мужчина 55–60 лет, пог. 9, женщина 20–25 лет; Кармир: мужчина 50–55 лет) фиксируются острые гнойные воспаления сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). Воспаление ячеек сосцевидного отростка чаще является осложнением острого гнойного воспаления среднего уха. Мастоидит может возникнуть в результате травмы или при сепсисе, вызывается микроорганизмами – стафилококками, стрептококками, вирусами и грибами. На развитие заболевания оказывали влияние различные неблагоприятные факторы (в частности, холодовый стресс), воздействующие на организм и ослабление общей реактивности организма.

На затылочной кости у двух мужчин (Норадуз, пог. 1/3, 40–45 лет; Кармир, пог. 2, 30–35 лет) и одной женщины (Арцвакар, пог. 2, 30-35 лет) есть свидетельства абсцесса головного мозга, что согласуется с диагнозом туберкулеза (Walker et al., 2004).

Следы одонтогенного остеомиелита (альвеолярный абсцесс) независимо от половой принадлежности, имеют 31,25% черепов из могильника Норадуз. Из девяти захороненных здесь мужчин, маркер был у трех (%), из семи женщин – у двух (%). В сборной краниологической серии (Арцвакар, Сарухан, Кармир) альвеолярный абсцесс фиксируется у 53,85% черепов (мужчин 50%, женщин 57, 15%).

Признаки локального *пародонтита* встречаются у 17,65% норадузского населения независимо от пола. Из восьми захороненных здесь мужчин, маркер был у двух (25%), из девяти женщин – у одной (11,12%). В сборной краниологической серии маркер обнаружен у 23,08% индивидов (мужчины 16,17%, женщины 28,58%). Помимо воспалений[18], причиной развития пародонтита, как

[17] Русаков А.В. Патологическая анатомия болезней костной системы. Введение в физиологию и патологию костной ткани. М., 1959. С. 46.

[18] Levin R.P. How treating the patient with diabetes can enhance your practice: recommendations for practice management // Journal of the American Dental Association. 2003. No 134. P. 495-535.

известно, могут служить такие факторы, как дефицит витамина С, белковая недостаточность, зубной камень[19].

7. *Состояние зубной системы*

На зубах (верхней челюсти) у трех индивидов (20%, n=15) из могильника Норадуз отмечается *патологическая стертость* зубной ткани, вызванная, очевидно, ненормированной нагрузкой на зубочелюстной аппарат. Преждевременное стирание эмали и дентина могло быть обусловлено и диетой с использованием жесткой и грубоволокнистой пищи. Признак фиксируется только у мужчин (регистрируется на P^1, M^1, M^2). В сборной краниологической серии из могильников IX-VIII вв. до н. э. патологическая стертость зубной ткани отмечена у двух индивидов (25%, мужчины: 20%, женщины: 33,34%).

У 13 взрослых субъектов, небольшие кариозные полости имели только два моляра двух женских черепов (Сарухан, пог. 13; Арцвакар, пог. 8) и одного премоляра на женском черепе (Арцвакар, пог. 9). Появление кариеса зависит от целого ряда факторов, однако ведущим среди причин является питание. При диете с высоким содержанием белков риск появления кариеса существенно снижается. В группе Норадуз признак не встречается.

Прижизненная утрата зубов в исследованной норадузской выборке регистрируется как у мужчин (25%), так и у женщин (30%) (общая частота независимо от пола равна 27,78%). В сборной краниологической серии (Арцвакар, Сарухан, Кармир) признак встречается у 42,86% мужчин и 66,67% женщин (общая частота равна 53, 85%).

Отложение *зубного камня* встречается у 86,67% (n=15) норадузского населения независимо от пола. У данного населения признак фиксируется с 2–2,5 лет. В сборной краниологической серии отложение зубного камня регистрируется у 72,73% индивидов. Известно, что витамин А, кальций и углеводы стимулируют образования зубного камня[20]. Судя по имеющимся данным, широкое распространение зубного камня было характерно в целом для местных популяций эпохи железа[21].

Итак, при помощи оценки уровня здоровья в сериях и анализов маркеров физиологического стресса мы предлагаем следующие выводы:

1. Исследованные палеопопуляции – небольшие общины, занимающие земледелием, скотоводством и рыбным промыслом. Они имели сходные черты биологической адаптации и близкие показатели здоровья, что обусловлено их общей хозяйственно-экономической основой.

2. Переохлаждение организма на фоне хронических очагов стафилококковой и стрептококковой природы могло провоцировать воспаление среднего уха.

3. Выявлена разница в распространении травм на черепе и скелете: почти все случаи были зарегистрированы в мужской выборке. Это травмы с повреждением костей черепа и зажившим ранением голени, безусловно, свидетельствуют о более агрессивном состоянии среды, в которой обитали мужчины в силу своих ежедневных занятий. У двух женщин отмечены следы декапитации. Характерной особенностью состояния зубной системы исследованных выборок является сравнительно высокий уровень травматических повреждений непреднамеренного происхождения у женщин. Кости животных представляются наиболее вероятным источником зубного микротравматизма в группах.

4. Распространение такого маркера эпизодического стресса, как эмалевая гипоплазия, указывает на систематичное воздействие негативных факторов среды (инфекции, паразиты, периоды голодания).

5. Широкое распространение одного из индикаторов диеты (зубного камня) и отсутствие кариеса у мужчин указывает на вязкую еду, возможно, белкового происхождения. Наравне с этим у некоторых мужчин из могильника Норадуз отмечена более выраженная тенденция преждевременной стертости жевательной поверхности коронок зубов, что может свидетельствовать об отличиях в характере питания этих мужчин из-за употребления твердых и волокнистых продуктов (в частности, слабо проваренного жесткого мяса).

6. Выявленные маркеры стресса можно расценивать как комплекс адаптивных реакций, способствующих повышению устойчивости организма к внешним воздействиям.

---

[19] Clarke N.G. Periodontal Defects of Pulpal Origin: Evidence in Early Man // American Journal of Physical Anthropology. 1990. Vol. 82. P. 371-376.

[20] Stanton G. The Relation of Diet to Salivary Calculus Formation // Journal of Periodontology. 1969. No 40(3). P. 167-172.

[21] Худавердян А.Ю. Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Способы обращения ...

Таблица 1.
Table 1.

Половозрастная структура серий из могильников эпохи освоения железа Армении
Gender and age structure of the series of mounds of iron era of development of Armenia

Серии	0-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60+	суммарно
Норадуз XI-VI вв. до н.э.							
Мужчины	1	2	3	4	3	4	17
Женщины	2	2	1		2	1	8
неопределенный	10		1				11
Сарухан IX-VIII вв. до н.э.							
Мужчины	1		2	1	3	1	8
Женщины			2		1	1	4
Кармир IX-VIII вв. до н.э.							
Мужчины		1	1			1	3
Женщины		1	3	1			5
Арцвакар IX-VIII вв. до н.э.							
Мужчины				6	1	2	10
Женщины		1	1		2	1	4
неопределенный				1			1
суммарно	14	7	11	13	13	11	69

Таблица 2.
Table 2.

Частоты встречаемости cribra orbitalia в сериях с территории Армении
The frequencies of occurrence *cribra orbitalia* in the series from the territory of Armenia

Серии	0–4	5–6	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50– более
Норадуз								
Мужчины					2	2	1	3
Женщины						1		1
неопределенный	4							
Сарухан								
Мужчины				1				3
Женщины						1		1
Кармир								
Мужчины								
Женщины					1	1		1
Арцвакар								
Мужчины							2	1
Женщины					1			2

Таблица 3.
Table 3.

Частоты встречаемости поротического гиперостоза в сериях с территории Армении
The frequencies of occurrence porotic hyperostosis in a series from the territory of Armenia

Серии	0–4	5–6	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50– более
Норадуз								
Мужчины					1	2	2	3
Женщины					2	1		1
неопределенный	4	4						
Сарухан								
Мужчины				1		1	1	
Женщины						2		1
Кармир								
Мужчины						1		1
Женщины					1	3	1	1
Арцвакар								
Мужчины						1	4	1
Женщины					1			2

Таблица 4.
Table 4.

Частоты встречаемости cribra в области наружных слуховых проходов в сериях с территории Армении
Cribra frequency of occurrence in the external ear canal in a series from the territory of Armenia

Серии	0–4	5–6	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50– более
Норадуз								
Мужчины				1	2	3	4	5
Женщины				2	2	1		3
неопределенный	1	2						
Сарухан								
Мужчины				1				4
Женщины					1	1		1
Кармир								
Мужчины					1			1
Женщины				1	2		1	
Арцвакар								
Мужчины						3	1	1
Женщины					1	1	2	

Таблица 5.
Table 5.

Частоты встречаемости линейной эмалевой гипоплазии в сериях с территории Армении
The frequencies of occurrence of linear enamel hypoplasia in the series from the territory of Armenia

Серии	0–4	5–6	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50–более
Норадуз								
Мужчины					1			2
Женщины					1	1		
неопределенный				1				
Сарухан								
Мужчины								
Женщины						1		
Кармир								
Мужчины						1		
Женщины								
Арцвакар								
Мужчины					1		1	
Женщины								1

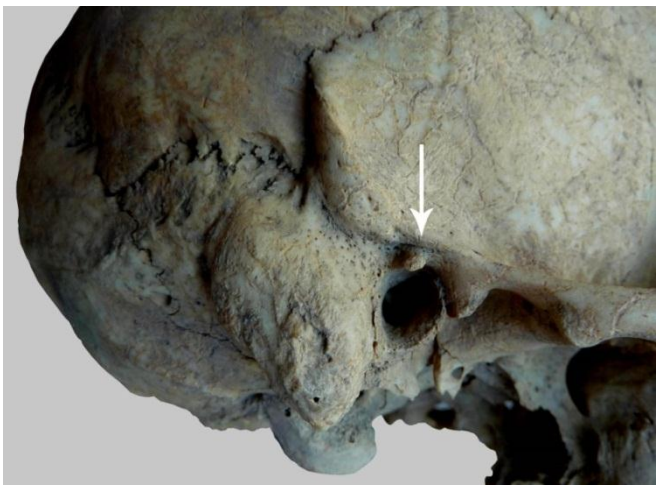

Рис. 1. Наличие оссеофитных образований (экзостозы) из могильника Норадуз.
Fig. 1. Availability osseofitnyh formations (exostosis) from burial Noraduz.

Рис. 2. Кости правой голени у индивида из могильника Арцвакар (пог. 2) в верхней и нижней трети

Fig. 2. Bones of the right tibia of an individual burial Artsvakar (cake. 2) at the top and bottom third

Рис. 3. Кости правой голени у индивида из могильника Арцвакар

Fig. 3. Bones of the right tibia of an individual burial Artsvakar

УДК 937. 07

О КУЛЬТАХ РИМСКОЙ КАВАЛЕРИИ

ABOUT CULTS OF THE ROMAN CAVALRY

Н.И. Соловьянов
N.I. Solovyanov

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660077, г. Красноярск, ул. Взлетная, 20,

Krasnoyarsk state pedagogical university name V. P. Astafiev
660077 г. Krasnoyarsk, Vzletnaya str., 20

e-mail: nikolai_solovyanov@mail.ru

Аннотация. Начиная со времени после Пунических войн в римской армии все чаще основной частью конницы были галльские кавалеристы, единообразно вооруженные и организованные в подразделения, именовавшиеся «алы» («крылья») под руководством префектов из римлян. Особенно характерным это явление стало для времени принципата. Используя разнообразные эпиграфические материалы, автор настоящей статьи предлагает очерк истории культов римской кавалерии. Наряду с римскими богами, в пантеоне достаточно широко присутствовали и варварские.

Resume. After Punic wars by more often main part of cavalry of the time of Principat were a gallic cavalrymen, uniform armed and organized in scarlet under the direction of prefect from Romans. Especially characteristic of this phenomenon was the time for the principality. Using a variety of epigraphic materials, the author of this article offers a survey of the history of the Roman cavalry cults. Along with Roman gods in the pantheon of widely attended and barbaric.

Ключевые слова: римская армия, кавалерия, культы кавалерии, религия римской армии.
Key words: roman army, cavalry, cults to cavalries, religion to roman army.

Римская цивилизация представляет большой интерес с точки зрения воплощенного в ней исторического опыта. Она имеет обширную документальную источниковую базу, а поэтому давно остается в центре внимания исследователей.

С конца XIX в. изучение ее военной истории развивается наиболее динамично. Источниковая база для этих исследований постоянно, можно даже сказать ежедневно, пополняется за счет новых **эпиграфических** открытий. Историки все больше внимания обращают на жизненные темы, такие как культурная и идеологическая роль армии, прежде всего в провинциях римской державы.

С момента своего основания Рим был обречен на ведение войн как оборонительных, так и наступательных. Вопрос об основании Города (Urbs) в мировой историографии остается открытым. Если отвлечься от легендарной версии в сторону археологических и исторических реалий, то ситуация предстает примерно в таком виде.

В связи с активизацией эллинской колонизации в Западной части Средиземноморья, освоением переселенцами южной Италии и Сицилии, возникла угроза морского вторжения эллинов в Этрурию через устье Тибра. Именно в связи с этим, на наш взгляд, этрусский военно-религиозный союз построил крепость в Лации, по археологическим данным «Рома квадрата», по всем правилам военной архитектуры, которой в Италии VIII в. до н. э. могли обладать только этруски. Позднее, после разгрома этрусского союза кельтами (галлами) в VI в. до н. э., римляне освободились от власти этрусков и приступили к завоеванию окружающих их земель.

К концу II в. до н. э. Рим превратился в «мировую державу», захватив Италию (IV в. до н. э.), Западное Средиземноморье и Северную Африку (III в. до н. э.), а также Балканы и Восточное Средиземноморье (II в. до н. э.). После серии гражданских войн II-I вв. до н. э., став Империей, Римская держава продолжила захватнические воины и лишь в середине II в. н. э. вынуждена была перейти к обороне. А это все войны, войны и войны.

Римляне после Пунических войн чаще использовали не конницу из римских всадников и союзников-италийцев, а нумидийские, галльские, германские, испанские и прочие наемные отряды, или как отдельные части – алы (300—400 человек) или по 120 всадников в легионе.

Основной частью конницы времен принципата были галльские кавалеристы, единообразно вооруженные и организованные в алы под руководством префектов из римлян.

Ауксиларии — нумидийцы и некоторые другие - действовали по своим обычаям и своим оружием, но под руководством префектов. К примеру, нумидийцы славились как легкая кавалерия, метающая дротики и невероятно мобильная.

Галлы, иберы и германцы использовались как ударная конница и разведка.

В охране императора было от 1000 до 2000 всадников-батавов (Germani corporis custodes).

При Траяне появилась первая ала дромадериариев, а при Адриане – первая регулярная часть катафрактариев.

О сверхрелигиозности римского общественного сознания писали все древние авторы. В частности, Полибий отмечал: «Важнейшее преимущество римского государства состоит в воззрениях римлян на богов. То самое, что осуждается у других народов, именно богобоязнь, у римлян составляет основу государства. Оно у них облекается в столь грозные формы, что невозможно идти дальше в таком отношении» (Polyb. VI. 56. 6).

Далее здесь приводятся сакральные памятники воинов, служивших в римских кавалерийских частях в различных регионах империи и в разные хронологические периоды[1].

ILS. 2492. Retia. A. 444.

Imp. Caesari divi | Hadriani fil., div. Tr. | nepo., Tito Ael. Hadri|ano Antonino Aug. | Pio pontif. maximo | p. p., consul. III, tribun. | pot. IIII, Ala prima singularium pia fidelis civium Romanorum.

ILS. 2493 In Mauretaniae. A. 204.

Imp. Caesari | L. Septimio | Severo Pio | Pertinaci | Aug. Arab. Adia[b.] | Parth. maxim., | trib. potest. | VIIII, imp. XI, cos. III, | p. p., p[rocos.] | eq. alae I Aug. | Parth. | Antoninia[w]ae.

ILS. 2518. In Numidia.

Dis manibus | C. Iulius Dexter vet., mil. in ala | eq., ctir. turmae, armor. custos, signi|fer tur., milita. annos XXVI, dimis. emer. | honesta missione, duoviratu egit in col. | sua Thelepte, vixit an. LXXXV, hic crematus. | Tutia Tertia marita Iuli Dextri, vix. an. LXX, | hic cremata est.

ILS. 2520. In Britannia

(eques cum signo; sub eo hostis prostratus) dis manibus Flavinius eq. alae Petriana signifer | tur. Candidi, an. XXV | stip. VII, h. s.

ILS. 2524. Norici A. 238.

Victoriae | Aug. sac. | Fl. Tacitus | Singularis consularis aliae Aug., | Ael. Martius | Singularis consularis coh. I Ael. Brit. | pro se suisque omnibus| v. s. 1. 1. m. kal. Febr. Pio et Pontiano cos.

ILS. 2525. Untersaal ad Danuvium.

In h. d. d., | deo Mercu|rio, Fortunae re|duci. sacr., | M. Vir. | Marcellus Decurio alae primae Flaviae singularium Antoninianae. Singularis consularis. Praepositus kastris III De suo laetus Ubens merito Die Lunae, X kalendas Iunias, luna V.

ILS. 2527. Ad limitem Raetiae. A. 153.

Pro saluffe An]|tonini imp. [n.] | Mercurio sa|crum, FI. Rae|ticus optio | eq. al. Aurianae | v. s. 1. 1. m., | [Pr]aesent. et [Ruf]no cos.

ILS. 2536 Britannia.

Deae Vagdaver. Custi., Sim[p]li|cius Super dec. alae Vocontior. | exerci[t]uus Britannici.

ILS. 2540. Intercisa Pannoniae.

I. o. m. Barsemis Abbei | dec ala firma | katafractaria | exnumero Hos|roruorum, mag. | coh. milliaria Hemesenorum. | natione domo Carris [e]t | Aur. Iulia coniux | [et]us v. s. 1. m. | Aurelia Phicimim *(sic)* | [e]t Aurel. Asalia [e]t | filias *(sic)* Barsimia tit. | o. e. c s. s.

ILS. 2546. Romae.

I. o. m. Heliopolitano, vexillatio alae prima Augusta Iture|orum, praebe|ntibus Cla. | Rufino et Ur|sione, decuriones posuerunt.

Итак, мы видим посвящения римских кавалеристов императорам, высшим богам римского пантеона за здравие, благополучие и победы императоров и всего божественного дома, а также иноземным богам: германской богине Вакдавере, Юпитеру наилучшему высочайшему Барсемийскому и Юпитеру наилучшему высочайшему Гелиополитанскому, и, наконец, богам подземного царства Манам на надгробиях.

[1] По изд.: Desau H. Inscriptiones Latinae Selectae (ILS). Vol. I–IV. Ed. 2. Berolini, 1954–1955.

УДК 94 (3)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

ON THE FEATURES OF SOME SETTLEMENTS OF RURAL AREAS OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE FIRST CENTURY AD

К.В. Пимков
K.V. Pimkov

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026 г. Тула, ул. Ленина, 125

Tula State Pedagogical University name L. Tolstoy, 125, St. Lenin, Tula, 300026

e-mail: kirrussia@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы пространственной структуры поселений сельской хоры Европейского Боспора. Всесторонний анализ различных групп источников позволяет выявить общие черты и отличия памятников Керченского полуострова. Исходя из местоположения рассматриваемых поселений, данных об их благоустройстве, высказывается предположение о функциональном значении рассматриваемых крепостей. Основные характерные черты изучаемых памятников отражены в сводных таблицах.

Resume. The article discusses the current issues of the spatial structure of rural settlements choirs European Bosporus. A comprehensive analysis of different groups of sources to identify common features and differences monuments of the Kerch Peninsula. Based on the location of the settlement, the data on their improvement suggests the functional significance of fortresses. The main characteristics of the monuments reflected in the summary tables.

Ключевые слова: римская армия, кавалерия, культы кавалерии, религия римской армии.
Key words: roman army, cavalry, cults to cavalries, religion to roman army.

Проблема структуры сельской территории Европейского Боспора в первые века нашей эры, а именно вопросы, связанные с обликом отдельных поселений, организацией пространства внутри населенных пунктов, строительством сети крепостей, занимают особое внимание историков-боспороведов.

Античная письменная традиция сохранила, по крайней мере, 28 наименований населенных пунктов, которые территориально должны быть отнесены к Керченскому полуострову[1]. Однако следует отметить, что раскопки сегодня затронули далеко не все поселения. Из рассматриваемых памятников почти полностью исследованы Илурат, Киммерик и Ново-Отрадное городище, систематические раскопки продолжаются на Артезиане и Белинском, частично исследовано Ново-Николаевское городище. Тем не менее, имеющийся материал позволяет судить о структуре поселения и делает возможным моделирование типичного памятника сельской хоры Европейского Боспора.

Местоположение всех рассматриваемых нами поселений, в значительной степени, обусловлено ландшафтом местности. Городища расположены на возвышенности, одна, а иногда и две из сторон защищены естественным барьером, например, Белинское или Артезиан, что соответствует римской архитектурной традиции. Рядом с поселением мог располагаться источник пресной воды, как р. Аджиэль на Белинском. Вокруг городища находились зольники, как правило, один из них располагался напротив въезда в поселение. Их функция, скорее всего, сакрально-защитная[2]. За оборонительными стенами создавались рвы – глубина до 3 м, ширина до 10 м. Сами оборонительные стены были достаточно мощными: толщина от 1 м на Савроматии[3] до 2,4 м на

[1] Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 239.

[2] Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых вв. н.э. (По материалам городища «Белинское) // Древности Боспора (ДБ). 3. 2006. С. 140.

[3] Масленников А.А., Чевелев О.Д Охранные раскопки на Новониколаевском городище // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 1983. 174; Античная археология. М., 1983. С. 93-94.

Илурате[4]. Имелись оборонительные башни, внутри которых находились помещения для постоянного местопребывания населения в момент угрозы (Илурат, Артезиан). Высота башен могла достигать 12 м[5].

На территории памятников обнаружены гидротехнические сооружения (Илурат[6], Артезиан[7], Белинское[8]), что в той или иной мере позволяет судить о развитом уровне благоустройства. Открыты улицы шириной от 2 м.

В середине – третьей четверти III в. н. э. поселения подвергаются определенным разрушениям, скорее всего связанным с нашествием готских племен, часть поселений (Савроматий, Артезиан) заканчивают свое существование, другие продолжают функционировать, но постепенно деградируют (Белинское).

Время и цель возникновения поселений имеют известные различия. Если жизнь у с. Ново-Отрадное возникает еще задолго до начала I в. н. э.[9], то крепости Илурат и Киммерик, городища Артезиан и Белинское возникают в период с конца I в. до н. э. – до середины I в. н. э. Савроматий же существует и вовсе короткий срок, предположительно с середины – третьей четверти II в. н. э. – до середины III в. н. э.[10]

Функциональное назначение поселений также отличалось. Белинское, например, возникает как стационарный военный лагерь, возможно, построенный по римскому образцу, а эволюционирует в мощный укрепрайон, связующий центр линии обороны.

Кроме того, расположение памятника на стыке торговых путей дает основание предполагать, что городище имело функции и административного характера. Городище, находящиеся в урочище Артезиан, также обладает внушительными размерами (7 га). Мощная цитадель подтверждает, в том числе, и оборонительное значение города, но, на наш взгляд, удобный подход к морю и ряд других топографических обстоятельств[11] способствовали превращению поселения в производственный центр (выращивание винограда) и поставщика. Это подтверждают и археологические находки виноделен[12].

Киммерик – южный форпост и портовый город.

Илурат, располагавшийся в глубине Керченского полуострова, площадью 2 га, имеющий мощные стены и фланкированные башни, находился на пересечении торговых путей, и, вероятно, имел особый военно-административный статус, это была своего рода временная резиденция. Говорить о постоянном пребывании институтов власти здесь не приходится, так как отсутствие рядом постоянного источника воды в той или иной степени затрудняло этот процесс[13].

Савроматий – поселение, имевшее, по-видимому, чисто военное назначение, своего рода форт, имевший небольшой по численности гарнизон. Примыкающие к стенам блоки-квартиры могли служить казармами. Найдены также узкие улицы. Вопрос о постоянном или временном пребывании гарнизона из-за недостаточной изученности и плохой сохранности памятника остается открытым.

Поселение у с. Ново-Отрадное является многослойным, и за время существования не раз меняло свой характер. Если до конца I в. н. э. это поселение, исходя из типологии И.Т. Кругликовой[14], напоминает неукрепленную усадьбу, то к указанному времени строятся мощные укрепления, поселение теперь имеет форму почти правильного прямоугольника, географически оно выступает за пределы Узунларского вала, что наводит на мысль о функционировании этого поселения на данном этапе как передового укрепления.

Общие тенденции развития характерны и для других памятников Европейского Боспора. Например, поселение на Семеновском городище, которое располагалось у основания полуострова Казантип, появляется еще в III в. до н. э., однако в конце I в. до н. э. перестраивается. Возводятся новые стены, городище имеет террасную планировку. Вдоль четырех террас тянулись улицы, параллельные центральной. Переулки, соединяющие улицы, образовывали кварталы с блоками жи-

---

[4] Горончаровский В.А. Исследование городища и некрополя Илурата. URL: http://bosporwarfare.spbu.ru/fortresses/ilurat/ilurat.html

[5] Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан. М., 1998.

[6] Горончаровский В.А. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001.

[7] Винокуров Н.И. Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // ДБ. 2011. 15. С. 45-72.

[8] Седых Е.Е. Благоустройство городища «Белинское» // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 4. 2012. С. 44-56.

[9] Кругликова И.Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1. 1998. С. 143.

[10] Масленников А.А., Чевелев О.Д. Охранные раскопки на Новониколаевском городище // КСИА. 1983. 174; Античная археология. М., 1983. С. 93-94.

[11] Предположительно дорога проходила от Тафра к Паросте, другой путь Тафр – Илурат, т.е. Тафр был связующим звеном.

[12] Винокуров Н.И. Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины I в. н.э. // ДБ. 16. 2012. С. 53-55.

[13] Гороначаровский В.А. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат. URL: http://www.kerch-museum.com/ru/obekty/ilurat.html

[14] См.: Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

лых домов. Поселение также погибает в пожаре последней трети III в. н. э. Позднее жизнь продолжалась лишь на отдельных участках вне укреплений.

За городищем обнаружены зерновые ямы, отдельные постройки и зольник. Почти в каждом помещении имелись глинобитные печи. Хозяйственные помещения отделены загородками. В хозяйственных ямах имеются следы обугленного зерна. В нескольких помещениях обнаружены домашние алтари и примитивные фигурки богинь в виде идолов, раскрашенных и иногда обмазанных гипсом[15].

Другим типичным памятником, определенно фортового назначения, было Михайловское городище. В течение I–III вв. оно несколько раз достраивалось и расширялось, но основа его – квадратная постройка размером 29 х 29 м – оставалась неизменной. Средняя толщина обводных стен составляла 2,3 м при сохранности до 2 м высоты. Кладка обычная, трехслойная. Между помещениями у стен оставлены коридоры – проходы шириной 1 м. По ним осуществлялся подход к стенам в случае нападения противника.

По-видимому, в юго-восточном углу имелась небольшая квадратная башня. Размеры ее из-за плохой сохранности не выяснены, толщина стены около 2,5 м. Вход на ее второй этаж и боевую площадку стены вел по пристроенной к ней каменной лестнице. Остатки печи и яма с пифосом на первом этаже башни, возможно, свидетельствуют о ее жилом характере. Башня справа фланкировала вход в основное здание. Дверной проем в стене имел ширину 1,5 м.

После каких-то разрушений на рубеже I–II вв. поселение было отстроено и дополнительно укреплено стенами, шедшими в 1,5–4,7 м параллельно прежним. Толщина их в среднем составляла 2 м.[16] Их функция, как и характер заполнения пространства между ними, не ясны. Длина одной стороны новой оборонительной линии составляла 36 м. Быть может, это протейхисма (предвратная башня). Указанный наибольший промежуток в принципе не противоречит этому предположению. Но могла иметь место, как и в Ново-Отрадненском, пристройка внешнего панциря с земляно-бутовым заполнением. Тогда вся ширина стены достигала 8 м. Это, конечно, слишком много для поселения такого типа. Других сведений о внешних укреплениях здесь нет.

Итак, указанные поселения имеют черты, характерные для памятников, возникающих в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. на Европейском Боспоре. Например, расположение на высоких холмах, мысах, скупченность жилищ, небольшие их размеры, наличие террас, большие зольники, занятие сельским хозяйством или рыбной ловлю, товарный характер поселений, отсутствие резкой имущественной дифференциации среди жителей.

Дальнейшие археологические исследования помогут составить более точные типологии и классификации данных поселенческих структур сельской территории Европейского Боспора.

Таблица 1.
Table 1.

Сравнительная характеристика поселений Европейского Боспора в I–III вв. н.э.
Comparative characteristics of the European population in the Bosporus I–III cent. A.D.

Поселение	Время начала функционирования поселения	Площадь, га	Наличие и толщина (max) оборонительных укреплений, м	Наличие элементов благоустройства			Сакральные памятники
				Гидротехнические сооружения	Улицы и наличие городской планировки	Производственные помещения	
Урочище Артезиан	конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.	7	2?	+	+	+	
Белинское городище	конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.	12, 4	2,5	+	+	+	
Илурат	конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.	2,5	2,4	+	+	-	
Киммерик	конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.	4,5	1,2	+	+	+	
Ново-Николаевское городище	середина третьей четверти II в. н.э. – середина III в. н. э.	1,5	1	-	-	-	
Ново-Отрадное городище	III в. до н. э.	1	1,5	-	-	-	
Семеновское городище	III в. до н. э.	0,75?	1,2	-	-	-	
Михайловское городище	I столетие до н. э.	0, 5?	1,2	-	-	-	-

[15] Археология СССР. Т. 8. М., 1984. С. 76.
[16] Петерс Б.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 120-126.

Таблица 2.
Table 2.

Расстояние между поселениями сельской территории Европейского Боспора, км[17]
The distance between the rural settlements within the European Bosporus, km

ПОСЕЛЕНИЯ	Урочище Артезиан	Белинское городище	Илурат	Киммерик	Ново-Николаевское городище	Ново-Отрадное городище	Семеновское городище	Михайловское городище
Урочище Артезиан		4,5	26,1	65,4	43,3	2	31,5	23,3
Белинское городище	4,5		20	61,7	6	3	38,6	24,2
Илурат	26,1	20		45,5	38,4	35,2	43,1	6,1
Киммерик	65,4	61,7	45,5		36,5	69	53,9	44,3
Ново-Николаевское городище	43,3	34,2	38,4	36,5		40	25	33
Ново-Отрадное городище	2	3	35,2	69	40		22,3	31
Семеновское городище	31,5	38,6	43,1	53,9	25	22,3		50,9
Михайловское городище	23,3	24,2	6,1	44,3	33	31	50,9	

[17] Расстояние между поселениями рассчитано при использовании географических координат, погрешность составляет: 0, (1234567890).

УДК 94 (363.6)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ РИМЛЯН В БИТВЕ С ГОТАМИ ПРИ АДРИАНОПОЛЕ 9 АВГУСТА 378 Г.[1]

TO THE PROBLEM OF THE CAUSES OF ROMAN DEFEAT IN THE BATTLE OF ADRIANOPLE WITH THE GOTHSIN AT AUGUST 9TH IN 378

С. В. Ярцев
S. V. Yartsev

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
125 Lenina St., Tula, 300026, Russia

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины одной из самых грандиозных катастроф Римской империи — битве с готами при Адрианополе 9 августа 378 г., в результате которой погиб весь цвет римской армии, вместе с императором. Откровенная измена и общий распад армии, наравне с чисто военными ошибками командования, безусловно, сыграли свою роль в сокрушительном разгроме римлян. Однако, по мнению автора, основными причинами поражения явились как внутренние политические коллизии, выразившиеся в желании императора непременно заполучить славу победителя варваров, так и зашедшие в тупик стратегические замыслы Валента по отношению к готам и другим народам Северного Причерноморья. Именно крах последних и вызвал такое крайнее ожесточение готов в борьбе против римлян.

Resume. This article deals with the causes of one of the greatest defeats of the Roman Empire - the battle with the Goths at Adrianople on August 9thin 378, resulting in the death of the pick of the Roman army, including the emperor. Blatant betrayal and the general breakdown of the army, along with purely military command errors certainly played a role in the crushing defeat of the Romans. However, in the author's opinion, the main reasons for the defeat, were the internal political conflicts which expressed both in the desire of the emperor to get the glory as the winner of the barbarians, and the stalled strategic plans of Valens against the Goths and other peoples of the Northern Areas near the Black Sea. Thebreakdown of these peoples caused the Goths' extreme bitterness against the Romans.

Ключевые слова: Римская империя, император Валент, готы, готский вождь Фритигерн, битва при Адрианополе.

Key words: The Roman Empire, Emperor Valens, the Goths, the Gothic leader Fritigern, the Battle of Adrianople.

События противостояния готов с римлянами в период нашествия гуннов, кульминационным моментом которых стала битва при Адрианополе 9 августа 378 г., уже не раз становились объектом исследований. Было отмечено влияние данного сражения на ход военной истории и эволюцию римской армии, тщательно разобраны ошибки в военной тактике римлян и в командовании подразделений, изучены факторы «разложения» армии[2]. Однако на причины столь редкостного

[1] Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

[2] Austin N. Ammianus' account of Adrianople: some strategic observations // L'Antiquite classique. 1972. Vol. 15. P. 301-309; Burns T. The Battle of Adrianople: A Reconsideration // Historia. 1973. Vol. 22. P. 336-345; Burns T. Barbarians within the gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375-425 A.D. Bloomington, 1994. P. 26-33; Pavan M. La bataglia di Adrianopoli (378) e il problema gotico nell'impero romano // Studi romice. 1978. Vol. 27. P. 153-165; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 296-301; Heather P. Goths and Romans AD 332-489. Oxford, 1991. P. 142-147; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994. Т.2. С. 196-209; Nicasie H. Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998. P. 233-253; Lenski N. Initium mali Romano imperio: Contemporary reactions to the battle of Adrianople // Transactions of the American Philological Association. 1997. Vol. 127. P. 129-168; Lenski N. Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley, 2002. P. 336-355; Нефедкин А.К. Тактика готов IV века на примере битвы при Салиции (377 г.) // Воин. М., 2002. № 9. С. 8–11; Wolfram H. The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 84-87; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 183-184; Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 255-264; Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284–476). Paris, 2005. P. 303-321; Barbero A. The Day of the Barbarians: The First Battle in the Fall of the Roman Empire. New York, 2007. P. 93-111; Kulikowski M. Rome›s Gothic Wars. Baltimore, 2007. P. 133-143; Калмыков В.С. Сражение под Адрианополем 378 г.: закономерное поражение римской армии или ошибка императора Валента? // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. №2. С. 15-23; Дандо-Коллинз С.

ожесточения варваров, которое во многом и привело их к победе, никто из исследователей достойного внимания не обратил. А ведь трагедия при Адрианополе явилась закономерным результатом многолетней ошибочной политики Валента по отношению к своим готским союзникам, которой он, судя по всему, остался привержен до конца. Поэтому такая жестокость варваров вполне может объясняться крахом стратегического курса императора в этой части античного мира.

Еще когда Атанарих пытался воздвигнуть от гуннов «высокие стены от берегов Гераза [Прута] до Дуная» (Amm. Marc., XXXI, 3, 7)[3], проримски настроенные тервинги Фритигерна[4] «отправили посольство к Валенту со смиренной просьбой принять их; они обещали, что будут вести себя спокойно и поставлять вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства» (Amm. Marc., XXXI, 4, 1). Союзники справедливо рассчитывали на статус федератов, однако странное разрешение Валента войти «скифам» «на территорию империи при условии, что они сложат оружие» (Zosim., IV, 20, 5), то есть фактически превратятся в военнопленных и колонов[5], резко обострило всю ситуацию в регионе. Возможно, у императора действительно не было иного выбора, ведь продолжающийся конфликт на восточном фронте требовал незамедлительных мер по стабилизации ситуации на других участках границы[6].

Тем не менее, трудно будет назвать адекватными дальнейшие действия римлян на границе, когда при их прямом участии варвары «переправлялись … целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев» (Amm. Marc., XXXI, 4, 5). Римские же командиры в это время «выбирали хорошеньких женщин, преследовали взрослых юношей с гнусными намерениями и захватывали рабов и крестьян. Посвящая себя только этим занятиям и не заботясь о том, что способствовало общественному благу, римляне легкомысленно позволили большинству варваров перейти границу с незамеченным оружием» (Zosim., IV, 20, 6).

В то время, когда переправившись на территорию Римской империи, тервинги «терпели голод», а алчные римские командиры продавали им собак, за каждую из которых[7] «они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин», к берегам Дуная приблизился и «Витерик, царь гревтунгов, вместе с Алафеем и Сафраком, которые были его опекунами, а также Фарнобий»[8] (Amm. Marc., XXXI, 4, 11-12). Разумеется, по причине союзных отношений с империей подошедшие варвары также рассчитывали на «радушный прием», «спешно отправив посольство» к Валенту (Amm. Marc., XXXI, 4, 12). В итоге, воспользовавшись неразберихой на границе, грейтунги смогли сколотить «кое-как лодки» и, переправившись через Дунай, разбить «свой лагерь вдалеке от Фритигерна» (Amm. Marc., XXXI, 5, 3).

Сейчас трудно сказать, кто конкретно стоял за попыткой убийства Алавива[9] и Фритигерна, исполненной в традиционной римской манере — в ходе приглашения выбранных жертв на пир (Amm. Marc., XXXI, 5, 4-9; Iord. Get., 135-137). Считается, что из-за отсутствия быстрой связи со столицей, римский комит во Фракии Лупиций действовал вполне самостоятельно[10]. Однако, подготавливая подобный заговор, Лупиций не мог не осознавать всю величину ответственности за самоуправство. Поэтому не исключено, что нити организации этого убийства все же уходят гораздо

Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., 2013. С. 600-608; Бьюри Дж.Б. Варвары и Рим. Крушение империи. М., 2013. С. 45-49; Банников А.В. Военно-историческая реконструкция битвы при Адрианополе (9 августа 378 года) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. №3 (16). С. 174-183; Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2014. С. 404-416.

[3] Атанариху не удалось остановить гуннов. Ночью его передовой отряд во главе с Мундерихом, был обойден гуннами, неожиданно напавшими на лагерь тервингов (Amm. Marc., XXXI, 3, 5-6). Однако и возведение указанного вала не помогло. Атанариху пришлось уходить в «область Кавкаланда, местность недоступную из-за высоких, поросших лесом гор, вытеснив оттуда сарматов (Amm. Marc., XXXI, 4, 13).

[4] Количество готов в 200 тысяч чел. у Евнапия (Eunap., fr., 42), разумеется, сильно завышено (Heather P. Goths and Romans … P. 139; Kulikowski M. Op. cit. P. 130-131).

[5] Щукин М.Б. Ук. соч. С. 255-256.

[6] Heather P. Goths and Romans … P. 128-135; Heather P. The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 158-163; Wolfram H. Op. cit. P. 81-82; Kulikowski M. Op. cit. P. 128-130; Halsall G. Barbarian Migrations and the Roman West 376-568. Cambridge, 2007. P. 165-176.

[7] Иордан утверждает, что римляне действительно продавали готам собачью «дохлятину», «причем, по высокой цене» (Iord. Get., 134). Мнение, что организацией голода римляне пытались контролировать готов, не убедительно (Heather P. Goths and Romans … P. 140-142; Kulikowski M. Op. cit. P. 130-131). Скорее всего, в том статусе, в котором, по приказу Валента, их пустили на территорию империи, кроме участка пустующей земли, варварам, ничего больше не причиталось (Щукин М.Б. Ук. соч. С. 256). С другой стороны, трудно возразить против мнения, что если ресурсы, с помощью которых можно было бы удовлетворить нужды тервингов, в империи отсутствовали, решение принять чужеземцев явилось в высшей степени неразумным (Голдсуорти А. Ук. соч. С. 405).

[8] Иногда погребение Арпаш в Паннонии с архаическими пряжками и антропоморфной статуэткой украшенной золотыми пластинами, датируемое периодом D_1 (360/370 – 400/401), связывают с воинством Алафея и Сафрака (Ščukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l·epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 113).

[9] Алавив, действительно мог погибнуть в результате данного заговора. Он не упоминается более в источниках (Щукин М.Б. Ук. соч. С. 256). Похоже, что только после его смерти Фритигерн получил власть над всеми тервингами, оказавшимися на территории Римской империи (Вольфрам Х. Ук. соч. С. 110).

[10] Голдсуорти А. Ук. соч. С. 406.

выше, к самому императору Валенту[11]. В любом случае, все эти трагические события пира в Маркианополе, закончившегося открытым восстанием готов и сражением с отрядом Лупиция, не могли не открыть глаза даже наиболее проримски настроенным варварам. Оказывается, они всегда являлись врагами римлян, а последние, если и заключали с ними соглашения и союзы, то только с целью ослабления и последующего уничтожения как их, так и всех их соотечественников. Видимо, из-за осознания этого факта борьба готов с римлянами очень быстро приобрела жестокий и кровавый характер.

Римские провинции «наполнились варварами, грабившими все на своем пути» (Zosim., IV, 20, 7). «Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями» (Amm. Marc., XXXI, 8, 6). Вскоре к варварам присоединились готы-федераты Сферида и Колии, а также рабочие с золотых приисков и беглые рабы (Amm. Marc., XXXI, 6, 1-7). Есть сведения, что в грабежах приняли участие и шайки тайфалов, аланов и гуннов, многие из которых не подчинялись варварским царям (Amm. Marc., XXXI, 8, 4; 9, 1-5). Фритигерн и другие готские вожди, тем не менее, понимали, что в отличие от пришлых разбойников, интересующихся только грабежами, перед ними стояли другие задачи. Очевидно, что на данном этапе борьбы у готов еще оставалась надежда получить официальный статус федератов, в котором им было изначально отказано Валентом[12].

Император же, не вдаваясь глубоко в готскую проблему, как и раньше, принципиально не собирался уступать. В 377 г. он заключил мир с персами, решив вернуться в Константинополь[13]. Послав впереди себя Профутура и Траяна, которые «были о себе высокого мнения, но не годились для войны» (Amm. Marc., XXXI, 7, 1), император, судя по всему, уже предвкушал славу победителя готов. Более того, по просьбе Валента Грациан[14] отправил на помощь Траяну Фригерида[15], «который подходил с паннонскими и трансальпинскими вспомогательными силами», и комита доместиков Рихомера, выступившего из Галлии: «он вел с собой несколько когорт, которые, однако, были таковыми только по названию, так как большая часть людей дезертировала по совету, — как ходили слухи, — Меробавда, опасавшегося, чтобы лишенная охраны Галлия не подверглась опустошению с того берега Рейна» (Amm. Marc., XXXI, 7, 3-4).

Жестокая битва готов с римлянами при Салиции в конце лета 377 г., однако, вскоре все расставила на свои места. «Все поле битвы покрылось телами убитых; среди них лежали полуживые, тщетно цеплявшиеся за надежду сохранить жизнь, одни — пронзенные свинцом из пращи, другие — окованной железной стрелой, у некоторых были рассечены головы пополам, и две половины свешивались на оба плеча, являя ужасающее зрелище. Не истомившись еще в упорном бою, обе стороны взаимно напирали друг на друга с равными шансами; крепость тела не сдавалась, пока возбуждение бодрило силы духа». Только «склонявшийся к вечеру день прекратил смертоубийственную брань: не соблюдая никакого порядка, все расходились, куда кто мог, и уцелевшие в унынии вернулись в свои палатки. Некоторые из павших, люди высших рангов, были преданы погребению, насколько позволяли это условия места и времени; хищные птицы, привыкшие в ту пору кормиться трупами, сожрали тела остальных, о чем свидетельствуют и до сих пор белеющие костями поля» (Amm. Marc., XXXI, 7, 14-16).

Римляне понесли «тяжелый урон» и «после столь печального исхода сражения … отошли в недалеко отстоящий Маркианополь» (Amm. Marc., XXXI, 7, 16; 8, 1). Срочно посланный Валентом «на помощь Профутуру и Траяну» (Amm. Marc., XXXI, 8, 3) магистр конницы Сатурнин, в сложившейся ситуации, мало что мог предпринять. Блокада варваров на территории «между Истром и пустынями» (Amm. Marc., XXXI, 8, 1), не удалась из-за подхода к готам подкрепления, и Сатурнин был вынужден отступить, отдав Фракию на разграбление варварам: «повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми» (Amm. Marc., XXXI, 8, 6).

В связи с осложнением ситуации Валент решает передать общее командование «Себастиану, полководцу весьма осмотрительному, который незадолго до этого был прислан, по его просьбе, из Италии» (Amm. Marc., XXXI, 11, 1). Варвары к этому времени «нагруженные богатой добычей … вернулись из областей Родопы в окрестности Адрианополя» (Amm. Marc., XXXI, 11, 2). В сам же город «форсированным маршем» срочно вошел новый командующий. Ночью ему даже удалось напасть «на не успевшего выстроиться неприятеля. Он нанес готам такое поражение, что перебиты были почти все, кроме немногих, кого спасла от смерти быстрота ног, и отнял у них огромное количество добычи, которой не мог вместить ни город, ни просторная равнина. Фритигерн был страшно поражен этим и опасался, чтобы этот полководец, отличавшийся, как он часто слышал,

[11] Heather P. Goths and Romans … P. 140-142; Heather P. The Fall of the Roman Empire … P. 164-165.

[12] Вольфрам Х. Ук. соч. С. 182.

[13] Голдсуорти А. Ук. соч. С. 410.

[14] Грациан приходился старшим сыном умершему в 375 г. Валентиниану. Он контролировал западные земли империи. Италия и Северная Африка находились в это время под властью младшего сына Валентиниана – Валентиниана II, провозглашенного августом местной аристократией в 375 г. (Голдсуорти А. Ук. соч. С. 393-395).

[15] «Подагра задержала Фригерида, или впрочем – как сочинили зложелательные его завистники – он воспользовался болезнью, как предлогом, чтобы не участвовать в жестоких сечах» (Amm. Marc., XXXI, 7, 5).

быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями рассеявшиеся повсюду отряды готов, занятых грабежом. Он приказал всем отойти назад и быстро отступил к городу Кабиле» (Amm. Marc., XXXI, 11, 3-5). Себастиан же послал Валенту письменное донесение о своей победе, «которое он старался раздуть пышными словами» (Amm. Marc., XXXI, 12, 1). На западе к этому времени Грацианом были разгромлены лентиензы (Amm. Marc., XXXI, 10, 1-17).

Император Валент, которого стали беспокоить победы своих соратников, срочно выступил из Мелантиады, торопясь сравниться каким-нибудь славным делом, в первую очередь, с молодым племянником, доблести которого особо «раздражали его». Положение усугублялось тем, что «он находился во главе армии, составленной из разных войск, которая внушала к себе доверие и была воодушевлена бранным духом» (Amm. Marc., XXXI, 12, 1). Поэтому, как только ему донесли, что недалеко от Адрианополя находятся варвары численностью всего десять тысяч человек, «император с лихорадочной поспешностью» поспешил им навстречу (Amm. Marc., XXXI, 12, 3).

По нашему мнению, очевидно, что в сложившейся ситуации, как и в совсем недавних событиях, внутренние политические коллизии вновь взяли верх. И это несмотря на то, что Валент какое-то время все же вел себя осмотрительно, отказавшись, например, преследовать готский отряд. По мнению А.В. Банникова, это произошло по причине получения им более точной информации о численности войска варваров, после чего он решил дожидаться в Адрианополе Грациана с западной армией, письмо от которого доставил Рихомер[16]. Однако в конечном итоге вновь победило «злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, — как они это себе представляли, — Грациана» (Amm. Marc., XXXI, 12, 7). Возможно, здесь плохую услугу сослужили и успехи нового главнокомандующего Себастиана в его борьбе с готами, навлекшие на него зависть придворных, «которая переросла в ненависть. В конце концов, дворцовые евнухи, которых подстрекали те, кто был лишен командования, оклеветали Себастиана перед императором» (Zosim., IV, 23, 5). Даже Аммиан Марцеллин заклеймил его в своем труде, отметив, что именно Себастиан настаивал «чтобы немедленно вступить в бой» (Amm. Marc., XXXI, 12, 6). Тем не менее, Зосим пишет, что тактика Себастиана заключалась, наоборот, в продолжении войны, «используя маневры и засады до тех пор, пока ослабленный нехваткой провизии враг либо сдастся, либо уйдет с римской территории, предпочтя сдаться гуннам, чем подвергнуться бесславной и мучительной кончине по причине голода»[17] (Zosim., IV, 23, 6). Именно противники главнокомандующего жаждали, «чтобы император наступал всеми силами, подстрекали последнего вести войну, утверждая, что варвары почти полностью уничтожены» (Zosim., IV, 24, 1). Мнение же осторожного магистра всадников Виктора, сармата по происхождению, что следует хотя бы «подождать соправителя, что, присоединив к себе подмогу в виде галльских войск, легче раздавить варваров, пылавших высокомерным сознанием своих сил» (Amm. Marc., XXXI, 12, 6), было полностью проигнорировано.

Фритигерн же, со своей стороны, тянул время, затеяв переговоры с участием своего посланника — христианского священника, который передал Валенту его требование отдать готам, видимо под статус федератов, Фракию «со всем скотом и хлебом» (Amm. Marc., XXXI, 12, 8). Вероятно, это был последний шанс решить все мирным путем. Трудно, таким образом, не согласиться с Х. Вольфрамом, что предложение Фритигерна было вполне достоверно и логично[18]. Скорее всего, именно после того, как ему вновь было отказано в данной просьбе, а посольство «отпущено ни с чем» (Amm. Marc., XXXI, 12, 9), планы готского вождя резко изменились. Вот почему следующее посольство с просьбой о мире уже в день битвы[19] вполне могло быть вызвано тем, что «готы нарочно медлили, чтобы за время этого обманного перемирия могла вернуться их конница» (Amm. Marc., XXXI, 12, 13), ведь «часть их сил с Алафеем и Сафраком, находившаяся далеко, хотя и была вызвана, еще не прибыла» (Amm. Marc., XXXI, 12, 12). Тем более, что «варвары пришли в ужас от страшного лязга оружия и угрожающих ударов щитов» римлян «один о другой»[20] (Amm. Marc., XXXI, 12, 12)., правда, и сами в это время исполняя «по своему обычаю дикий и зловещий вой»[21] (Amm. Marc., XXXI, 12, 11).

Трудно сказать, насколько искренен был Фритигерн, отправивший к Валенту в самый критический момент еще «одного простого гота в качестве переговорщика с просьбой прислать ему

---

[16] Банников А.В. Ук. соч. С. 178.

[17] Не исключено, что Зосима ввело в заблуждение его уважение к Себастиану, этому старому полководцу Юлиана (Зосим. Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 176, прим. 1) или же Зосим просто спутал Себастиана с Сатурнином, руководившим римскими войсками после битвы при Салиции, как предположил А.В. Банников (Банников А.В. Ук. соч. С. 176).

[18] Вольфрам Х. Ук. соч. С. 182.

[19] «Император из-за простого вида отнесся к ним с презрением и потребовал, чтобы для заключения договора были присланы подходящие для этого знатные люди» (Amm. Marc., XXXI, 12, 13).

[20] Возможно, этим шумом, неготовые к сражению римляне сами пытались ввести в заблуждение варваров (Щукин М.Б. Ук. соч. С. 259). Пройдя несколько часов «по каменистым и неровным дорогам» в знойный день, римляне только начинали строиться в боевой порядок. Варвары же, укрепившись в своем лагере с помощью телег, расставленных «в виде круга», мешали им это сделать, начав разжигать везде костры (Amm. Marc., XXXI, 12, 10-13).

[21] Возможно, тем самым, варвары «грубыми голосами возглашали славу предков» (Amm. Marc., XXXI, 9, 11).

как можно скорее выбранных лиц как заложников, и давал ручательство выдержать угрозы своих соплеменников» (Amm. Marc., XXXI, 12, 14).

С одной стороны, обещания «внушавшего страх вождя», на этот раз все же повлияли на Валента, найдя у него «похвалу и одобрение» (Amm. Marc., XXXI, 12, 14). Возможно, Фритигерн действительно опасался «переменчивости боевого счастья» и хитро рассчитывал «всякие виды на будущее» (Amm. Marc., XXXI, 12, 14), ведь империя должна была стать новой родиной для его народа, и римская кровь, пролитая готами, могла этому помешать. Более того, самому готскому вождю, как справедливо считает Х. Вольфрам, в нормально функционирующей системе римского государства, была уготована лучшая карьера, чем на опустошенных его варварами территориях[22].

Однако, с другой стороны, переговоры, затеянные Фритигерном, в сложившейся ситуации более походили на хитрость, призванную дезорганизовать новым ложным перемирием военное командование и уставших длительным переходом солдат, и тем самым, обеспечить внезапность своего удара по ним. Не исключено, что Фритигерн действительно хотел занять высокий пост в администрации империи[23] и укрепить, таким образом, свою власть над соплеменниками-федератами. При этом, зная об истинной роли Валента в недавних событиях, в которых последний занимал крайне враждебную по отношению к готам позицию, он понимал, что добиться такой цели можно было только при новом императоре. Пролитая кровь уже не давала никаких шансов для поиска компромисса и мирного урегулирования конфликта между Валентом и Фритигерном. Поэтому действия готского вождя, возможно, во многом движимые банальной местью, вполне могли быть направлены именно на физическое устранение Валента и его ближайшее окружение, враждебное готам.

Более того, на каком-то этапе Фритигерн мог вообще перестать рассчитывать на договор с римлянами и принять решение уйти с богатой добычей за Дунай, продолжив там борьбу с Атанарихом. Именно это объясняет повальные грабежи и массовый захват римского добра готами. В таком случае, главной целью намечающейся битвы варваров с императорской армией могло стать желание готов завладеть Адрианополем, так как они знали «от перебежчиков, что там … находились отличия императорского сана и казна Валента» (Amm. Marc., XXXI, 15, 2).

Если же говорить о Валенте, то уже сам марш-бросок его армии перед решающей битвой в полном вооружении по страшной жаре без обоза и фуража, свидетельствует о неуемном желании императора именно в этот день стяжать лавры победителя. Только одержать победу без генерального сражения в данной ситуации вряд ли было возможно[24]. Валенту необходима была слава именно победителя варваров, а так как он продолжал видеть в готах лишь колонов и рабов, отказывая им в статусе федератов, то добиться ее он мог только военным путем. То, что Фритигерн в своем тайном письме, переданном со священником, предложил Валенту лишь показать готам на близком расстоянии римскую армию в боевом снаряжении и страхом, который вызывает имя императора, лишить их боевого задора (Amm. Marc., XXXI, 12, 9), могло являться хитрой уловкой готского вождя заманить Валента и его армию под удар своей конницы. Обратим внимание, что данное послание священник передал Валенту только после того, как не получило поддержки императора требование Фритигерна о передаче готам Фракии.

Тем не менее, к готам отправился Рихомер[25], «считая такое дело достойным и подходящим для храброго человека» (Amm. Marc., XXXI, 12, 15). Только случайно начавшиеся военные действия римлян с готами не позволили ему выполнить эту важнейшую задачу[26]. Существует мнение, что в случае успеха данных переговоров битвы могло и не произойти[27]. По нашему мнению, огромная обида и озлобление бывших союзников на императора Валента не оставляли не единого шанса на успех такой миссии. Остановить надвигающую трагедию обычными переговорами было уже невозможно.

Более того, необходимо учитывать, что если Фритигерн действительно специально разбил лагерь на таком расстоянии одного перехода от Адрианополя, которое можно было пройти только с большим напряжением сил[28], то тогда он абсолютно точно затягивал время ложными переговорами, дожидаясь подкрепления, и одновременно заманивая к своему лагерю Валента, рассчитывая полностью уничтожить императора и его армию до подхода сил Грациана. Косвенно на такой вариант развертывания событий может указывать довольно странное совпадение мирной миссии

---

[22] Вольфрам Х. Ук. соч. С. 183.

[23] Barbero A. Op. cit. P. 172-173.

[24] Банников А.В. Ук. соч. С. 179.

[25] Родственник Валента трибун Эквиций, управлявший дворцом, отказался от данной миссии, мотивируя это тем, что уже находился в плену у готов «и сбежал от них у Дибальта, а поэтому боялся раздражения с их стороны» (Amm. Marc., XXXI, 12, 15).

[26] Причина неожиданной атаки готских рядов римскими воинами под командованием Бакурия и Кассиона, возможно, была связана не просто с «солдатской баталией», которая нередко происходит на передовой (Richardot Ph. Op. cit. P. 319). Не исключено, что римляне на этом участке неожиданно увидели приближающую варварскую кавалерию и лихорадочно попытались предпринять какие-то ответные меры (Shchukin M., Shuvalov P. The Alano-Gothic cavalry charge in the battle of Adrianopole // Geografia e viaggi nel mondo antico. Ancona, 2007. P. 244).

[27] Щукин М.Б. Ук. соч. С. 262.

[28] Банников А.В. Ук. соч. С. 179.

Рихомера с начавшимся стихийным боем римлян с готами и практически одновременным (максимум через несколько минут)[29] натиском гото-аланской конницы Алафея и Сафрака (Amm. Marc., XXXI, 12, 17).

Судя по всему, в сражении при Адрианополе 9 августа 378 г. неожиданный удар именно этой конницы решил исход всей битвы[30]. «Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути» (Amm. Marc., XXXI, 12, 17). После такой стремительной атаки и последующего побоища римлян «уцелела, как известно, только треть войска» (Amm. Marc., XXXI, 13, 18). Не вызывает сомнений, что внезапность удара варварского конного войска была тщательно подготовлена. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Алафей и Сафрак подошли к месту сражения с той стороны, которая была вне досягаемости римских разведчиков.

Более того, Алафей и Сафрак в качестве прикрытия могли использовать высокие холмы, закрывавшие видимость римлянам, и предусмотрительно проложить свой маршрут по влажной почве, двигаясь по ней в прогулочном темпе, а не галопом, чтобы не поднять тучи пыли[31]. «При первом же натиске готов отряды римских всадников были приведены в замешательство и оставили без прикрытия ряды пехоты. Вскоре пехотные легионы были со всех сторон окружены конницей врагов и сначала осыпаны тучами стрел, а затем, когда они, обезумев от страха, врассыпную бежали по трудно проходимым путям, они погибли, перебитые мечами и копьями преследователей» (Oroz. Hist. VII, 33,13). Однако особенность сражения была не только в этом. Обращает на себя внимание, что битва с самого начала отличалась крайним ожесточением. «Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, и равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас» (Amm. Marc., XXXI, 13, 4).

«Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся» (Amm. Marc., XXXI, 13, 10).

«Сражение превратилось почти в сплошное избиение римлян. Император бежал с несколькими приближенными в незащищенную деревню[32]. Враги загромоздили все подступы к этой деревне бревнами и подожгли их, превратив в пепел и тех, кто нашел там убежище, и обычных жителей. Тело императора так и не было найдено» (Zosim., IV, 24, 2).

Однако такая смерть спасла императора «от позора пленения, …когда они … сожгли хижину вместе с людьми. Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства» (Amm. Marc., XXXI, 13, 14-16).

Откровенная измена и общий распад армии, наравне с чисто военными ошибками командования, безусловно, сыграли свою роль в сокрушительном разгроме римлян.

Однако нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Валент, попавший вместе со своей армией в ловушку, расставленную ему готским вождем, фактически стал жертвой своей же политики, которую он настойчиво проводил все последние годы в этой части античного мира.

Поэтому, по нашему мнению, основными причинами поражения явились как внутренние политические коллизии, выразившиеся в желании императора непременно заполучить славу победителя варваров, так и зашедшие в тупик стратегические замыслы Валента по отношению к готам и другим народам Северного Причерноморья.

Именно крах последних и вызвал такое крайнее ожесточение готов в борьбе против римлян.

Надо сказать, что данное обстоятельство не прошло незамеченным современниками. Аммиан Марцеллин, комментируя попытку римского командования противопоставить варварам приведенные из Армении легионы, которые не раз с успехом были «проверены в боевых трудах», с горечью заметил, что «эти легионы еще не испытали, что может совершить неукротимая ярость в сочетании с отчаянием» (Amm. Marc., XXXI, 7, 3).

---

[29] Shchukin M., Shuvalov P. Op. cit. P. 244.

[30] Древние авторы не оставили нам сведений о численности противоборствующих армий. По мнению Ф. Ришардо, армия Валента насчитывала семь подразделений, от 700 до 1000 чел. в каждом, конница же не превышала 3000 чел. Воинство готов было, по его мнению, многочисленнее: 10000 насчитывала пехота, и 5000 конница (Richardot Ph. Op. cit. P. 312-313). Однако, по недавним расчетам А.В. Банникова, при Адрианополе столкнулись гораздо более значительные силы. Армия Валента насчитывала не менее 45-50 тыс. солдат, готов же было порядка 60-80 тыс. чел. (Банников А.В. Ук. соч. С. 174-177).

[31] Shchukin M., Shuvalov P. Op. cit. P. 245.

[32] Попытка спасти «покинутого оруженосцами императора» силами батавов, находившихся в резерве, не увенчалась успехом. Комит Виктор, поспешивший к ним, «никого не смог найти, и на обратном пути сам ушел с поля боя» (Amm. Marc., XXXI, 13, 9).

УДК 94(495).01

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ ИОАННА МАЛАЛЫ

TO THE QUESTION ABOUT RELIGIOUS VIEWS OF JOHN MALALAS

А. В. Кобзева
A. V. Kobzeva

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: KobzevaAV31@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы Всемирной хроники («Хронографии») Иоанна Малалы, охватывавшей период времени с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно, и, в частности, вопросы, связанные с личностью знаменитого автора, его религиозными взглядами и их отражением в тексте «Хронографии». Автор проводит мысль о том, что, несмотря на существующие мнения о возможном монофизитстве Малалы, текст не дает оснований для таких выводов. Внешне автор хроники вполне ортодоксален и не заостряет своего внимания на религиозных противоречиях и ересях внутри христианской церкви.

Resume. The article deals with the structure of the World chronicles of John Malala wich covers the period from ancient times to the end of the reign of Emperor Justinian, inclusive. And, in particular, to questions connected with identity of the well-known author, his religious views and their reflection in the text «Chronicle».

Ключевые слова: хроника, религиозные взгляды, Византия, традиция, Иоанн Малала.
Key words: Chronicle, religious views, Byzantine, tradition, John Malalas.

В замечательной по богатству византийской историографии особое место по праву принадлежит популярной всемирной хронике. Одним из наиболее ярких и важных по значению для раннего периода подобных произведений является «Хронография» или «Всемирная хроника» Иоанна Малалы.

Сочинение Иоанна Малалы охватывало период времени с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно. Жил Иоанн Малала в V—VI вв., сначала в родной для него Антиохии, затем в Константинополе. Хроника его, видимо, была написана уже в столице империи.

В Оксфордской рукописи хроника Малалы заканчивается на 563 г., но есть предположение, что существовало ныне утерянное заключение (о чем говорят отдельные фрагменты), доведенное либо до 565 г., то есть до конца царствования Юстиниана, а возможно даже и до 574 г.

В научной литературе уже на протяжении более 300 лет ведутся споры о личности автора этого знаменитого труда.[1] Главная проблема заключается в том, что сам византийский хронист ничего не говорит о себе в написанной им «Хронографии». В историографии можно отметить несколько основных гипотез по данному вопросу. Одни ученые отождествляют Иоанна Малалу с константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком, уроженцем Антиохии, занимавшим патриарший престол в столице империи с 565 по 577 г.[2] Другие сближают Иоанна Малалу и Иоанна Антиохийского.[3] Третьи, без достаточных оснований, переносят жизнь и деятельность хрониста даже в VIII в.

Наиболее глубоко к вопросу о личности Малалы подошли немецкие ученые Э. Патциг, Г. Гельцер и К. Глейе. Данные исследователи в конце XIX в. существенно продвинулись в области вопросов, связанных с Иоанном Малалой и его хроникой. Ими были поставлены вопросы о воз-

[1] Croke B. Modern study of John Malalas // Studies in John Malalas. Sydney, 1990. P. 325-338.

[2] Haury J. Johannes Malalas identisch mit Patriarchen Johannes Scholasticos? // Byzantinische Zeitschrift (BZ). 9. 1900. S. 337—356.

[3] Partzig E. Johannes Antiochenus und Johannes Malalas. Progr. Leipzig, 1892; Partzig E. Die Abhangigkeit des Johannes Antiochenus von Johannes Malalas // BZ. 10. 1901. S. 40—57.

можном монофиситстве автора, о нескольких изданиях хроники, о возможном наличии нескольких авторов, о редактировании «Хронографии».[4]

Особенно следует выделить работу Дж. Хаури, в которой он пытается доказать тождество Иоанна Малалы и Иоанна Схоластика.[5] Нужно отметить, что между ними действительно есть некоторое сходство: оба были адвокатами и их прозвища имеют общий логический смысл (ритор/схоластик). К тому же и Малала, и Иоанн Схоластик были выходцами из Антиохии, и также оба в определенный момент перебрались в Константинополь. Дж. Хаури большое внимание уделяет соотношению имен «Ритор», «Схоластик» и «Малала». Он доказывает, что эти титулования тождественны между собой и обозначают ученого человека, часто занимавшего должность адвоката.[6]

В настоящее время исследованием личности Иоанна Малалы в англоязычной науке занимаются Э. Джеффрис, У. Тредголд [7] и др. Нужно отметить, что у Тредголда дан более революционный взгляд на личность византийского хрониста. И на данный момент все исследователи признают, что Иоанн Малала - византийский хронист VI века, автор первой из дошедших до нас всемирных хроник.

Среди большого круга вопросов, обозначенных различными исследователями, при изучении исторического сочинения Малалы является вопрос о мировоззрении популярного хрониста.

18-я книга «Хронографии» Малалы, посвященная описанию царствования Юстиниана, современником которого был автор, проливает наиболее яркий свет на социально-политические и религиозные взгляды этого хрониста.

Одной из сложных проблем, породившей большие споры в византиноведческой литературе, как раз и является вопрос о религиозных взглядах Малалы. Эти споры сводились к тому, был ли Малала последователем ортодоксального никейского вероисповедания или монофиситом. Некоторые ученые находили в хронике следы монофизитских взглядов, что, однако, противоречило ортодоксальности заключительной части 18-й книги исторического труда Малалы.[8]

Эти, противоречащие друг другу версии, можно попытаться решить, выдвинув две гипотезы. Согласно первой из них, существовало два хрониста — ортодокс и монофизит, которые и являются якобы соавторами произведения, известного под названием «Хронографии» Иоанна Малалы. Другие же исследователи воздерживались от столь крайнего суждения и ограничивались гипотезой о том, что монофизитский труд Малалы был подвергнут в последней своей части обработке со стороны какого-то неизвестного ортодоксально настроенного редактора.[9]

Если же обратиться ближе к религиозным воззрениям Малалы в том виде, в котором они проявляются в его историческом сочинении, то, в первую очередь, внимание привлекает тот факт, что при всей своей благочестивости автор хроники остается в стороне от современных ему религиозных споров и не высказывает о них каких-либо суждений. Он вообще очень сдержан при описании церковных дел.

В оценке религиозной политики Юстиниана у Малалы просматривается некоторая неоднозначность. С одной стороны имеет место восхваление его церковной деятельности, а с другой – некоторые критические замечания. Однако в труде четко прослеживается ортодоксальная точка зрения, которая постоянно берет верх. Хронист подчеркивает благочестие василевса и его заботу об интересах церкви. Так, например, он упоминает о знаменитом эдикте Юстиниана, запрещавшем отчуждать церковное имущество. «В то же время, — пишет он, — император издал указ о епископах, орфанотрофах, экономах и ксенодохах: каждый пусть составляет завещание, но только в отношении того имущества, которое он имел в собственности прежде, чем занял эту должность; пусть только это он и завещает. И немедленно, как только он назначался, указывалось его имущество».[10]

Малала особенно хвалит императора за политику распространения христианства среди варварских народов. Он прославляет такой акт церковной политики, как крещение гуннов, распространение христианства среди аксумитов. Он подчеркивает, что Юстиниан, придавая столь большое значение миссионерской деятельности, постоянно был сам восприемником при крещении варварских правителей.

---

[4] Gelzer H. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie. Leipzig, 1885. Vol. 2; Idem. Zu Africanus und Johannes Malalas // BZ. 1893. Vol. 3. S. 394-395; Gleye C.E. Zum slavischen Malalas // Archiv fur slavische Phililogie. Vol. 16. 1894. S. 578-591; Idem. Beitrage zur Johannesfrage // BZ. Vol. 5. 1896. S. 422-464; Partzig E. Unerkannt und unberkannt gebliebene Malalals Fragmente // Jahresberichte der Thomasschule zu Leipzig fur das Schuljahr von Ostern 1889 bos Ostern 1891. 1891; Idem. Die angebliche Monophisitismus des Malalas // BZ. Vol. 7. 1898. S. 111-128.

[5] Haury J. Johannes Malalas identisch mit Patriarchen Johannes Scholasticos? // BZ. Vol. 9. 1900. S. 337-356.

[6] Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2014 / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2. С. 12.

[7] Там же. С.10.

[8] Gleye C. E. Uber monophysitische Spuren im Malalaswerke // BZ. 8. 1899. S. 312—327.

[9] Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // Византийский временник (ВВ). М., 1971. Т. 32. С. 9.

[10] Там же. С.10.

Для определения религиозных взглядов Малалы очень показательно его отношение к гонениям против еретиков и язычников, начатым в правление Юстиниана. В начале хроники автор весьма сдержан в этом вопросе. Малала просто констатирует факт запрещения различных ересей и говорит, что у еретиков, кроме ариан-экзакионитов, были отобраны церкви.

Иное отношение автора прослеживается, когда он переходит к описанию гонений в Персии против манихейской ереси. Здесь автор выступает на стороне гонителей, и он оправдывает массовое истребление манихеев. Хронист пишет: «В то же время в персидских областях обнаружилась манихейская ересь[11]. Узнав об этом, царь персов разгневался так же, как и верховные маги персов. Ибо был у этих манихеев и епископ по имени Индарацар. Персидский царь устроил совет[12] и, собрав всех манихеев вместе с епископом, отдал приказание стоявшему вокруг вооруженному войску, и были зарублены мечами все манихеи и их епископ вместе со своим клиром. Все они были убиты на глазах самого царя и христианского епископа. Имущество их было конфисковано, а церкви переданы христианам. [Царь] разослал по своей стране божественный указ о том, чтобы сжигали уличенных в манихействе. Сжег он и все их книги. Обо всем этом рассказал бастагарий (перевозчик, курьер) персов, после крещения принявший имя Тимофея» (Mal. Chron. XVIII, 30).

Малала знал, что еретики, подвергавшиеся гонениям, вызывали у населения сочувствие, порождавшее массовые народные волнения, особенно в восточных провинциях империи и в частности, в родном городе писателя — Антиохии. Хронист очень ярко описывает столкновения в Антиохии, вызванные преследованиями еретиков. Малала пишет: «По городам были посланы грамоты, чтобы были отправлены в изгнание те, кто не ходит в святые церкви, ссылаясь на постановление Халкидонского собора шестисот тридцати. В Антиохии произошло волнение, и димы устремились в резиденцию епископа, кидая камни и выкрикивая оскорбительные слова. Когда те, кто находился в патриархии, вышли вместе с комитом Востока, то, бросая камни и стрелы, они погубили многих восставших. О сделанном было доложено императору, который многих приказал казнить» (Mal. Chron. XVIII, 64).

Подобное описание религиозного противостояния, свидетельствует о том, что Малала не оставался равнодушным к столкновениям еретиков (скорее всего, монофизитов) и православных, но не решался открыто высказаться против правительственной политики. Однако прямых доказательств приверженности писателя к монофизитской ереси здесь усмотреть нельзя.

Можно высказать предположение, что Иоанн Малала в коренном вопросе церковной политики той эпохи — вопросе взаимоотношения православной церкви и различных еретических течений — внешне придерживается официальной точки зрения. Он открыто враждебен к таким еретическим сектам, как манихеи, весьма неприязнен к иноверным самаритянам и иудеям. Об остром же для Востока вопросе взаимоотношений ортодоксов и монофизитов он открыто не говорит, хотя находится в курсе этой борьбы, а порой, быть может, и сочувствует монофизитам, столь сильным и многочисленным в Антиохии. Но открыто выражать свои симпатии к ним он все же не решается.

Различное отношение к отдельным еретическим движениям, нашедшее отражение в хронике Малалы, было характерным для всей церковной политики Юстиниана, который был более жесток с ересями радикально-демократического направления и более умерен в отношении ариан и монофиситов.[13]

Хотя церковная политика Юстиниана не всегда заслуживает полного и безусловного одобрения хрониста. Так, он недоволен нарушением императором поста: «…В ноябре месяце случилось нарушение в воскресенье перед постом. Император приказал вторую неделю продавать мясо. Все мясоторговцы закалывали [скот] и продавали, но никто не ел. Справлялись же страдания [Господа нашего Иисуса] Христа как пожелал и приказал император»(Mal. Chron. XVIII, 96) и весьма холодно говорит об эдикте, касающемся расхождения в исповедании веры, по которому, после объединения не следует говорить об одной природе Христа, а надо признавать две природы. В данном случае имеется в виду знаменитый эдикт Юстиниана, направленный непосредственно против монофизитов, но в котором сам Юстиниан впал в ересь инкорруптиколов (incorrupticoles), ярых противников Севера.

Еретические заблуждения императора вызвали большое недовольство и протесты в стране. Описание этих событий у Малалы, скупое и холодное, дает иногда основание предполагать его приверженность к вере монофизитов. Однако еретический эдикт Юстиниана вызвал недовольство не только монофизитов, но и православных, и отношение к нему Малалы еще не может быть достаточно веским аргументом в пользу его монофизитства.

Как аргумент в пользу монофизитства Иоанна Малалы иногда выдвигают и то обстоятельство, что хронист, в отличие от церковных писателей ортодоксального направления, очень скупо говорит о таких деяниях Юстиниана, которые особенно прославлялись православным духовен-

[11] См.: Смагина Е.Б. Манихейство по ранним источникам. М., 2011.

[12] Феофан: «Кавад созвал совет, который состоялся по этому поводу». Далее: «предполагая сделать своего сына Фтасуарсана царем».

[13] Удальцова З. В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. М., 1971. Т. 32. С. 11.

ством. Поразительна и его холодность в описании постройки св. Софии, обычно вызывающей огромное восхищение всех ортодоксальных авторов.[14]

И все же, на наш взгляд, это может служить лишь косвенным указанием на монофизитские взгляды Малалы.

Хотя он особо и выделяет щедрость императрицы Феодоры, сторонницы монофизитов, в отношении духовенства, вряд ли этот факт может служить подтверждением монофизитства хрониста. И, действительно, у Малалы приводится довольно подробный рассказ о благотворительности Феодоры в отношении церквей: «…На исходе этого индикта августа Феодора с патрикиями и кувикуляриями отправилась в так называемый Питий в сопровождении четырех тысяч человек. Оказав большие милости местным церквам, она возвратилась в Константинополь». (Mal. Chron. XVIII, 25).

Однако остается неясным, какие церкви столь щедро одарила Феодора. Скорее всего, это были церкви ортодоксального духовенства, ибо при всей своей приверженности к монофиситам императрица вряд ли могла решиться на столь открытое покровительство еретикам, что шло вразрез с официальной церковной политикой ее мужа.

Итак, по нашему мнению, в труде Малалы нельзя выделить открытых выступлений автора в пользу монофизитов. Здесь имеются лишь косвенные свидетельства его тайных симпатий к монофизитскому учению. Внешне же Малала вполне ортодоксален, и нет серьезных оснований говорить ни об эволюции его религиозных взглядов, ни о наличии православного редактора, который якобы изменял последнюю часть хроники в духе ортодоксии.

Вполне официально враждебно Малала относится к язычникам-эллинам[15]: он сочувствует тому, что по отношению к ним Юстиниан сначала проявил известную умеренность: «…было великое гонение на эллинов, и было подвергнуто конфискации имущество многих, среди которых умерли Македоний, Асклепиодот, Фока, сын Кратера[16], и квестор Фома. Многие были этим сильно напуганы. Император издал указ, чтобы сторонники эллинской веры не принимали участия в государственной службе, а сторонники других ересей удалились бы из римской земли, впрочем, им была дана отсрочка на три месяца для приобщения к истинной вере. Этот божественный указ был объявлен во всех дальних городах» (Mal. Chron. XVIII, 42).

Малала также особо подчеркивал свое враждебное отношение к иным конфессиям – к самаритянам и иудеям, гонения против которых он полностью оправдывал (Mal. Chron. XVIII, 35).

Таким образом, автор «Хронографии» находился в русле официальной ортодоксии, что в целом неудивительно, учитывая общий характер его труда.

---

[14] Там же. С.12.

[15] Эллины - сторонники язычества. В этом месте речь идет о гонении на язычников, учиненном Юстинианом в 529 г. Феофан дополняет: «и другие ереси».

[16] Фока, сын Кратера - представитель высшей служилой знати, патрикий. См. о нем: Прокопий. Война с персами. I. 24. 18. Фока действительно покончил с собой, но произошло это не в 529 г., как ошибочно утверждает Иоанн, а позднее, в результате повторного гонения на язычников, имевшего место в 545-546 гг.

УДК 94(495).01

УСТРОЙСТВО ПАЛЕСТИНСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЮСТИНИАНА О МОНАШЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ МОНАСТЫРЯ АББЫ СЕРИДА)

UNIT OF PALESTINIAN MONASTERY AND JUSTINIAN'S LEGISLATION ABOUT MONASTICISM (ON EXAMPLE OF THE ABBA SERID' MONASTERY)

А.В. Курбанов
A.V. Kurbanov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: abasso@yandex.com

Аннотация. В статье рассматривается отраженное в письменных источниках нормативного характера организационное устройство ранневизантийского монастыря в Палестине эпохи Юстиниана и позднее (преимущественно регион Газы), а также основные черты законодательства Юстиниана о монашестве. Монастырь аввы Серида в Газе находится в центре такого источника, как «Вопросоответы Варсануфия и Иоанна». По этому источнику можно реконструировать основные направления жизнедеятельности ранневизантийского монастыря в Палестине. Газский регион был одним из важнейших локусов монашества в ранневизантийской Палестине.

Resume. The article discusses reflected in written sources in normative organizational structure early Byzantine monastery in Palestine and later Justinian era (mainly the region of Gaza), and the main features of the legislation of Justinian about monasticism. The monastery of Abba Serid in Gaza is at the center of such a source as "Quaestions-Answers of Barsanuphius and John." According to this source, you can reconstruct the main directions of life at early Byzantine monastery in Palestine.

Ключевые слова: монастырь, Палестина, Ранняя Византия, устав, Юстиниан, Газа, законодательство.

Key words: monastery, Palestine, Early Byzantium, charter, Justinian, Gaza, legislation.

Жизнь каждого палестинского монастыря изначально была организована в соответствии с правилами основателя, сохранявшимися обычно в виде устного предания. При этом также учитывались и региональные традиции, и уставы известных родоначальников монашества[1], зафиксированные письменно, среди которых первостепенное значение имели правила Василия Великого.

Указами императора Феодосия Великого и особенно канонами Халкидонского собора 451 г., было положено начало законодательной регламентации монашества[2], которая была окончательно оформлена при императоре Юстиниане Великом. Как известно, Corpus Juris Civilis не только вобрал в себя все предшествующие законы, в том числе, и каноны первых четырех вселенских

[1] Нам известно только несколько таких уставов: Пахомия Великого, Василия Великого и каноны сирийских монастырей, (устав Саввы Освященного регламентировал литургический порядок). Из данных сочинений именно правила Василия Великого сильно повлияли на палестинское монашество. Впрочем, сведения об устройстве монастырей можно почерпнуть из литературы других жанров, см. обзор подобных сочинений: Besse M. Les règles monastiques orientales antérieures au concile de Chalcédoine // Revue de l'Orient chrétien T. 4. 1899. P. 465-490.

[2] Первый указ, напрямую говоривший о монашестве, вышел при императоре Феодосии Великом; в нем монахам предписывалось населять только пустынные места, и запрещалось жить в городах и даже их посещать (CTh 16. 3. 1). Впрочем, менее чем через два года, в 392 г., император отменил данное постановление по причине того, что местные власти, исполняя закон, стали им злоупотреблять (CTh 16. 3. 2). В 451 г. император Маркиан собрал собор в Халкидоне, на котором главным предметом обсуждения стала борьба с монофизитством, всколыхнувшим всю империю. Ввиду того, что лидерами монофизитства и главной его движущей силой были монахи Египта, Сирии и Палестины, на соборе были приняты также и постановления, увеличивающие контроль за монашествующими и препятствующие их участию в смутах, для этого монастыри были подчинены епископу, а их насельникам было запрещено переходить в другое место, основание же нового монастыря отныне должно было происходить только с разрешения епископа (ACO II, 1, 2, actio VII, 4). Подробнее о законодательстве относительно монашества до Юстиниана см.: Frazee, Charles A. Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries // Church History. 51, no. 3. 1982. P. 263—279; Cristian, Gaspar. Between the City and the Desert: Theodosian Legislation and the Place of the Monks in Later Roman Society // Χώρα. Revue d'Études Anciennes et Médievales: Philosophie, Théologie, Sciences. 1. 2003. P. 79-96.

соборов, но и существенно их дополнил и расширил. Основу законодательства о монашествующих и монастырях образуют, прежде всего: 5-я новелла 535 г. и 133-я новелла 539 г., 76-я новелла 539 г. и 33—44 главы 123-й новеллы 546 г.[3] Оно придало положению монашества в государстве ту форму, которая далее оставалась неизменной на протяжении многих столетий вплоть до падения Византийской империи[4].

Представляется интересным исследовать вопрос, насколько законодательство считалось с существовавшими в то время монашескими традициями и насколько соответствовало реалиям жизни в киновиях. Для этого мы рассмотрим сведения из «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских»[5] и другие тексты, также относящиеся к монастырю аввы Серида. Эти источники охватывают период примерно с конца 20-х по начало 40-х годов VI столетия.

Законодательство Юстиниана о монашестве одним из первых вопросов рассматривало возможность принятия в монастырь рабов, поскольку облачение в монашеские одежды неизбежно влекло за собой изменение социального и юридического статуса. Здесь следует заметить, что в предшествующий период стать монахами могли только свободные граждане, об этом свидетельствуют «Пространные правила» Василия Великого (RF 11) и 4-й канон Халкидонского собора. Новеллы, напротив, предоставляют возможность беглым рабам принять монашеский постриг. Впрочем, дабы не допустить в монастырь рабов, колонов или адскрипциев, пришедших только ради того, чтобы изменить свой статус или избежать суда, каждый желавший стать монахом проходил обязательное собеседование с игуменом, который старался установить истинную причину его прихода в монастырь. В случае если обнаруживался рабский статус пришедшего, то в течение трехлетнего испытательного срока господин мог заявить на него права, но только при условии предоставления им доказательства того, что тот оказался в монастыре, желая избежать сельскохозяйственных работ или скрываясь от наказания за совершенные им преступления. По прошествие же этого времени бывший раб становился полноправным членом монашеской общины, и все притязания прежнего владельца теряли силу (CIC III, 1-2; Nov. 5.2; Nov. 123.35).

Полностью в соответствии с законодательством в монастыре аввы Серида человек, выразивший желание стать монахом, подвергался расспросу со стороны игумена или его помощника (VD 2, 4). В житии преп. Досифея упоминается подобная предварительная беседа. Прежде чем допустить Досифея в монастырь, настоятель авва Серид захотел узнать, не был ли тот рабом и не совершил ли какого-либо преступления, и не решил ли скрыться в монастыре от правосудия (VD 2). В этой связи следует заметить, что автор жития называет Досифея деликием (δηλίκιον)[6], то есть мальчиком-рабом одного из стратилатов императора Юстиниана (VD 3.1, 20–21). Также сообщается, что стратилат держал Досифея в большой неге и роскоши и оберегал от всего того, что могло причинить вред его здоровью (VD 3.1-3). Между тем, несмотря ни на его рабский статус, ни на возраст, ни на его красоту, юношу взяли в монастырь только после собеседования с ним, так как помощником игумена была установлена подобающая причина прихода Досифея в монастырь («σωθῆναι θέλω»), а также заключено, что «в нем нет ничего злого» («οὐδέν γὰρ φαῦλον ἔχει») (VD 4.4–5).

Впрочем, в отличие от законов Юстиниана, устанавливавших трехлетний период послушания, по всей видимости, следуя в этом примеру тавеннисиотов (Historia Lausiaca 32; Historia ecclesiastica 3, 14), в Палестине время пребывания в послушничестве не было строго зафиксировано, и определяющим фактором выступала только готовность испытуемого к принятию монашеских обетов[7]. В монастыре аввы Серида, где придерживались этой же традиции, для будущего монаха могли вообще не назначать испытательного срока, как случилось, например, с Элианом, будущим игуменом (QS 575b). Дорофей также весьма быстро прошел путь от послушника до весьма

---

[3] Также к этой теме можно отнести 79 новеллу о судопроизводстве в отношении монахов и 1 главу новеллы 67, где говорится об основании монастырей, но они лишь повторяют вышедшие ранее постановления.

[4] Ванькова А.Б. Римское законодательство о монахах V-VI вв. и его рецепция в поздневизантийской канонистике // Ius antiquum. Древнее право 1 (13). 2004. С. 98-101.

[5] Данный источник уже исследовался на предмет соответствия законодательству Юстиниана (Lesieur B. Le monastère de Séridos sous Barsanuphe et Jean de Gaza: un monastère conforme à la législation impériale et ecclésiastique? // Revue des Études Byzantines. 69. 2011. P. 5-48), однако, мы не можем согласиться ни с постановкой вопроса, ни с методом автора, ни с выводами, к которым он пришел. Прежде всего, для данной эпохи кажется ошибочным противопоставление светского и церковного законодательства. Также вызывает недоверие то, что в качестве примера церковного права автор выбирает «Правила Раввулы», сирийский источник, который не имеет никакого отношения к газскому монашеству. С нашей точки зрения, гораздо уместнее было бы проводить параллель с правилами Василия Великого, которые значительно повлияли на развитие монашества в данном регионе (Cf.: Parrinello R.M. Comunità monastiche a Gaza da Isaia a Doroteo (secoli IV-VI) (=Temi e Testi 73). Roma, 2010. P. 69-72), и к которым к тому же апеллировали сами корреспонденты в «Переписке Варсануфия и Иоанна» (QS 318, 319).

[6] Латинское слово «deliciae» переводится как «наслаждение», наряду с этим, оно также использовалось для обозначения мальчика-раба, находящегося в интимной связи со своим хозяином. См.: Marquardt, Karl Joachim. La Vie privée des Romains (=Manuel des antiquités romaines, 14). Paris, 1892. P. 178-179; Mau O. Deliciae // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / eds. August Pauly, Georg Wissowa. Band 4 (2). Stuttgart, 1901. S. 2435-2438. Законы Феодосия (CTh IX.7.6) и особенно новеллы Юстиниана (Nov. LXXVII, 144) запрещали подобное сожительство и карали его смертной казнью, а все ранние монашеские установления вообще запрещали брать безбородых юношей в монастырь.

[7] Hirschfeld Y. The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. New Haven, 1992. P. 72.

значимых должностей в монастыре. А биограф Досифея даже не счел важным указать, через какое время после появления в монастыре он стал монахом, мы лишь знаем то, что он пробыл там пять лет и умер от кровохарканья (VD 9), и то, что он уже был монахом (VD 7).

Оставление имущества

Следующим важным испытанием для послушника было расставание со своей собственностью. Василий Великий в «Пространных правилах» в полном соответствии с ранней монашеской традицией призывал к раздаче личного имущества, причем он советовал это делать самостоятельно и подходить к этому вопросу в высшей степени ответственно (RF 8-9). В «Кратких правилах» повторялось, что в монастыре ни у кого не должно быть ничего своего (RB 85), но при этом беспристрастное и разумное управление собственностью может привести ко благу (RB 92). Данное замечание породило множество дискуссий в более позднем византийском монашестве и впоследствии стало обоснованием частичного оставления постулантом имущества[8].

Пятая новелла также позволяла послушнику свободно распоряжаться своим имуществом и раздавать его по своему усмотрению[9]. Если же он этого не делал, тогда после его пострига детям передавалась четверть (quarta Falcidia), супруге возвращалось приданое и предоставлялось некоторое обеспечение, на которое она могла бы жить, а оставшаяся часть отходила монастырю, являвшемуся как бы легатарием (Nov. 5.5; CIC III, 1). Таким образом, монашеский постриг приравнивался к случаю физической смерти (causa mortis).

Желавший стать монахом в обители аввы Серида одну часть своей собственности отдавал монастырю, другую оставлял на обеспечение родственникам, а оставшуюся самостоятельно раздавал бедным, что позволялось сделать и через игумена, главное было самому распределить имущество на соответствующие части (QS 252, 253). Каждый отдельный случай оговаривался с настоятелем или с Варсануфием и Иоанном. Так, Элиан, решив поступить в монастырь, спросил у аввы Иоанна, нужно ли ему позаботиться о «γραῖα» (пожилой родственнице)[10] и о «παῖδες» (рабах) (QS 571, 572), и нужно ли продавать небольшие участки земли, которыми он владел. Посоветовавшись с Иоанном, он поселил родственницу с рабами у племянников и дал земли, которые должны были перейти им после ее смерти; вопрос относительно продажи земель Иоанн направил к Варсануфию, который, в свою очередь, предложил принять решение Элиану самому.

«Переписка» сохранила пример и прямо противоречащий законодательству. Послушник Дорофей оставил себе одну часть собственности на некоторый срок, чтобы, став монахом, иметь возможность тратить деньги на необходимое лечение (QS 252). Также нам известно, что он совершал агапы для братьев за свой счет (QS 324) и хранил в своей келии книги, которые впоследствии предполагал передать в ведение общины (QS 326). По-видимому, правило об оставлении имущества вообще не распространялось на личные вещи монаха, его одежду, книги и убранство келии. Таким образом, мы видим, что отречение от собственности могло быть и неполным. Как показывает «Переписка», вопрос о том, как и насколько следовало отречься, рассматривался в каждом случае отдельно, в соответствии с общими представлениями о монашеской жизни, и в целом этот процесс целиком оставался на совести постуланта, что соответствовало правилам Василия Великого.

Трапеза и сон

Общий распорядок жизни в киновии законодательство затрагивало в меньшей степени, очевидно, предполагалось, что он будет регулироваться уставом монастыря. Впрочем, в 5-й и 133-й новеллах содержатся указания относительно сна и питания. Киновитам предписывалось принимать пищу и спать совместно (ἐν κοινῷ), при этом каждому следовало лежать на своей подстилке (χαυμένης), но в одном помещении (если число братьев было слишком велико, то в

[8] Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' 'Typika' and Testaments by J. Thomas, A. C. Hero. Vol.1. Washington: Dumbarton Oaks, 2000. P. 23, 27.

[9] В каноническом праве подобные предписания появляются гораздо позднее и определенно под влиянием новелл Юстиниана — см.: канон 6 Двукратного собора в храме св. Апостолов (861 г.): новеллы V и LXXIX // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Вып. 4 (20). 2007. С. 44.

[10] Данный текст может иметь несколько прочтений. В современном критическом издании Люсьеном Реньо греческие слова «γραῖα» и «παῖδες» переведены как как «femme» и «enfants» («жена» и «дети»). Русский перевод МДА передает «γραῖα» как «бабушка», «старица» и «παῖδες» как «дети». Церковно-славянский перевод, сделанный под руководством Паисия Величковского, переводит интересующие нас слова как «баба» и «дети», имея в виду под «бабой» то ли жену, то ли бабушку. Действительно, существительное «γραῖα» указывает лишь на почтенный возраст женщины, которая может быть и матерью, и женой или даже тетей. Однако в данном тексте речь не могла идти о жене, так как в этом случае ей должно было вернуться приданое, о котором нет ни малейшего упоминания. Под «παῖδες» здесь, несомненно, следует понимать рабов, так как это более соотносится с 595 вопросоответом, где Иоанн рекомендует Элиану отпустить «παῖδες» после смерти «γραῖα».

нескольких), чтобы за монахами можно было следить даже ночью (CIC III, 1; CIC III, 2; Nov. 5.3; Nov. 133.1).

До нас не дошел устав монастыря аввы Серида, более того, судя по всему, он никогда и не существовал в письменном виде. Известно лишь то, что монахи пользовались некими договоренностями, которые передавались в устной форме (QS 599b), а при решении сложных вопросов руководствовались общими представлениями того времени о монашеской жизни.

Однако в «Переписке» находится множество сведений, которые позволяют нам восстановить некоторые обычаи. Например, нам известно, что киновиты принимали пищу совместно (QS 162, 163, 545, 546; Instr. XI, 121) и периодически устраивали общие агапы (QS 323), но мы нигде не находим ни одного свидетельства существования общей спальни, и скорее наоборот, обнаруживаем противоположные факты. Например, когда авва Дорофей говорит о своей келии, он всегда подразумевает, что жил в ней один или с еще одним монахом. Даже сам термин келия (κελλίον), употребляемый в «Переписке» для обозначения места отдыха киновитов, предполагает пространство для одного или нескольких человек, но никак не большое помещение, вмещавшее всю братию.

Возникает закономерный вопрос, постановляя ночевать всем монахам в одной комнате, закреплял ли Юстиниан уже существующую модель или вводил абсолютно новую, и следовали ли ей в этом случае на практике?

Если обратиться к письменным источникам, относящимся к Палестине, то можно обнаружить, что в них никогда не упоминаются общие спальни. При этом повсеместно упоминаются отдельные келии для священников и монахов, назначенных на особенные послушания (Pratum 104, 2961 A-B; V. Georg. 40, 142. 6; 35, 135; 37, 136). Ицхак Хиршфельд, долго занимавшийся археологическими раскопками палестинских монастырей, нашел только в одном из них большие помещения, которые предположительно могли служить спальнями. По его мнению, этот монастырь был основан в юстиниановское время и при его строительстве, соответственно, учитывалось современное ему законодательство[11]. Во всех же остальных обителях было обнаружено множество отдельных помещений, очевидно, служивших келиями для одного или нескольких человек. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что предписание «спать в одном доме» было для Палестины, как, впрочем, и для Египта[12], нововведением, и на практике монастыри не перестраивались в соответствии с новым законодательством.

Священнослужители

Законы Юстиниана настаивают на том, чтобы настоятель выбирал кандидата в священнослужители среди самих монахов (Nov. 133, 2). Действительно, в «Переписке» мы встречаем свидетельства о том, что диаконов и пресвитеров выбирали из братии монастыря (QS 240, 241). Этот момент следует рассмотреть детальнее. В раннем монашестве было распространено представление о том, что постриг исключает в дальнейшем возможность принятия священства. Именно поэтому в монашеской среде могли встречаться только те иереи, которые были рукоположены до вступления в монастырь. При их отсутствии в общине монахи были вынуждены посещать близлежащий храм, либо звать мирского священника, чтобы он проводил службы в монастырском храме, если таковой имелся[13].

Начиная с VI в., ситуация начинает постепенно меняться. Например, правило св. Бенедикта (ок. 540 г.) содержит интересную формулу: "Si quis abbas sibi presbyterum vel diaconum ordinari petierit, de suis eliget, qui dignus sit sacerdotio fungi» («Если авва будет стремиться кого-либо произвести в священники или диаконы, пусть выбирает из своих того, кто достоин священства») (Regula Benedicti 62). Сириль Фогель предполагает, что 62 глава была следствием личного опыта св. Бенедикта: Флорентий, священник, пришедший извне, неудачно вмешался в дела общины в Субиако, и, чтобы избежать повторения подобной ситуации в дальнейшем, Бенедикт решил рукополагать священников из самих монахов[14]. Некоторые исследователи заключали, что именно «Правило св. Бенедикта» повлияло на 133-ю новеллу Юстиниана[15]. Однако рукоположение из числа братии, пожалуй, было общим веянием времени, которое отразилось также и в законодательстве, стремившемся усилить автономность монастырей и ограничить контакты монахов с мирянами[16].

Согласно «Переписке» сам настоятель монастыря аввы Серида должен был быть священ-

[11] Hirschfeld Y. Op. cit. P. 95.

[12] Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб., 2004. С. 11; 110-111.

[13] Vogel C. La Règle de S. Benoît et le culte chrétien, prêtre-moine et moine-prêtre // Atti del 7° Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1982. P.413.

[14] Ibid. P.421.

[15] Chapman J. S. Benedict and the sixth Century. London, 1929; Collinet P. la Règle de S. Benoît et la législation de Justinien // Revue de l'histoire des religions. 104. 1931. P. 272-278; Carosi P. Il primo monastero benedettino // Studia Anselmiana. 39. 1957. P. 100.

[16] Vogel C. Op. cit. P. 420.

ником (QS 575b), что было совершенно нехарактерно для того времени. Термин «авва» (ἀββᾶς – греческая транслитерация с арамейского языка слова, означающего «отец») появился вместе с возникновением первых киновийных монастырей Пахомия Великого, и употреблялся по отношению к настоятелю, но никогда не подразумевал того, что он был пресвитером[17].

Говоря об аббатах, ни правила Василия Великого, ни «Правило св. Бенедикта» (cap. 2 «Qualis debeat abbas esse»), ни так называемые «Правила учителя» (Regula Magistri 2, 3) не содержат предписаний относительно того, что настоятель должен быть священником. Как сообщает Сириль Фогель, при необходимости иереем становился эконом монастыря, а не настоятель[18]. Впрочем, уже в середине VI в. Аврелиан, преемник на кафедре Цезария Арльского, считал, что никто из монахов не может стать священником, кроме игумена монастыря. Традиция хиротонии настоятеля в священный сан, возможно, становится обязательной практикой, только начиная с VIII века[19].

Выборы настоятеля

В законодательстве Юстиниана не было предписаний относительно священства настоятеля, зато детально оговаривались его выборы. Речь идет о 5-й, 123-й новеллах и о конституции, изданной пятью годами ранее 5-й новеллы (CIC I. 3, 46).

Согласно императорской воле, право избирать и назначать игумена являлось прерогативой местного епископа (CIC III, 1; Nov. 5.9). В 5-й новелле (535 г.) Юстиниан предписывает епископу выбирать нового настоятеля не из тех, кто находился сразу после первенствующего (τὸν πρῶτον), но из тех, кто первенствовал в добродетели (πρῶτον ἄριστον) и одновременно с этим был способен управлять общиной.

123-я новелла (546 г.) позже повторила предписание о том, что авва (ἀββᾶς) или архимандрит (ἀρχιμανδρίτης) должен быть избран на основании его духовных и административных качеств, а не по старшинству и не в соответствии с монашеским стажем. Однако в новом законе был изменен сам принцип избрания, отныне настоятель избирался всеми монахами или самыми выдающимися из них (οἱ καλλίονος ὑπολήψεως ὄντες; omnes monachi melioris opinionis existentes), а затем утверждался непременно (πᾶσιτρόποις; omnibus modis) епископом того места, в котором был расположен монастырь (Nov. 123.34; CIC III, 2). Таким образом, епископ должен был только ратифицировать выбор общины.

Около 540 г. умер авва Серид, но он заранее составил список своих преемников, которые были расположены в завещании последовательно: сначала первый по старшинству, а по его смерти следующий, и так далее по порядку; замыкал же список мирянин Элиан, которому также могло быть передано игуменство в том случае, если он станет иноком (QS 574).

Таким образом, благодаря «Переписке», мы узнаем, что в монастыре не были соблюдены предписания 5-й новеллы. Авва Серид сам написал завещание, в котором перечислил всех возможных своих преемников (QS 574), во-первых, по завещанию, во-вторых, согласно порядку (κατὰ τάξιν), что как раз было запрещено законодательно (Nov. 5.9; CIC III, 1). Интересно заметить, что Савва Освященный, находясь на смертном одре, призвал к себе насельников лавры и сам поставил им игумена, которому заповедал хранить правила, установленные им в монастыре (Vita Sabbae 76).

Это несоответствие законодательству объясняется тем фактом, что в Палестине игумены монастырей назначались пожизненно и были прямыми наследниками основателя монастыря[20], который изначально мыслился его собственником. Поэтому игумен обычно избирался своим предшественником и лишь иногда – советом старейшин[21]. Возможно, что в данном случае, как заметил Бенедикт Лезьер, мы имеем дело с некоторым аналогом патронатного права[22].

Перемещения монахов

В IV в. монахи часто меняли место своего подвига. Например, Иларион, спасаясь от множества посетителей, покинул свой монастырь и стал скитаться по разным местам (BHL 3879, 20-31). В IV–V вв. существовала даже такая форма монашества как «ксенитея», предполагающая непрерывное странствие[23]. С Халкидонского собора началась политика ужесточения перемещений монахов,

[17] Heussi K. Der Ursprung des Mönchtums. Leipzig, 1936. P. 164.
[18] Vogel C. Op. cit. P. 425.
[19] Ibid. P. 426.
[20] Hirschfeld Y. Op. cit. P. 72.
[21] Ibid. P. 73.
[22] Lesieur B. Le monastère de Séridos sous Barsanuphe et Jean de Gaza: un monastère conforme à la législation impériale et ecclésiastique? // Revue des Études Byzantines. 69. 2011. P. 29.
[23] Guillaumont A. Le dépaysement comme forme d'ascèse dans le monachisme ancien // Annuaire de l'Ecole Pratique des Hautes Etudes, Section des Sciences Religieuses. 76. 1968–1969. P. 31–58. Остальную библиографию см.: Ibid., 90 n. 2; также в

4-й канон, повторенный императором Львом I в 471 г. (Cod. 1.3.29, CIC II), запрещал монахам выходить из монастыря и проводить время в городах[24], и вообще вне монастыря (Nov. 133, praefatio; CIC III, 2). Пятая новелла Юстиниана осуждала странствующих монахов и запрещала игуменам принимать лиц, однажды покинувших монастырь, а также ограничивала их перемещение в городах (Nov. 5.7; CIC III, 1). У Василия Великого мы находим осуждение тех, кто выходит из монастыря (RF 14).

Естественно, что, несмотря на ограничения, монахи все же были вынуждены выходить в мир, в частности, в ближайшие деревни (QS 807; Instr. IX, 99), в город (QS 364), в Иерусалим (QS 356) или даже в другие земли (QS 357), например, в Египет (QS 30, 31, 42), куда отправлялись, чтобы собрать материал для плетения корзин (QS 7, 9, 27, 28). Если какого-либо монаха посылали с миссией вне монастыря, он должен был находиться только в тех местах, которые ему были указаны аввой (QS 356) и по возможности не принимать приглашения разделить трапезу (QS 355). Во время путешествий киновиты вынуждены были принимать пищу вместе с мирянами (QS 636), в том числе и с женщинами (QS 354), и ночевать у них (QS 681). Все это противоречило как церковным канонам, так и законодательству, которое запрещало монахам приходить в деревни и останавливаться в домах мирян.

При этом речь шла только о поездках по какому-либо делу, в ином случае монах все же не мог уйти из монастыря и, тем более, навсегда его покинуть. Варсануфий и Иоанн часто убеждали киновитов бороться с желанием покинуть монастырь ради пустыни (QS 554, 570c, 344, 345), города (QS 369), мира (QS 185) или другого места (QS 259). Они также с осторожностью принимали странствующих иноков (QS 588) или бежавших из монастыря (QS 566, 593). Тем не менее, в ряде случаев брали таких монахов, например, так произошло с Иоанном Миросавским, пришедшим из лавры Саввы Освященного (QS 1).

Несмотря на существовавшие законы, монахи монастыря аввы Серида продолжали свободно перемещаться и посещать города. Например, из жития Иоанна Милостивого (BHG 886—889), написанного Леонтием Неапольским (ок. 590 - ок. 650/668), нам известно о преп. Виталии, который, покинув монастырь аввы Серида, пришел жить в Александрию.

Посещение монастыря

В 133-й новелле Юстиниана говорилось, что монастырь должен быть огражден крепкой стеной и иметь не больше двух врат, при которых следовало находиться привратнику, впускавшему и выпускавшему людей только с разрешения настоятеля (Nov. 133.1; CIC III, 2). Монастырь аввы Серида, очевидно, как и все палестинские монастыри того времени, имел внешние стены. Их существование можно было вывести из упоминания о монастырских вратах (QS 359, 360), о внешней комнате для посетительниц (QS 595), о привратнике (QS 288, 359, 360), который, кроме оговоренных в законе функций, еще и выгонял по приказу настоятеля из монастыря людей, чье присутствие смущало монахов (QS 592).

Монастырь посещало много людей: монахи (QS 308, 316), родственники монахов (QS 495, 595), миряне-мужчины (QS 714-716) и даже женщины (QS 595). Мужчин могли поселить в монастыре или в ксенодохейоне (QS 313; Instr. XI, 119). Женщин принимали в специально отведенной для этого комнате (QS 595). Последний факт несколько противоречил законодательству, воспрещавшему любые визит женщин в мужские монастыри (Nov. 133.3, CIC III, 2).

Контакты монахов с лицами, допущенными в монастырь настоятелем, также были ограничены деловыми вопросами и должны были быть согласованы с ним (QS 308; Instr. V, 67). Миряне оказывали услуги монастырю (QS 723, 724), исполняли поручения в миру (QS 386, 740), выступали в суде как адвокаты по делам монастыря (QS 745), делали подарки монахам и монастырю: одежду, предметы быта (QS 336, 337, 618, 636). Это же касалось и отшельников (QS 54, 38, 51, 53), которые просили разрешения принять у себя посетителей (QS 52-53, 95, 205, 206) или выйти из келии (QS 189).

Анахореты

Следует заметить, что по своему устройству обитель аввы Серида относится к смешанной модели, характерной для того времени, объединяющей анахоретский и киновийный тип монашества: внутри монастырской ограды располагалась киновия, а снаружи находились келии отшельников («Переписка» называет их «отцами» – πατέρες), образующие собой как бы лавру.

Законодательство Юстиниана выделяло анахоретов, живших рядом с киновией, в особую группу. Они имели право иметь свою собственную келию и особый распорядок дня, но при этом продолжали находиться под властью игумена и жить в тесной взаимосвязи с киновией (Nov. 5, 3).

статье о. Эммануэля Ланна: Lanne E. La xeniteia d'Abraham dans l'œuvre d'Irenée: Aux origines du theme monastique de la peregrinatio // Irénikon. 47. 1974. P. 163–187.

[24] См. подробнее: Vogüe A. de. La législation de Justinien au sujet des moines // Revue Mabillon. 14. 2003. P. 141.

Отшельниками могли стать либо опытные киновиты, либо анахореты, пришедшие из других мест. В монастыре аввы Серида только Варсануфий, Иоанн и игумен могли дать благословение киновиту перейти в собственную келию (QS 36, 485). Это же касалось и анахоретов, которые желали поселиться рядом (QS 550).

Из писем следует, что анахореты имели келию в личной собственности, которую строили за свой счет (QS 486–488), покупали у другого брата (QS 550) или арендовали (QS 485–487). Примечательно противопоставление «хозяина келии» («ὁ κύριος τοῦ κελλίου») «проживающему в келии» («μένων ἐν τῷ κελίῳ»), которого можно было выгнать в случае отсутствия письменного договора (QS 486). Анахореты сами делали ремонт (QS 487), при этом некоторые расходы мог взять на себя и монастырь (QS 488).

По всей видимости, некоторые злоупотребления в отношении келий были характерным явлением эпохи. В это же самое время в Келлиях в Египте археологи находят монашеские жилища, сооруженные профессионалами из дорогих материалов[25]. Все это противоречило как традиции, так и законодательству: 133-я новелла Юстиниана запрещала монаху иметь собственную келию, в этом же законе предписывалось разрушать отдельные жилища монахов и перегородки, которые их разделяли (Nov. 133.1; CIC III, 2).

Заключение

Итак, законы Юстиниана, представлявшие собой наиболее амбициозную попытку регламентации жизни монастырей за всю истории Византии, часто не учитывали сложившиеся на местах обычаи в вопросе устройства жизни монашеской общины, отчего, впрочем, в ряде случаев им и не следовали.

[25] Wipszycka E. Apports de l'archéologie à l'histoire du monachisme égyptien // The Spirituality of Ancient Monasticism: Acta of the International Colloquium held in Cracow-Tyniec, 16th-19th November 1994 / éd. M. Starowieyski. Tyniec, 1995. P. 63-78.

УДК 94(495).01

ИОАНН ЛИД И ЕГО ТРАКТАТ «О МЕСЯЦАХ»

JOHN THE LYDIAN AND HIS WORK «ON MONTHS»

М.М. Синица, Н.Н. Болгов
M.M. Sinitsa, N.N. Bolgov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: sinitsam@mail.ru

Аннотация. В работе дается общий очерк содержания и характера сочинения «О месяцах» ранневизантийского писателя и государственного деятеля юстиниановского времени Иоанна Лида. Часть работы занимает перевод отрывка сочинения, посвященного дням (книга II). Интерес писателя к римским классическим древностям являлся проявлением ранневизантийского ученого энциклопедизма, восходящего к римской традиции Варрона, но трансформировавшейся в ранневизантийское время, сконцентрировавшись на ряде отдельных сюжетов и тем. Автор выделяет ряд аспектов в описании Лидом дней, устанавливая общую схему такого описания.

Resume. The paper gives a general outline of the content and the nature of works of early Byzantine writer and statesman John Justinian time Lida. Part of the work is translating the passage works dedicated days. Interest to the Roman writer of classical antiquity is a manifestation of early Byzantine scholar encyclopedic.

Ключевые слова: Иоанн Лид, Ранняя Византия, антикварная традиция, трактат, календарь, месяцы, праздники.

Key words: John the Lydian, Early Byzantium, antique tradition, a treatise, calendar, months, holidays.

«О месяцах»[1] - наиболее ранний трактат ранневизантийского чиновника, ученого и писателя-антиквара Иоанна Лида, посвященный древнеримской календарной системе, отражающий пифагорейско-неоплатоническую картину мира и космоса; он написан в начале 540-х годов[2]. Само произведение исследователи считают весьма оригинальным по структуре и композиции[3].

Уцелевшие материалы сочинения были разделены его издателями на четыре книги.

Книга I фрагментарная, в ней насчитывается 36 глав, она, возможно, имела дело с древнейшим италийским календарем и учреждениями царя Нумы.

Книга II, озаглавленная Περὶ Ἡμέρας («О днях»), содержит всего 11 глав, она посвящена дням недели.

Книга III, озаглавленная Περὶ Μηνός («О месяцах»), состоит из 53 глав, она рассматривает месяцы в общем плане.

Книга IV является самой большой, она содержит 162 главы, будучи построена по типу фаст, она последовательно рассматривает все древнеримские месяцы, начиная с января (каждый месяц озаглавлен отдельно)[4].

Книга II посвящена дням семидневной недели, вначале рассказывается о том, как понимался день у более древних народов: египтян, халдеев, евреев, умбров и афинян, а затем, как у римлян. Обсуждается каждый день недели, его имя, связь с планетой и нумерологическое значение каждого дня недели.

Несмотря на то что Лид изучает только языческие мифы и никогда не упоминает христианские темы и материалы (хотя он был христианин), он показывает зависимость от христианской системы в структуре книги, имея дело с семидневной неделей и начиная ее с воскресенья (дня

[1] Ioannes Lydus De Mensibus / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Vol. 20. Bonnae impensis ed. Weberi, 1837. P. 1-118.

[2] Maas M. John Lydus and the Roman Past. London, New York: Routledge, 1992. P. 8.

[3] Ibid. P. 47-48.

[4] Bandy A.C. Introduction // Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013. P. 20.

солнца)[5]. Семидневная неделя стала распространяться в империи с I–II вв., но она происходила не от иудейской недели, а уже под влиянием христианства[6], которое взяло этот распорядок дней по семи планетам[7].

Начало исследования с солнечного дня отражает христианское влияние и искусственность демонстрируемой им древней информации, но Иоанн Лид не предлагает никакой альтернативы семидневной неделе[8].

Особо важное значение у Лида занимает число, которое выражает порядковый номер дня, – оно является самодостаточной сущностью, первичным принципом оформления всего существующего.

Главы второй книги содержат материал о происхождении дня и рассказывают, как было принято воспринимать день у различных народов, а также описание семи дней недели, плавно переходящие в сущностную характеристику чисел, их олицетворяющих.

В описании каждого из дней у Иоанна Лида можно выделить три аспекта: 1) естественнонаучный, когда день соотносится с небесным телом, первый – с солнцем, второй – луной; 2) мифологический, тесно связанный с первым, каждый день соотносится с божеством, олицетворяющим небесное тело; 3) мистико-философский; на этом уровне автор пытается дать смысл числа, выражающего порядковый номер дня, этот уровень является наиболее подробным и интересным для понимания мировоззрения автора, показывающего свою заинтересованность в этих материях.

В тексте ощущаются влияния различных философских традиций, но это может стать темой отдельного исследования.

DE MENS. II
О ДНЯХ[9]

1. Природный день от восходов солнца до закатов берется. Но не у всех так. Вавилоняне ведь от восходов солнца до их берут закатов, для ночи же совершенно памяти не делают, каковое не по сущности, но скорее со случайности произошло; египтяне от вечера прибывающий сосчитывают день до другого вечера, вследствие чего до всякого мироустройства тьма в основание полагается космографами, и ночь всего матерью называется. Отсюда сочинители мифов делают, что от Лето рождаются Артемида и Аполлон, и первая Артемида как если бы воздух разрезающая луна, после нее солнце. [Была же Лето {Λητώ} как если бы ночь: и ведь забвение {λήθη} в продолжении ее, а также и сон рождаются.] Впрочем, умбры же, народ италийский, от полудня до полудня день брали, [совершенно как астрологи касательно рождений.]

2. Все же тоны из движения планет происходят, согласовывается: Крон[10] ведь по дорийскому, Зевс[11] же по фригийскому, Арес[12] же по лидийскому, а остальные по остальным двигаются согласно Пифагору, к отзвукам от звучащих: от Гермеса[13] к -а- {ᾰ̄}, от Афродиты[14] к -э- {ε̆}, от солнца же к -э̄- {η̄}, также от Крона к -и- {ῐ̄}, а от Ареса же к -о- {ο̆}, и от луны к -ü- {ῠ}, однако от Дия звезда к -о̄- {ω̄} тону совершается. Отзвук же тонов нас видимо не достигает по причине расстояния.

3. [Так как приверженные Зороастру и Гистаспу халдеи и египтяне от числа планет в седьмицах дни воспринимали, то первый день – один, как и пифагорейцы, называют от монады, потому что одинокая и не имеет общения с другими:] первая ведь говорится или первенствующая над теми, которые с ней, единица {μονάς} же неделимая и неизменная и движущаяся сама собой и таким же самым образом направляющаяся: над числом ведь она есть. Так что никто ее не называл первой, но одной: ведь ни в равенство, ни в неравенство, и ни в какое другое число не переходит. [Справедливо, если бы самого ума могущество предержала бы, который именно есть и благо и превосходство, а также равно и окончание, и свет, и прямое, и постоянное, и мужское, и правое. Ум ведь есть (говорит мистическое слово) сущностность, раз навсегда пребывающая в своей собственной сущности и сама с собой соединенная, и устроенная, и неподвижная. Возносится же единица к

---

[5] Rordorf W. Sunday: The Fullness of Christian Liturgical Time // Studia Liturgica. 14. 1982. P. 90-96.

[6] Rordorf W. Sunday. The History of the Day of Rest and Worship in the Earliest Centuries of the Christian Church. London and Philadelphia, 1968. P. 9-42; Colson F.H. The Week. An Essay on the Origin and Development of the Seven-Day Cycle. Cambridge, 1926. P. 18-61; Zerubavel E. The Seven Day Circle. The History and Meaning of the Week. Chicago, 1985. P. 5–26.

[7] Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 54-56.

[8] Maas M. John Lydus and the Roman... P. 49.

[9] Перевод с древнегреческого М.М. Синицы под ред. Н.Н. Болгова по изд.: Ioannes Lydus. On the Month / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

[10] Сатурн.

[11] Юпитер.

[12] Марс.

[13] Меркурия.

[14] Венеры.

Аполлону, то есть к одному солнцу, которое Аполлон называется вследствие того, что далеко находится от многих: и римляне его солем {σόλεμ}[15] или же «только одно»[16] называют.]

4. Многими названиями зовется солнце.
Гелиос, Горос, Осирис, государь, Дия сын, Аполлон,
сезонов и времен управитель, и ветров и дождей,
утра и ночи многозвездный вожжей направитель[17].

5. Пифагор единицу [назвал] Гиперионидой вследствие того, что всех превосходит сущностью, совершенно как и умопостигаемое солнце, над существующим имеющее быть, Гиперионидом[18] названное. Возносится же солнце к монаде как образ вышеназванной, само не являющееся монадой. Но подлинно неутомимая: изнурение ведь в сложном, а единица же простая. И мужская, так как очевидно наиболее способная к жизни и всех после нее причина. [Различается же единица от одного как первообраз от подобия и примера подражания.] И каким образом, понять легко: если ведь кто-либо четыре и двадцать[19] элементов (о буквах говорю) в числах сосчитает, найдет три тысячи девятьсот девяносто девять[20] всего, к которым при прибавлении шести тысяч единиц всего будет сосчитано девять тысяч девятьсот девяносто девять чисел, после которых ничего кроме единицы не осталось. Откуда тот же самый удерживает знак мириада[21] единицы, как начало ее и вместе с тем конец существующий бестелесных сущностей, каковых примеры есть числа. Орфей же число один безчленным {ἀγυιέα} называет, то есть неделимый: никаких ведь частей числа около него, ни полтора, ни одна целая одна треть, - совершенное, так как целое. Отличается же единица от одного как отличается первообраз от подобия: образец ведь – монада, подражание же монаде – один. Такое же самое об одной, которая, как я сказал, первая множеству зовется, которая в ощущении на солнце наложена, управителя всякого чувственного света, через который и нагревает и вместе с тем медленно иссушивает тела, – одна из планет согласно эллинам, пусть даже если Зороастр его близко неподвижных звезд ставил.

6. Второй же день луне являют сочинители естественнонаучных работ, и увлажняющей и вместе с тем умеренно греющей, то есть материи начальнице. Отсюда и Артемида {Ἄρτεμις} называется, от четного {ἀρτίου} и материального числа: [ведь четное число по середине себя разрывается, разделяясь на один - единственное же неделимое нечетное число. Ведь мужское число – квадрат, сияние и солнечный свет, на основании равенства сторон соединяющееся, женское же – продолговатый четырехугольник, ночью и тьмой владеет по причине неравенства. Продолговатый же меньшую сторону имеет меньше одного, а бо́льшую – больше одного. Так что два – число не чистое, прежде всего, так как пустое есть и не наполненное – не наполненное же не чисто. Начало же беспредельности и неравенства, беспредельность же - по причине материи, а неравенство – по причине продолговатости. Отсюда древние как материю и разногласие двойку {δυάδα} передают. И смелость же] те, кто около Ферекида назвали дуадой, [как порыв, так и мнение называют, так как истинное и ложное в мнении есть.] Всепереходящая ведь материя и непостоянная и многоизменчивая, и страдающая, и труды переносящая, в соответствии с природой делимость и различие имеющая: ось ведь срединная, через все небо проходящая, первая на два разделение и от одного расстояние показывает, виновная же во всяком чувств движении, и от всего из умопостигаемого отделенная. Это таким образом имеющееся находящий римлянам Нума числу два отказал в праздниках – нисколько ведь не считают римляне, совершенно как «до четвертых» и «третьих», так и «до вторых» не говорящие, как и афиняне, прежде второе вынувшие из Боэдромиона, как Плутарх в «Симпозиуме» говорит.

7. [Третий же день посвящался Огненному {Πυρόεντι} (Арес же был бы он у эллинов), то есть воздушному и способному к рождению огню, который именно соединяет всех чувств природу и бездействовать не позволяя, сушащий и вместе с тем с шумом нагревающий. Гера же на ребенка говорила Ареа {Ἄρεα}, то есть из воздушного {ἀερώδους} прозрачный и тонкий по составу огонь: отсюда сочинители мифов связывают Афродиту иногда с Гефестом – земным огнем, - иногда же с

---

[15] solem, *acc. sing. om* sol – (лат.) солнце.
[16] solus – (лат.) один, одинокий, один лишь, один-единственный.
[17] В основном тексте дан дословный перевод. См. ритмизованный:
Много названий, которыми солнце зовется:
Гелий, и Гор, и Осирис, владыка, сын Дия, еще – Аполлоном,
года сезонов, времен, и ветров, и дождей управитель,
утр и ночей колесниц многозвездный возница он также.
[18] Сын Гипериона, Гелиос, бог солнца.
[19] Двадцать четыре (24).
[20] Так как в древнегреческом языке буквы алфавита соответствуют цифрам следующим образом: α=1, β=2, γ=3, δ=4, ε=5, ζ=7, η=8, θ=9, ι=10, κ=20, λ=30, μ=40, ν=50, ξ=60, ο=70, π=80, ρ=100, σ=200, τ=300, υ=400, φ=500, χ=600, ψ=700, ω=800, - то сумма всех букв будет представлена в таком виде: 1+2+3+4+5+7+8+9+10+20+30+40+50+60+70+80+100+200+300+400+500+600+700+800=3999.
[21] Десять тысяч (10000).

Аресом – воздушным: через это ведь всякое чувство животворится, как говорится. Величайшее же тройки {τριάδος} и согласно чувству могущество: ведь в соответствие с ней число родителям придало рождением увеличение потомства. И не просто говорится: «на три же все разделено», так как три существует и самих небесных тела, как воздушное и звездное, так и каменное, и нечетных чисел начало – тройка, откуда и собственно число три {τρία} называется, деление или расчленение не допуская: так как все начинает числа тройка, как начало, случившееся нечетных всех, наполненных и никогда не прекращающихся. И три первые согласно Орфею возникли начала, ночь, и земля, и небо. Богов же по происхождению три рода: небесные, земные и между ними находящиеся. Три же и души самых главных свойства: разумное, отважное, желающее. Три же и ума образа Аристотель передает: материальный, касающийся телесных и душевных свойств, находящийся извне; от них и три идеи: природа, познание, упражнение. И ее самой же все из двигающихся музык согласно Теофрасту делятся на три: печаль, радость, божественное вдохновение. Однако и тела три движения: тяжесть, местопребывание, хождение. Три же и сфер состояния: центр, диаметр, окружность. Три же и звезд движения: ход вперед, ход назад, неподвижность. Три же тел вида: есть ведь как материальные, так воздушные, и огненные же, как халдеи передают. Три же каждого движения формы: ширина, глубина, длина. Три же зодиаков ширину ограничивают круга: летний тропический, зимний тропический, равноденственный. Три же и надземных центра: восход, закат, середина неба. И весь космос из трех значений составлен, говорится: арифметическое, геометрическое, гармоническое. И многое кто-либо мог бы сказать о касающихся чувств триадах. Ведь умопостигаемое превзошло пределы настоящего исследования. Знаем ведь, потому что тройка продвижение божественного двигала и неподвижность, этим вечность заключая в своем облике, как говорит пифагореец Оккел следующими речами: «Тройка первая составила начало, середину и конец». Ведь нечетное и оконченное равенство демиург есть согласно четырехугольника природе: ведь божественное тремя такими свойствами отличается: желаемостью, достаточностью, совершенством, еще действительно в «Федре» Сократ, однако конечно и в «Политии» передает, что умопостигаемого третья некая природа в божественном помещается: есть ведь его как наивысшая сущность, так и средоточие жизни, и крайний разум же. Но справедливо спросил бы кто-нибудь: «какая связь чувств по отношению к умопостигаемой триаде?» Должно знать, однако, что три тройки «Тимей» передает и свидетель Прокл в «Кратком очерке философии Платона», говорящий, что умопостигаемого вершина – тройка, сущая умопостигаемая, и монада есть: единица {ἑνάς} ведь становиться может в себе самой, всех сил причину имеющая и сущность, как говорит Парменид. Все же умопостигаемое в тройке заключается, и всякое божественное число в расположении таком продвигалось, как и сам халдей в словах:

«в лоне ведь этой триады все вместе возникло»,

и опять:

«из этой триады отец все дыхание ведь замешал же», -

поэтому пифагорейцы триаду в числах, а в формах же - прямоугольный треугольник полагают, элемент происхождения целого. Одно – итак мера длины есть, по которой существовал бестелесный и умопостигаемый космос; второе же – мера длины, по которой вводилось воспринимаемое небо; пятой доставшееся по жребию также более божественной сущности - неподвижность и неизменяемость; третье же – по которой созданное под луной от четырех сил происхождение и гибель принимает.]

8. [Четвертый же день – Стилбонту, одной из планет, согласно египтянам так называемой, приписан, которая равно то увлажняет, то высушивает, превращаемая в ветер вокруг солнца стремительным движением: чтобы Гермесом же она была, эллины предпочитают. С ней, итак, четверку {τετράδα} занимающиеся философией соотнесли, как наблюдающую за смешанными душами: ведь у души подпоры четыре есть: ум, знание, мнение, чувство. Душа человека, говорит Пифагор, есть прямоугольный четырехугольник. А Архит же душе определение не в четырехугольники, а в круге предоставляет: «Поэтому душа – самодвижущаяся, необходимостью сперва подвигнутая, круг же это или шар». И таким образом в умопостигаемом. Ничего же не меньше и в чувственном есть, что понималось в жизни рождениях: первое есть семян вбрасывание, второе же – в роде постоянство, третье – увеличение, и четвертое – завершение. Однако и четыре солнца поворота, по которым сохраняет существование: равноденствия два, летний и зимний поворот; четыре же и самой луны первые фазы, совершенно как корни и начала: новолуние {σύνοδος}, полнолуние, части луны-рога две; каждая из фаз переменяет деятельность: от новолуния до рога луны – увлажняет, от него же до полнолуния – нагревает, а от него до второго же рога луны – высушивает, а с него же до следующего новолуния охлаждает. Оттуда, полагаю, тем, кто земледелием занимается, безопасно сеять и сажать около новолуния, нежели полнолуния, каковое очевидно в более влажном в то время воздухе, также к рождению другого подвигающем; около рогов луны же и лес, каковой удобен к возделыванию, рубят, и плоды для сберегания собирают, каковое очевидно в более сухую пору. И такое в чувствах и постигаемом умом. А относительно числа же ценности, четыре – число квадратное есть: единственное ведь равно самим на себя помноженным равным частям, из кото-

рых и сложением, и силой умножения возникло, сложением – из двух и двух, а силой же – из дважды двух, что всепрекрасную наружность симфонии обнаруживает, что ни с каким из других чисел не случилось. Откуда и завершающим называется: ведь если от единицы до четверки по порядку были бы сложены числа – десятку {δεκάδα} совершают[22].

9. [А пятый же - Фаэтону, из всех планет наиболее умеренному. Как о Дие жизнерождающем, эллины учат об этом боге: оттуда, и что на Крите родился он, в мифах желают, на котором смертоносное ничто не рождается, ни волк даже или сова не находится, как говорит Антигон. И небесное же зовется соответственно в пентаде {πεντάδι} циклоносной сущностью, из которой, говорится, было сделано небо, согласно Аристотелю. Ведь пятерка, перенимающая у четверки разумное основание, имеющее образ некоторый материи и предстоящий тому, что из нее происходит, - и умножила ее и от умножения произвела к ней вечное круговращение[23]: промежуточная ведь до декады и как бы изображение есть общего совершенства пятерка. И блуждающих же планет, кроме солнца и луны пять, и кругов в сфере пять, и поясов пять. А чувств же создатель – Зевс, говорится у философов, и естественно было на него пентаду, совершенно как в соответствии с природой, возлагать: родственна ведь пятерка чувству, какое именно на пять частей разрезывается. И благодаря этому Пифагор, что определенность судьбы числу пять приписана, говорит, так как над чувствами начальствует определенности судьбы слово. Поэтому, что души возвращающиеся восходят определенностью судьбы, говорит оракул: «Ведь не под роковую толпу падают теурги»].

10. [Шестой же приписан Фосфору, нагревающему и вместе с тем плодородно увлажняющему: он же был бы сын Афродиты, и он Геспер, как эллинами полагается. Афродитой же кто-либо бы назвал всякого чувства природу, то есть первородную материю, которую и Астерия и Урания зовут оракулы. Ведь шесть – число наиболее производящее есть как четно-нечетное, соучаствующее и энергийной сущности согласно с нечетностью, и материальной согласно с четностью. Оттуда древние браком и гармонией его называли: ведь от монады есть только одно в своих собственных частях совершенно, составленное из них, из половины - тройки, из трети же – двойки, из шестой же – единицы[24]. И просто сказать, что и мужское и женское есть происхождение, как и сама Афродита, мужскую и женскую имеющая природу, и поэтому у теологов мужско-женская называемая. И другие говорят: «шесть – число душеродное есть, от шестерки {εξάδος} равной сфере всего, и противоположное же смешивает, к единомыслию и дружбе ведет, а затем здоровье внушает телам, созвучие же в лире и музыке, доблесть в душе, а в городе процветание, и обо всем – промысел. Оттуда и Орфей о шестерке такое говорит:

«Будь милостиво, славное число, отец блаженных, отец мужей!»]

11. Седьмой день египтяне и халдеи посвящают Файнонту, так согласно им называемой звезде, всего высочайшей, охлаждающей сверху и высушивающей ближе. Кроном же его у эллинов обычай называть согласно божественному учению, каковое – пресытившийся ум {διακορῆ νοῦν}, согласно этимологии как если бы наполненный и пресыщенный годами, вместо «долголетний». Однако пифагорейцы вождем всего семерку {ἑβδόμην} считали, то есть единицей, – и свидетель Орфей, говорящий так:

«Семерка, кого возлюбил царь-дальновержец Аполлон».

Аполлоном {Ἀπόλλωνα} же мистически единицу называли, как мы определили, вследствие того, что выше была многого {πολλῶν}, то есть единственной. Справедливо, итак, не имеющим матери число семь Филолай прозвал - единственное ведь и не для того чтобы рождать и не рождаться произошло. Оно же и не рождающее, и не рожденное - неподвижное – в движении ведь рождение, так как и рождающее, и рожденное не без движения есть: как для процесса рождения, так и для процесса появления на свет, - как и сам ритор Тарантин говорит таким образом же: «Есть ведь вождь и начало всего, один вечно сущий бог, постоянный, неподвижный, он сам себе подобен». Математики же, к более мифическому склоняющиеся, к Крону седьмой день обращают, как если бы отцу видимых богов: так как ведь всех блуждающих планет возвышеннее у них Крона называется звезда, которому, разумеется, седьмой день посвящен, как наивышний всего. Поэтому семерка {ἑβδομάς}, составленная из одного и двух и четырех[25], имеющая два наиболее гармоничных числа: как утроенное, так и учетверенное.] Имеет же и разделение связка, каким-либо образом составляемое: разделяется ведь сначала на единицу и шестерку, затем на пятерку и двойку, и наконец на тройку и четверку – наиболее музыкальное этих чисел соотношение. Простирается же ее природа и на всю до единого видимую сущность, небо и землю. Например, конечно, говорят, что небо опоясано семью кругами; чьи названия такие же: арктический, антарктический, летний, зимний, равноденственный, зодиакальный, и кроме того, млечный путь. Ведь таковое число божественное

[22] 1+2+3+4=10.

[23] При умножении на 5 в конце получившегося числа либо 0, либо 5.

[24] 6 – единственно после 1 совершенное число, так как равно сумме своих делителей: 3=6/2, 2=6/3, 1=6/6 => 3+2+1=6.

[25] 1+2+4=7.

есть. Оттуда и по начальническому слову наша душа на семь частей раскалывается: как на пять чувств, так и на речевой орган, а также орган ко всякому деторождению способный. И все это же в семи рассматривается: в осязаемом теле, в расстоянии, в форме, в величине, в цвете, в движении, в неподвижности, - и против этого ничто другое не согласовывается наблюдающими. Ведь чувства твердые кубические тела предвосхищают, твердые кубические тела же – плоские тела, плоские тела же – стороны, стороны же – линии, линии же – точки, а точки же – числа, они же очевидно и для тел случаются. Семь же и звуков перемен: острый, тяжелый, облеченный, созвучный, слабый, а также долгий и краткий. Оттуда и на седьмом месяце плод совершенно сформировавшийся произошел, как Гиппократ говорит: ведь числа душеродная совершенная сила на седьмом месяце проявляется, потому что совершенный круг времени и числом совершенным и мировым, наиболее душевладеющим и наиболее душеродным окружается; и ведь душу Тимей из семи чисел составил. И движений же всех только семь есть: и или вверх, или вниз, или вправо, или влево, или вперед, или назад, или по кругу. Из букв же звучащих - семь, после того как и от самих себя казались звучащими, так и другими составленными, звук связный образовывая: из полузвуков ведь, восполняя недостаток, целые звуки приготавливаются, немых же природа и переворачивается и изменяется, чтобы сделать из непроизносимого произносимое. И что бы мы сказали, когда б и природа вод вне силы семерки не оставалась бы? Итак, Дионисий в «Основаниях» говорит, что халкидский Пролив {Εὐριπον} семь раз по дням поворачивается, в согласии только с гебдомадами устанавливаясь. И из этого же умопостигаемой вечности есть возможность увидеть паруса - собираются ведь они сперва из часов, затем из дней, затем из гебдомад, после того из месяцев, потом из годов, оттуда из времен, и наконец из веков к первообразной идее умопостигаемого и отца-родителя вечности.

УДК 94

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ТРАКТОВКЕ СЕБЕОСА

SEBEOS'S INTERPRETATION OF THE BYZANTINE EMPIRE

П.А. Акопян
P.A. Akopian

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Nyzhny Novgorod University, 23 Gagarina St., Nyzhny Novgorod, 603950, Russia

e-mail: pavel-aa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается написанная во второй половине VII века «История императора Ираклия» армянского автора Себеоса и отражение в ней образа Византии. Делается вывод о том, что определяющим критерием в трактовке политики византийских императоров и Византии в целом является религиозный фактор. Также в определенной мере показано общее и особенное в отношении раннесредневековых исторических сочинений Армении и Византийской империи на примере сочинения Себеоса.

Resume. The paper examines «The History of the Emperor of Heraclius» by Sebeos that was written during the second half of the 7th century. The author comes to the conclusion that the religious factor was the critical criterion for Sebeos in the interpretation of the Byzantine policy towards Armenia.

Ключевые слова: Себеос, Ираклий, Армения, Византийская империя, Халкидонский собор.
Key words: Sebeos, Heraclius, Armenia, Byzantine Empire, Council of Chalcedon.

«История императора Иракла» армянского автора VII века Себеоса[1] охватывает, как об этом пишет сам создатель, три эпохи: героическое (мифическое), историческое, современное историку бедственное время. На первый взгляд, представляется, что подобный подход к написанию истории собственного народа напоминает модель, предложенную «отцом армянской истории» Мовсесом Хоренаци (V век), изложившим в своем произведении историю армян с древнейших времен до падения Армянского царства Аршакидов. Однако конструирование исторического нарратива у Себеоса сильно отличается от Хоренаци, прежде всего тем, что развитие армянской исторической мысли VII века было тесно связано с ключевыми событиями не только собственной истории, но и истории соседних держав. Концептуальный анализ повествования Себеоса показывает, что отбор материала, организация повествования, охват событий автором – все это подкреплено определенной логикой: чтобы история, которую автор собрал воедино, сохранила смысл, нельзя концентрироваться только на Армении. Структура мира вокруг Армении за описанное армянским писателем время изменилась до неузнаваемости. Именно поэтому, одной из примечательных черт «Истории» является ее географический охват. Кроме того, армянский автор в качестве ядра своей исторической концепции выбирает теорию четырех империй[2], среди которых, помимо «восточного государства Сасанидов», «северного царства Гога и Магога» и «царства исмаильтян», выделяет «западное государство греков (ромеев)» (Себеос. III. 32). Византийцам и империи в целом Себеос уделяет пристальное внимание, особенно когда повествование касается современных автору событий. Историк довольно четко формулирует не только позицию Ирана в отношении армян, но и ой-

[1] ՄՄ 2639 – Սեբէոսի. Պատմութեան մեզ հասած ամենահին ձեռագիրն է, 1672 թ.; The Armenian History attributed to Sebeos / Translated with notes by R.W. Thomson. Historical commentary by J. Howard-Johnston and T. Greenwood. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1999; История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянц. Ереван: Изд-во Арм. филиала АН СССР, 1939; История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна (К. Патканова). СПб., 1862.

[2] О самой теории и ее интерпретации в историографических традициях Запада и Востока см., например, Swain J.W. The Theory of Four Monarchies Opposition History under the Roman Empire // Classical Philology. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 1-21; Flusser D. The Four Empires in the Fourth sibyl and The Book of Daniel // Israel Oriental Studies. 1972. Vol. 2. P. 148-175; Winston D. The Iranian Component in The Bible, Apocrypha and Qumran // History of Religions. 1966. Vol. 5. P. 189-192; Mendels D. The Five Empires: A note on a Propagandistic Topos // The American Journal of Philology. Vol. 102. No. 3. P. 330-337; Greenwood T. Sasanian Echoes and Apocalyptic Expectations: A Re-Evaluation of the Armenian History attributed to Sebeos // Le Muséon. 2002. Vol. 115. No. 1–2. P. 323-397 и др.

куменические претензии ромеев[3] (III. 6). Армянский автор убедительно показывает, что на протяжении нескольких столетий в поле зрения Армении находились как минимум два государства с великодержавными устремлениями – Иран и Византия.

Себеос приводит синхронные таблицы персидских и армянских царей, персидских и византийских правителей, однако эта информация не наполняется у автора событийностью. Провести реконструкцию ключевых исторических событий раннехристианской армянской истории в ее связи с византийской или персидской до конца VI века по данным «Истории императора Ираклa» довольно сложно. Акцент на современных автору событиях даже стал для исследователей Себеоса одним из поводов, чтобы усомниться в авторстве начальной части «Истории»[4]. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть отношение Себеоса к Византийской империи.

Армянский автор хорошо осведомлен о военной и политической истории Византии и конфессиональных спорах в империи. Однако найти в текстовом пространстве «Истории» сведения об экономической и социальной истории, о византийской культуре, читателю не удастся. По мнению В.А. Арутюновой–Фиданян, образ Византии у армянского историка складывается из его представлений о византийских императорах и о «греческом» войске в Армении[5]. С этим утверждением трудно поспорить, если речь заходит об императорах-современниках Себеоса либо о тех, кто правил империей в период, хронологически близкий ко времени жизни армянского автора (например, это Маврикий, Фока и др.). Начальная история Восточноримской империи и ее взаимоотношений с армянским миром Себеосом не освещается, по всей вероятности, по причине того, что эта история была рассказана и освещена в предшествующей историографии авторами V века – Павстосом Бузандом, Мовсесом Хоренаци. Нет упоминаний в сочинении и о политике Юстиниана I (527–565), стремившегося включить Армению в византийский политический и культурный круг.

Определяющим и, пожалуй, главным персонажем в описанной Себеосом картине взаимоотношений Византия ↔ Армения первой половины VII в. н. э. выступает император Ираклий[6]. Следует сразу оговорить, что у Себеоса позиция к личности Ираклия складывается из нескольких категорий отношений: с одной стороны, Ираклий → Византия (византийцы), с другой – Ираклий → Армения (армяне). Автор, несомненно, не может не отметить череду тех достижений императора, повлекших за собой «успокоение государства» (III. 24). Ираклий также выступает освободителем одной из самых великих святынь христианского мира – Священного Креста Господня (III. 28). В отношении византийцев и Византийской империи Себеос рисует идеализированный образ императора, наделяя его обязательным набором стандартных характеристик[7] – «боголюбивый, благочестивый, благодатный, храбрый, победоносный, блаженный спаситель Иракл.., который спас всю землю от пожара» (III. 33). Строкой ниже Себеос говорит, что «это же самое дарует нам Христос, Бог наш, чрез благочестие...». По сведениям автора, сразу после восшествия на престол Ираклий отправил к персидскому царю Хосрову посольство с целью начать процесс переговоров и заключить мир и вступил в войну только тогда, когда получил оскорбительный ответ на свои мирные предложения. Себеос изображает Ираклия не только миролюбивым, но и милосердным, когда правитель Византии отпускает пленных, возвращает военную добычу и милует даже тех своих врагов, которые «не заслуживают милости».

Субъективно, но основная концептуальная идея всего сочинения все же не позволяет утверждать, что Себеос, создавая в некоторой степени идеализированный образ монарха, последовательно сближает Ираклия с армянским миром. Безусловно, Ираклий выступает идеалом монарха-христианина, но в отношении византийцев. Историк не может не оценить тот вклад, который император внес в развитие империи и ее областей. Однако будучи монофизитом, критиком состоявшегося Халкидонского собора, автор не забывает о религиозных распрях между армянами и византийцами. «Двойные стандарты» Себеоса в изображении императора в той или иной степени, по всей видимости, демонстрируют стремление к объективности, которой автор старался придерживаться, хотя не всегда удавалось.

---

[3] Ромеи и греки у Себеоса идентичны (Арутюнова-Фиданян В.А. Византийские идеологемы в армянской историографии X-XI вв. // Сравнительное изучение цивилизаций (междисциплинарный подход). Сборник статей. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 223)

[4] См., например, Абгарян Г.В. История Себеоса и проблема Анонима. Ереван, 1963; Манандян Я.А. Начальная история Армении Маар-Абаса // Палестинский сборник. 1956. №2. С. 64-65; The Armenian History attributed to Sebeos / Translated, with Notes, by R. W. Thomson, historical Commentary by J. Howard-Johnston, Assistance from T. Greenwood (Translated Texts for Historians). 2 Volumes. Liverpool: Liverpool University Press, 1999; Thomson R.W. Biblical Themes in the Armenian Historian Sebeos // After Bardaisan: Studies on Continuity and Change in Syriac Christianity in Honour of Professor Han J.W. Drijvers / Ed. by G.J. Reinink and A.C. Klugkist. Leuven, 1999. P. 295-302.

[5] Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М.: Индрик, 2004. С. 80-81. О «греческом войске» в Армении см., например: Арутюнова-Фиданян В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // Византийский временник. Т. 61(86). М., 2002. С. 66–70.

[6] Арутюнова-Фиданян В.А. Себеос об Ираклии // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб.: Алетейя, 2003. С. 150-159; Ващева И.Ю. Константин Великий: вариации образа в христианских историях Поздней Античности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №4(3). 2013. С. 54-55. Вместе с тем, определять эту фигуру в качестве главной всей «Истории».

[7] Цит. по: Ващева И.Ю. Константин Великий: вариации образа в христианских историях Поздней Античности... С. 54.

Реконструируя армяно-византийские отношения, Себеос отчетливо показывает их противоречивый характер, особенно когда дело касается религиозного вопроса. В 29-й главе Третьего Отдела «Истории» видно, что исповедание веры было изложено Ираклием в удобной для армян форме: анафематизмы на Нестория, Халкидонский собор императором не осуждался. Непринятие положений Вселенского собора 451 года позволяют Себеосу, при всех отмеченных им же достижениях Ираклия, выступать с критикой императора. Использованный в 33-й главе в тексте сочинения синхронизм Христос–Ираклий также не является случайным. Подобный литературный прием был довольно распространен в ранневизантийской историко-церковной традиции и часто применялся к различным императорам, подчеркивая тем самым весомую, если не главную, роль империи в истории спасения человечества[8]. Объяснить использование этого приема Себеосом несколько сложно, поскольку его применение несколько противоречит авторской позиции в отношении императора. Можно лишь предположить, что армянскому автору были известны шаги Ираклия, предпринятые для сохранения единства империи, серьезно подорванного богословским спором с монофизитами. Речь идет, прежде всего, об издании Ираклием «Эктесиса», в котором утверждалось, что Христос обладал только одной волей (одной богочеловеческой энергией). Вполне предсказуемо, что основное положение этого документа должно было удовлетворить восточных монофизитов, к числу которых относились и ортодоксальные армяне (в том числе и сам историк, сторонник веры святого Григория Просветителя). Возможно, именно в этом обстоятельстве и кроется противоречивая оценка религиозной политики императора.

Отношение Себеоса к византийцам можно также проследить и на основании письма, прикрепленного к тексту «Истории» и составленного, как пишет автор, несколькими армянскими епископами (III. 33). Это письмо, написанное на соборе в Двине в 649 году, адресовано византийскому императору Константу II. В нем открыто излагается и защищается монофизитская позиция армянской Церкви. Большинство современных исследователей Себеоса, в том числе видный британский исследователь Дж. Ховард–Джонсон, отмечают высокую подлинность письма[9]. Его документальный характер обоснован, по их мнению, как формой, в частности, почтительными выражениями в начале и в конце, так и содержанием (касающимся скорее христологических вопросов, нежели ритуальных различий, споры о которых будут вестись позже[10]). Отнести данный эпистолярный материал к официальной корреспонденции не представляется возможным. Содержательная часть документа напоминает идеологию догматического письма и имеет преимущественно полемический характер. Не исключено, что вариант письма, встреченный в тексте сочинения, является отредактированным и прошедшим авторскую стилизацию. Документ представляет собой ответную реакцию представителей ортодоксальной части армянского духовенства[11] на требование со стороны Византии принять положения проведенного в 451 году Халкидонского собора. По своей структуре письмо состоит из трех основных положений, доказывающих истинность армянской веры святого Григория: 1) армянское вероучение было признано со стороны персидского правителя, и Хосров Парвиз вскоре после завоевания Иерусалима в 614 году постановил, чтобы все христиане, подконтрольные ему, приняли веру армян как единственно правильную; 2) возникновение веры и учения святого Григория предшествовало состоявшемуся в 325 году первому в истории христианской Церкви Вселенскому собору; отмечается, что Никейский собор лишь подтвердил армянскую веру; 3) учение Армянской Церкви в большей своей части основывается на работах ранних отцов[12]. Уже из этих положений видно, что Себеос пытается возвысить Армянскую Церковь над Византийской. Для автора фигура святого Григория являлась «источником правильной (истинной) веры», и этот факт в сознании историка был настолько значимым, что Себеос не предпринимает никаких попыток, чтобы приписать апостольское происхождение Армянской Церкви. Автор гордо заявляет, что царь Трдат и армянская знать приняли христианство «за тридцать лет до Константина» (III. 33). Таким образом, в тексте сочинения вероучение святого Григория армянским историком подтверждается дважды: во-первых, на Никейском соборе, на котором присутствовал сын Григория Ари-

---

[8] Идея нераздельной связи христианства и Римской империи оставалась господствующей в исторических (историко-церковных) сочинениях византийских писателей. См. об этом, например, Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1988; Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб.: Алетейя, 1997; Тюленев В.М. Возникновение и развитие латинской христианской историографии в IV – начале V века: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03. СПб., 2004; Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности: Автореферат дисс… д.и.н.: 07.00.03. Белгород, 2013.

[9] См., например, Thomson R.W. The Defence of Armenian Orthodoxy in Sebeos // AETOS: Studies in Honour of Cyril Mango (eds. I. Ševčenko and I. Hutter). Stuttgart, 1998. P. 329-349; The Armenian History Attributed to Sebeos / Translated, with Notes, by R. W. Thomson, historical Commentary by J. Howard-Johnston, Assistance from T. Greenwood…P. lii–lviii и др.

[10] Цит. по: Thomson R.W. The Defence of Armenian Orthodoxy in Sebeos… P. 332.

[11] Себеос, в отличие, скажем, от других армянских историков, например, Егише, Парпеци или Павстоса Бузанда, не так сильно акцентирует внимание на расколе внутри армянского духовенства. Однако в «Истории императора Иракла» все же есть сведения и о той части армянского епископата, признавшей учения 451 года (см., например, III. 29).

[12] Себеос пишет, что армяне аппелируют к святому Григорию, который проповедовал: «тем, которые поверили в плоть, он показал божественность свою и те, которые не поверили плоти Его, отвергли его природу»; Себеос говорит о том, что «святой и пречестный католикос наш Григорий, воспитанный и учившийся в Кесарии Каппадокийской, учил нас… основанные на нем, мы непоколебимо пребываем до сего дня, и кроме его мы почитаем учителями истинных и святых отцов, которые все учили по-никейски… » (III. 33).

стакес, во-вторых, в процессе визита Трдата и Григория к императору Константину с целью установить союзные отношения (III. 33). Эти сведения Себеоса несколько противоречат данным другого армянского историка V века Агатангехоса. По словам последнего, после крещения всей царской семьи и армянской знати, царь Трдат вместе со святым Григорием направились ко двору византийского императора Константина с целью установить союз и поведать о случившихся с ним и его страной новых изменениях (Агатангехос. CXXVII. 873–883; CXXVIII. 884–888). Никейский же собор, на котором присутствовал сын Григория, был по времени позже визита Трдата и католикоса в Константинополь (Агатангехос. CXXVIII. 884–900). Таким образом, если предположить, что Себеос умышленно допускает эту хронологическую ошибку, то из этого вытекает, что Никейский собор в сознании армянского автора становится тем местом, где была утверждена правильная христианская вера, и представительство Армении на этом соборе в глазах историка приобщает страну и армянский народ к истинному вероучению. Это, в свою очередь, позволяет Себеосу открыто критиковать положения Халкидонского собора, а вместе с этим и политику византийских императоров (например, Маврикия, Фоки, Константа II) по насаждению этого учения среди армян.

Итак, историю армянского народа Себеос рассматривает не изолированно, а в тесной связи с крупнейшими государствами средиземноморской ойкумены и Передней Азии, помещая ее в современный автору политический контекст, с целью ухватить значительные внешние силы, в той или иной степени, повлиявшие на судьбы армян. Одной из таких сил оказалась Византийская империя. Несмотря на свой обширный хронологический охват, все же представляется, что рассматривать «Историю императора Ираклa» в качестве источника по ранневизантийской истории преждевременно. Во-первых, собственно христианская армянская история IV–VI веков в ее связи с Византией лишена событийного ряда, во-вторых, информация, касающаяся империи, отражает лишь только «сухой» перечень византийских правителей, служивший наряду с хронологическими таблицами правлений персидских царей своеобразным ориентиром в конструировании временной ориентации «Истории». Если в отношении ранней истории армян Себеос может позволить себе «умолчать», так как она нашла отражение в предшествующей историографической традиции в лице Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, Егише, Лазаря Парпеци, то поступить подобным образом в отношении политических событий современной действительности автор не решается. Текст исторического сочинения позволяет довольно четко выстроить систему критериев, на основе которых и формируется авторское отношение к Сасанидскому Ирану, арабам, а также византийцам. Определяющим критерием в оценке Византийской империи у Себеоса становится религиозный: прослеживается стремление автора исключить влияние византийской Церкви из истории армянского христианства, показать независимость последней от греческой.

УДК 94(4)"1945/..."

ТУРЕЦКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ АССОЦИАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

THE TURKISH RELIGIOUS ASSOCIATIONS OF WESTERN EUROPE IN THE SECOND HALF OF XX CENTURY

Ф.М. Рамазанова
F.M. Ramazanova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: fati.ramazanova@gmail.com

Аннотация. Проблема приезжих мигрантов-мусульман является актуальной для всех западноевропейских стран и привлекает к себе внимание многих исследователей. В данной статье рассмотрены исламские организации двух ведущих стран Европы, где количество приезжих мигрантов из Турции играет большую роль в выборе направления внутренней политики этих стран – Франции и Германии. В качестве вторичных источников при подготовке исследования были использованы работы иностранных авторов. Перевод ранее не переведенных работ на русский язык позволил осветить вопросы, которые являются малоизученными в современной историографии.

Resume. The problem of muslim immigrants is considered to be actual for all Western Europe countries and attracts attention of many scientists. In this article there are islamic organizations of the two leading europeans countries: France and Germany, where the quantity of migrants from Turkey plays a great role in choosing directions of domestic policy, reviewed the scientific works of foreign authors were used as secondary source in preparation for this research. Translation of these non-previously translated works to Russian let us to investigate the questions that has not been sufficiently explored in Russian historiography.

Ключевые слова: турецкая трудовая миграция, исламские организации, Германия, Франция.
Key words: turkish labour migtation, islamic organizations, Germany, France.

После Второй мировой войны Германия остро нуждалась в рабочей силе, в т.ч. и в мигрантах. В результате экономического роста увеличился спрос на рабочую силу. Первый пятилетний план развития Турции (1962–1967 гг.) возглавил пункт "экспорта избыточной неквалифицированной рабочей силы в Западную Европу". Это была одна из возможностей для смягчения безработицы, приобретения новых навыков, что, тем самым, способствовало индустриализации страны[1].

В 1980-х гг. появляются ассоциации и, особенно, федерации мусульман, планы которых тесно связаны с жизнью в Германии. Для лучшего понимания процесса социализации мусульман в Европе необходимо различать термины «общество» в широком смысле и «община» в более узком. Мусульманские общины, часто состоящие из нескольких ассоциаций, хотят быть «исламскими» в определенном смысле и стремятся к реализации планов на благо своей общины, например, организация молельных залов. Мусульманское общество напротив, состоит из мусульман, которые живут и собираются вместе, например, в городском квартале[2].

Одной из самых значительных организаций на сегодняшний день является Союз Исламских Культурных Центров (VIKZ), образованный в 1984 г. При создании этой организации преследовалась цель защитить права турецких иммигрантов[3]. Организации принадлежит около 300 самостоятельных общин. Один из союзов называет себя "Süleymanci" (приверженцы Сулеймана), так как среди учредителей организации стоял Сулейман Эфенди. Он являлся религиозным лидером суфийского братства Накшбандия. Еще будучи в Турции, в 1951 г. он организовал свою школу тарикатского учения, а уже в 1959 г. часть его последователей мигрировала в Германию, где продол-

[1] Economic Growth: From Open labour market to Fortress Europe. URL: http://www.let.leidenuniv.nl/history/migration/chapter9.html

[2] Waardenburg J. Religion and Reason : Muslims and Others : Relations in Context. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2003. С. 342.

[3] См. Деминцева Е.Б., Амиро В. Ислам в Европе и в России. М., 2009.

жила дело своего мюршида (духовного руководителя суфийского ордена)[4]. Среди тарикатских братств существует малочисленная община курдского происхождения – Нурси (Nurcu), основанная в Турции шейхом Саидом Нурси в 1930 г.[5]

В 1983 г. в Кельне основывается Даянет или Турецко-Исламский Союз по Вопросам Религии (DITIB) как ветвь Управления по Вопросам Религии, находящийся в Анкаре. Образованию этой организации способствовало турецкое правительство, поскольку Турция была обеспокоена защитой европейский турок против опасных идей и политических движений. Руководитель организации и его помощники в своем большинстве являлись турецкими государственными служащими. Эти два совета, упомянутые выше (Центральный Совет Мусульман и Исламский Совет), занимались организацией будущих мусульманских сообществ в Германии в пределах немецкого права[6].

В 1986 г. создается Исламский Совет по Федеративной Республике Немецких Мусульман, год спустя – Центральный Совет Мусульман в Германии. После многие местные исламские ассоциации присоединялись к ним, а члены их коалиции включали в себя организации с разнообразными национальными, культурными и социальными различиями[7].

Большинство братств в Германии остается в значительной степени «невидимыми». Мусульманские организации вообще рассматриваются с подозрением, и некоторые ведущие немецкие журналы регулярно публикуют статьи, изображающие суфизм как политическую тайную организацию[8]. Турецкое население, иммигрировавшее в Европу, периодически ассоциируется в европейском воображении с единым сообществом, своего рода гетто, избравшим для себя путь замкнутости и сопротивления в любой форме участия в жизни принявшей их страны[9].

Иммиграция из Турции во Францию начинает свою историю с 1960-х гг., после того, как Франция и Турция подписали первое соглашение о приглашении рабочих (1965 г. – соглашение о трудовой миграции с Турцией). В этой благоприятной ситуации спроса и предложения некоторые крупные предприятия руководствовались желанием диверсифицировать свои иностранные трудовые компании посредством турецких рабочих. В основном, рабочие были задействованы в областях, не требующих определенной квалификации, например, в лесной или литейной промышленности.

С годами все большее число мигрантов представляли сельские районы Турции и меньшее количество развитых регионов. Отправившихся в 60-е гг. в Германию людей можно назвать «сливками» турецкого рабочего класса, в то время как во Франции в 70-е гг. большинство приезжих мигрантов были крестьянами[10]. Иммигранты, в основном, по своему происхождению являлись выходцами из центральной и восточной части Турции, где превалирует занятие сельским хозяйством. Расселение проходило в таких регионах, как Иль-де-Франс, Рона-Альпы и Эльзас. В 1980 г. турецкие мигранты заняли Овернь, Лимузен, Бретань и Бургундию.

Мигранты из Турции очень разнородны с точки зрения этнических групп (например, турки, курды, казахи) и конфессий (мусульмане, католики, православные). После военного переворота 1980 г. новая волна мигрантов направилась во Францию в поисках убежища. Во второй половине 1980-х гг. курды также переселялись в качестве беженцев. Некоторым из них не удалось получить разрешение на жительство, что их не остановило в решении остаться во Франции, несмотря на нелегальный статус[11].

Новый закон (1974 г., останавливающий миграцию работников, не входящих в ЕС) ввел много условий для тех мигрантов, которые хотели пригласить свои семьи. Тем не менее, несмотря на трудности по воссоединению, многие семьи мигрантов решились на переезд во Францию. По мнению некоторых экспертов, частые изменения в законодательстве привели к тому, что большая часть переселенцев осталась без вида на жительство. Действительно, данные разрешения было очень сложно получить или продлить. Это привело к расширению черного рынка[12].

В начале 70-х гг. Милли Герюш (Milli Görus) уже была распространена в Европе, но в качестве неофициальной сети запрещенной политической партии Турции. Первые шаги начались с организации молельных комнат в общежитии, далее мечетей, которые в 70-е гг. были включены в общую сеть, проложившую путь к организации Милли Герюш (Milli Görus), сначала в Германии, а

---

[4] Официальный сайт организации VIKZ в Германии. URL: http://vikz.de/index.php/organisation.html/

[5] Del Valle A. La Turquie dans l'Europe: Un cheval de Troie islamiste? France: Paris éditions des Syrtes, 2004. C. 121.

[6] Официальный сайт ассоциации DITIB. – URL: http://www.diyanet.gov.tr/

[7] A scientific advisor for the Board of the Islamic Council for the Federal Republic of Germany. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/17388/ISIM_5_Muslims_in_Germany.pdf?sequence=1/

[8] Malik J., Hinnells J. Sufism in the West. USA, Canada, 2006. URL:http://sufibooks.info/Sufism/Sufism-in-the-West-Jamal_Malik_and_John_Hinnells.pdf/

[9] Hochmuth H. Turks in Germany // The journal of Turkish Weekly. URL: http://www.turkishweekly.net/article/146/turks-in-germany.html/

[10] Erpuyan M.V. Immigration turque en Europe et en France. URL: http://www.ataturquie.asso.fr/informations_immigration.htm/

[11] Tebbakh S. Muslim in the EU: Cities raport: France. France: Institut d'Etudes Politiques de Grenoble, 2007. C. 14-18.

[12] Hamilton K. Migration Policy. France: Institute Patrick Simon, Institut National d'Études Démographiques (INED) with Migration Policy Institute, 2004. URL: http://www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?ID=266/

затем во Франции. Милли Герюш (Milli Görus) стала той организацией, которая объединила турецких мигрантов Германии, Франции и стран Бенилюкса. Если под контролем Даянет (DITIB) находится 800 мечетей только в Германии, то Милли Герюш (Milli Görus) распространяет свое влияние на 514 мечетей, находящихся в Европе[13].

В 1981 г. в законодательстве появляется закон, дающий право иностранным гражданам на создание общественных организаций, который непреднамеренно создал правовую основу для религиозных объединений. Среди организаций, представляющих турецкое население, необходимо отметить Исламский Союз Национальной Ассоциации Франции, основанный в 1981 г. и связанный с Милли Герюш (Milli Görus). Данная организация имеет тесные связи с Исламской партией (ныне более известная как Партия Процветания) и Исламской Ассоциацией Франции, основанной в 1984 г. и сотрудничающей с немецким фундаменталистским движением Каплан под руководством Джамалладина Хокаоглы[14].

С 1985 г. тысячи мечетей Германии и Франции были включены в сеть Даянет (DITIB), или же были основаны под их руководством. При исследовании религиозных образований турецких мигрантов Франции следует иметь в виду, что Даянет (DITIB) не обладает мощной религиозной принадлежностью. Кроме того, общественные объединения при Даянет (DITIB) не занимаются исключительно религиозной деятельностью, и даже директора структур бывают далеки от органической связи с турецким государством. Другими словами, тот факт, что подавляющее большинство турецких ассоциаций Франции делится между Милли Герюш (Milli Görus) и Даянет (DITIB), не означает, что они придерживаются тех же идеологических концепций.

Ряд организаций, которые в течение долгого времени не могли развиваться и расширяться в Турции, нашли себе пространство для деятельности во Франции, где они имели больше возможностей укрепиться. Кроме этих двух крупных организаций существуют также приверженцы Сулеймана, Идеалисты (Ülkücü) и Алевиты.

Приверженцы Сулеймана во Франции более строго соблюдают правила общественного структурирования, в особенности следят за религиозными и национальными ценностями молодых учеников, за менталитетом, подкрепляемым верой в соответствии с взглядами ордена; регулируют социальную, частную и религиозную жизнь.

Ассоциация Идеалистов (Ülkücü) стоит отдельно от остальных религиозных и национальных обществ. Объединившись во Франции под именем Федерации Объединенных Турецких Семей Франции, рассматриваемая организация предпочла быть в стороне от официального ислама и Милли Герюш (Milli Görus), демонстрируя свою закрытость. В отличие от последней, Идеалисты (Ülkücü) не заинтересованы в участии политической жизни Франции, за что Милли Герюш (Milli Görus) неоднократно подвергалась критике. Но стоит подчеркнуть, что данная ассоциация является относительно маргинальной по отношению к остальным. Также можно упомянуть орден Накшбанди, который выходит за пределы периферии четырех вышеупомянутых сетей, под чьим контролем находятся несколько религиозных центров по всей Франции[15].

В Западной Европе большинство местных организаций имеет значительное влияние, если не всю административную независимость. Руководство мечети несет ответственность за определение направления ее деятельности, в особенности, в том, что касается богослужения и праздников. Существование мусульманских организаций показывает, насколько много проделано для устранения трудностей с пути к организации общеевропейских мусульманских объединений. В 1980 гг. отмечалась высокая степень языковых, культурных, этнических, идеологических и политических различий с обеих сторон, и отсутствие компетентных лидеров, способных к ведению диалога. Совершенно очевидно, что на сегодняшний день уже выработана система, которая с успехом работает, что является одной из причин разрастания мусульманских общин[16].

Германия и Франция являются крупнейшими «принимающими» сторонами мигрантов в Европе. Несмотря на общность политики ЕС по данному вопросу, каждая страна в отдельности устанавливает отношения с мигрантами. Политика немецкого деления на иностранцев и «своих» призывала к сохранению родной культуры: например, с 1960-х гг. появляется радиовещание на турецком языке. Данные меры были нацелены на минимальное возвращение мигрантов обратно в свои страны.

Но подобный подход не распространялся на религиозную жизнь. Не существовало церковного налога для турок, который бы давал права на создание религиозных институтов. Государство оказывает некоторую финансовую поддержку, которая идет на социальное обеспечение. Кроме того, в земле Северный Рейн-Вестфалия органы образования поручили преподавание основ вероучения ислама в циклах изучения религий и разработку необходимого учебника. Целью такого

---

[13] Yurdakul G. From Guest Workers into Muslims: The Transformation of Turkish Immigrant Associations in Germany. GBR: Cambridge Scholars Publishing, 2009. C. 90

[14] Heneghan T. Uncertain future for France's Muslim council. USA: Thomson Reuters, May, 2008. URL: http://blogs.reuters.com/faithworld/2008/05/05/uncertain-future-for-frances-muslim-council/

[15] Kucukcan T. Turks in Europe: Culture, Identity, Integration. Turkey: Turkevi Research Centre, 2009. C. 44

[16] Marechal B. Muslims in the Enlarged Europe : Religion and Society. NLD: Brill, N.H.E.J., 2003.

подхода является содействие с мусульманами для выработки у молодого поколения ценностей демократического общества. Но это не означало, что мусульмане получили легкий доступ к государственной системе.

На сегодняшний день правительство не признало ни одну из мусульманских групп в качестве государственной корпорации. Признание государством права мусульман Германии и Франции можно интерпретировать в зависимости от сформированных конституционных форм религиозно-государственных отношений в каждой стране, а также сложившейся истории взаимоотношений между первыми религиозными ассоциациями и правительством.

Частые политические споры в Германии и Франции по вопросу официальной регистрации мусульманских организаций еще не предполагает неизбежного результата в сторону первых. Тем не менее, унаследованная структура и практика в данном вопросе сформировали контуры политических дискуссий в данных аспектах[17].

На перекрестке мощных объединительных движений 60–70-х гг. в Европе, наряду с другими общинами, турецкая диаспора начинает заниматься созданием организаций в попытке избежать рабочей эксплуатации, в основе которых лежит религия. Это привело к восстановлению религиозной жизни и образа жизни, основанных на представлениях о соотношении религии и государства, женщин и моральных кодексов повседневного поведения, которые противоречат современным представлениям европейских либеральных государств. Этот призыв к исламу являлся источником идентификации для второго и третьего поколения молодых людей, которые пытаются найти свое место между культурой родителей и культурой принимающей страны.

Тем не менее, говорить об определенной институционализации и признании со стороны европейских государств можно лишь с большой натяжкой. Одной из наиболее острых проблем на сегодняшнее время является изображение ислама в виде серьезной опасности, что можно коротко обозначить термином «исламофобия».

Немецкая государственная политика в отношении турецких мигрантов не поощряла интеграцию в Германию на основе любой формы плюралистического либерализма.

Во Франции, где на сегодняшний день делается упор на светский характер, имеют место ряд препятствий, несмотря на демократический подход, о чем свидетельствуют дискуссии по вопросу хиджаба[18]. Французское правительство стремилось преобразовать мигрантов во «французов». Франция предоставляла гражданство, но в качестве условия требовала полной ассимиляции и верности светским ценностям Французской Республики. Характерным для Франции является то, что при столкновении между религиозными и светскими институтами, государством на первое место выдвигалась светская идеология. Но французские мусульмане не заставили долго ждать ответа – яркой формой стали уличные протесты в пользу прав на исповедование ислама как культурного самовыражения, но без отхода от верности Республике[19].

Внимательно изучив ассоциации Германии и Франции, можно сделать вывод, что Милли Герюш (Milli Görus) и Даянет (DITIB) проложили путь турецкому исламу в указанных странах, т.к. занимают лидирующее положение по степени своего распространения и влияния, как и в других европейских странах.

Но стоит отметить, что такие ассоциации, как Идеалисты (Ülkücü) и Накшбанди, напротив, отказались от активной позиции и выбрали замкнутый путь. Приверженцев Сулеймана также можно было назвать закрытой организацией, но в последнее десятилетие наблюдается обратное – направленность на прозрачность и открытость своей деятельности, дабы избежать обвинений в экстремизме со стороны государства.

Рассматриваемые ассоциации в большей степени нацелены на помощь своим соотечественникам во всех сферах жизнедеятельности, будь то закрытые, или открытые организации.

Подавляющее большинство приезжих мигрантов Турции XX в. вступило в ряды приведенных выше сообществ, таким образом, ощущая себя среди «своих», где не менялся прежний уклад их жизни, а право на выбор религии защищалось организацией.

---

[17] Sinno A. H. Muslims in Western Politics. USA: Indiana University Press, 2008. С. 42-44.

[18] См. Hellyer H. A. Muslims of Europe: The 'Other' Europeans. GBR: Edinburgh University Press, 2009.

[19] Statham P. Resilient Islam: Muslim controversies in Europe. USA: Harvard International Review, September, 2004. URL: http://www.thefreelibrary.com/Resilient+Islam%3A+Muslim+controversies+in+Europe.-a0125562331/

УДК 314.743(5-73)

ПРОБЛЕМЫ ЭМИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

MIGRATION PROBLEMS OF THE CITIZENS OF THE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES TO THE UNITED STATES

Ю.Ю. Комлякова
J.U. Komlyakova

Донецкий государственный университет управления,
83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163-а

Donetsk State University of Management, 163-a, Chelyuskintsev St., Donetsk, 83015

e-mail: jkomlyakova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, с которыми столкнулись государства Центральной Азии после обретения независимости, прежде всего, такие как безработица и, как следствие, трудовая миграция в Западные страны, в частности, в Соединенные Штаты Америки. Описываются истоки этого явления, которые заключались в низком социальном статусе женщин, отсутствии работы у мужчин, домашнем насилии. Совокупность всех этих факторов была разрушительной для обществ центральноазиатских стран, вызвав «утечку мозгов», ослабление генофонда, потерю естественного прироста населения и трудовых ресурсов.

Resume. This article deals with some problems faced by the countries of Central Asia after gaining independence, such as unemployment and, as a consequence, labor migration to Western countries, particularly to the United States. It describes the origins of this phenomenon, which were in the low social status of women, lack of working men, domestic violence. The combination of all these factors were devastating to societies of Central Asian countries, causing a "brain drain", weakening the gene pool, the loss of the natural growth of the population and labor force.

Ключевые слова: трудовая миграция, торговля людьми, Центральная Азия, США.
Key words: labor migration, human trafficking, Central Asia, the United States.

Правительства стран Центральной Азии с обретением независимости столкнулись с такой проблемой, как отток беженцев и трудовая миграция. Главными причинами этих явлений стали национализм, сепаратизм, территориальные претензии, экономические реформы, сокращение рынка занятости в сельской местности, клановая борьба, гражданская война в Таджикистане и проч.

Все эти процессы привели к существенным изменениям на рынке труда и к росту внутренней и внешней трудовой миграции. Миграция в регионе постепенно коснулась всех слоев общества, всех возрастных категорий населения, мужчин и женщин разных профессий и социальных групп.

Миграционные процессы в центральноазиатских странах делились на два типа. Первый – это трудовая миграция в рамках Содружества независимых государств, а второй, который и будет нами рассмотрен, – зарубежная миграция, преимущественно в западные страны, в частности, в США.

Истоки распространения среди граждан Центральной Азии такого явления, как трудовая миграция, подробно изложены С. Сулаймановой [1], которая перечислила основные причины этого процесса, пути его осуществления и последствия. Освещением этой проблемы занимались также Г.Т. Алымбекова [2], С. Курбанов [3].

[1] Sulaimanova S. Irregular Labor Migration from Central Asia to the United States // Central Eurasian Studies Review. Vol. 4. № 1; Sulaimanova S. United Consequences of Globalization: The Case of Trafficking of Women from Central Asia // Unintended Consequences of Globalization: the Case of Trafficking of Women from Central Asia. Journal of Central Asian Studies 6. No. 2; Sulaimanova S. Migration Trends in Central Asia: The Case of Trafficking of Women. In In the Tracks of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century / National Defense University Press, 2004. P. 377-400.

[2] Алимбекова Г.Т., Зейналова Е.А. Миграция в Казахстане в постсоветский период. URL: http://ciom.kz/assets/files/Nashi%20publikacii/Migratsiya_postsovetski_period.pdf

[3] Курбанов С. Процессы трудовой миграции из Таджикистана и их экономическое воздействие // Центральная Азия и Кавказ. № 5 (47), 2006.

Задача данного исследования – проследить основные тенденции миграционных процессов, проанализировать влияние этого явления на этнонациональный состав населения, а также охарактеризовать основные усилия международного сообщества, направленные на борьбу с нелегальной миграцией.

Из-за существенной разницы в зарплате трудовая миграция в Соединенные Штаты, даже незаконная, была очень привлекательной для граждан центральноазиатских стран. Большинство мигрантов пользовалось услугами так называемых помощников мигрантов или контрабандистов, которые занимались перевозкой людей. Их услуги заключались в организации миграционного процесса, а также подготовке ответов на вопросы в посольстве при опросе на получение визы. Среди целей поездки в Соединенные Штаты будущие мигранты отмечали следующее: посещение родственников и друзей, которые законно находились на территории США; командировки; обмены, профинансированные религиозными организациями, которые имели представительства в странах Центральной Азии; участие в профессиональных конференциях, проводимых в Соединенных Штатах; обучение на языковых курсах в учебных заведениях США; участие в этнических фестивалях и прочее [4].

Мигранты-выходцы из стран Центральной Азии обычно работали домашними работниками (женщин обычно брали на работу в качестве нянь, горничных, сиделок за пожилыми людьми), продавцами в магазинах, поварами, официантами и мойщиками посуды в ресторанах, горничными в гостиницах или на поденной работе. Они также были заняты в кондитерской и конструкторской промышленности.

Большинство мигрантов, особенно домашние работники, были вынуждены работать по 15-17 часов ежедневно и почти не имели выходных. Некоторые работодатели позволяли нанятым мигрантам брать один выходной день, который обычно был безоплатным, поэтому они вынуждены были искать место ночевки. В Соединенных Штатах существовала целая сеть неофициальных «гостиниц», хозяевами которых были русскоязычные иммигранты, где любой мог получить кровать в общей комнате за 10–15 долларов США за одну ночь. Мигранты, которые только приехали в Соединенные Штаты, также некоторое время жили в таких заведениях, пока не находили работу [5].

Кроме трудовой миграции была еще одна составляющая, которая влияла на миграционные процессы в государствах Центральной Азии – это торговля людьми, преимущественно женщинами.

Сложно определить, сколько именно женщин из бывшего Советского Союза было продано за границу. Этот «бизнес» замалчивался, торговцы заставляли жертв молчать, угрожая им, и поэтому не существует никакой официальной статистики. Оценки того, сколько людей было продано, в мире существенно различаются. По данным правительства США ежегодно жертвами торговли людьми становилось примерно от 800 до 900 тыс. чел. [6] Количество лиц, ввезенных в США, оценивается в 50 тыс. ежегодно [7]. Это преимущественно выходцы из стран СНГ.

Что касается стран Центральной Азии, в частности, то Международная организация по миграции оценивает, что примерно 4 тыс. женщин из Кыргызстана, около 5 тыс. женщин из Казахстана, 1 тыс. из Таджикистана вывозились за границу ежегодно. Согласно статистическим данным организации, нет сведений о торговле людьми-выходцами из Таджикистана и Узбекистана, однако правительство США считает, что и они имеют значительное количество прецедентов торговли людьми [8].

Истоки этого явления находятся в низком социальном статусе женщин в центральноазиатских странах. Экономический кризис, и, как следствие, потеря работы привели к увеличению случаев злоупотребления алкоголем среди мужчин. Поэтому женщины все чаще становились жертвами домашнего насилия, а местные правоохранительные органы отказывались рассматривать их жалобы. Домашнее насилие также было причиной, по которой дети убегали из дома [9]. Беспризорные дети, в свою очередь, были особенно уязвимыми для вербовки торговцами. Кроме того, молодые девушки из семей, где насилие над женщиной было нормой, видели лишь то, что женщины использовались мужчинами на их собственное усмотрение. Жестокое обращение с женщинами во время их перевозок с целью дальнейшей продажи это подтверждает [10].

Еще одной особенностью, которая была характерна для мигрантов в Соединенные Штаты, были бездетные американские пары, которые, не желая проходить длительные процедуры усыновления, соглашались на кражи детей. Особенно привлекательным для таких действий было постсоветское пространство, и прежде всего – страны Центральной Азии.

---

[4] Sulaimanova S. Irregular Labor Migration from Central Asia to the United States // Central Eurasian Studies Review. Vol. 4. № 1. C. 10.

[5] Там же С. 11.

[6] Miko F., Park G. Trafficking in Women and Children: The U.S. and International Response // CRS Report for Congress. URL: http://fpc.state.gov/documents/organization/9107.pdf

[7] Там же.

[8] Sulaimanova S. Migration Trends in Central Asia: The Case of Trafficking of Women. In In the Tracks of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century / National Defense University Press, 2004. P. 384.

[9] Sacrificing Women to Save the Family? Domestic Violence in Uzbekistan // Human Rights Watch. Vol. 13. № 4 (D). 2001. P. 3.

[10] Ibid. P. 387.

Получение Республикой Казахстан в 1991 г. государственной независимости ознаменовалось началом процессов трансформации и расширением возможности возвращения отдельных этнических групп на историческую Родину в Казахстан. Здесь, как и в других государствах СНГ, сложилась тенденция роста отрицательного сальдо миграции. Так, в период с 1991 по 2001 гг. отрицательное сальдо не только полностью поглотило естественный прирост населения, но и увеличило его более чем в три раза [11].

Разрушительное влияние на укрепление экономики Казахстана оказало такое миграционное явление как «утечка мозгов». Поэтому Казахстан стал испытывать острую нехватку квалифицированных кадров в соответствующих отраслях экономики.

Соединенные Штаты оценили эффект от притока специалистов с начала 1990-х годов в количестве 1 млн. чел. в 500 млрд. долл. США в денежном эквиваленте. По аналогии экономический ущерб от интеллектуальной эмиграции из Казахстана за первое десятилетие независимости, который составил 235-250 тыс. чел., может быть оценен в 120–25 млрд. долл. США[12].

По оценкам международной организации по миграции (МОМ), Казахстан принадлежал к странам мира, где наблюдались сильные миграционные процессы. В 90-х гг. на долю государства приходилось около 0,4 % от общего количества международных мигрантов, хотя численность населения Казахстана составляла всего 0,03 % от мирового населения. Как следствие, миграция привела к потере естественного прироста населения и потере трудовых ресурсов. За годы независимости численность населения Республики сократилась почти на 2 млн. чел. Поэтому уже с первых лет независимости вопросы регулирования миграционных процессов оказались одними из важных направлений государственной политики [13].

Явление миграции в течение всего периода независимости наблюдалось и в Кыргызстане, но максимальных показателей оно достигло в 1993 г., когда более 140 тыс. граждан покинули республику. После этого объемы эмиграции существенно сократились и в 1998 г. составили лишь 15 671 чел. [14]

Среди жителей Киргизии Соединенные Штаты были популярным местом для эмиграции. Более 500 граждан Кыргызстана работали в районе Нью-Йорке в качестве нянь, горничных, сиделок, а также на других работах низкого уровня. Как правило, эти мигранты прибывали в США по туристическим визам и оставались работать в течение нескольких лет [15].

Еще одним толчком, способствовавшим развитию трудовой миграции, был упадок системы образования Кыргызстана. Люди, которые родились в 1980-х и 1990-х годах, как правило, почти не получали формального образования, и большинство из них не могли читать и писать ни на киргизском, ни на русском языках. В городских районах наблюдалось скопление частных университетов, в которых преподавались общественные науки, а не прикладные дисциплины. Ежегодно тысячи новых выпускников университетов не могли найти работу по месту жительства. В то же время в стране ощущалась резкая нехватка инженеров, архитекторов и других представителей строительной дела [16].

Для рынка труда в Таджикской ССР до 1991 г. были присущи следующие черты: создание сети предприятий-гигантов, работавших в тесной кооперации с большим количеством поставщиков и потребителей из других регионов СССР, большая часть трудовых ресурсов работала в промышленном секторе; централизованное распределение и приток высококвалифицированных трудовых ресурсов из центральных регионов РСФСР и других республик Советского Союза; ограниченная внутренняя миграция в пределах СССР и Таджикистана; незначительные процессы движения рабочей силы в пределах всесоюзных кампаний, строек, направлений на обучение и прочее [17].

Но с 1991 г. характер трудоустройства в Таджикистане изменился. Государство больше не было основным работодателем, его заменил частный сектор. Крупные государственные предприятия в промышленности и сельском хозяйстве перестали существовать. Большинство из них было разрушено во время гражданской войны. Несмотря на приватизацию некоторых промышленных объектов, а также осуществление земельной реформы, которая позволяла создавать земельные хозяйства, частный сектор развивался медленно и не мог компенсировать потерю государственных рабочих мест.

Наибольшая потеря рабочих мест произошла в области строительства и промышленности. Сельское хозяйство оставалось доминирующим сектором по трудоустройству. Эти изменения повлекли высокий уровень безработицы, бедности, увеличение неформальной экономики, базировавшейся на основных потребностях, и высокий уровень внутренней и внешней миграции [18].

---

[11] Алимбекова Г.Т., Зейналова Е.А. Миграция в Казахстане в постсоветский период URL: http://ciom.kz/assets/files/Nashi%20publikacii/Migratsiya_postsovetski_period.pdf

[12] Там же. С.285.

[13] Казахстан. Расширенный миграционный профиль / Построение Миграционных партнеров. 2010. С. 51.

[14] Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль / Построение Миграционных партнеров. 2010. С. 37.

[15] Sulaimanova S. Magration Trends… P. 381.

[16] Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль / Построение Миграционных партнеров. 2010. С. 43.

[17] Курбанов С. Процессы трудовой миграции из Таджикистана и их экономическое воздействие // Центральная Азия и Кавказ. № 5 (47). 2006.

[18] Таджикистан. Расширенный миграционный профиль / Построение миграционных партнеров. 2010. С. 21.

В середине 1990-х гг. миграционные тенденции в Таджикистане, вызванные гражданской войной 1992–1997 гг., были ориентированы на ближайшие страны региона – Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и Афганистан. За этот период Родину оставило более 600 тыс. граждан. Большинство из них уехали в Афганистан.

Подсчитано, что во время гражданской войны каждый седьмой гражданин Таджикистана стал либо беженцем, либо переместился внутри региона. Представители не таджикских меньшинств также оставляли страну во избежание послевоенной нестабильности и экономического краха. Большинство граждан, покинувших свою страну во время гражданской войны, вернулись домой к концу 1995 г. Однако из-за неблагоприятной экономической ситуации в стране, опустошенной войной, многие из тех, кто вернулся, не смогли найти работу, и это привело к новой волне оттока таджикских граждан в качества трудовых мигрантов [19]. Но и эта волна ограничивалась странами Центральноазиатского региона, а также Афганистаном и Российской Федерацией. Особого оттока трудовых мигрантов в Западные страны в целом и в Соединенные Штаты, в частности, не наблюдалось.

Начиная с 1991 г., после распада Советского Союза, в состав которого входил Туркменистан, президентом этой страны стал известный своим авторитарным режимом Сапармурат Ниязов. За время его правления коренным образом изменилось положение в государстве. Его национальная политика привела к тому, что граждане не коренной национальности стали страдать от притеснений как со стороны государства, так и со стороны коренного населения. В государстве царила бедность. Около 44 % населения жили менее чем на два доллара в день [20]. Эти тенденции привели к тому, что представители не коренного, по большей части русскоязычного населения, не имели доступа к образованию и не могли найти работу. Все это и стало главными причинами трудовой эмиграции населения из Туркменистана.

Но в результате замалчивания всех социальных проблем, включая проблемы миграции населения, нет никаких официальных данных касательно этого явления. Деятельность иностранных организаций, работа которых непосредственно касалась защиты прав человека в стране, не приветствовалась, а следовательно, в докладах по проблемам миграции населения из стран Центральной Азии международных правозащитных организаций сведения о Туркменистане отсутствуют [21], а туркменское правительство явление трудовой миграции и торговли людьми не рассматривало как проблему в целом [22].

Вопросы, связанные с трудовой миграцией, стали особенно актуальными в регионе в начале 2000-х гг. Если к этому времени трудовая миграция носила преимущественно этнический характер и была связана с отбытием не титульных этнических групп в страны происхождения (Россию, Украину, Израиль) или в индустриально развитые государства Запада (США, Канаду, Западную Европу), то в конце первого десятилетия независимости стран Центральной Азии в составе миграционных потоков из региона начали происходить существенные изменения. Все больше трудовых мигрантов-представителей титульного населения региона, прежде всего таджиков, узбеков, киргизов начали выезжать на заработки за границу. Кардинально изменился «портрет» мигранта-выходца из центральноазиатского региона. На смену мигранту-жителю города с достаточно высоким уровнем образования, пришла масса трудовых мигрантов-представителей титульного населения, большую часть которых составляли жители сельских районов или небольших населенных пунктов, с достаточно невысоким уровнем образования.

Наибольшим спросом среди узбекских трудовых мигрантов пользовались Соединенные Штаты Америки, ведь большинство трудовых мигрантов, а именно 62,5 %, работали именно там. Рейтинг США с точки зрения возможностей трудоустройства и получения высокой платы оставался одним из самых высоких в Узбекистане [23].

Вопрос торговли людьми, начиная с конца 1990-х гг., стал объектом внимания как в Соединенных Штатах, так и во всем мире. Администрацией Б. Клинтона и 106-м Конгрессом США была поставлена задача решить эту проблему в первоочередном порядке. В рамках Международной стратегии Президента Клинтона по борьбе с преступностью была создана Межведомственная комиссия для определения международных последствий, вызванных преступностью, связанной с торговлей людьми. 11 марта 1998 г. президент Клинтон издал директиву о создании американской общеправительственной стратегии по борьбе с торговлей людьми для борьбы с незаконным ее

[19] Zitnanova K. Refugee Protection and Migration Dynamics in Central Asia / UNHCR. March, 2011. P. 18.

[20] Human Development Report 2002. Deepening democracy in a fragmented world // United Nations Development Programme. New York Oxford University Press. 2002. P. 2.

[21] Trafficking in Persons Report // U.S. Department of State. Washington, D.C. 2003. URL: http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/2003/

[22] Sulaimanova S. United Consequences of Globalization: The Case of Trafficking of Women from Central Asia // Unintended Consequences of Globalization: the Case of Trafficking of Women from Central Asia. Journal of Central Asian Studies 6. No. 2.

[23] Там же.

оборотом в США, предотвращения, защиты и поддержки жертв, уголовного преследования торговцев людьми [24].

Международные организации, работавшие в Центральной Азии, как правило, воспринимали торговлю людьми как угрозу безопасности и нарушение прав человека потому, что это лишало людей основного права – человеческого достоинства, и ставило под угрозу их здоровье. Многие нарушения прав человека, связанные с торговлей людьми, включали в себя ограничение свободы передвижения (паспорта, как правило, забирали; шантаж и безосновательные задержания со стороны правоохранительных органов, т.к. сотрудники милиции часто были в сговоре с преступниками), физическое, сексуальное, психологическое насилие и проч. [25]

В то время как правительства других стран и международные организации воспринимали торговлю людьми как деятельность, которая ставит под угрозу человеческую и глобальную безопасность, руководство и общество государств Центральной Азии вообще игнорировало эту проблему. Центральноазиатские государства не верили, что торговля людьми была серьезной или непосредственной угрозой их национальной безопасности. Права человека и гражданина игнорировались авторитарной властью государств, и тяжелое положение жертв торговли людьми не было в фокусе их внимания.

В обществах, где преобладало мусульманское население, существует табу на открытое обсуждение торговли женщинами для занятия проституцией. Жертвы не делились своим опытом с правоохранительными органами, опасаясь осуждения со стороны консервативного общества. Центральноазиатское общество трудно принимало жертв торговли людьми. Когда те возвращались домой, то сталкивались с большими трудностями.

Однако в конце 1990-х гг. некоторые из государств Центральной Азии, а именно Казахстан и Кыргызстан, стали убеждаться в своем понимании проблемы торговли людьми как угрозы государству (а не только физическим лицам). Они не рассматривали это как неотложную проблему безопасности людей, а скорее как явление незаконной миграции и преступности. Торговля людьми рассматривалась как подрыв государственной власти средствами коррупции и организованной преступности.

Кроме того, эта проблема считалась негативной еще из-за того, что граждане, которые выезжали на работу за границу, могли нанести ущерб государственной экономике и стратегии в области занятости. Однако дихотомия безопасности заключалась в том, что государства могли и сами быть привлечены к преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, из-за того что она позволяла людям, работая за рубежом, выжить в условиях бюджетного дефицита и несостоятельности государства помочь своим гражданам.

Практика развитых стран мира свидетельствует о том, что одним из наиболее эффективных механизмов регулирования и контроля внешней трудовой миграции и предоставления защиты мигрантам было заключение межгосударственных двусторонних отношений и многосторонних соглашений о трудовой миграции.

Трудовая миграция имела как положительные, так и отрицательные последствия. Миграция улучшила социальную и экономическую ситуацию в сельской местности, снизила уровень безработицы, стимулируя рыночные отношения и повышая уровень жизни населения.

Таким образом, мы пришли к выводу, что ни одна из стран-участниц этого процесса не рассматривала явление трудовой миграции как проблему, ведь одна сторона частично решала проблему безработицы, не прилагая к этому собственных усилий, а другая – получала дешевую рабочую силу.

---

[24] Miko F., Park G. Trafficking in Women and Children: The U.S. and International Response / CRS Report for Congress. 2002. P. 8.

[25] Jacson N. International Organizations and the “Securitisation” of Human and Narcotic Trafficking in Post-Soviet Central Asia // Consortium of Non-Traditional Security Studies in Asia. URL: http://www.rsis-ntsasia.org/resources/publications/research-papers/transnational-crime/Nicole_Jackson.pdf

УДК 94 (430)+93 (5-012)

ВОЙНА В ИРАКЕ 2003 г. И ПОЗИЦИЯ ВЕДУЩИХ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕВРОСОЮЗА

THE IRAQ WAR OF 2003 AND THE POSITION OF THE LEADING COUNTRIES-MEMBERS OF EU

А. К. Дудайти
A. K. Dudaiti

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Россия, 362025, Северная Осетя-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина 21.

North Ossetia State University,
21, Vatutina Str., Vladikavkaz, Republic of Nirth Ossetia-Alania, 362025

e-mail: adudaiti@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется сложная военно-политическая обстановка в зоне Персидского залива накануне и в период проведения США и их союзниками по международной коалиции военной операции против Ирака, обвиненного в производстве и хранении оружия массового уничтожения, а также в поддержке международного терроризма. Выявлены причины жесткого противодействия Франции и ФРГ антииракским действиям США и последствия такого поведения для ближневосточной политики Евросоюза в указанный период.

Resume. The article analyzes the complex military and political situation in the Persian Gulf before and during the conduct of the United States and its allies of the international coalition military operations against Iraq, charged with production and possession of weapons of mass destruction, as well as the support of the international terrorism. Identified causes hard anti-France and Germany against Iraq to U.S. actions and the consequences of such behavior for the middle East policy of the European Union in the specified period.

Ключевые слова: США, Евросоюз, Франция, ФРГ, противостояние, международный терроризм, иракский кризис, военная акция.

Key words: USA, EU, France, Germany, conflict, international terrorism, the Iraqi crisis, military action.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. мировой политике и международных отношениях наступил переходный период, связанный с формированием т.н. нового миропорядка. В расстановку сил на глобальном уровне были внесены кардинальные изменения, ставшие следствием разрушения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и прекращения биполярного устройства мира. На смену гегемонии двух «сверхдержав» пришло единоличное лидерство в мировом масштабе США. Правящие круги этой страны сосредоточили в своих руках роль мирового жандарма, призванного вершить судьбами разных народов и государств и строить новый мировой порядок в строгом соответствии с американскими интересами.

Серьезные сдвиги, произошедшие в мире, не обошли стороной и регион Ближнего Востока: в этот период наблюдался рост усилий мирового сообщества по разрешению арабо-израильского конфликта, сердцевиной которого являлась палестинская проблема. Однако мирный процесс в регионе перманентно сталкивался со многими трудностями, связанными с общей политической ситуацией – как регионального, так и мирового характера. Реальную угрозу его продвижению создала террористическая атака, осуществленная на территории Соединенных Штатов 11 сентября 2001 г. Руководители многих стран мира с негодованием восприняли сообщения об атаках самолетов, захваченных террористами, на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне. Исходя из заявлений представителей Госдепартамента США, атаки на Нью-Йорк и Вашингтон являлись актами «заокеанского терроризма». В этой связи вооруженные палестинские группировки так же, как некоторые радикальные исламские организации, поспешили заявить о своей непричастности к терактам на территории Соединенных Штатов, хотя реакция их лидеров на произошедшее трагическое событие была жесткой: так, руководитель исламской воинствующей группировки ХАМАС шейх А. Яссин заявил, что трагедия в США являлась «результатом несправедливости и американской практики обращения со слабыми в нашем мире». В свою очередь,

один из лидеров исламского джихада, действующего в секторе Газа, Н. Аззам подчеркнул, что совершенные теракты «были следствием политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке».[1]

Сразу после произошедшей трагедии администрация США объявила о своем решении начать «войну против терроризма», заручившись поддержкой со стороны ведущих стран-членов ЕЭС. Среди них особенно выделялась ФРГ, испытавшая на себе все ужасы террористической атаки в сентябре 1972 г., во время проведения Олимпийских игр в Мюнхене.[2] В качестве главных целей спецслужб США была обозначено нахождение и арест руководителя «Аль-Каиды» У. бен Ладена, а также активистов этой крупнейшей террористической организации – с тем, чтобы они предстали перед американским правосудием и, кроме того, противодействие деятельности других террористических организаций. Предполагалось, что достичь указанных целей можно с помощью введения жестких санкций против государств, оказывающих покровительство террористам. Важнейшим среди них был назван Ирак, обвиняемый еще в том, что он если не обладал, то был близок к обладанию ядерным оружием, и кроме того, производил другие виды оружия массового уничтожения, в частности химическое и биологическое.

Избрание Ирака в качестве объекта атаки вооруженных сил США нельзя было назвать случайным. Несмотря на жесткие санкции, введенные против этой страны, режим С. Хусейна устоял и продолжал политическую линию, враждебную США и соседним арабским режимам. Такое «поведение», с точки зрения его противников, было опасным; соответственно, в зоне Персидского залива стала создаваться конфликтная ситуация. Однако для начала войны против Ирака нужен был серьезный повод, чтобы ослабить критику американских действий со стороны мирового сообщества. Важной предпосылкой, придавшей Вашингтону решимость для устранения режима С. Хусейна, были международные санкции, введенные против Ирака в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Власти Ирака стремились не нарушать их и искали пути к взаимоприемлемым компромиссам. Даже после навязывания США новой международной комиссии на основе резолюции № 1284 Совета Безопасности ООН от 17 декабря 1999 г., ужесточающей режим санкции, руководство Ирака старалось не дать развиваться процессу подавления суверенитета страны и только к ноябрю 2002 г. пересмотрело свою позицию. На основе резолюции № 1441 Совета Безопасности ООН (8 ноября 2002 г.) в Ирак стали возвращаться международные инспекторы и наблюдатели, покинувшие раньше эту страну якобы из-за нарушения Багдадом резолюций Совета Безопасности ООН.

Тем не менее, администрация США продолжала подготовку для нанесения удара по Афганистану и Ираку. При этом если в отношении Афганистана могли существовать аргументы для возмездия, поскольку штаб-квартира «Аль-Каиды» располагалась в афганских горах, то в случае с Ираком таких аргументов не было. Обвинения по поводу причастности этой страны к терактам в США, его «связей с международным терроризмом» не подтверждались фактами. Наоборот, власти Ирака сами проводили военные операции на севере страны против вооруженных формирований «Аль-Каиды». Тем не менее, в Вашингтоне продолжали считать, что режим С. Хусейна покровительствует террористам. И хотя эти обвинения не выдерживали соприкосновения с действительностью, они сыграли важную роль в формирования американского общественного мнения о необходимости «наказать» Ирак. Между тем, совершенно иначе выглядел подход к решению иракского вопроса со стороны общественности Западной Европы: она выражала беспокойство перспективой военного конфликта с Ираком и считала, что применение военной силы против этого государства является грубым нарушением всех обшепризнанных норм международного права. Такая реакция на угрозу военных действий в Персидском заливе свидетельствовала о непринятии западноевропейцами силовых методов в решении сложных проблем, накопившихся на Ближнем Востоке в течение многих десятилетий. Этим следовало обяснить, например, резкое осуждение западноевропейской общественностью военной операции США против Ливии весной 1986 г. Тогда был осуществлен массированный налет американских ВВС на ливийскую столицу Триполи, в результате чего погибли десятки мирных граждан, сотни были ранены, разрушены до основания дома жителей города и ближлежащих населенных пунктов.[3]

Среди стран-членов Евросоюза особенно жестко противостояла намерению военного решения иракского вопроса Франция. Когда после 11 сентября 2001 г. наметился курс США на односторонние силовые действия против Ирака, президент Франции Ж. Ширак на евро-азиатском саммите в Копенгагене 24–25 сентября 2002 г. заявил, что он совсем не уверен «в неизбежности атаки на Ирак». В Париже полагали, что правительство Ирака должно без предварительных условий дать возможность инспекторам ООН проводить проверку иракской армии на предмет наличия у нее оружия массового уничтожения, и если будут чиниться препятствия такой работе, следует

[1] Реакция мировых лидеров на террористические акты против США. URL: http://inosmi.ru/untitled/20010912/141544

[2] Дудайти А.К. Ближний Восток во внешней политике ФРГ начала 70-х гг.: преемственность и новые акценты //Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1. С.82-83.

[3] Дудайти А.К. Арабский Восток во внешней политике ФРГ (1949-1990 гг.). Диссертация… д.и.н. Владикавказ, 2010. С. 248-249.

принять новую резолюцию Совета Безопасности ООН, легализующую проведение международной коалицией военной операции. Французский президент призвал администрацию США «проявить мудрость», поскольку односторонние военные действия Америки «грозят поставить под вопрос совместные действия в рамках международной антитеррористической коалиции». При этом было прямо указано, что «цель международного сообщества состоит не в том, чтобы свергнуть режим С. Хусейна, а чтобы лишить его оружия массового уничтожения».[4]

Наиболее активным сторонником французской позиции в рамках ЕС выступила ФРГ. Сразу после трагических событий в Нью-Йорке и Вашингтоне канцлер Г. Шредер заявил о «неограниченной солидарности» своей страны с США в масштабной борьбе с международным терроризмом. В этой связи действия американских военнослужащих в Афганистане рассматривались в Берлине как соответствующие международному праву и решениям ООН. Правительство ФРГ указало, что США могут рассчитывать на германское участие в военных операциях. Хотя вслед за этим Г. Шредер сделал весьма существенную оговорку: «То, что наше общество стало сдержаннее относиться к необходимости проведения военных операций, чем когда бы то ни было в германской истории, я расцениваю как цивилизованный прогресс».[5] Такая «сдержанность» объяснялась опасением втягивания ФРГ в противостояние на Ближнем Востоке, что никак не отвечало ее национальным интересам. Именно поэтому в октябре 1973 г., когда в регионе полных ходом шла четвертая арабо-израильская война, власти страны отказали американским военным использовать базы, расположенные на территории ФРГ, для переброски в Израиль техники, оружия и боеприпасов.[6]

Вскоре после разгрома режима талибов правительство Г. Шредера дало согласие на содействие ФРГ в борьбе с терроризмом – правда, не военными средствами, а путем оказания гуманитарной помощи многонациональной коалиции в Афганистане. Но в дальнейшем, учитывая негативную реакцию со стороны союзников, оно вынуждено были направить туда воинский контингент для участия в миротворческой операции. Это решение было одобрено большинством депутатов на экстренном заседании бундестага 27 декабря 2001 г.: наряду с партиями из правительственной коалиции (социал-демократами и «зелеными») его поддержали оппозиционные депутаты из ХДС и ХСС. Против отправки немецких военных в Афганистан проголосовали депутаты из Партии демократического социализма (ПДС). Согласно принятому решению, 1,2 тыс. военнослужащих ФРГ вошли в состав международной коалиции. В августе 2003 г., когда командование силами НАТО в Афганистане возглавил немецкий генерал Г. Глимерот, численность военнослужащих бундесвера в этой стране была увеличена до 4,3 тыс. человек (это был третий показатель в международной коалиции).

В Вашингтоне сначала с удовлетворением отнеслись к солидарным с США действиям германского союзника. Но, как выяснилось позже, ФРГ не была готова к тому, чтобы эта солидарность распространялась на военные действия США в зоне Персидского залива.[7] Позиция ФРГ в иракском вопросе носила подчеркнуто миролюбивый характер. Об этом, в частности, свидетельствовало заявление Г. Шредера о недопустимости решения военным путем иракского вопроса.[8] Канцлер также указал, что ФРГ не примет участия в военной операции.[9]

Иракский вопрос обсуждался на встрече Ж. Ширака и Г. Шредера в Париже 16 октября 2002 г. Обе стороны выразили единодушное мнение, что только Совет Безопасности ООН может и должен определить порядок инспекции по разоружению в Ираке. Вскоре после этой встречи состоялась поездка Ж. Ширака на Ближний Восток. Ситуация вокруг Ирака была главной темой обсуждения в ходе его встреч с арабскими лидерами. В Александрии на пресс-конференции президент Франции заявил: «Этот регион (Ближний Восток. – *А.Д.*) не нуждается в еще одной войне. Избежать ее – в интересах всего региона, в интересах морали и того представления о мировом порядке, при котором каждый достоин уважения своих прав. Если не удастся сделать это, Франция, как постоянный член Совета Безопасности ООН, воспользуется своими правами».[10] На следующий день Ж. Шираку устроили овацию в ливанском парламенте, а газеты писали, что «Париж наложит вето на любое решение ООН, которое будет означать начало военной операции против Ирака».

Реакция Белого дома на действия Франции была жесткой. Госсекретарь К. Пауэлл, упрекая «неблагодарных» европейцев, для которых США сделали многое после Второй мировой войны, заявил, что Вашингтону нечего стыдиться за проводимую в последнее время американскую поли-

---

[4] Американские бомбардировки в Ираке. URL: http://france-1.ru/amerikanskie-bombardirovki-v-irake/

[5] Цит. по: Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М., 2005. С. 239.

[6] Дудайти А.К. Октябрьская война 1973 г. на Ближнем Востоке и позиция ФРГ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. Т, 10. №7. С. 81-86.

[7] Buras P., K. Longhurst. The Berlin Republic, Irag, and the Use of Force // European Security. 2004. Vol. 13. №3. P. 235. О разногласиях между ФРГ и США в подходе к решению иракского вопроса см.: Forsberg T. German Foreign Policy and the War on Iraq: Anti-Americanism, Pacifism or Emancipation? URL: https://dk-media.s3.amazonaws.com/AA/AT/gambillingonjustice-com/downloads/275731/

[8] Colschen L.C. Deutsche Aussenpolitik.Köln: Böhlau Verlag, 2010. S. 291.

[9] Steinbach U. Naher und Mittlerer Osten / Schmidt S., Gunther H., Reinhard W. (Hrsg.): Handbuch zur deutschen Aussenpolitik. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. S. 502.

[10] Ширак ссорится с Америкой. URL: http://izvestia.ru/news/268589

тику. В этих словах отразилось несогласие США с Францией и Германией, которые требовали доказательств наличия у режима С. Хусейна оружия массового уничтожения и, кроме того, считали необходимым принятие новой резолюции Совета Безопасности ООН по Ираку. С другой стороны, противовесом формирующейся оси Париж–Берлин стали Великобритания, Испания и Польша. В результате разногласия в иракском вопросе привели к серьезному кризису внутри НАТО. В этой сложной ситуации не помогли усилия по выходу из кризиса, принимаемые британским премьером Т. Блэром. В частности, он пытался убедить своих коллег, что в Вашингтоне рассматривают возможность продления «еще на несколько недель» миссии инспекторов ООН в Ираке. Между тем, вопрос о начале военной операции уже был решен. В своем выступлении в Давосе 26 января 2003 г. К. Пауэлл подчеркнул, что США начнут войну с Ираком, даже не располагая соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, а также не имея поддержки со стороны некоторых союзников в Европе. «Время заканчивается, и потому неясные возможности нахождения мирного разрешения конфликта утекают, как песчинки в песочных часах», – заметил он.[11]

Одной из главных целей готовящейся США операции было создание нового стратегического равновесия в зоне Персидского залива. Для решения этой задачи следовало свергнуть в Ираке режим С. Хусейна и сформировать там новый режим (неважно, демократический или нет), который соответствовал бы американским стратегическим интересам. Иракская территория находилась между Сирией и Ираном – враждебно настроенными к США странами, поддерживающими палестинских арабов в их противостоянии с Израилем. Соответственно, установление эффективного контроля над Ираком позволяло США не только завладеть его крупными нефтяными месторождениями, но и, что не менее важно, превратить иракскую территорию в буферную зону на пути продвижения мусульманского радикализма.

Готовность Вашингтона начать военную операцию поддержал лишь один постоянный член Совета Безопасности ООН – Великобритания. На этом фоне позиция России выглядела несколько инертной: в Москве не было сделано сколь-нибудь твердого и знакового заявления по поводу военных приготовлений США и их британского союзника. Пожалуй, единственным практическим действием российской дипломатии стала поездка бывшего руководителя правительства России Е.М. Примакова в Багдад незадолго до начала агрессии против Ирака. Перед ним ставилась задача убедить С. Хусейна подать в отставку и обратиться к парламенту с призывом провести в стране демократические выборы. Одноко эта миссия оказалась неудачной, и тогда Россия стала координировать свои действия с Францией и ФРГ. В ходе встречи руководителей трех стран в Париже 5 марта 2003 г. было заявлено, что «альтернатива войне все еще имеется. Применение силы могло бы быть самым крайним средством. Поэтому Россия, Франция и ФРГ преисполнены решимости, обеспечить все необходимые условия для завершения процесса разоружения Ирака мирным путем».[12]

Начавшаяся 20 марта 2003 г. военная операция против Ирака фактически стала точкой отсчета для оформления нового политического союза в Европе. В противостоянии США в иракском вопросе было достигнуто взаимопонимание между Францией, России и ФРГ, чьим интересам на Ближнем Востоке был нанесен существенный ущерб в результате оккупации иракской территории войсками США и их союзниками по международной коалиции. Война оказалась скоротечной: после нанесения ракетно-бомбовых ударов по стратегическим объектам Ирака союзники приступили к наземной операции и после преодоления незначительного сопротивления на юге страны овладели Багдадом. 1 мая 2003 г. военные действия были завершены.

Как уже отмечалось, ситуация вокруг Ирака стала испытанием для отношений Евросоюза с Соединенными Штатами. Раскол среди европейских стран на тех, кто принял участие в военной операции, и на тех, кто отказался послать свои войска в Ирак, свидетельствовал об отсутствии согласованной внешней политики в рамках ЕС, а также углублении кризиса между ведущими странами-членами этой организации (Францией и ФРГ) и США. В состав сил коалиции вошли военнослужащие 15 европейских стран, из которых членами ЕС были только Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Дания и Португалия. Таким образом, можно было говорить о похолодании в отношениях Евросоюза с США. Но как показало дальнейшее развитие событий, это похолодание носило временный характер. Больше того, позиция Франции и ФРГ оказалась всего лишь формальной демонстрацией их высокого статуса в рамках взаимоотношений по линии ЕС–США. Эта позиция не претендовала на принципиальность в подходе Франции и ФРГ к решению сложных ближневосточных проблем (в данном случае связанных с Ираком). Об этом наглядно свидетельствовало поведение руководства ФРГ, которое вскоре после начала военной операции стало отпускать реверансы в адрес администрации США. Канцлер Г. Шредер, заговорив о «важности здоровых трансатлантических отношений», не упускал случая, чтобы выразить сожаление «преувеличенными» критическими замечаниями по поводу антииракских действий США.[13] Не отставал от канцлера ФРГ и его французский коллега: выразив удовлетворение свержением режима С. Хусей-

[11] Высокомерие Соединенных Штатов. URL: http://inosmi.ru/untitled/20030127/169919.html#ixzz3PNc5uAbV

[12] Colschen L.C. Deutsche Aussenpolitik… S. 293.

[13] Hacke Ch. Die Aussenpolitik der Regierung Schröder/Fischer: Zwischenbilanz und Perspektiven // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2002. №48. S.14.

на, президент Ж. Ширак призвал США к примирению с Францией. Незадолго до саммита ЕС в Греции французский руководитель отмечал «прагматичный подход» к решению иракских дел, что подразумевало согласие официального Парижа с введением в Ираке временного оккупационного управления. Аналогичной позиции придерживались руководители других стран-членов ЕС: в резолюции, принятой на саммите этой организации в Афинах 16–17 апреля 2003 г. отмечалось, что ООН должна играть главную роль в послевоенном мирном урегулировании в Ираке. В октябре 2003 г. на Мадридской конференции доноров Ирака с участием ЕС было принято решение ассигновать 33 млрд долл. на его восстановление, из которых 1 млрд долл. предоставила Великобритания и 1,5 млрд долл. – другие страны-члены Евросоюза (Франция отказалась участвовать в финансировании Ирака, а Европейская комиссия предоставила этой стране 518,5 млн евро).[14]

В целом, несогласие Франции и ФРГ с Соединенными Штатами в иракском вопросе было локальным явлением и не отражалось на общем уровне взаимоотношений между ними. В рассматриваемый период успешно развивались торгово-экономические связи этих стран с США, осуществлялась инвестиционная деятельность западноевропейских фирм и компаний в США и американских – в Западной Европе. Все это свидетельствовало о надежности развивающихся между ними разносторонних связей. Центростремительные тенденции в рамках Евросоюза и атлантического альянса были более сильными, чем отдельные разногласия во взаимоотношениях между европейцами и американцами, хотя констатация данного факта не давала основания утверждать, что страны-члены ЕС смогли-таки добиться выработки основ совместной внешней и оборонной политики, устраивающей (что особенно важно) их заокеанского союзника, продолжающего нести ответственность за европейскую безопасность.

Скорее всего, можно было говорить об укреплении надежд по поводу возможности политической и военной интеграции стран-членов Евросоюза, а это, в свою очередь, стимулировало продолжение работы над концепцией внешнеполитической общности этих стран и их координации с внешней политикой США на глобальном и региональном уровне.

[14] Носов М. ЕС и регион Ближнего Среднего Востока. URL: http://www.ieras.ru/pub/nosov/bcb.pdf

УДК 94 (327.8)

ПРИНЦИПЫ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (кон. 1970-х – нач. 2010-х гг.)

SINO-AMERICAN PRINCIPLES OF MUTUAL RELATIONS (con. 1970's – early 2010s.)

Ц.М. Чикаидзе, С.Х. Сурхаева
Ts.M. Chikaidze, S.H. Soorkhaeva

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
РФ, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина 21.

North Ossetia State University;
44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, Republic of Nirth Ossetia-Alania, 362025, Russia

e-mail: tsisnamy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена факторам, определяющим специфику китайско-американских отношений с конца 1970 по начало 2010-х гг. Отмечается значимость взаимодействия КНР и США в торгово-экономической сфере. Динамизм китайской экономики и крепнущий военно-политический потенциал, расхождения в сфере геополитики и геоэкономики являются показателями нарастающего соперничества двух стран. Принципы взаимоотношений между США и КНР имеют сложную динамику и учитывают фактор роста китайской экономики, в ближайшем будущем могущей составить прямую конкуренцию США и в других сферах, включая глобальную политику.

Resume. The article is devoted to the factors that determine the specificity of Chinese-American relations since the late 1970s – early 2010s. Noted the importance of interaction between China and the United States in trade and economic sphere. The dynamism of the Chinese economy and strengthening military-political potential, differences in the sphere of geopolitics and geo-economics are an indicator of the growing rivalry between the two countries.

Ключевые слова: Китай, США, внешняя политика, торгово-экономические взаимоотношения, стратегическое партнерство, Азиатско-Тихоокеанский регион, национальные интересы.

Key words: China, the United States, foreign policy, trade and economic mutual relations, strategic partnership, Asia-Pacific region, national interests.

Китайско-американский диалог является одним из факторов, определяющих динамику глобальной международной системы. Значимость взаимодействия Китая и США – двух крупнейших экономик и ведущих держав мировой политики – не ограничивается двусторонними рамками, распространяясь на региональные и глобальные уровни.

Провозглашение в декабре 1978 г. на пленуме ЦК КПК нового курса национального развития ознаменовалось началом трансформации коммунистического Китая во внутренней сфере. В фокусе внимания официального Пекина фигурировала и диверсификация внешнеполитической стратегии, когда на вооружение были взяты принципы развития паритетных отношений, сглаживания конфликтов, разрядки напряженности между странами.

В период, характеризуемый взаимным сдерживанием двух сверхдержав, по мере конфронтации отношений с Советским Союзом, Пекин рассматривал улучшение политических контактов с Вашингтоном как усиление собственных позиций в противостоянии с Москвой. Пресекая барьеры в идеологической сфере, китайское руководство предполагало согласованность действий с США по ряду аспектов политического характера, а также дальнейшую активизацию в области международных отношений. С установлением в январе 1979 г. двухсторонних дипломатических отношений помимо сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической сфере, было заключено соглашение о предоставлении Китаю режима наибольшего благоприятствования в области торговли, а затем и гарантии получения кредита в размере 2 млрд. долл. сроком на 5 лет с возможностью продления кредитования. Упрочнение взаимоотношений сказалось и на военно-техническом сотрудничестве: осуществлялся обмен разведывательной информацией, согласование позиций стратегического характера, кроме того, США содействовали обучению кадрового офицерского состава вооруженных сил КНР.

Приоритетным курсом нового китайского руководства становится модернизация экономической составляющей страны, что предполагало нормализацию отношений и урегулирование международной напряженности. Дипломатии же КНР предстояло решить задачу обеспечения благоприятных условий для своей страны в глобальном масштабе. Все ресурсы страны предстояло подчинить диалектике внутренних преобразований. Так к концу 1980-х гг. политические ориентиры претерпевают трансформацию, явно прослеживается приоритет национальных интересов над идеологическими догмами.

Демонстративная дислокация американских военных кораблей в шанхайском порту на момент визита в мае 1989 г. советского лидера М.С. Горбачева, согласно планам госдепартамента должна была стать показателем крепнущей дружбы между Вашингтоном и Пекином. Однако всплеск оппозиционного движения под эгидой реформирования политической системы и демократизации общественной жизни, в авангарде которого стояло студенчество, вылился в политический кризис, застав врасплох китайское руководство, реализовывавшее с 1979 г. радикальную программу по преобразованию экономической сферы страны. Официальный Пекин не воспринял призывы Соединенных Штатов к либерализму – в результате «контрреволюционный мятеж» был подавлен. Политическая элита США, осудив чуждый демократии коммунистический режим КНР, отказалась от официальных контактов на высшем уровне, постепенно добившись и замораживания международных кредитов для Китая по линии Всемирного банка и других международных финансовых организаций.[1] Будучи одним из крупных заемщиков Всемирного банка, Китай освоил в 1988 г. 1,3 млрд. долл., рассчитывая дополнительно на 2,3 млрд. долл. в 1989-1990 гг.[2] Китайско-американским отношениям, символизировавшим с 1972 г. принципы взаимопонимания, был нанесен серьезный удар.

Динамизм китайской экономики, многоликость ее дипломатии, основанной на прагматизме, нежелании сдавать международные позиции, игнорируя интересами страны во имя мессианских устремлений Соединенных Штатов и их либеральных ценностей, вызывали раздражение в американских политических и финансовых кругах. Тем не менее, китайское руководство, не допуская диктата США, и придерживаясь выверенной тактики, сознавало, что для реализации программы реформирования необходимо вновь перейти к сотрудничеству. Впрочем, и в Вашингтоне понимали, что эскалация напряженности ввиду внутриполитической специфики КНР наносит ущерб интересам страны. Санкции и ограничения сняты не были, однако товарооборот в 1991 г. между странами составил 25,2 млрд. долл., непосредственно стабилизируя отношения. Риторика идеологического противостояния не могла воспрепятствовать двусторонним отношениям. Бурный экономический рост восточноазиатского гиганта и его возросшее влияние на мировую политику отчасти предопределили нескрываемую заинтересованность американских политиков к этой стране. В финансовых и бизнес-кругах США считали, что политическая напряженность в отношениях с Пекином чревата потерей преференций на обширном китайском рынке.

Придерживаясь собственных интересов, с завершением «холодной войны», позиция Китая ознаменовалась устремленностью к более активной роли в противостоянии за превалирующие позиции в мировой политике. Стабильные показатели экономического роста, повышение статуса в мире давали основание для намеченной цели.

Концепция Дэн Сяопина, нашедшая воплощение и во внешнеполитической стратегии Китая в 1990–2000-е гг., предусматривала укрепление позиций, уверенное реагирование на изменения, завуалированность своих возможностей, конкретную реализацию намеченных целей при активном участии в международных механизмах и развитии функциональной дипломатии. Это позволило КНР избежать растрачивания потенциала страны на «защитное противостояние» Соединенным Штатам. Оценивая политику Китая, Г. Киссинджер, как правило, исключал, что китайские политики могли проигнорировать какие-либо факты, поддающиеся обнаружению.[3]

С началом 1990-х интересы Соединенных Штатов смещаются из Европы в Азию, стимулируемые перспективой в дальнейшем доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе в политико-стратегической сфере. В свою очередь, стремительно развивающаяся китайская экономика позволяла стране наращивать военный потенциал, совершенствуя систему вооружений, что, бесспорно, заставляло считаться с ее присутствием в регионе.

Официальный визит в Китай летом 1998 г. Б. Клинтона активизировал двустороннее сотрудничество во всех сферах, в том числе, было достигнуто Соглашение о взаимном ненацеливании межконтинентальных баллистических ракет.[4]

---

[1] Киреев А.А. Политический кризис 1989 года в КНР и его влияние на американо-китайские отношения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4-1. Тамбов, 2000. С. 77.

[2] Mann J. About Face: a History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton. N. Y., 2000. P. 205.

[3] Киссинджер Г. О Китае / Пер. с англ. В.И. Верченко. М., 2014. С. 416.

[4] Носов М.Г. Политика США в отношении Китая // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 7. С. 5.

Специфичной чертой внешней политики Китая стал поиск несиловых, экономичных и, вместе с тем, эффективных, не исключающих жесткости решений, акцент на индивидуальные отношения с отдельными государствами.[5]

В 2000 г. были сняты ограничения на контакты с американскими представителями на высшем политическом и военном уровне, принятые в мае 1999 г. после бомбардировки посольства КНР в Белграде, а затем и возобновлены отношения в военно-политической и торговой сферах.

Заинтересованность в сотрудничестве с Китаем отразилась в подписанном Б. Клинтоном в октябре 2000 г. законе о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования. Содействуя вступлению Китая в ВТО, в ответ в Вашингтоне рассчитывали на гарантии доступа на рынок автомобилестроения, телекоммуникаций, сельского хозяйства; а также полагались на проведение радикальных рыночных реформ и демократизацию КНР. И если стремительный шаг к интегрированию в мировую систему хозяйства вынуждал Китай действовать по принятым правилам, то членство в ВТО не гарантировало со стороны китайского руководства действий, направленных на политические реформы.

Стремясь избежать лишенной прагматизма враждебности, американские правящие круги вынуждены были считаться с фактором возвышения Поднебесной, как державы с чуждой, неприемлемой для США моделью развития и идеологией, придерживаясь стабильных поступательных взаимоотношений, предоставляющих возможность развивать сотрудничество в военно-политической и торгово-экономической областях между двумя странами. Так восьмилетний период президентства администрации Б. Клинтона способствовал вовлечению КНР в мировую интеграционную систему, с целью же предотвращения усиления Китая, параллельно решалась задача по ограничению его потенциала. Безусловно, в Вашингтоне искали возможность сделать политику Китая более предсказуемой, а также держать руку на пульсе новейших китайских военно-стратегических разработок. Более того, в рамках военного сотрудничества американские корпорации рассчитывали обеспечить доступ к рынку вооружений КНР.

Устремленность республиканской партии к поддержанию господствующих позиций в сфере геополитики проявилась в период предвыборной кампании Дж. Буша-мл. в ноябре 1999 г. Китай будущим президентом расценивался в качестве соперника, а не стратегического партнера, в отношении которого Вашингтон готов был занять жесткую позицию, отстаивая национальные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Не упуская из поля видения аргументы, позволяющие Вашингтону полемизировать по таким принципиальным вопросам, как тайваньская проблема и соблюдение прав человека в Китае, администрация 43-го президента США стала вести политику, направленную на стабилизацию отношений с КНР, с целью создания благоприятных условий для двустороннего сотрудничества, поскольку в перспективе конфронтационный характер отношений более не отвечал долгосрочным интересам США. Госсекретарь К. Пауэлл в начале 2001 г. характеризовал Китай одновременно как конкурента и потенциального соперника в АТР, так и значимого торгового партнера, поэтому китайский вектор политики США сводился к доктрине «шаг вперед и два назад», т.е. развивать стратегическое сотрудничество через элементы сдерживания КНР.[6]

Ощутимая напряженность в китайско-американских отношениях стала прослеживаться после подтверждения Соединенными Штатами в первой половине 2001 г. намерения продолжить с Японией совместный проект противоракетной обороны театра военных действий, как наиболее рациональный способ сдерживания Китая. Хотя на официальном уровне не констатировалось, что ПРО призвана защитить США и ее союзников от российских и китайских ракет,[7] это вызвало настороженность официального Пекина, расценившего упрочнение американо-японских связей как подрыв интересов страны в АТР.

Тактически выверенная тактика Вашингтона по поддержанию баланса сил в регионе и нейтрализации наступательной мощи КНР была связана с развертыванием системы ПРО в Восточной Азии. По мнению военных экспертов, вовлечение Китая в систему «коллективной безопасности» в регионе, в которой бы Поднебесная играла значимую роль, находясь под американским контролем, отвечало прагматичному настрою Вашингтона.

С началом XXI столетия США становятся основным экспортным рынком Китая и вторым по величине вслед за Японией ее торговым партнером, в то время как КНР отводилась четвертая позиция в американском торговом обороте.

---

[5] Точеная А.О. Американо-китайские отношения как фактор безопасности в евразийском регионе. Влияние прокитайского лобби в США // Научные труды Северо-Западного института управления - 2013. Т. 4. № 1. С. 252.

[6] Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М., 2010. С.210.

[7] Косов А.П. Политика США в отношении Китая в 1993-2000 гг. // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова». Витебск, 2013. Том 16. С. 54.

Так сращивание торгово-экономических интересов, включая инвестиции, помимо приобретения КНР казначейских обязательств США, стало настолько взаимообусловленным, что США оказались не способны на тактику ослабления Китая, проводимую ими по отношению к СССР.[8]

Упрочнение позиций восточноазиатского гиганта, как отмечалось в сентябре 2003 г. К. Пауэллом, устраивало США, пока он проводил политику глобальной ответственности, тождественную американским интересам.[9]

Ориентированность на плодотворное сотрудничество привело к переориентации китайского вектора внешней политики США – на противодействие международному терроризму. Располагал Вашингтон и арсеналом методов давления. Однако поощряемый американским руководством процесс демократизации КНР, выносимая на рассмотрение ООН правозащитная проблематика в стране, вызывали ответные меры со стороны Китая.

Открытая критика действий США в отношении Ирака и НАТО в Югославии при решительной позиции Пекина, направленной на прекращение военных действий, не могла гарантированно способствовать сближению двух стран.

Преодолевая узкий регионализм, Пекин ратует за формирование глобальной ответственности посредством гармоничного мира, совместного развития, активного участия в международной жизни. «Олимпийская дипломатия», умело используемая китайским руководством, стала катализатором изменения международного статуса государства и его влияния на мировые процессы.

Конструктивными для национальных интересов коммунистического Китая были признаны и взаимоотношения с Суданом и Мозамбиком в различных областях, без проявлений синхронности действий с Вашингтоном. И, хотя Китай открыто не противостоял созданию военных баз США в Кыргызстане и Узбекистане, его последующие действия были направлены на умаление шансов Вашингтона укрепить позиции в регионе. В частности, Пекин в рамках Шанхайский организации выступил за сотрудничество в борьбе с терроризмом, выдвигая для среднеазиатских республик альтернативу американским проектам в названной области, а также возможность сотрудничества в энергетической сфере.[10]

На пути к глобальному доминированию Соединенными Штатами Америки инициировались попытки управлять миром через энергоресурсы, прилагая усилия и по сдерживанию России и Китая, дестабилизируя его западные районы.

Расширяя свое влияние, не конфликтуя с Вашингтоном, не подвергая сомнению стратегическое партнерство с Россией, КНР проявляет интерес к постсоветским среднеазиатским республикам. Очевидно, что тактика российской дипломатии здесь основана на поддержании стратегического баланса интересов.[11]

В итоге в эксплуатацию в 2009 г. была введена газотранспортная магистраль, соединившая Китай, Казахстан, Узбекистан, Туркмению.[12] В этом плане Центральная Азия представляет стабильный стратегический тыл Китая и возможность получения энергоресурсов, дистанцируясь от «подверженных риску коридоров и проливов, контролируемых другими государствами».[13]

Совпадение китайско-российских интересов вносит ноты проблематичности для американского руководства. Несмотря на доктринальные различия внешней политики, очевидна разделяемая обеими странами общность интересов в противостоянии глобальному американскому натиску и продвижению, неприятие ими стратегических инициатив США в сфере ПРО; их методов демократизации и смены режимов. И, как отмечалось Зб. Бжезинским, внешнеполитические курсы РФ и КНР по ключевым вопросам мировой политики имеют больше связующих элементов, нежели каждого из них к Вашингтону.[14] В среднесрочной перспективе, как и предшествующий четвертьвековой период, данные факторы остаются определяющими конфигурацию взаимоотношений трех держав.

Устремленность к консолидации с Россией соответствует традиционной китайской геополитической концепции, базирующейся на трактате Сунь Цзы – единение двух и более – против сильного.

Расширяя и укрепляя позиции в Восточной Азии, Поднебесная вносит вклад в многосторонние проекты, считая конструктивным элементом своей дипломатии сопричастность к региональным организациям. По отношению к государствам АСЕАН Пекин, придерживаясь взвешенной и филигранной политики, проявляет сдержанность. Так, в период экономических кризисов на

---

[8] См.: Косов А.П. Политика США в отношении Китая в период первого президентства Дж. Буша-мл. // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». Витебск, 2014. Т. 17. С. 66-68.

[9] Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010. С. 235.

[10] См.: Витковский С.М. Китай во внешней политике США (2001-2004) // Веснік БДУ. № 1. Минск, 2010. С. 41.

[11] Задохин А. Г. Китайская дипломатия: стратегия или тактика? // Обозреватель-Observer. 2008. N 2. С. 124.

[12] Будаева С. В., Дегтярева Н. В. Внешняя политика Китая в отношении сопредельных стран // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 9 (100). С. 59.

[13] Розмарин Л. Конвергенция и конфликт: влияние «структуры» и политики на отношения России, Китая и Соединенных Штатов // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 3. Том 14. С. 155.

[14] Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010. С. 148.

рубеже столетий, не развертывая товарной экспансии в регионе, он предоставил, в отличие от жесточайших «антикризисных» кредитов МВФ и МБРР, льготную финансовую помощь странам Юго-Восточной Азии. Демонстрируя достигнутыми успехами и растущим международным авторитетом, пример китайского опыта модернизации КНР претендует и на альтернативную Западу модель совершенствования международных отношений и мировой политики. Расширяя формат сотрудничества со странами региона и США, по мнению китайского специалиста Линь Лиминя, «Китай не должен толкать»[15] страны субконтинента на союз с Вашингтоном.

Китай плавно и неотвратимо движется в направлении глобализации. Четкие ориентиры внешнеполитических приоритетов от глобальных к региональным становятся чисто условными. Интеграционные потребности, динамика роста влияния в региональных организациях (АТЭС, АСЕАН, ШОС) находятся в прямой зависимости от необходимости и приоритетности их для Пекина. Китайские политикоформирующие круги, проявляя особую бдительность к проявлениям умаления статуса КНР, провозгласили важнейшими национальными приоритетами – сохранение суверенитета и территориальной целостности страны [16]. Крепнущий китайский национализм и мощный экономический рост актуализировали векторы долгосрочной внешней политики КНР. Внешнеполитическая стратегия КНР демонстрирует ориентированность на формирование благоприятных условий для реформирования, гарантирующих переход КНР на уровень держав, структурирующих международные отношения из категории стран, лишь реагирующих на процессы в мировой политике.

Сложившаяся международная экономическая и политическая конфигурация в целом удовлетворительна для Пекина. Важным пунктом китайской внешней политики является демонстрация «мирного характера» супердержавы, дистанцирующейся от международных обязательств, чреватых замедлением темпов экономических реформ.

В обозримом будущем взаимоотношения КНР и США, основанные на элементах сотрудничества и конкуренции, станут определять наибольшее влияние на развитие архитектуры современных международных отношений. При этом в американской столице осознают, что следует в определенной мере соотносить геополитический подъем Китая с потенциалом Соединенных Штатов. С крахом позиционирования США в ранге супердержавы на рубеже столетий Китай, в силу колоссального экономического потенциала, численного показателя народонаселения и растущей военной мощи, наблюдая процесс децентрализации международных отношений, оспаривает гегемонистские устремления официального Вашингтона.

Если в официальных кругах Китая и Соединенных Штатов оценки критериев двусторонних взаимоотношений квалифицируются в позитивном ключе, то политические реалии свидетельствуют о цикличности диалога между странами. Подобную непоследовательность двусторонних отношений можно отнести на счет принципиальной разобщенности в идеологической сфере, несопоставимости экономических моделей развития, позиционирующего себя в качестве нового «центра силы» Китая и удерживающей позиции сверхдержавы.[17] Интенсивная конкуренция и региональная нестабильность станут возможны, согласно экспертному мнению, в случае, если Соединенные Штаты станут представлять противовес возрастающему влиянию КНР.[18]

Политическая трансформация Китая из страны, придерживающейся сдержанного нейтрального внешнеполитического курса, в амбициозную державу, с крепнущим «ястребиным крылом», ознаменовалась отдалением от внешнеполитической риторики и выбором стратегии развития собственного военного потенциала.

В связи с реализацией Китаем проекта «глобальная держава» возникает дилемма: достаточно ли лишь экономической мощи КНР для подобной трансформации или необходимо ее подкрепить соответствующим уровнем военно-стратегического потенциала (сопоставимым с США и Россией). Анализ темпов и планов по перевооружению и развитию стратегических компонентов свидетельствует о недостаточности высоких темпов развития экономики. В китайском политическом истеблишменте имеют место тенденции, направленные на конвертацию внешней политики и соответствующих лидеров, которые могли бы увереннее говорить со всем миром.[19]

Двоякая позиция Белого дома в отношении Тайваня: от обязательств не устанавливать дипломатических отношений до масштабных поставок современного вооружения Тайбэю (6,4 млрд. долл.) привела к новому витку напряженности. Глава китайского внешнеполитического ведомства Ян Цзечи 30 января 2010 г. расценил решение американской администрации как угрозу национальной безопасности реализуемой Пекином политики «одного Китая».

Однако необходимость и стремление политической стабильности требует продолжительного периода мирного сосуществования.

---

[15] Limin L. Future International Trends as Predicted from the International Situation of 2011 // Contemporary International Relations. № 1. 2012. January-February. P. 1–22.

[16] Старкин С.В. Китай-США: соперничество или сотрудничество // Обозреватель- Observer. №3. 2014. С. 5.

[17] Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 211-212.

[18] Xinbo W. Not Backing Down: China Responds to the U.S. Rebalance in Asia // Global Asia. № 7. 2012. Winter. P. 20.

[19] Лузянин С. Г. Китай и XVIII съезд КПК // Обозреватель - Observer. №2013. №1. С. 58.

США, предполагая гипотетическую вероятность конфронтации, нацелены на формирование предсказуемых двусторонних отношений с Китаем.[20] Внешнеполитические заявления американских правящих кругов выдержаны в примирительной тональности и ориентированы на деэскалацию напряженности. Китайское экспертное сообщество склонно полагать, что КНР содействует ключевым интересам США, в то время как тактика Вашингтона по отношению к Китаю неудовлетворительна, символизируя ожидания восточного партнера. Пекин рассматривает «новую фазу» отношений как возможность получения односторонних уступок по ряду спорных вопросов от американской стороны, ввиду того, что администрация Б. Обамы не сумела завуалировать превосходящую значимость КНР для своей страны.

Прослеживается дисбаланс между ростом взаимного скептицизма и настороженности в военно-политической области, и динамикой поступательного развития торгово-экономических отношений. Внешняя политика же стоит перед испытанием на прочность.

Взлет КНР и осуществляемая Пекином концепция «мягкой» силы являются результатом эволюционирования страны, когда достижение многоуровневого консенсуса в период глобализации базируется на окрепшей в период экономических кризисов политической мощи.

Таким образом, позиционный характер китайско-американских отношений, датируемых с 1972 г., редко приводил к кризисным ситуациям. Несмотря на фактически незыблемое присутствие США в АТР, эффективных методов нейтрализации и оказания влияния на восточноазиатского гиганта в арсенале американской столицы не выработали.

[20] Старкин С.В. Китай-США: соперничество или сотрудничество // Обозреватель – Observer. №3. 2014. С. 7.

УДК 902

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВИРТУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»[1]

THE SECOND INTERNATIONAL CONFERENCE «VIRTUAL ARCHAEOLOGY»

Н.И. Быстрицкий
N.I. Bystrizky

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет

Moscow State University name M.V. Lomonosov
119991, Moscow, GSP-1, Lomonosov Prospect, 27, Bldg. 4, Department of History

e-mail: nb@rusistin.ru

Аннотация. Вторая Международная конференция «Виртуальная археология», проведенная в Санкт-Петербурге с участием представителей из 15 стран, продемонстрировала всевозрастающее использование компьютерных технологий для создания высококачественных моделей (информационных и материальных) археологических объектов и содействие археологическим исследованиям, прежде всего, в области обработки археологических данных, трехмерного моделирования, документирования, использования интерактивных технологий и др. В статье делается обзор наиболее интересных докладов и сообщений, оцениваются перспективы виртуальной археологии.

Resume. The Second International Conference "Virtual Archaeology" demonstrated the growing utilization of computer technologies to create high-quality informational and material models of archaeological sites and facilitate the archaeological studies.

Ключевые слова: виртуальная археология, обработка археологических данных, документирование, трехмерное моделирование, интерактивные технологии, иммерсивные технологии, конференция,

Key words: virtual archeology, archeological data, documenting, 3D-modeling, interactive technologies, immersive technologies, conference.

Очередная конференция по виртуальной археологии прошла 1–3 июня 2015 г. в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Ее организаторами выступили Государственный Эрмитаж и партнерство «Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии», а поддержку осуществлял Благотворительный Фонд В. Потанина. В работе конференции приняли участие более 80 специалистов из 14 регионов России и 15 стран мира (Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Италии, Канады, Кипра, Польши, Румынии, США, Украины, Швеции и Эстонии). Обширная программа конференции состояла из секционных заседаний и мастер-классов и включила 38 докладов.

С приветственным словом к участникам конференции выступила главный хранитель ГЭ С.Б. Адаксина. Она отметила всевозрастающий интерес к новому направлению археологии, ввиду того что благодаря использованию современных средств ИКТ открывается новый взгляд на объекты материальной культуры.

Началом работы секции «Виртуальная археология: методика работы» (ведущие: А.Е. Алексеев, В.В. Определенов) явился программный доклад «Возвращение материалов в виртуальную археологию» П. Рейли (Саутгемптонский университет, Великобритания), автора термина «виртуальная археология». В своем удаленном выступлении он коснулся важного аспекта виртуальной археологии, связанного с преимущественно визуальным представлением археологического материала. Однако в ближайшем будущем развитие аддитивных производственных технологий (3D-печать) позволит изготовлять их копии и включать мультисенсорный контекст во взаимодействия человека с объектом познания, таким образом сблизить реальную и виртуальную археологию, развить научную методологию.

Выступление И. Лирициса, П. Волонакиса, С. Возинакиса (Эгейский университет, Греция) и Г. Павлидиса (Исследовательский центр ATHENA, Греция) «Кибер-археометрия в контексте ки-

[1] Участие в конференции состоялось в рамках работы по проекту, поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г.).

бер-археологии: современные динамические тенденции в обучении археометрии и исследованиях» было посвящено использованию средств компьютерной графики и игр (например, виртуального аватара) для повышения эффективности обучения.

Одним из ключевых явился доклад П. Курочинского (Институт Гердера по историческим исследованиям Восточной Европы, ФРГ), О. Хаука (Дармштадтский технический университет, ФРГ), Д. Дворака (Гисенский университет имени Юстуса Либиха, ФРГ; Лодзинский технический университет, Польша), Ж. Луттерота (Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, ФРГ) «Виртуальный музей утраченного культурного наследия – 3D-документирование, реконструкции визуализации в семантической паутине». В нем шла речь о реализации межуниверситетского проекта «Виртуальные реконструкции в транснациональном исследовательском пространстве – портал: дворцы и парки в бывшей Восточной Пруссии»,[2] финансируемого грантом Ассоциации Лейбница. Докладчики поведали о проблемных вопросах, возникающих в ходе применения информационных методов для создания и документирования трехмерных реконструкций утраченных и/или несостоявшихся объектов искусства и архитектуры. Важно разрабатывать подходы для семантического описания объектов (метаданные, онтологии предметной области), сохранения их данных в базах знаний (RDF-хранилища) и визуализации моделей знаний (CMS, WebGL). Представляется важным, что в рамках проекта созданы онтология и формализованный язык описания объектов культурного наследия CHML (Cultural Heritage Markup Language).

В своем выступлении В.В. Определенов (ГМИИ) ознакомил участников конференции с текущими проектами по цифровой реконструкции, выполняемых под эгидой Министерства культуры. Продемонстрированный в его ходе видеоматериал представил проект «Виртуальная история российской архитектуры X–XXI веков»,[3] проводимый совместно с Музеем архитектуры им. Щусева. В нем ключевое внимание было уделено реконструкции несуществующего Большого кремлевского дворца Баженова[4] и виртуальным экскурсиям по Чудову и Вознесенскому монастырям Кремля.[5] Далее выступавший сообщил о создании совместно ГМИИ и ГЭ виртуальной коллекции бывшего Государственного музея нового западного искусства (1913–1948), содержащей цифровую реконструкцию 16 интерьеров музея. В заключение был представлен проект по оцифровке шумерских клинописных табличек из коллекций ГМИИ и ГЭ (к настоящему времени оцифровано 700 объектов).

С. Хермон (STARC, Кипр) и Ф. Николуччи (Университет PIN, Италия) представили доклад «Трехмерная археология: методология исследований и прикладные аспекты – предварительные соображения», в котором дали обзор существующих методов и инструментов цифровой археологии. Были высказаны соображения по адаптации трехмерного моделирования как методологии исследований в археологии, включая разработку инновационных подходов для документирования и сохранения трехмерных данных полевых исследований, семантического описания трехмерных моделей.

В ходе секции «Дополненная реальность в археологии» (ведущий А.В. Никитин) обсуждались различные проекты применения иммерсионных технологий для повышения исследовательского и популяризаторского потенциала данной области науки. Доклад «Рассматривая каменные орудия: интегрированный кросс-медийный подход» Л. Лонго (Городской музей Флоренции, Италия), Н. Амико, Ч. Луддии и Ж. Николуччи (Университет PIN; Vast-Lab, Италия) повествовал о работах по изучению археологических каменных орудий. Использование трехмерной модели орудия облегчает анализ формы орудия, следов изношенности, утрат, сколов, способов крепления, археологического и этнографического контекста; применение трассологических методов позволяет уверенно идентифицировать происхождение орудия и его функции. Исследованные орудия, датируемые периодом 25–30 тыс. лет назад и имеющие следы использования для обработки зерна, говорят об употреблении злаков еще за 20 тысяч лет до считающегося времени появления земледелия.

И. Гревцова (Университет Барселоны, Испания) в своем докладе «Образовательные программы для Музея под открытым небом: открытие археологического наследия при помощи мобильных устройств» поведала об активности исследовательской группы университета по созданию приложений дополненной реальности для ряда региональных археологических памятников, позволяющих туристу лучше понять и интерпретировать контекст исторического объекта.

Доклад Р. Леви и П. Доусона (Университет Калгари, Канада) «Форт Конгер. Интерактивный виртуальный мир для изучения науки в 19 веке» содержал информацию о проекте трехмерной реконструкции удаленной научной базы Канадской Арктики XIX века, поддержанный грантом Виртуального музея Канады. В его рамках на основе лазерного сканирования данных, реальных

[2] Digitale 3D Rekonstruktionen in virtuellen Forschungsumgebungen. URL: http://www.patrimonium.net/

[3] Виртуальный музей архитектуры Государственного музея архитектуры имени А.В.Щусева URL: http://vma.muar.ru

[4] Проект Большого Кремлевского дворца. URL: http://vma.muar.ru/projects/proekt-bolshogo-kremlyovskogo-dvortsa

[5] Чудов и Вознесенский монастыри Кремля. URL: http://vma.muar.ru/projects/chudov-i-voznesenskiy-monastyri-kremlya

артефактов и исторических документов, разработан сайт, предлагающий посетителям виртуальную экскурсию с игровыми элементами.[6]

На мастер-классе «Интерактивные и иммерсивные технологии в виртуальной археологии» (ведущий А.В. Никитин) специалисты Лаборатории виртуальной реконструкции Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения и компании VR-Lab дали развернутую характеристику технологий мультисенсорного моделирования, применяемых для музеефикации культурно-исторических и археологических памятников, включающую терминологию и классификацию, вопросы психологии восприятия, используемые стандарты и инструментарий. Особенности их внедрения рассматривались на конкретных примерах реализованных проектов («История крепости Ям», реконструкции спектакля «Маскарад» (1917 г.) Александринского театра, виртуальные экскурсии по Храму Гроба Господня и Святилищу Аполлона в Дельфах, трехмерное моделирование Здания Двенадцати коллегий и Казарм лейб-гвардии конного полка и др.[7] Материалы, представленные на мастер-классе, вызвали оживленное обсуждение и продолжительную серию вопросов и уточнений.

Работа секции «Полевые исследования и компьютерная обработка данных» (ведущие: Й. Фассбиндер, А.Б. Белинский) проходила в изучении и обсуждении методов и приложений ИКТ, используемых для усовершенствования средств археологических раскопок. Выступление В.П. Мокрушина и М. Козлова (ОАО «Наследие Кубани», Краснодар) «Применение систем автоматического проектирования в археологических исследованиях» рассматривало возможности современных пакетов САПР для оформления графической документации к отчету о полевых изысканиях.

В докладе «Археологическая разведка и оценка природных рисков древних памятников в Восточной Румынии. Некоторые примеры», сделанном А. Асэндулезей, М. Асэндулезей, Н.И. Кристи (Ясский университет, Румыния) приводились примеры современных неразрушающих методов (аэрофотосъемки, магнитометрии, георадара (GPR), измерения электрического сопротивления, наземного 3D-лазерного сканирования), используемых для оценки изменений археологических объектов, происходящих от воздействия природных и техногенных факторов.

Доклад П.Б. Лурье (ГЭ, Санкт-Петербург) и А.Г. Акулова «Виртуальный указатель к раскопкам Пенждикента?» повествовал о пилотном проекте составления справочника опубликованных материалов, привязанных к интерактивному плану раскопок южного пригорода Пенждикента (согдийский город V–VIII в.).

Й. Фассбиндер (Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, ФРГ), А.Б. Белинский (ОАО «Наследие», Ставрополь), А. Гасс и Г. Парцингер (Фонд Прусского культурного наследия, ФРГ), И. Хофман (Баварский департамент охраны памятников, ФРГ) представили доклад «Курганы раннего железного века и их периферия: новейшие находки и интерпретации на Северном Кавказе», в котором магнитометрическая разведка позволяет проводить крупномасштабную и одновременно высокочувствительную разведку объектов с высоким пространственным разрешением – больших курганов раннего железного века. Большой потенциал такого междисциплинарного подхода к исследованию не только проливает свет на сами эти монументальные сооружения, но и создает возможность совершенно нового восприятия погребальных церемоний.

Секция «Обработка данных и компьютерное моделирование в археологии» (ведущие: И. Лирицис, И. Гайнуллин) включала выступления по междисциплинарным вопросам археологической информатики и их применению в научной и музейной практике. Доклад «Интеграция различных цифровых фотографических механизмов в высокоточных трехмерных моделях зданий: на примере церкви Света Петка», представленный Г. Биваном (Королевский университет, Канада), М. Райковской (Новый болгарский университет, Болгария) и И. Васильевым (Фонд наследия Балкан, Болгария), сообщал об эффективном сочетании различных фототехник (цифровой фотограмметрии, многоугловой теневой фотосьемки (RTI), цветовой декорреляции, инструмента выделения пиктограмм DStretch) для создания трехмерной модели архитектурных элементов и фресок церкви пост-византийского периода.

Доклад Й. Фассбиндера, Л. Кюне, Р. Линка, Ф. Беккера (Баварский департамент охраны памятников; Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, ФРГ) «Римские предместья на северо-западе Норикума и открытие новой римской деревни» содержал результаты университетского проекта «Римские сельские виллы баварской части древнего Норикума», которые дают более полное представление о плотности и непрерывности заселения римских сельских районов. Тесное совместное использование геофизических методов исследования, аэрофотографии и данных дистанционного зондирования позволили создать виртуальную реконструкцию римской сельской виллы.

С. Вэрмлэндер (Стокгольмский университет, Швеция) выступил с докладом на своеобразную тему: «Анализ трехмерной модели человеческого черепа». Он отметил, что определение сте-

[6] Fort Conger. URL: http://fortconger.ca/

[7] Лаборатория компьютерной графики и виртуальной реальности. Примеры выполненных проектов. URL: http://guap.ru/labvr/projects; VR-Lab. URL: http://vr-lab.com/projects.html

пени сферообразности передней верхней части модели черепа позволяет с высокой степенью достоверности установить пол, а анализ формы скуловерхнечелюстного шва и лицевого профиля – предсказать расовую (национальную) принадлежность.

В своем докладе «Использование многоугловой теневой фотосъемки для фиксации состояния сохранности и следов реставрации палеолитической живописи на примере Каповой пещеры» А.С. Пахунов (ИА РАН, Москва) поделился опытом для документирования более 50 росписей различной степени сохранности из Каповой пещеры (Южный Урал). Применение многоугловой теневой фотосъемки помогло оценить состояние росписей в разных слоях и оказалась полезным для наблюдения за динамическими изменениями соответствующих поверхностей пещеры в результате минералообразования.

Мастер-класс «Целесообразность применения 3D-технологий в археологии» (ведущий С. Хермон) был посвящен новым возможностям, открываемыми перед археологами 3D-технологиями, а также анализу проблем, связанных с их применением. Доклад М.А. Васильева и Р.Г. Подгорной (Археологический центр Псковской области, Псков) «Практика применения технологии трехмерного сканирования в ходе археологических работ в Пскове» обобщил опыт Лаборатории цифровой археологии по использованию различных типов 3D-сканеров для фиксации и последующей документации местных архитектурных и археологических объектов, обнаруженных в ходе раскопок, и создания ортофотопланов.

В содержательном докладе «Трехмерное сканирование и наземная фотограмметрия: возможности 3D-фиксации погребальных комплексов in situ» О.В. Зайцевой, М.В. Вавулина, А.А. Пушкарева, Е.В. Водясова (Томский государственный университет, Томск) обсуждалась варианты параллельного и комбинированного применения технологий трехмерного сканирования и наземной фотограмметрии при полевой фиксации погребений на археологических комплексах Зеленый Яр (ЯНАО) и Тимирязевский (Томская область). Созданные в Лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» трехмерные модели комплексов используются в музейно-выставочной деятельности.

И.И. Гайнуллин, Д.Г. Бугров, А.В. Касимов, А.Г. Ситдиков (Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань) и А.В. Старовойтов, Б.М. Усманов, И.Ю. Чернова (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань) представили доклад «Комплексный подход при сборе информации для визуализации историко-культурного наследия острова-града Свияжск» с описанием комплексного проекта по созданию виртуальной модели города, включающего историческую ГИС, 3D-модели археологических и руинированных архитектурных объектов, обмерные чертежи и модели существующих исторических зданий.

В своем выступлении «Виртуальное восстановление сосудов на основе 3D-сканирования» Ф.С. Малков (ИрНИТУ, Иркутск) ознакомил со своими подходами к восстановлению формы керамических сосудов по имеющимся фрагментам.

В продолжение мастер-класса студентами Сибирского федерального университета проводилась демонстрация технологий дополненной реальности с объектами археологической экспозиции ГЭ.

Заседание секции «Реконструкции и визуализации в виртуальном пространстве» (ведущие: Ф. Николуччи, И. Гревцова) содержало доклады об успехах и трудностях реализации проектов по археологической и архитектурной реконструкции памятников истории и культуры. В своем докладе «Реконструкции позднеримских крепостей в Египте; примеры, проблемы и особенности» Д.А. Карелин (МАРХИ, Москва) продемонстрировал трехмерные авторские реконструкции храма культа римского императора в крепости в Луксоре и крепостей в Нагэль-Хагаре и Дионисиасе. На их примере удалось рассмотреть ряд особенных архитектурных черт позднеримской военной архитектуры в Египте.

Ф. Аполлонио, Э.С. Джиованнини, Ф. Фаллаволлита (Болонский университет, Италия) представили впечатляющий доклад «Ворота Ауреа в Равенне: цифровая гипотеза реконструкции» о наглядных инструментах формулировки и верификации гипотез реконструкции, которые основаны на сочетании исследования реальных археологических находок и привлечения широкого круга исторических источников (рисунков, изображений, научных разработок и анализа конструкций in-situ). Они используют новые протоколы обработки пространственных данных, способных дать оценку результатам и гарантировать абсолютную прозрачность реконструкции.

Сообщение Ф.С. Малкова и С.В. Бахвалова (ИрНИТУ, Иркутск) «О создании виртуальных экспозиций археологического материала» демонстрировало разработку Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Института кибернетики ИрНИТУ оригинального программного компонента для хранения и представления в Интернет готовых цифровых моделей археологических объектов, позволяющего создавать виртуальную музейную экспозицию.

В докладе А.В. Никитина, А.А. Никитина, А.А. Никитиной и Н.Н. Решетниковой (ГУАП, Санкт-Петербург) «Компьютерные реконструкции крепостей Яма - Ямбурга на основе технологий интерактивного погружения» анализировались проблемы и тенденции компьютерных археологи-

ческих реконструкций на примере проекта реконструкции утраченного памятника культурного наследия.[8] В проекте созданы интерактивные 3D-модели, на основе которых реализованы виртуальные экскурсии и свободные познавательные прогулки, исторические игры и дополненная реальность.

В докладе «Интерактивная компьютерная реконструкция 1-го Разменного (Костромского) кургана: задачи, проблемы, решения», представленном Н.В. Савельевым, Н.Н. Решетниковой, Д.А. Булгаковым, И.А. Дубковым, Г.К. Логачем (ГУАП, Санкт-Петербург) совместно с Т.В. Рябковой (ГЭ, Санкт-Петербург), рассказывалось о реализации интерактивного мультимедийного приложения, включающего поэтапную трехмерную реконструкцию возведения скифского кургана рубежа VII—VI веков до н.э.[9]

На основе материалов исследования памятника Южно-Кубанской археологической экспедицией ГЭ О.В. Зайцева, М.В. Вавулин, А.А. Пушкарев (Томский государственный университет, Томск) в своем докладе «Трехмерное сканирование и моделирование корабельных деталей “коча”» представили предварительные результаты интересного проекта лаборатории «Артефакт» по виртуальной реконструкции легендарного парусно-гребного судна допетровского времени на основе 3D-сканирования и последующего совмещения изображений массивных корабельных деталей, найденных при раскопках и использовавшихся в качестве элементов строений первого русского заполярного города Мангазеи.[10]

На секции «3D-документы: метаданные и их доступность» (ведущий П. Курочинский) обсуждалась специфика документирования трехмерных моделей, которые являются результатом объемного сканирования или компьютерной реконструкции. Доклад В.Е. Родинковой, Д.И. Киселева (ИА РАН, Москва) и Д.И. Исаева (РГГМУ, Санкт-Петербург) «Археологические памятники в ландшафтном контексте (комплексное изучение бассейна р. Суджа)» раскрывает проблему реконструкции палеоландшафта изучаемой территории. Изменение ландшафта исследуются на основе создания ГИС и комплексного анализа микрорельефа, информация о котором получена при обработке ДДЗ и крупномасштабной съемки с применением БПЛА.

Л. Хернандес Ибанес и В. Барнеке Ная (Университет А-Коруньи, Испания) в своем выразительном докладе «От раскопок к киберпространству. Пример: виртуальные миры как средства для информационных центров» отметили, что виртуальные среды для информационных центров (краеведческих, туристических) продуктивно решают задачу представления знаний о культурном наследии в тех муниципальных и сельских округах, где нет ресурсов для открытия полномасштабного музея. В качестве примера был описан проект для небольшого информационного центра римской мозаики по созданию и использованию виртуальной экскурсии по помещениям, в которых реконструированы фрагменты мозаик, найденных на раскопках римской виллы IV века в Казариче.

Доклад «Предпосылки создания ГИС «Археологическое изучение Пскова» и «Объекты археологического наследия Псковской области»» Р.Г. Подгорной и М.А. Васильева (Археологический центр Псковской области, Псков) освещал приоритетную задачу Лаборатории цифровой археологии по реализации археологических ГИС, которая осуществляется на основе созданных цифровой модели палеорельефа древнего Пскова, единой цифровой схемы расположения и учетных карточках археологических раскопов, электронного архива отчетной документации и публикаций, базе данных о более трех тысячах археологических объектах Псковской области.

Важная тема была затронута в докладе О. Хаука (Дармштадтский технический университет, ФРГ) и П. Курочинского (Институт Гердера по историческим исследованиям Восточной Европы, ФРГ) «Язык маркировки объектов культурного наследия – разработка онтологии для цифровых реконструкций», который представил новый разработанный подход, реализующий полную технологическую цепочку реконструкции и отражающий все разнообразие использованных источников, последующую интерпретацию пространственных данных и визуальное моделирование. Применение языка маркировки объектов культурного наследия CHML открывает новые возможности для исследователей и предлагает стандартизированный формат для описания 3D-моделей.[11]

Секция «Актуальные проблемы виртуальной археологии» (ведущая Д. Гук) была посвящена обмену мнениями об историческом развитии и будущем этой области науки, сохранению ее духа и приумножению традиций. Доклад «Палеоландшафт береговой зоны Литоринового моря в районе археологического памятника Охта 1» П. Сорокина (ИИМК, Санкт-Петербург) Д.В. Рябчук и А.Ю. Сергеева (ВСЕГЕИ им. А.П. Карпинского, Санкт-Петербург), М.А. Кульковой (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург), Т.М. Гусенцова (НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербург) представил проект трехмерной реконструкции палеоландшафта побережья Литорино-

[8] Виртуальная реконструкция крепости Ям в период около 1500 года. URL: http://nwfortress.ifmo.ru/kreposti/yamgorodskaya-krepost/virtualnaya-rekonstruktsiya/okolo-1500-goda

[9] Скифы. URL: http://www.youtube.com/watch?v=DllBa3CkfbM

[10] Сканирование деталей коча. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gbDkNOpV1Ys

[11] Cultural Heritage Markup Language. URL: http://chml.foundation/

вого моря в период голоцена, который позволяет изучать древнюю среду обитания и характер деятельности населения.

М.В. Румянцев (Сибирский Федеральный Университет, Красноярск) в своем выступлении «Digital Humanities: обучение и изучение виртуальности» поделился опытом, как в рамках учебного процесса по программе «Прикладная информатика в области искусств и гуманитарных наук» осуществлено создание целого ряда проектов по информатизации музеев, таких как «Музей усадьба В.И. Сурикова», «Этносы Сибири», «Историко-культурное наследие г. Енисейска», «Музей геологии Центральной Сибири», «Универсиада-2019» и др., с использованием современных методов оцифровки, 3D-моделирования, виртуальной и дополненной реальности.

Выступление Т. Харитоновой (ГЭ, Санкт-Петербург) и В.В. Определенова (ГМИИ, Москва) «Потенциал сайта «Виртуальная археология» для формирования музейной аудитории» раскрыло и особенности анализа посещаемости сайта на основе обработки демографических параметров посетителей, тематического наполнения. Была отмечена важная роль сайта для общения ученых, публикации материалов по методологии и обсуждения проектов, для подготовки молодых специалистов.

В рамках заключительной дискуссии значительное число участников высказало свои позитивные впечатления о конференции, поделились взглядами на текущее состояние и перспективы развития этой интенсивно развивающейся области. Материалы ряда докладов опубликованы в сборнике «Виртуальная археология».[12] Следующая конференция планируется в 2018 г.

[12] Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Международной конференции, состоявшейся 1–3 июня 2015 года в Государственном Эрмитаже. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. URL: http://www.virtualarchaeology.ru/pdf/281_va_book2015.pdf

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 902.3

НАПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДИВНОГОРЬЕ[1]

LINES OF MULTIDISCIPLINARY STUDIES OF PALAEOLITHIC SITES IN DIVNOGOR'YE

А.Н. Бессуднов, А.А. Бессуднов
A.N. Bessudnov, A.A. Bessudnov

Липецкий государственный педагогический университет, Россия, 398020, Липецк, ул. Ленина, 42,

Институт истории материальной культуры РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18,

Lipetsk State Pedagogical University, 42, Lenin St., Lipetsk,398020, Russia

Institute for the History of Material Culture RAS, 18, Dvortsovaya. nab, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: bessudnov_an@mail.ru, bessudnov_a22@mail.ru

Аннотация. Привлечение комплекса естественнонаучных методов при изучении палеолитических памятников стало непреложным правилом мировой археологии. В таком же разрезе исследуются и памятники Дивногорье 9 и Дивногорье 1 на Среднем Дону, которые являются опорными для финала плейстоцена данной территории и соотносятся по кремневому инвентарю с кругом древностей восточного эпиграветта. Направления применения естественнонаучных методов при изучении дивногорских памятников можно разделить на четыре блока: Геолого-геоморфологические; Палеопочвоведческие и палинологические; Зоологические и зооархеологические; Изотопные и радиоуглеродные. По каждому из этих блоков в статье излагаются подходы различных ученых, дискуссии среди которых порождают итоги естественнонаучных анализов и варианты их интерпретаций. В ходе таких научных споров формируются более полные представления об особенностях жизни населения поздней поры верхнего палеолита в окрестностях Дивногорья.

Resume. Involving the complex of natural science methods in the study of Palaeolithic sites is an integral part for the world archaeology. In the same way sites of Divnogor'ye 1 and Divnogor'ye 9 on the Middle Don River have being studied. The sites, which lithic assemblages associated with Eastern Epigravettian, have crucial significance for the understanding of the Final Pleistocene human adaptation in the region. Natural science methods, which are used for research in Divnogor'ye, could be divided into four blocks: 1) Geology and geomorphology; 2) Palaepedology and palynology; 3) Zoology and zooarchaeology; 4) Isotopic and radiocarbon studies. Some results and perspectives of further natural science research are discussed in the paper.

Ключевые слова: финал плейстоцена, естественнонаучные методы, Дивногорье 9, Дивногорье 1, древности восточного эпиграветта.

Key words: Pleistocene final, scientific method, Divnogor'ye 9, Divnogor'ye 1, ancient eastern epigravetta.

Современное исследование палеолитических памятников не может проводиться без привлечения целого комплекса естественнонаучных методов. Их использование является необходимостью, направленной на максимальное извлечение информации из разрушаемого при раскопках невосполнимого источника. Такой комплексный подход в изучении палеолитических стоянок яв-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00438-а «Динамика природных процессов и развитие позднепалеолитической культуры в центре Русской равнины в конце плейстоцена (по материалам Дивногорской группы памятников)».

ляется широко распространенным в мировой археологии [2]. В этом плане исследования в Дивногорье не являются исключением.

В настоящее время у хутора Дивногорье известно два палеолитических памятника – Дивногорье 9 (место забоя/загона диких лошадей) и Дивногорье 1 (кратковременная стоянка), а также ряд предположительно геологически одновременных с ними местонахождений расщепленного кремня. В результате работ 2014, 2007–2014 гг. на Дивногорье 9 в мощных отложениях борта оврага было выявлено семь уровней залегания костей дикой лошади Equus ferus, большая часть из которых находилась в анатомических связях; в нескольких случаях встречены почти полные скелеты. В пользу антропогенного образования костища свидетельствовало обнаружение единичных кремневых предметов (преимущественно изделий со вторичной обработкой) и следов порезов на нескольких реберных хрящах. Результаты комплексного изучения позволили максимально точно реконструировать геологические условия формирования костища, что сделало разрез на Дивногорье 9 опорным для финала плейстоцена на Среднем Дону.

Исследования на стоянке Дивногорье 1 (2008–2014 гг.), расположенной в 2,5 км от Дивногорья 9, выявили слабонасыщенный культурный слой с преобладанием костей лошади в фаунистическом наборе и представительной коллекцией кремневых орудий (ок. 1,5 тыс. экз.). Сходство орудийного набора, одинаковая сырьевая база, преобладание в фаунистическом наборе костей лошади и синхронные серии радиоуглеродных дат позволяют говорить об одновременном функционировании и однокультурности Дивногорья 1 и 9. По технико-морфологическим характеристикам каменного инвентаря индустрию следует относить к кругу памятников восточного эпиграветта (рис. 1).

Помимо собственно археологических методов изучения памятников и обработки артефактов, в ходе работ применяются разнообразные естественнонаучные методы, направленные на установление характера, времени и особенностей формирования костища Дивногорье 9 и стоянки Дивногорье 1. Эти направления можно разделить на четыре крупных блока со своими локальными задачами, формирующими общее представление о памятнике.

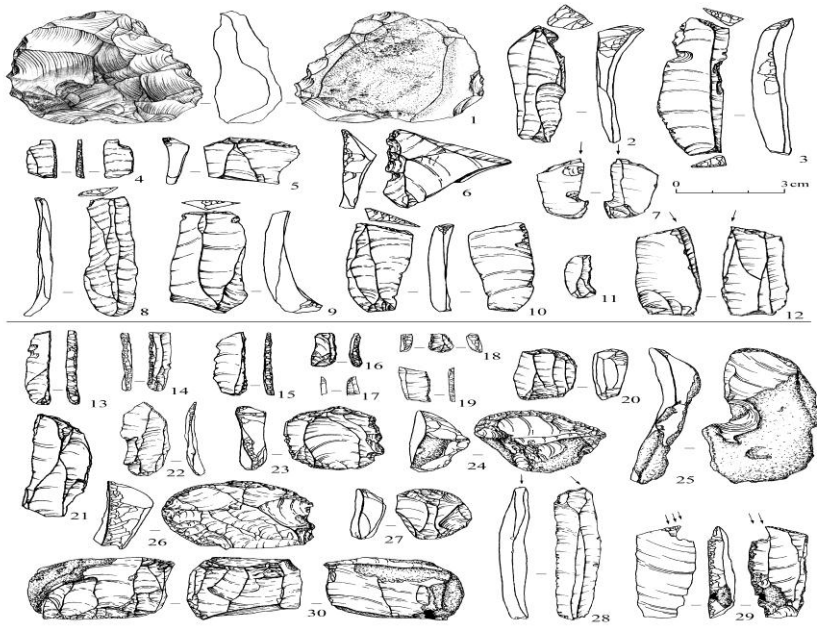

Рис. 1. Каменный инвентарь Дивногорья 9 (1–12) и Дивногорья 1 (13–30): 1 – унифасиальное орудие; 2, 3, 8–10 – тронкированные пластины; 4, 13–16, 18, 19 – изделия с притупленным краем; 5, 20, 23–27 – скребки; 6 – осколок кремня с ретушью; 7, 12, 28, 29 – резцы; 11 – микропластина с ретушью; 17 – фрагмент микроострия; 21, 22 – косоусеченные острия; 30 – нуклеус

Fig. 1. Lithic assemblage from Divnogor'ye 9 (1–12) and Divnogor'ye 1 (13–30): 1 – unifacially-worked tool; 2, 3, 8–10 – truncations; 4, 13–16, 18, 19 – backed implements; 5, 20, 23–27 – end-scrapers; 6 – retouched flint fragment; 7, 12, 28, 29 – burins; 11 – retouched bladelet; 17 – micro-point fragment; 21, 22 – oblique truncations; 30 – core.

[2] Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М., 2006; Svoboda J.A. (ed.). Petřkovice: on shouldered points and female figurines. Dolnověstonické studie, vol. 15. Brno, 2008; Oliva M. (ed.) Milovice: site of the mammoth people below the Pavlov hills. Brno, 2009; Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999-2005 /ред. Х.А. Амирханов. М., 2009.и др. 2009.

1) Главной целью ***геолого-геоморфологического направления*** является выяснение условий залегания и характера формирования Дивногорского костища и стоянки Дивногорье 1. Согласно точке зрения Ю.А. Лаврушина, в строении отложений, вскрытых раскопом на Дивногорье 9 (более 14 м), выделяются две толщи (рис. 2). Верхняя из них, отражающая процессы склоновой денудации (под современным черноземом), представлена двумя разновидностями делювия, разделенными, в свою очередь, двумя горизонтами почвообразования. Вышележащая погребенная почва датируется аллередским временем; нижняя погребенная почва – временем интерстадиала беллинг. Нижняя толща (8–10 м) представляет собой отложения приустьевого расширения оврага. Она представлена тонкослоистыми карбонатными алевритами, разделенными горизонтами щебенки и мелких глыб писчего мела. Нижняя толща, по мнению Ю.А. Лаврушина [3], была сформирована в результате деятельности подпрудных палеоозер, существовавших в устье оврага. В то же время тонкослоистый характер отложений, слагающих разрез Дивногорье 9, может свидетельствовать об их формировании не в процессе осаждения на дно подпрудного озера, а в результате сезонных стоков по руслу оврага (наподобие механизма формирования ленточных глин) [4]. По предварительной информации Т.В. Кузнецовой, полученные результаты анализа на наличие диатомовых водорослей также пока не подтверждают существования в логу стоячих водоемов.

Дискуссионным пока остается вопрос и о геоморфологическом положении Дивногорья 1. Ю.А. Лаврушин [5] и А.В. Бережной (устное сообщение) считают, что мысовидное всхолмление высотой 3–5 м над урезом воды, к отложениям которого приурочен культурный слой стоянки, представляет собой фрагмент пролювиального шлейфа, поскольку собственно аллювиальных отложений в раскопах не обнаружено. В то же время, по мнению авторов раскопок [6], памятник приурочен к отложениям низкой надпойменной (возможно, погребенной) террасы. В любом случае, положение культурного слоя in situ с небольшим смещением, характер отложений в стратиграфических шурфах и радиоуглеродный возраст культурного слоя позволяют определить время образования этой террасы или шлейфа задолго до поселения здесь людей, т.е. древнее 13 С14 тыс. л.н. Это хорошо согласуется с данными о валдайском возрасте образования некоторых первых надпойменных террас (и даже участков пойм) в Похоперье и на Дону [7], время формирования которых ранее считалось более молодым [8].

Основной задачей этого направления остается попытка более детального определения характера и возраста слагающих отложений, а также реконструкция общей геоморфологической ситуации района Дивногорья в позднеледниковье. С этой целью А.В. Паниным планируется продолжение георадарной съемки, а также проведение работ по бурению различных пойменных, террасовых и склоновых участков для получения буровых профилей и отбора образцов на ОСЛ-датирование.

---

[3] Лаврушин Ю.А., Бессуднов А.Н., Спиридонова Е.А., Кураленко Н.П., Холмовой Г.В., Бессуднов А.А. Дивногорье (Средний Дон): природные события времени финального палеолита // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 70: 2010. С. 23-34; Лаврушин Ю.А., Бессуднов А.Н., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В., Джалл Э.Д.Т., Ходжинс Г.В.Л., Кузьмин Я.В., Кураленко Н.П. Высокоразрешающая последовательность природных событий в центре европейской части России 15-13 тыс. л.н. (С14 возраст) // Вестник ВГУ. Геология. № 2: 2011. С. 26–39.

[4] Бессуднов А.Н., Зарецкая Н.Е. Панин А.В., Кузнецова Т.В., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д. Особенности и хронология формирования тафоценоза лошадей в Дивногорье (бассейн Среднего Дона) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону, 10-15 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 70-72; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Зарецкая Н.Е., Кузнецова Т.В., Нечушкин Р.И., Тиунов А.В. Некоторые результаты естественно-научных исследований памятников Дивногорской группы поздней поры верхнего палеолита // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 4. С. 325-329.

[5] Лаврушин Ю.А., Бессуднов А.Н., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В., Джалл Э.Д.Т., Ходжинс Г.В.Л., Кузьмин Я.В., Кураленко Н.П. Высокоразрешающая последовательность природных событий в центре европейской части России 15-13 тыс. л.н. (С14 возраст) // Вестник ВГУ. Геология. № 2: 2011. С. 26–39.

[6] Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // Российская археология. 2010. № 2. С. 136-145; Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Характер связи Дивногорских стоянок на Среднем Дону // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. С. 27–28; Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Особенности разнофункциональных позднепалеолитических памятников в Дивногорье // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье» /ред. А.З. Винников, М.И. Лылова/. Воронеж, 2012. Вып. 3. С. 73-77; Бессуднов А.А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2011; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007-2011 гг.) // Краткие сообщения Института Археологии. 2012. Вып. 227. С. 146-156.

[7] Панин А.В., Матлахова Е.Ю., Беляев Ю.Р., Бульярт Ж.-П., Дубис Л.Ф., Мюррей А., Пахомова О.М., Селезнева Е.В., Филиппов В.В. Осадконакопление и формирование террас в речных долинах центра Русской равнины во второй половине позднего плейстоцена // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2011. № 71. С. 47-74; Матлахова Е.Ю. Валдайский террасовый комплекс в речных долинах центра Восточно-Европейской равнины. Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. М., 2014.

[8] Грищенко М.Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М., 1976; Грищенко М.Н., Дурнев Ю.Ф. О геологическом возрасте и условиях залегания археологических памятников Костенковско-Боршевского района // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 52-63.

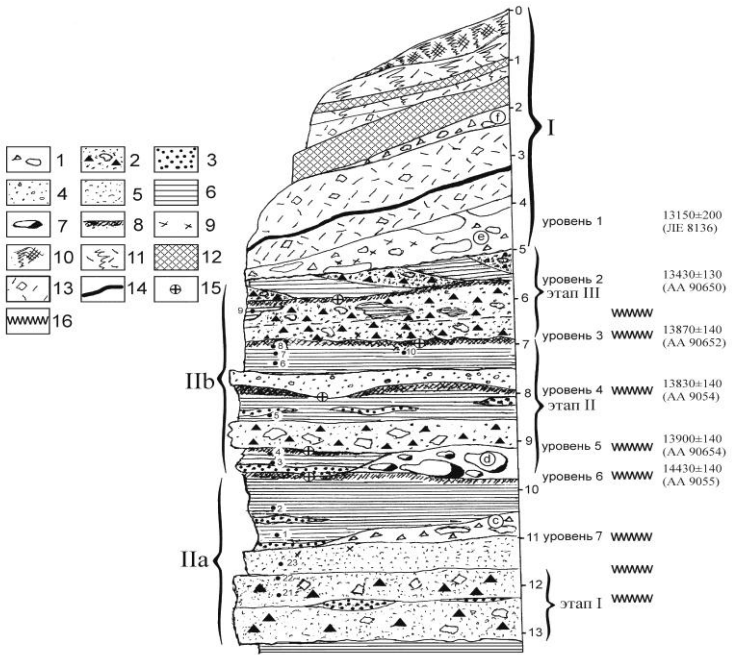

Рис. 2. Схема строения отложений в раскопе Дивногорье 9 по Ю.А. Лаврушину (Лаврушин и др., 2010; 2011 с изменениями): I – склоновые отложения; II – отложения приустьевого расширения оврага: 1 – обвально-осыпные отложения; 2 – отложения селевых потоков; 3 – галечник; 4 – песок с включением гальки; 5 – овражный аллювий; 6 – отложения подпрудных водоемов; 7 – образования “искусственного обвала”; 8 – прибрежные части отложений подпрудных водоемов; 9 –кремневые артефакты в обвально-осыпных отложениях; 10 – современная черноземная почва; 11 – черноземовидный делювий; 12 – погребенная почва; 13 – лессовидный делювий; 14 – прослой пожара и зачаточный почвенный горизонт в лессовидном делювии; 15 – археологические находки в кровле подпрудных отложений; 16 – седиментационные перерывы

Fig. 2. Scheme of sedimentation structure for Divnogor’ye 9 cross-section (after Lavrushin et al., 2010, 2011 with modification): I – slope deposits; II – deposits of gully wellhead widening: 1 – falling deposits; 2 – mudslide deposits; 3 – shingle; 4 – send with pebble inclusion; 5 – ravine alluvium; 6 – lacustrine sediments; 7 – “artificial landslip”; 8 – littoral parts of lacustrine sediments; 9 – lithic tools in falling deposits; 10 – modern chernozem soil; 11 – chernozem-like diluvium; 12 – buried paleosol; 13 – less-like diluvium; 14 – conflagration layer and ephemeral paleosol in less-like diluvium; 15 – archaeological finds at the top of lacustrine sediments; 16 – sedimentation interruption.

2) ***Палеопочвоведение и палинология.*** В разрезах Дивногорских памятников обнаружено несколько горизонтов почвообразования – два хорошо развитых горизонта выше костеносных слоев в Дивногорье 9 и горизонт эфемерного почвообразования ниже культурного слоя в Дивногорье 1. [9] После проведения целого ряда анализов (микроморфологического, химического, гранулометрического, рентген-диффрактометрического и др.) горизонты почвообразования на Дивногорье 9 были сопоставлены с палеопочвами беллинг и аллеред, причем последняя разбивалась на две почвы, отражая разные фазы интерстадиала – сухую и более влажную. Эта последовательность почвенных горизонтов на Дивногорье 9 была названа С.А. Сычевой «дивногорским позднеледниковым педокомплексом» [10], который отражает последнее почвообразование плейстоценовой эпохи и является стратотипическим для региона (рис. 3).

[9] Лаврушин Ю.А., Бессуднов А.Н., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В., Джалл Э.Д.Т., Ходжинс Г.В.Л., Кузьмин Я.В., Кураленко Н.П. Высокоразрешающая последовательность природных событий в центре европейской части России 15-13 тыс. л.н. (С14 возраст) // Вестник ВГУ. Геология. № 2: 2011. С. 26–39; Бессуднов А.Н., Сычева С.А., Бессуднов А.А., Лаврушин Ю.А., Чепалыга А.Л., Садчикова Т.А. Геоархеологические памятники Дивногорье 9 и 1 (палеопочвы и отложения МИС 2) // Путеводитель научных экскурсий XII Международного симпозиума и полевого семинара по палеопочвоведению «Палеопочвы, педоседименты и рельеф как архивы природной среды» (10-15 августа, 2013, Курская и Воронежская области, Россия). М., 2013. С. 94-103; Sycheva S.A., Bessudnov A.N. Late Glacial paleosols (MIS 2) of the geoarcheological monument “Divnogor’e 9” // Geomorphic processes and Geoarchaeology: from landscape archaeology to archaeotourism. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20-24, 2012. Extended abstracts. Moscow-Smolensk, 2012. P. 267-270.

[10] Бессуднов А.Н., Сычева С.А., Бессуднов А.А., Лаврушин Ю.А., Чепалыга А.Л., Садчикова Т.А. Геоархеологические памятники Дивногорье 9 и 1 (палеопочвы и отложения МИС 2) // Путеводитель научных экскурсий XII Международного симпозиума и полевого семинара по палеопочвоведению «Палеопочвы, педоседименты и рельеф как архивы природной среды» (10-15 августа, 2013, Курская и Воронежская области, Россия). М., 2013. С. 103.

а)

б)

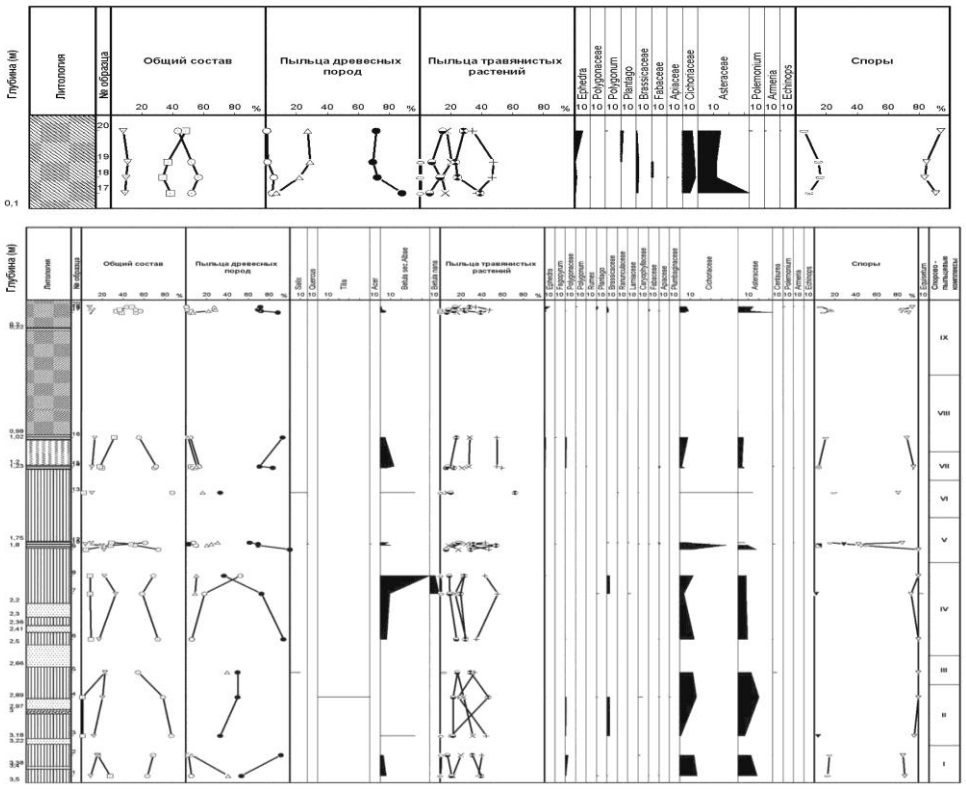

Рис. 3. Палинологическая диаграмма Дивногорья 9 (по Лаврушин и др., 2011): *а* – диаграмма верхней (аллередской) погребенной почвы; *б* – диаграмма «подпрудных» отложений
Fig. 3. Pollen diagram of Divnogor'ye 9 cross-section (after Lavrushin et al., 2011): *а* – diagram for upper (Allerød) paleosol; *б* – diagram for "lacustrine" deposits.

Интерпретация почвенных горизонтов подтверждается как радиоуглеродными датами по образцам древесного угля из почвы беллинг (рис. 6, 7), так и двумя споро-пыльцевыми диаграммами, полученными Е.А. Спиридоновой и Г.Н. Шиловой. По результатам палинологических исследований было установлено, что во всех образцах разреза Дивногорье 9 преобладает пыльца травянистых и кустарничковых растений, где много полыней и маревых, а среди древесных пород доминирует сосна. В верхней погребенной почве (аллеред) также господствуют травы и кустарники, хотя в верхнем образце в общем составе преобладает пыльца древесных пород, среди которых доминирует пыльца ели (см. рис. 3, *а*). Данные палинологического анализа свидетельствуют, что нижняя толща формировалась в холодной аридной обстановке (см. рис. 3, *б*); более теплые условия отражает состав спектров погребенных почв, связанных с небольшими отрезками времени межстадиальных ритмов конца плейстоцена [11].

Также для определения видового состава произраставших растений по всему разрезу Дивногорья 9 и из культурного слоя Дивногорья 1 отобраны образцы древесных угольков для антракологического анализа, результаты которого появятся в ближайшее время.

3) Особенности дивногорского костища, главная из которых – наличие большого количества фаунистических остатков при минимуме кремневых орудий труда, обусловили широкое применение ***зоологического и зооархеологического*** методов. Остеологическая коллекция из Дивногорья 9 насчитывает более 8 тыс. костей, абсолютное большинство которых принадлежит дикой лошади (*Equus ferus* Boddaert), при этом на некоторых уровнях они залегают в анатомическом порядке, иногда целыми особями (рис. 4). Обилие фаунистического материала и его относительно хорошая сохранность стали причинами повышенного внимания к местонахождению как специалистов в области зоологической систематики [12], так и ученых-тафономистов [13].

[11] Там же. С.94-103; Лаврушин Ю.А., Бессуднов А.Н., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В., Джалл Э.Д.Т., Ходжинс Г.В.Л., Кузьмин Я.В., Кураленко Н.П. Высокоразрешающая последовательность природных событий в центре европейской части России 15-13 тыс. л.н. (С14 возраст) // Вестник ВГУ. Геология. № 2: 2011. С. 26–39

[12] Березин А.Ю., Березина Н.С., Бессуднов А.Н. Предварительное сравнение краниологии лошади из верхнепалеолитического памятника Дивногорье-9 (Воронежская обл.) с кабалоидными лошадьми Евразии // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2011. Вып. 14. С. 12-22; Березин А.Ю., Березина Н.С., Бессуднов А.Н. Реконструкция социальной структуры табуна позднеплейстоценовых лошадей по материалам археологического памятника Дивногорье-9 // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье» /ред. А.З. Винников, М.И. Лылова/. Воронеж, 2012. Вып. 3. С. 78-90; Пластеева Н.А., Бурова Н.Д., Косинцев П.А. Лошади (Equus ferus Boddaert, 1785) Восточной Европы конца позднего плейстоцена // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 2012. № 117(5). С. 3–11.

На основании изучения фаунистической коллекции установлено, что захоронение лошадей на большинстве уровнях происходило сразу же или через короткий промежуток времени. Слои 1 и, в меньшей степени, 2 содержат разрозненные сильно выветренные кости лошадей, вероятно, переотложенные. Нижележащие слои (3–6) имеют хорошую сохранность и залегают преимущественно в непотревоженном состоянии, часто в анатомических связях; слой 7 переотложен и представлен единичными костями. В слоях 5 и 6, по мнению Т.В. Кузнецовой, были изначально захоронены фрагменты туш лошадей или фрагменты скелетов с мягкими тканями (сухожилиями). На это указывает степень сохранности материала (целые грудные клетки, позвоночный столб, ассоциированный с поясами конечностей и конечностями и т.д.). Во всех уровнях преднамеренная сортировка фаунистического материала отсутствует, костные остатки принадлежат различным возрастным группам. По степени прирастания эпифизов и стертости зубов молодых особей установлено, что лошади погибли в весеннее или летнее время (по Н.Д. Буровой). Сравнение подсчетов элементов скелета, разная степень выветренности и наличие/отсутствие погрызов хищников позволили еще раз доказать различную функциональную направленность Дивногорья 1 и 9.

Рис. 4. Дивногорье 9. Скопление костей лошади в слое 5 (2010 г.)
Fig. 4. Divnogor'ye 9. Horse bone accumulation in the layer 5 (2010)

Получены также первые результаты ***изотопных*** исследований коллагена из костей лошадей слоя 5 (соотношение δ13C и δ15N), показавшие, что популяции лошадей жили в засушливых условиях, на открытых, поросших травой пространствах, характерных для позднеледниковья [14]. После обработки всех образцов результаты изотопного исследования можно будет сравнить с данными аналогичного анализа костей популяции бизонов из Амвросиевки, где такие работы были недавно проведены [15].

Благодаря археозоологическому анализу коллекции из Дивногорья 9, Н.Д. Буровой удалось косвенно доказать причастность людей к гибели лошадей – на нескольких реберных хрящах были обнаружены тонкие параллельные порезы от неретушированной пластины, характерные при расчленении каркаса животного (рис. 5).

[13] Kuznetsova T., Bessudnov A.N., Zaretskaya N., Panin A., Bessudnov A.A., Burova N. Eight thousand of horses' bones and none of woolly mammoth! In: VIth International Conference on Mammoths and their Relatives. Abstract book. (Thessaloniki, May 2014). Scientific annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki. Special volume 102. Thessaloniki, 2014. P. 98-99.

[14] Там же; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Зарецкая Н.Е., Кузнецова Т.В., Нечушкин Р.И., Тиунов А.В. Некоторые результаты естественно-научных исследований памятников Дивногорской группы поздней поры верхнего палеолита // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 4. С. 325-329.

[15] Julien M.-A. Taphonomical and archaeozoological study of the Bison bone bed of Amvrosievka (west excavation) // Кротова О.О. Пизньопалеолітичні мисливці азово-чорноморських степів. Київ, 2013. С. 354–361; Julien M.-A., Bocherens H., Burke A., Drucker D.G., Patou-Mathis M., Krotova O., Péan S. Were European steppe bison migratory? 18O, 13C and Sr intra-tooth isotopic variations applied to a palaeoethological reconstruction. Quaternary International. 2012. P. 106–119.

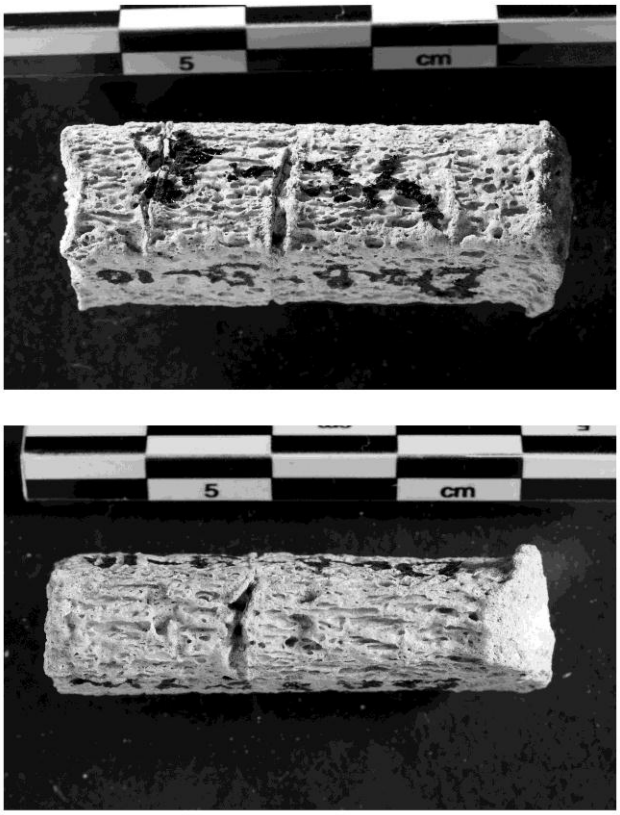

Рис. 5. Дивногорье 9. Реберный хрящ лошади с порезами из слоя 6 (фото Е.Ю. Гири)
Fig. 5. Divnogor'ye 9. Horse rib cartilage with cut-marks from the layer 6 (photo by E.Yu. Girya)

4) Для определения абсолютного возраста образования костеносных горизонтов в Дивногорье 9 и культурного слоя в Дивногорье 1 широко используется метод ***радиоуглеродного датирования***, который является основой для построения хронологии и периодизации палеолита всей Европы. Четкая стратиграфическая последовательность отложений на Дивногорье 9 с несколькими костеносными уровнями и разделяющими их стерильными прослойками, образовавшимися в относительно непродолжительный промежуток времени, в том числе является хорошим плацдармом для проверки возможностей самого метода [16].

Для памятников получена серия радиоуглеродных дат (большинство – по костям лошадей), выполненных в одной АМС- и трех сцинтилляционных лабораториях. Время образования скоплений костей в Дивногорье 9 укладывается в промежуток от ~14,5 до ~13 тыс. 14С л.н. Наиболее древние, 14-тысячные даты из шестого слоя могут маркировать начало формирования «тафоценоза», а даты по углистым прослоям из перекрывающего костище горизонта почвообразования, – его окончание (рис. 6).

Для Дивногорья 1 получены три радиоуглеродных даты , две из которых – около 13400 тыс. 14С л.н. – представляются максимально приближенными к возрасту функционирования стоянки (без учета калибровки). Таким образом, стоянка человека на Дивногорье 1 предположительно существовала синхронно времени образования слоев 1 и 2 на Дивногорье 9.

Относительно интерпретации дат, полученных по образцам из Дивногорья, у исследователей нет единого мнения. С точки зрения Н.Е. Зарецкой, возраст всех слоев практически одинаков, в особенности слоев 3, 4 и 5, слой 6 несколько древнее, а слой 2 чуть моложе, что позволяет сделать вывод о практически единовременном образовании этих слоев. В то же время отмечается несовершенство существовавшей до этого стратегии отбора «сборных» образцов для каждого отдельного слоя, содержащих останки разных организмов. Исключение составляют даты, полученные АМС-методом из образцов отдельных костей. Н.Е. Зарецкой также высказано мнение, что, возможно, именно подобный подход к отбору материала для датирования мог привести к тому разбросу радиоуглеродных дат, который мы имеем на настоящий момент.

[16] Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Зарецкая Н.Е., Кузнецова Т.В., Нечушкин Р.И., Тиунов А.В. Некоторые результаты естественно-научных исследований памятников Дивногорской группы поздней поры верхнего палеолита // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 4. С. 325-329.

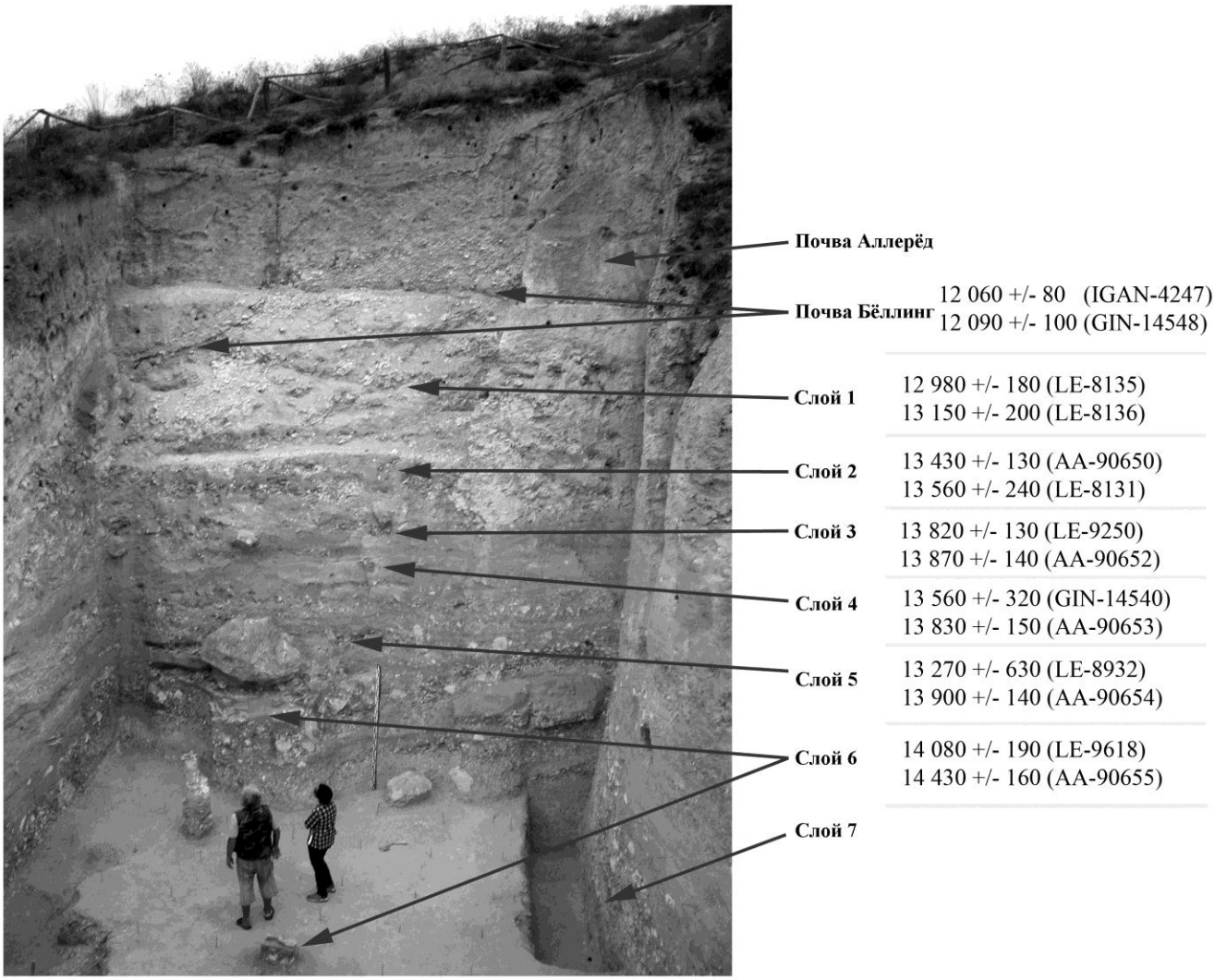

Рис. 6. Хроностратиграфия памятника Дивногорье 9 (разрез Раскопа 1 2011 г.)
Fig. 6. Chronostratigraphy of Divnogor'ye 9 (excavation 2011)

Принципиально другой точки зрения придерживаются археологи под руководством А.Н. Бессуднова. Исходя из общего положения о том, что радиоуглеродная дата показывает минимальный возраст образца [17], наиболее древние датировки для каждого слоя принимаются как более соответствующие реальному возрасту. В этом случае слои последовательно удревняются от верхнего к нижнему, что соответствует их стратиграфическому положению (рис. 7). Исключая нормальный разброс, присущий всем большим сериям дат, следует отметить, что значительных инверсий не наблюдается (т.е. в слое 1 нет дат древнее, чем в слое 2, в слое 2 нет дат древнее, чем в слое 3 и т.д.). Практически идеальным примером этого служит серия дат, полученная в Аризонской АМС-лаборатории, где каждый образец, отобранный из стратиграфически нижележащего стоя, древнее предыдущего (за исключением незначительной инверсии для слоя 4). Напротив, наименее удачной является серия дат, полученная по костям в лаборатории ГИН, где дата из слоя 6 является самой молодой для всех слоев, а радиоуглеродный возраст слоя 4 получился самым древним. На этом фоне массив дат ЛАТ ИИМК имеет заведомо выпадающие из общего контекста датировки, и инверсию для слоев 4 и 5. Именно обоснование каждой отдельной даты и учет ее стратиграфического положения, а не безоговорочное признание всех полученных датировок позволяет разрешить ряд проблем.

[17] Синицын А.А., Праслов Н.Д. /ред./ Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб., АкадемПринт, 1997; Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.

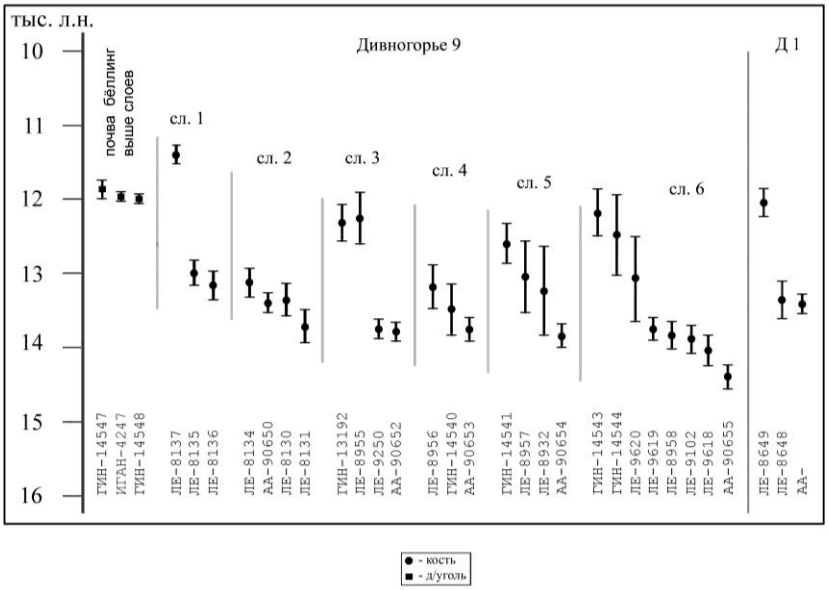

Рис. 7. Графическое распределение некалиброванных радиоуглеродных дат Дивногорских памятников

Fig. 7. Graphical distribution of unCal 14C-dates for Divnogor'ye sites

Такая трактовка подтверждает ранее высказанную точку зрения о разновременном образовании костеносных уровней [18], что подтверждается их стратиграфическим положением. Против переотложенного залегания горизонтов, «перемешанности» костей и/или их происхождения из одного источника свидетельствуют также археологические (аппликации сколов, в т.ч. чешуек, сохранность находок) и зоологические данные (хорошая сохранность поверхности костей, анатомические связи, отсутствие погрызов и др.).

В дальнейшем планируется точечное датирование некоторых слоев при более тщательном подходе к отбору образцов (отсутствие «сборных» образцов, предпочтение АМС-датировок и др.). С одной стороны, это будет способствовать уточнению возраста формирования слоев, с другой – появлению новых дат, скорее всего, будет увеличиваться разброс серии, что наблюдается для всех стоянок, имеющих серийные датировки – Костенки 1, Костенки 14, Авдеево, Молодова 5, Каменная Балка 2 и др.[19] [Синицын, Праслов, 1997].

Таким образом, археологическое изучение палеолитических памятников в Дивногорье ведется с применением целого спектра различных естественнонаучных методов. За годы работ на памятниках (2004, 2007–2014) к работам были привлечены более 20 исследователей различных специальностей. Несмотря на тесное сотрудничество специалистов различных профилей, между ними нет и не может быть единства в интерпретации тех или иных фактов, что является закономерным при изучении «специфических» памятников, находящихся на стыке различных наук: археологии, геологии, почвоведения, зоологии и др. Вместе с тем результаты разнообразных анализов и их интерпретация в той или иной степени способствуют формированию более полного представления о времени, условиях, характере обитания и др. древних коллективов эпохи палеолита в окрестностях Дивногорья.

[18] Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007-2011 гг.) // Краткие сообщения Института Археологии. 2012. Вып. 227. С. 146-156.

[19] Синицын А.А., Праслов Н.Д. /ред./ Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб., 1997.

УДК 63.5-3

РОЛЬ СЕЛА XI – НАЧАЛА XIII ВВ. В ИСТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

THE ROLE OF THE VILLAGE OF THE XI – THE BEGINNING OF THE XIII CENTURIES IN THE VOLGA BULGARIA HISTORY

А.Б. Пичугин
A.B. Pichugin

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Россия, 420015 г.Казань, ул. К.Маркса, 68

Kazan National Research Technological University, 68 K.Marks Street, Kazan, Russia, 420015

E-mail: e-mail: p_andre76@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения роли средневекового села в жизни булгарского государства. Автор рассматривает село как важнейшую составляющую в экономико-политическом развитии булгарского государства. Проблема изучения истории села проходит через призму археологических исследований.

Resume. Article is devoted to the problem of studying of the medieval village role in the lives of the Bulgar state. The author considers the medieval village as the major component in economical political development of the Bulgar state. The problem of studying of the medieval village history passes through a prism of archaeological researches.

Ключевые слова: государственность, феодальный город, средневековое село, домонгольский период, исторические источники, торгово-экономическое развитие.

Key words: statehood, feudal city, medieval village, pre-Mongol period, historical sources, trade and economic development.

Средневековый булгарский город в исторической науке активно исследуется на протяжении последних восьмидесяти лет. Благодаря внедрению в 1930-х годах новой современной методики раскопок и исследования важных проблем булгарских городов был получен богатый документальный материал, позволяющий создать четкое представление о средневековом городе. Анализируя понятие средневекового феодального города и его роль, можно заключить, что главным его определяющим фактором являются торгово-ремесленная и военная функции, контролирующие сельскохозяйственную округу. Таким образом, округа, состоящая из укрепленных и не укрепленных поселений, была в экономико-политической структуре государства важным звеном.

Изучение государства волжских булгар XI – начала XIII вв. предполагает рассмотрение вопросов духовного, социального и экономического развития села, сельского общества и т.д. В частности, исследуя экономическое развитие Волжской Булгарии в домонгольский период, нельзя обойти вниманием социально-демографический аспект. В составе населения выделяются две основные группы: городское и сельское. Городское население занималось торговлей, сельское – земледелием, охотой, скотоводством. Село являлось одновременно и поставщиком, и производителем продукции на городской рынок. Поэтому проблема средневекового села волжских булгар занимает особо важное место в экономической и политической жизни домонгольской Волжской Булгарии.

Детальное и основательное отношение к изучению развития булгарского средневекового села XI – начала XIII в. в научной среде наметилась в 1950–1955 гг. в канун строительства Куйбышевского гидроузла. По проекту масштабной стройки большие территории подлежали затоплению вместе со многими археологическими памятниками и населенными пунктами. Булгарские селища обычно располагались на черноземных землях вдоль небольших водоемов (рек, озер, ключей), удобных для земледелия и скотоводства. Правобережье Волги в булгарское время было заселено довольно густо, особенно бассейны рек Свияги и Цивиля [1].

Институтом истории материальной культуры были организованы археологические разведки и экспедиции по выявлению в зоне затопления ранее не известных памятников или памятников, описанных в дореволюционной историографии [2].

[1] Каховский И.Ф. Археология Среднего Поволжья. Чебоксары, 1977. С. 78.

[2] Смирнов А.П. Обоснование, план работ и сметы расходов археологической экспедиции по исследованию памятников в зоне затопления Куйбышевского гидроузла. 1950. Архив Института материальной истории РАН. Фонд 35. Ед.хр. 44.

Одним из первых советских археологов, указавших на проблему исследования селищ Волжской Булгарии, был А.П. Смирнов. Его книга «Волжские Булгары» принадлежит к числу значимых работ российской булгаристики. В одной из глав, названной «Ремесла и строительное дело», А.П. Смирнов указывает на необходимость исследования булгарских селищ [3].

Исследования средневекового домонгольского села в Поволжье в 50-е годы XX в. были лишь на начальном этапе, в то время как на западе СССР этот вопрос был активно изучаем намного раньше – в 1940-е годы. Он проанализирован археологами Б.А. Рыбаковым [4] и С.А. Тараканової [5]. Связано это, прежде всего, с более активным изучением государственности Киевской Руси и Новгорода, что было обусловлено политическими факторами. Если историю средневекового города можно исследовать благодаря наличию летописных источников, подкрепляя их сведения данными археологических раскопок, то история средневековой деревни или села за неимением письменных источников опирается, как правило, лишь на данные археологических исследований.

В послевоенный период корпус исторических источников восполнился материалами и результатами археологических разведок. Благодаря Алексею Петровичу Смирнову впервые за все время изучения проблемы волжских булгар удалось пополнить скудную источниковую базу богатым археологическим материалом. Он был профессионалом своего дела, практиком, который большую часть научной деятельности посвятил изучению истории развития государственности и общественных отношений волжских булгар.

В начале 1990-х годов проблемы средневекового села на ранних его этапах изучал в своих работах и Евгений Петрович Казаков [6]. Его утверждение о времени появления постоянных поселений волжских булгар и определения периода их перехода от кочевого образа жизни к оседлой сделало данную проблему одной из важнейших в булгаристике. Е.П. Казаков локализовал ранние булгарские поселения низовий Камы. Жители этой части государства в большей степени занимались земледелием, животноводством и ремеслом, что указывает на особую роль этих отраслей в хозяйстве булгар [7]. Е.П. Казаков обозначил раннебулгарский период истории Волжской Булгарии тремя этапами. Первый этап (конец VIII – первая половина XI вв.) отмечен культурными взаимодействиями кочевых салтовских и позднекушнаренковских племен. Второй этап (вторая половина IX – первая четверть X вв.) характеризуется контактами этих племен с носителями ломоватовской и поломской культуры. Племена поломской и ломоватовской культур, пришедшие со Среднего Урала и Верхнего Прикамья, в процессе взаимодействия с салтовскими племенами продвинулись на северо-восток Волжской Булгарии до Самарской Луки. Третий этап (вторая–третья четверти X вв.) становится переходным. Он характеризуется вторым приливом в Поволжье болгаро-салтовского населения, которое привнесло в Поволжье новые элементы культуры, повлиявшее на общебулгарскую культуру, и выделяется многочисленностью постоянных поселений, датированных Е.П. Казаковым X веком [8].

Таким образом, X век становится ключевым в формировании инструментов, повлиявших на образование постоянных поселений и ремесленных центров. Главенствующая роль села как начального элемента в складывании булгарского государства в данном случае очевидна.

С развитием внешней торговли в X в. в Волжской Булгарии происходит переоценка культурных и духовных ценностей. Это кардинально повлияло на дальнейшую судьбу в истории народов Поволжья. Ислам как государственная религия, распространенная на начальном этапе среди феодальной знати, постепенно заполняет всю территорию государства и входит во все слои общества.

Ислам фактически становится вектором, направленным на объединение племен. Культурно «завоеванные» исламом территории Поволжья на протяжении столетий жили и развивались по мусульманскому праву, пока в XVI веке не произошла колонизация края Московским, а в дальнейшем и Российским государством. Возрождение мусульманских истоков духовной и материальной культур, происходит лишь в середине XVIII в. [9]

Проблема отношений средневекового села и города как взаимосвязанных между собой субъектов, участвующих в торговых взаимоотношениях, требует особого внимания, так как селения в средневековье давали городу практически все необходимые виды продовольствия. Гончарное производство было налажено в деревнях, а кузнечные мастерские, обеспечивающие ближайшие торговые центры и сам город своими изделиями, располагались иногда на больших расстояниях друг от друга [10]. Тем не менее, проследить культурную и производственную направленность

---

[3] Смирнов А.П. Волжские Булгары. М , 1951. С. 299.

[4] Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т I. М.–Л., 1951. С. 25.

[5] Тараканова С.А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной Культуры. T.V. М.–Л., 1940. С. 86.

[6] Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань,1991.

[7] Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992. С. 306.

[8] Там же. С. 324.

[9] Крайсман Н.В. Формирование культурно-просветительского религиозного возрождения татар как феномен национальной культуры // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 11.

[10] Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 351.

эволюции домонгольского булгарского села по документальным свидетельствам довольно сложно из-за отсутствия ее в летописных источниках. Поэтому проблема изучения истории домонгольского булгарского села проходит через призму археологических исследований.

По данным Л.Л. Савченковой, полученным в результате раскопок г. Болгара в период до 1996 года, выявлено лишь небольшое количество железных орудий труда [11]. Все они были найдены в культурных слоях домонгольского и золотоордынского периодов. А.П. Смирнов пишет о слабом развитии сельского хозяйства и о незначительности территории возделывания полевых участков на городище, что подтверждает тезис о торговом характере домонгольского города [12].

Сельскохозяйственные культуры возделывались за пределами города – на селе, которое и поставляло свою продукцию в город, а также для продажи или обмена за пределами Волжской Булгарии. Товарообмен между городом и селом перерастал в ярмарки, которые стимулировали развитие товарно-денежных отношений на всей территории Поволжья. Значение города Булгар, «бывшего международной ярмаркой того времени», отмечено А.П. Смирновым в отчете Куйбышевской экспедиции за 1950 год [13].

По мнениию К.А.Руденко и Е.П.Казакова, распространенность у сельского населения многочисленных промыслов (рыболовство, бортничество, пушной промысел) имело рыночную основу [14]. То же самое можно сказать и о земледелии, развитость которого на территории Волжской Булгарии была бесспорна. Таким образом, существенное влияние на общее торгово-экономическое развитие в регионе оказывало село. Это подтверждается многими фактами, говорящими в частности о численном превосходстве средневековых поселений над городом. Сельское хозяйство как определяющий инструмент в экономике любого государства было сосредоточено на селе. Следовательно, село давало значительные налоговые поступления в государственную казну. В данном случае это не деньги, а их эквивалент – зерно, рыба, дичь, пушнина, мед. Средневековый сухопутный торговый путь из Булгара в Киев, проходящий через ремесленно-торговые поселения, также показывает важнейшую роль села, которое исполняло роль так называемых дневок-манзилей – своеобразных гостиниц того времени. Благодаря таким поселениям осуществлялся транзит различных товаров по суше, в Киев и обратно [15]. В данном случае село выступает в роли маленькой локальной торговой и ремесленной «площадки», рассчитанной на нужды караванов и купцов.

Вопрос о существовании металлургического производства в булгарском домонгольском селе требует глубокого анализа для изучения ремесленно-производственного потенциала села. Наличие следов металлургии на многих поселениях средневекового Поволжья позволяет сделать предположение о повсеместном ее освоении и применении определенных методов обработки. Даже если сельские металлурги и кузнецы и проигрывали в качестве изготовления своей продукции городским мастерам, навыки и технологический процесс изготовления был одинаков. Булгары, будучи носителями салтово-маяцкой культуры, еще до переселения в районы Среднего Поволжья были хорошо знакомы с технологией обработки и добычи железа [16].

Основу экономики Волжской Булгарии составляли земледелие, торговля и ремесло, причем уровень развития черной металлургии и кузнечного производства напрямую зависел от состояния и уровня развития сельского хозяйства [17]. Это позволило установить взаимовыгодные связи между ремесленниками и земледельцами.

Булгарские купцы довольно успешно торговали за пределами государства зерном, что подтверждается русскими летописями. Тесные торговые взаимоотношения булгары строят в период феодальной раздробленности на Руси с княжествами Северо-Восточной Руси. Неоднократно такие тесные торговые связи спасали от голода в засушливые годы целые княжества [18].

Таким образом, развитие села как предпосылка формирования социальной структуры раннефеодального общества и образования крупных городских центров являет собой важную страницу истории средневековья. Земледелие и ремесленное производство в булгарском селе домонгольского периода имели определяющее экономико-политическое значение в жизни государства. Представляется, что дальнейшее археологическое изучение проблемы поможет продолжить историческое исследование степени интенсивности хозяйственных и культурных связей города и села волжских булгар XI – начала XIII вв.

---

[11] Савченкова Л.Л. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 10-11.

[12] Хузин Ф.Ш. Булгарские города и проблемы их происхождения. // История Татар с древнейших времен. Т. II. Казань.2006. С. 152.

[13] Смирнов А.П. Обоснование, план работ и сметы расходов археологической экспедиции по исследованию памятников в зоне затопления Куйбышевского гидроузла. 1950. Архив Института материальной истории РАН. Фонд 35. Ед.хр. 44.

[14] Руденко К.А. Казаков Е.П. Булгарское село. // История татар с древнейших времен. Казань, 2006. Т. II. С. 230.

[15] Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – Связи – Судьбы. Киев, 1997. С. 178.

[16] Афанасьев Г.Е. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Г.Е.Афанасьев, А.Г.Николаенко// Маяцкое городище. М., 1984. С. 279.

[17] Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное дело // История Татар с древнейших времен. Казань, 2006. Т II. С. 249.

[18] Полубояринова М.Д. Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами // История Татар с Древнейших времен. Казань, 2006. Т.II. С. 316.

УДК 94:323.3(47+57)«18»

ВЗГЛЯДЫ АДМИРАЛА А.С. ШИШКОВА НА СОСЛОВНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

THE VIEWS OF ADMIRAL A.S. SHISHKOV ON THE ESTATES QUESTION IN RUSSIA

А.Е. Гребенщиков
A.E. Grebenshchikov

Воронежский государственный университет, Россия, 394052, г. Воронеж, Московский пр. 88.

Voronezh State University, 88, Moscow Avenue, Voronezh, 394052, Russia,

e-mail: sasha.g.87@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды адмирала А.С. Шишкова на сословный вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX века. Он был русским дворянином и выступал за сохранение сословного строя. Адмирал хотел реализовать идею национального единства русского народа в условиях сословного неравенства. Его консерватизм в сословном вопросе во многом определялся идеей социальной стабильности и неприятием революционных потрясений. Поддержание устойчивости социальной иерархии в России Шишков возлагал на самодержавную власть. В своей публицистике он противопоставлял простой народ вестернизированному дворянству, которое воспринимало эмансипационные идеи западного Просвещения.

Resume. The article examines the views of admiral A. S. Shishkov on the estates question in Russia at the end of XVIII - the first quarter of the XIX century. He was a russian nobleman and advocated the preservation of caste system. Admiral wanted to realize the idea of national unity of the Russian people in a class inequality. His conservatism in the Estates matter, largely, determined by the idea of social stability and rejection of revolutionary upheavals. Maintaining the stability of the social hierarchy in Russia Shishkov laid on autocratic power. In his journalism, he contrasted the simple people westernized gentry who perceive emancipatory ideas of the Western Enlightenment.

Ключевые слова: А.С. Шишков, сословия, социальная иерархия, социальная стабильность, дворянство, крестьянство, простой народ, самодержавие, консерватизм, национализм.

Key words: A. S. Shishkov, class, social hierarchy, social stability, the nobility, the peasantry, the common people, the autocracy, conservatism and nationalism.

Проблема сословного неравенства является ключевой в отечественной истории. На протяжении многих веков правовое положение российских подданных отличалось принадлежностью к тому или иному сословию: духовенству, дворянству, купечеству, мещанству и крестьянству. В царствование императора Александра I (1801–1825) под влиянием идей Просвещения высказывались мнения о необходимости уравнять всех подданных в правовом положении. Однако, противники либеральных преобразований стояли на позиции сохранения сословного строя. К их числу относился адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841).

Шишков был видным представителем российской интеллектуальной элиты конца XVIII – первой четверти XIX вв. В Отечественной истории он известен как писатель-русофил, антизападник, патриот, с чьим именем связывались события войны 1812 г. и строгость цензурной политики начала николаевского царствования. Обширный опыт общественной и политической деятельности Шишкова делает его идеи, мнения и литературные труды ценным предметом для исследования сословного вопроса в России.

Непримиримость адмирала к изменению социальной системы страны была видна его современникам. Так, например, Д.Д. Свербеев запечатлел в своих мемуарах показательную реакцию Шишкова на свои слова о том, что в России только два «состояния» – «деспоты и рабы»: «Как бы не солоно похлебавши, отскочил от меня Шишков и значительно взглянул на Кикина» [1].

В дореволюционной и советской историографии адмирал изображался как выразитель своекорыстных интересов знати, помещиков, эксплуататоров, упорно цеплявшихся за крепостное

[1] Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым // Русский архив. 1871. Вып. I. С. 165.

право и дворянские привилегии. Подобные подходы были характерны для работ А.Н. Пыпина [2], П.К. Щебальского [3], А.В. Предтеченского [4]. Современный исследователь А.Ю. Минаков полагал, что присущий Шишкову национализм не мог не противоречить принципу сословности [5].

Шишков принадлежал к среднему слою русского дворянства. Его отец инженер-поручик С.Я. Шишков владел небольшим поместьем в Кашинском уезде Тверской губернии. После раздела отцовского имения между четырьмя сыновьями А.С. Шишкову досталось 15 душ крепостных крестьян мужского пола [6]. Значительное увеличение его благосостояния произошло лишь на сорок втором году жизни, когда во время коронации императора Павла I в 1796 г. ему было отпущено 250 душ мужского пола. До этого его доходы состояли в «одном только весьма небольшом жалованье» [7]. Впрочем, после этого крепостной труд не стал для адмирала основным источником заработка. Из воспоминаний его современника С.Т. Аксакова следовало, что Шишков почти не брал оброк со своих крестьян, да и те небольшие взимаемые с них средства он «употреблял на их же собственные нужды» [8].

Успехи карьерного роста будущего адмирала (с 1823 г.) во многом определялись семейными связями, присущими представителям дворянства. Он приходился троюродным братом екатерининского генерал-аншефа А.И. Бибикова, а также свойственником двух генерал-фельдмаршалов: президента Государственной адмиралтейской коллегии И.Л. Голенищева-Кутузова и светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова. После окончания Морского кадетского корпуса, где директором был упомянутый И.Л. Голенищев-Кутузов, он остался там преподавать и сделал стремительную морскую карьеру. В 1799 г. он уже был вице-адмиралом флота, главою Ученого департамента адмиралтейской коллегии, а также членом Российской Академии.

Не меньше чем морскими делами, Шишков интересовался литературой. В своем первом литературном опыте драме «Невольничество» (1780) он обходил острые углы сословных противоречий, делая акцент на том, что объединяло русских людей: чувстве патриотизма, православной вере и верности престолу [9]. Шишков говорил о России как о стране, где «процветало» «спокойствие» [10]. В его риторике это означало отсутствие социальных потрясений, что несколько расходилось с реалиями тогдашней России, которая пережила пугачевский бунт.

Защитой социальной стабильности определялись все дальнейшие рассуждения Шишкова, затрагивающие сословную проблематику. В «Оде на покорение Польши» (1793) он ужасался революционным террором во Франции, противопоставляя ему российскую «тишину» и «спокойствие» [11]. Он осуждал эмансипационные идеи Французской революции, объединяя их понятием «вольность» [12]. Это слово он считал «пустым» [13]. Кроме того, Шишков утверждал, что перемены для России «пагубны» [14].

Задачу поддержания устойчивости сословной иерархии адмирал возлагал на самодержавную власть. В упомянутой «Оде» он называл императрицу Екатерину II «пастырем», а вверенный ей Богом народ «стадами тельцов и агнцов» [15]. Впоследствии своеобразную роль арбитра в сословных отношениях Шишков пытался возложить на либерально-мыслящего Александра I: «Будь прямо Русский Царь, надеющийся на своих верноподданных. Возвысь дворян, ограду Твоего престола. Будь отец народу, но не давай возмущать его преждевременными внушениями о вольности, вовлекающими его в своевольство. Да посеется между сими двумя состояниями тишина и мир, а не вражда и злоба. Тогда Ты один, посреди своего народа, сильнее будешь всех царей» [16].

В публицистике адмирала сословная проблематика рассматривалась в контексте конструируемой им консервативно-националистической доктрины неприятия идей западного Просвещения, породивших революционное насилие. В ней носителем русского самосознания, православных традиций и «благих нравов» выступал простой народ. По словам Т.В. Полежаевой, простой народ

---

[2] Пыпин А. Н. Российское Библейское общество, 1812-1826 // Вестник Европы 1868. №11, №12.; Его же: Общественное движение в России при Александре I. СПб. 2001. 556 с.

[3] Щебальский П. К. А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. №. 11. С. 193-254.

[4] Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. 465 с.

[5] Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 15.

[6] Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М. 2007. С.24.

[7] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Издание И. Киселева и Ю. Самарина. Берлин, 1870. Т II. С. 22.

[8] Аксаков С. Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // Собрание сочинений. Т. 2. М., 1909. С. 209.

[9] Шишков А. С. Невольничество. Драма в одном действии // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XII., СПб., 1828. С. 1-32.

[10] Там же. С. 12.

[11] Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XIV., СПб. 1831. С. 143-154.

[12] Там же. С. 152.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 144.

[15] Шишков А. С. Указ. соч. С. 144.

[16] Записки, мнения и переписка адмирала… Т. II. С. 235.

для Шишкова был одним из элементов конструируемой национальной традиции [17]. Низшим сословиям адмирал противопоставлял европеизированное дворянство. Последнее, по его мнению, «больше всего превозносило вольность, которая <…> в том состоит, чтоб не считать ничего священным, не повиноваться ничему, кроме страстей своих» [18].

Задолго до славянофилов Шишков указал на своего рода ментальную пропасть между низами общества и правящим сословием. Европеизированное дворянство, по его словам, «не знало русского народа», считало его «тупым» от природы, предпочитало ему иностранцев, пренебрегало его талантами и имело против него «предубеждение» [19].

Преодоление этой пропасти адмиралу виделось в отказе дворянства от подражания иностранцам, от западного Просвещения, от французского языка и воспитании в русских традициях. Результатом подобной «русификации» правящего сословия должен был стать «благовоспитанный дворянин», который «остался при добрых правилах, почитает веру, наблюдает закон, любит свое отечество, способен быть полезным сыном оного, женился, имеет детей» [20].

На дворянство Шишков возлагал надежду как на сословие, вокруг которого могла произойти кристаллизация русской нации. Но для этого оно должно было повернуться лицом к народу: «Обратитесь к нему (к народу – *А.Г.*), согрейте его лучами вашего внимания, не требуйте, чтоб он вдруг и во мгновение ока представил взорам вашим рощи Африканских и Американских древес. Потерпите <…> вы увидите, что он со временем раскинется и будет великолепен. Народ то же, что сад. Не отвращай взора от его произведений. Полюби, сперва, несовершенство их. <…> Посели в него честолюбие, возроди ревность, возбуди в нем уважение к самому себе…» [21].

Универсалистским идеям западного Просвещения Шишков противопоставлял свое видение образовательной политики в России, которая, с его точки зрения, должна закреплять сословно-профессиональное деление общества. Истинное просвещение, по мнению адмирала, состояло в том, чтобы «земледелец умел пахать, судья судить, купец торговать, сапожник шить сапоги» [22]. Впоследствии, на посту Министра народного просвещения (1824–1826) он высказался о вредности образования для низших сословий: «Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количества людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином» [23].

Отечественная война 1812 г. стала для России своего рода проверкой прочности ее социального устройства. По словам Д.А. Жаринова, вторжение Наполеона вызвало слухи о «пугачевщине» и возможности государственного переворота [24]. Александр I не нашел лучшей кандидатуры на роль главного пропагандиста событий военных лет, кроме известного своим пиететом к народным низам Шишкова. В должности Государственного секретаря (1812–1814) адмирал писал от имени императора манифесты, в которых призывал российские сословия к сплочению перед лицом врага. «Да встретит он (неприятель – *А.Г.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина, – говорилось в манифесте «О созыве земского ополчения» от 6 июля 1812 г. – Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русской! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют» [25].

Патриотический призыв адмирала к национальному единству в первую очередь встретил поддержку среди провинциального дворянства и купечества. Смоленские помещики обещали ему вооружить своих крепостных крестьян и с ними пойти на войну [26]. Купцы, слушавшие Шишкова 15 июля 1812 г. в Слободском дворце, возгорели ненавистью к врагу: «Когда Шишков произнес слова, что неприятель с лестью на устах несет в руках оковы, тогда негодование вырвалось в сильнейшей степени: ударяли себя в голову, рвали на себе волосы, ломали руки, видны были слезы гнева» [27].

---

[17] Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX века) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 98.

[18] Шишков А. С. Ответ на письмо господину Луке Говорову, напечатанное в Вестнике Европы апреля 1807 года. №8. Под заглавием: Письмо из города N.N. в столицу // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XII., СПб. 1828. С. 245.

[19] Там же. С. 254-255.

[20] Там же. С. 247.

[21] Шишков А. С. Указ. соч. С. 245.

[22] Там же. С. 245.

[23] Смирнов А. В. Александр Семенович Шишков. 1824 г. // Русская старина. Май. 1889. С. 466.

[24] Жаринов Д. А. Впечатления от пожара и мнения современников // Отечественная война 1812 г. и русское общество. М. 1912. Т.III. С. 172.

[25] Шишков А. С. Краткие записки веденные во время пребывания при блаженной памяти государя императора Александра Первого в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. С. 31.

[26] Палицын Н. А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Июнь. С. 481.

[27] Стоюнин В. Я. А. С. Шишков. Историческое сочинение. СПб., 1889. С. 156.

Однако московское дворяне встретили его речь «сдержанным молчанием» [28], что, впрочем, неудивительно, особенно если принять во внимание известную неприязнь адмирала к европеизированному дворянству, которое в значительной степени концентрировалась в столицах. Биограф Шишкова В.Я. Стоюнин отмечал, что адмирал считал дворян, воспитанных французами, говорящих по-французски и следующих французским модам, чуть ли не изменниками Отечеству, которые призвали в Россию Наполеона и предали ему Москву на сожжение [29].

Тот же автор резонно замечал: «Обвиняя образованное общество в бедствии России, и возвышая невежественный народ за его наполовину мнимые добродетели, он не подозревал, что дает невежеству силу, вызывая в нем ненависть к образованию и прикрывая ее слепым патриотизмом» [30]. Подтверждением мысли Стоюнина о поощрении Шишковым «слепого патриотизма» в низах общества может служить случай, приведенный дореволюционным исследователем Н.А. Палицыным [31]. Суть его была такова: прихожане одной из церквей приняли российского чиновника, смотревшего в образы святых через лорнет, за француза. Они схватили его и потащили на съезжую. Шишкову пришлось писать объявление от Управы благочиния, по которому все задержания подозрительных лиц могли осуществляться только полицией.

По мере завершения боевых действий во взглядах адмирала возобладал сословный эгоизм. В манифесте от 30 июня 1814 г., исходя из вклада сословий в победу над Наполеоном, он выстроил несложную иерархическую схему: духовенство, дворянство, воинство, купечество, мещанство и крестьянство. Поставив дворянство выше воинства, Шишков вызвал гнев императора Александра I и был вынужден поменять их местами. В том же манифесте адмирал предал забвению характерные для его публицистики негативные выпады в адрес дворян, «зараженных» идеями Просвещения и пристрастием ко всему французскому. Он писал: «Дворянство – верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданность и любовь к Царю и Отечеству» [32]. Кроме того, документ закреплял право помещиков владеть крепостными крестьянами [33].

После войны Шишков защищал сословный строй в Государственном совете. В 1818 г. он выступил противником проекта «Гражданского Уложения», которое, с его точки зрения, было пародией на французское буржуазное законодательство. По его словам, проект был «написан худым языком, без всякого тщания и соображения с нашими законами, с нашими нравами и обычаями, инде двусмысленно, часто невразумительно, и даже наполнено безнравственными статьями, бестолково переведенными из так называемого Кодекса Наполеона» [34]. В новом Уложении он угадывал намерение ликвидировать сословный строй. Ибо политические права, в разной мере принадлежавшие каждому сословию страны, «смешивались» с гражданскими правами, общими для всех российских подданных [35]. Все это противоречило «Жалованной грамоте» [36]. Особенно Шишкова возмущало то, что правящему сословию без «дозволения правительства» запрещалось вступать в иностранную службу под страхом исключения из российского подданства [37].

Незыблемость сословных прав российского дворянства адмирал отстаивал в ходе обсуждения в Государственном совете мер по смягчению крепостного гнета (1820). С его точки зрения, правовое положение низов общества при крепостном праве было не столь безвыходным, как об этом говорили сторонники реформ. Он критиковал Петра I за сравнение в одном из его указов продажи крестьян с продажей скота, а также парировал аргументы либералов, называвших русских крестьян рабами. По его словам, законы запрещали помещикам убивать крепостных, разрешали жаловаться на господ, наказывать их, вплоть до лишения имений [38]. Власть землевладельцев, с его точки зрения, была «ни беспредельной, ни насильственной» [39].

В противоположность либералам, видевшим основу сословных отношений в произволе, корысти и насилии над народными низами, Шишков конструировал патриархальную идиллию почти родственной связи помещиков и крепостных крестьян. По его мнению, землевладельцы заботились о крепостных как о собственных детях, поддерживали их «благосостояние, порядок и устройство» [40]. Случаи произвола были редки и совершались лишь «неблагоразумными помещиками» [41].

---

[28] Там же.
[29] Там же. С. 184.
[30] Там же.
[31] Палицын Н. А. Указ. соч. С. 485.
[32] Шишков А. С. Законы и постановления. Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб. 1816. С. 168.
[33] Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб. 1905. Т.3. С. 256.
[34] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова... Т. II. С. 54.
[35] Там же. С. 59.
[36] Там же. С. 62.
[37] Там же. С. 62.
[38] Там же. С. 122.
[39] Там же. С. 123.
[40] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. С. 123.
[41] Там же. С. 121.

В конечном счете сословный строй во взглядах адмирала являлся «государственным благом» [42], ибо обеспечивал «повиновение» и «обузданность» народа [43]. Худшим вариантом развития политической ситуации в России он считал события, когда народ, «почувствовав силу свою, возложит иго на сильного, и в неистовстве своем сам себе нанесет вред и погибель» [44]. Однако произвол верхов российского общества над низами для него также был неприемлем. Законы, по его слова, должны были «воспящать сильному угнетать бессильных» [45].

Подводя итоги, можно отметить, что устремление Шишкова обеспечить национальное единство русского народа в условиях сословного неравенства было основанием его консервативных взглядов. Незыблемость социальной иерархии, с его точки зрения, должна была достигаться обращением к русскому патриотизму, православным традициям и авторитету самодержавной власти. В отказе российского дворянства от западничества он видел возможность построения в России социально стабильного общества.

[42] Там же. С. 123.
[43] Там же. С. 128.
[44] Там же. С. 128.
[45] Там же.

УДК [94:626.7]|18|(470.323)

ПРОЕКТ СУДОХОДСТВА ПО РЕКЕ СЕЙМ В 30-е ГОДЫ XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

THE PROJECT TO TRANSFORMATION TO NAVIGABLE CONDITION THE RIVER SEIM IN THE THIRTIES OF THE XIX CENTURY (ON MATERIALS OF KURSK PROVINCE)

А.В. Сахаров
A.V. Sakharov

МБОУ «Лицей № 6 имени М.А. Булатова», г. Курск, ул. Радищева 54, 305004

Municipal budget educational institution «Lyceum № 6 named after M.A. Bulatov», Kursk, Radishcheva street, 54.

e-mail: Zucker1991@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей финансирования и использования полученных средств Комитетом по приведению реки Сейм в судоходное состояние по проекту щигровского помещика М. Пузанова. Основное содержание исследования составляет анализ источников получения денежных средств Комитетом, закупок материала, найма рабочей силы и контрактов с купцами. Определяются основные тенденции в использовании денежных средств Комитетом на протяжении строительных работ. В научный оборот вводятся малоизвестные документы, представленные Государственным архивом Курской области.

Resume. The article is devoted to peculiarities of financing and the use of funds received by the Committee to transformation to navigable condition the river Seim by M. Puzanov`s project. The main content of the study is the analysis of the sources of funds Committee, material procurement, labor recruitment and contracts with merchants. The article gives the key trends in the use of funds by the Committee for the construction work. Much attention is given to introducing into scientific circulation obscure documents submitted by the State Archive of the Kursk region, on the activities of Shchigry`s landowner Puzanov , who actively implemented the plan for the Navigation of the river Seim from Kursk to Kiev and then to the Black Sea ports.

Ключевые слова: Сейм, судоходство, финансирование, купцы, Курская губерния.
Keywords: Seim, navigation, finance, merchants, Kursk Province.

За первую четверть XXI в. в Российской Федерации было запланировано множество грандиозных инженерных проектов, некоторые из них еще предстоит претворить в жизнь. Сооружение моста, соединяющего АР Крым и Краснодарский край, моста через бухту Золотой Рог во Владивостоке; строительство объектов в Казани к празднованию тысячелетия города и проведению Всемирной летней Универсиады, спортивных сооружений к Олимпиаде 2014 г. в Сочи и Чемпионату Мира по футболу 2018 г. стали важнейшими инженерными проектами в жизни страны.

Воплощение в жизнь любых грандиозных проектов невозможно без учета исторического опыта ведения строительных работ, адресного и грамотного использования финансовых средств, рациональной эксплуатации полученных объектов, поэтому особую актуальность приобретает изучение подобной практической деятельности. Так, опыт реализации проекта надворного советника Михаила Пузанова по приведению реки Сейм в судоходное состояние, несомненно, может быть использован на современном историческом этапе. Рассмотрение финансовой деятельности Комитета по приведению реки Сейм в судоходное состояние позволит выявить экономическую обстановку в губернии, оценить роль губернаторов и дворян в деятельности, связанной со строительными работами на главной реке Курского края, предоставит материал для исторических аналогий и теоретических обобщений. Обращение к данной теме расширяет круг исследуемых отечественной наукой проблем, дает видение одной из малоизученных страниц истории Курского региона. Ряд источников, использованных в статье и впервые введенных в научный оборот, может быть использован в краеведческих работах, преподавании истории и краеведения в высшей и средней школе.

С начала 2000-х гг. появляется ряд обобщающих исследований, имеющих не столько научный, сколько публицистический характер, не содержащих критического анализа вопросов финансирования проекта М. Пузанова, а также монографий, которые выпускались не только историками, но и журналистами. К их числу относится опубликованная в 2010 году издательским центром

«ЮМЭКС» историческая повесть М. Лагутича «Плыл по Сейму пароход» [1], написанная к 170-летию Александринского водного пути. Частично вышеобозначенная тема была затронута в историческом очерке «Наместники и губернатора Курского края 1779–1917 гг.» историка-краеведа В.Б. Степанова [2]. Данная монография состоит из глав, каждая из которых посвящена конкретному губернатору Курской губернии.

Актуальность и уровень изученности темы определили цель исследования – изучить и научно осмыслить проблемы финансирования проекта по приведению реки Сейм в судоходное состояние, ввести в научный оборот малоизвестные документы о деятельности дворянина М. Пузанова.

Настоящее исследование опирается на материалы фонда № 168 «Комитет для приведения реки Сейм в судоходное состояние» Государственного архива Курской области, впервые вводимые в научный оборот, отличающиеся необходимым разнообразием информации и обеспечивающие получение достоверных результатов по изучаемой проблеме. Данный фонд включает в себя протоколы заседаний Комитета по приведению реки Сейм в судоходное состояние; заказы, торговые листы и контракты с купцами и иными лицами, связанными с закупкой строительных материалов и наймом рабочих; письменные обращения, адресованные императору Николаю I, министру финансов Е.Ф. Канкрину, курским землевладельцам; приходно-расходные книги Комитета, в которых зафиксированы практически все значимые финансовые операции, связанные с проектом; сравнительные ведомости смет по проведенным работам; отчеты М. Пузанова и других лиц относительно хода строительных работ на местах установки шлюзов; жалобы на подрядчиков со стороны рабочих и местных жителей; описания рек Сейм и Десны; различного рода предписания технического характера; описи дел документов Комитета и так далее. Изучаемый период представлен достаточно полно, сохранность документов удовлетворительная.

К 30-м годам XIX в. Курская губерния представляла собой аграрный регион, чья продукция могла быть реализована в других частях Российской Империи. Надворный советник Михаил Пузанов предложил использовать реку Сейм в качестве транспортной артерии, предварительно преобразовав ее при помощи постройки семнадцати шлюзов. Разумеется, такой проект требовал серьезных финансовых вложений.

Крупную денежную помощь, прежде всего, могло оказать государство в лице императора Николая I. Монарх решил поддержать строительство по реке Сейм, и в письме министру финансов от 5 августа 1832 года Николай I писал: «Для поспособствования Сейму, общеполезному предприятию, я определяю от себя 15 тысяч рублей и таковую же сумму от любезнейшей супруги моей, повелеваю вам… 100 тысяч рублей отпустить из сумм по вашему назначению» [3]. После этого проект было решено назвать в честь императрицы «Александровским водяным сообщением» [4]. Примечательно, что Николай I в том же письме сделал замечание: «В случае же недостатка сих денег, предоставить дворянство пополнить оный сбором, сколько нужно будет из добровольного пожертвования» [5].

Суммы в 100 тысяч рублей, разумеется, не хватало для полного покрытия будущих расходов, поэтому еще 6 июля 1832 года на собрании гражданских предводителей и депутатов дворянства было решено организовать сбор денег [6], который, впрочем, не стал серьезной поддержкой бюджета проекта. Поэтому вторым по значимости источником финансирования стали губернаторские пожертвования и постановления о передаче части средств из губернской казны. В январе 1833 года Курский губернатор Павел Николаевич Демидов передал проекту 172 рубля 50 копеек из личных средств [7]. Необходимо отметить, что Курский губернатор часто жертвовал деньги на полезные для науки и инфраструктуры проекты, а в 1831 году учредил премии, призванные «содействовать к преуспеванию наук, словесности и промышленности в своем Отечестве» [8]. Однако Демидов больше вышеуказанной суммы средств на проект по приведению реки Сейм в судоходное состояние не выдавал. Связано это, прежде всего с тем, что уже 2 апреля 1834 года он был освобожден от занимаемой должности и уехал в Германию, где умрет в 1841 году [9]. Следующее поступление средств произошло в феврале 1834 года: вице-губернатор Алексей Николаевич Брусилов пожертвовал 500 рублей [10]. Через месяц по указанию все того же Брусилова была выделена сумма в размере 1000 рублей из губернской казны, а в апреле вице-губернатор снова пожаловал из своих денег 2628

[1] Лагутич М. Плыл по Сейму пароход. Курск, 2010. URL: http://old-kursk.ru/book/lagutich/parohod/index.html (дата обращения: 10.07.2015).

[2] Степанов В.Б. наместники и губернаторы Курского края. 1779-1917 гг. Исторические очерки. Курск, 2005. URL: http://old-kursk.ru/book/stepanov/namest17.html

[3] Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 94.

[4] Максимова И. пароходы на Сейме. URL: http://old-kursk.ru/events/max100624.html

[5] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 95.

[6] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

[7] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

[8] Степанов В.Б. наместники и губернаторы Курского края. 1779-1917 гг. Исторические очерки. Курск, 2005. URL: http://old-kursk.ru/book/stepanov/namest17.html

[9] Огарков В.В. Демидовы. Их жизнь и деятельность. СПб., 1891. С. 91.

[10] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

рублей 6 копеек по серебряному курсу [11]. Новый губернатор, Степан Федорович Паскевич практически сразу был вынужден выделять средства на проект: 5000 рублей и 4800 рублей в ноябре 1834 года [12], 8123 рубля 29 копеек в декабре и 2097 рублей 29 копеек в январе 1835 года [13].

Третьим существенным источником финансирования стали дворянские пожертвования. Так, в июле 1834 года чиновник 5 класса Феофан Антонович Трехинский пожертвовал проекту 16 900 рублей [14]. За два года до этого льговский помещик Александр Николаевич Толстой пообещал Пузанову передать 10 000 рублей [15]. Стоит отметить, что эти средства так и не были получены ввиду разногласий между автором проекта и помещиком. Незначительные пожертвования дворян не вносились в приходно-расходную книгу Комитета, и выделенные средства тратились на ближайший объект строительства. Кроме того, еще при губернаторе Демидове помещикам рассылались письма с просьбой о строительстве за свой счет шлюзов и сопутствующих конструкций на территории собственных имений. Следует отметить, что далеко не все землевладельцы соглашались выполнить полученную просьбу, но были и исключения. Одной из согласившихся была Мария Федоровна Барятинская [16], и, разумеется, потраченные ею средства также не были зафиксированы Комитетом по приведению реки Сейм в судоходное состояние.

Чтобы правильно понимать, как тратились средства Комитета по приведению реки Сейм в судоходное состояние, необходимо проследить динамику, имеющихся в наличии у него денег. Для примера взят период с конца 1832 года по январь 1835 года (см. рис. 1).

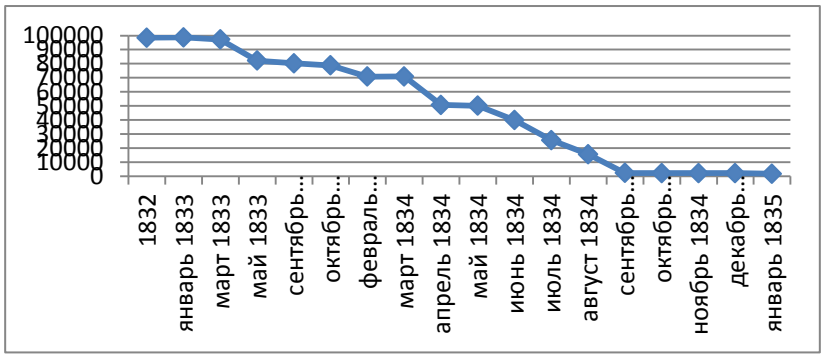

Рис. 1. Баланс финансов Комитета.
Fig. 1. The balance of Committee`s finance.

Из графика рис. 1 видно, что расходы в первый год работ значительно уступают потраченным средствам за следующий 1834 год. Объясняется это, прежде всего, тем, что строительные работы откладывались из-за конфликта с Главным Управлением путей сообщения, настаивавшем на реализации другого проекта, за авторством Михайлова. В нем предусматривалась грандиозная общая сумма затрат на приведение реки Сейм в судоходное состояние – 1 666 412 рублей [17]. М. Пузанову пришлось писать объемное объяснение на замечания Комиссии проектов и смет Главного Управления путей сообщения, в котором доказывалось, что чрезмерные суммы на строительство шлюзов и углубление реки являются необязательными.

Второй причиной задержки начала работ стала невозможность договориться с помещиками о строительстве первого пробного шлюза. Согласно проекту, М. Пузанов рассчитывал использовать водяные мельницы, возле которых необходимо было построить шлюзы. Помещики боялись, что мельничные запруды при строительстве обмелеют и оставят их хозяев без доходов, поэтому на риск никто не хотел идти. Лишь к осени 1833 года был построен пробный шлюз возле села Лозовского. Испытания строения прошли успешно, и 26 сентября льговский земский судья рапортовал о прибытии «21 числа… барок с грузом до пяти тысяч пудов камня…» [18].

Еще одной значимой причиной относительно небольших первоначальных трат явился поиск купцов, способных выполнить крупные заказы на поставку большого количества материалов и рабочих. Последних в 1833 году сильно не хватало, так как абсолютное большинство крестьян находилось на полевых работах.

Строительные работы начинались весной, поэтому серьезное расходование средств неизменно требовалось с апреля–мая, что также отражено в представленном графике. Заказы на мате-

[11] Там же. Л. 3.
[12] Там же. Л. 4.
[13] Там же. Л. 5.
[14] Там же. Л. 3.
[15] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.
[16] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.
[17] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
[18] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

риал и рабочие услуги были стандартизированы, что видно из сохранившихся торговых листов. Например, с 24 по 26 ноября 1832 года было подписано три торговых листа [19], включавших пункты, представленные в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Торговый лист на материалы и услуги
Shopping list for materials and services

Предметы торгов	*Количество*
Дубовых деревьев длиною 7 аршин, толщиною в отруб до 7 вершков	24500
Дубовых деревьев длиною 9,5 аршин, толщиною в отруб до 5 вершков	1960
Дубовых деревьев длиною 14 аршин, толщиною в отруб до 5 вершков	8960
Дубовых деревьев длиною 8 аршин, толщиною в отруб до 8 вершков	112
Дубовых деревьев длиною 4 аршин, толщиною в отруб до 7 вершков	700
Дубовых деревьев длиною 7 аршин, толщиною в отруб до 5 вершков	840
Сосновых деревьев длиною 12,5 аршин, толщиною в отруб до 5 вершков	224
Дубовых досок длиною 4 аршин, толщиною в 8 вершков	112
Дубовых деревьев длиною 4 аршин, толщиною в 8 вершков	84
Дубовых деревьев длиною 4 аршин, толщиною в 3 вершков	56
Досок еловых в 8 аршин	350
Полуторавершковой бичевы	42 пуд.
Железа лафетного	560 пуд.
Железа полосного	140 пуд.
Железа стропильного	140 пуд.
Канат толщиною в 2 вершка из 540 ниток смоленый	280 пуд.
Калия для бута	420 сажень
Вырыть 600 кубических саженей земли	8400

Отдельно с купцами заключались торговые листы и договоры относительно стоимости рабочей силы. Согласно листам от 15 апреля, один чернорабочий стоил от 25 рублей (купец Свешников) до 25,50 рублей (купец Силин) [20], плотники – от 30 рублей (купец Силин), до 35 рублей (купец Свешников) [21]. За копателей платили не по истечении определенного срока работ, а за вырытые сажени, причем существовало различие в оплате «верхней» (поверхностный слой), «средней» (второй по глубине) и «нижних» (все последующие) саженей. Цена колебалась от 3 рублей 15 копеек (Свешников) до 3 рублей 25 копеек (Силин) за «верхнюю», от 4 рублей 25 копеек (Свешников) до 4 рублей 50 копеек (Силин) за «среднюю» и от 6 рублей (Свешников) до 6 рублей 50 копеек (Силин) за «нижнюю» [22].

Для упорядочения процесса строительных работ Комитет заключал с купцами контракты. 18 апреля 1834 года было подписано два договора: с Андреем Васильевичем Ишуниным и с Иваном Николаевичем Свешниковым. Контракт с Ишуниным заключался с целью привлечения к работе плотников, кузнецов и чернорабочих на Путивльском шлюзе, а также трех шлюзах, которые должны были находиться на территории Черниговской губернии: Новомлинском, Батуринском и Каменском. Здесь следует отметить, что это были единственные шлюзы, располагавшиеся за пределами Курской губернии. Всего контракт включал в себя 20 условий. Первое было посвящено количеству рабочей силы и срокам начала работ. Так, в контракте писалось, что «плотников [Ишунин] должен выставить в вышеназванные четыре места к мельницам, где проводиться будут работы: к 15 мая 80 человек и к 1 июня 80 человек, всего сто шестьдесят человек; чернорабочих к 15 мая 20 человек, к 1 июня 60 человек и к 10 июня 80. Всего предоставить сто шестьдесят человек; кузнецов к 1 июня двух человек, а если нужно будет Комитету, то и больше» [23]. Купец Ишунин просто не мог доставить всех нанятых рабочих в одно время, так как не располагал для этого возможностями. В Комитете хотели обезопасить себя от неисполнительной рабочей силы, поэтому в третьем пункте было обговорено следующее: «Буде же кто из них [рабочих] окажется ленивым, или незнающим и явится на работе в нетрезвом виде, то обязан… Ишунин немедленно заменить его другим, работника же ссылать с работы и в то же время и плата за него прекращается» [24]. При этом именно на данном участке летом 1834 года произошел конфликт, в результате которого многие из рабочих просто ушли с места строительных работ. Чтобы разобраться в ситуации, Комитет отправил в Черниговскую область Капитана корпуса жандармов Волкова и частного пристава курской

[19] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-12.
[20] Там же. Л. 14.
[21] Там же. Л. 18.
[22] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.
[23] Там же. Л. 25.
[24] Там же.

полиции Турбина, выделив им 210 рублей из суммы на строительство шлюзов по реке Сейм. 60 рублей были выделены каждому на дорогу туда и обратно, а непосредственно за саму услугу хранители порядка получили 45 рублей [25]. Как выяснилось позже, Ишунин пренебрег своими обязанностями и был за это оштрафован. Им был нарушен пятый пункт контракта: «Содержание рабочих пищей, равно и квартирование их в селениях и на бивуаках должно относиться к моей [Ишунина] обязанности…» [26].

Согласно условию № 12 Комитет обязан был «при совершении сего контракта выдать… Ишунину в задаток 13 371 рублей по курсу на серебро» [27]. Данные средства должны были выдаться купцу еще до начала работ в виде двух билетов сохранной карты, что регулировалось пунктом договора № 13. Строительные работы по контракту продолжались три месяца, ровно до 15 августа 1834 года, «но ежели потребуется Комитету, то и далее по той же цене» [28]. Также пунктом № 19 регламентировалось, что «по окончании работ в выше сказанных четырех местах и месту оных по течении реки, [Комитет] найдет нужным переместить работы, выше в Путивльском же уезде, или в Рыльском и Льговском уездах, то эти мастеровые и чернорабочие должны поступить в те места, кои будут для сего назначены…» [29]. Таким образом, Пузанов стремился ускорить темп строительных работ и при первой же возможности перевезти рабочих к месту возведения нового шлюза.

Контракт с купцом Иваном Николаевичем Свешниковым был схожим с предыдущим. По нему купец «подрядился производить копацкую работу на обозначенных котлах в четырех местах, и именно: Курской губернии в городе Путивле и Черниговской губернии в местечках Батурино, Новые Млины и селе Камень…» [30]. Стремление сэкономить средства прослеживается уже в третьем пункте, где значится следующее: «тележки должны быть сделаны самими копачими и сданы по окончании работ в совершенной исправности» [31]. Сумма контракта была, разумеется, меньшей – всего 2 000 рублей.

Большие траты на строительный материал и наем рабочих привели к тому, что баланс Комитета стал приближаться к нулю. Один лишь Пузанов потратил с 1833 по 1835 годы 53 221 рубль 16 копеек [32], принадлежавших Комитету, при этом автор проекта расходовал и средства, полученные от своего имения. Наступил момент, когда ранее выделенные пожертвования в казну Комитета практически оказались израсходованы. Губернатор Паскевич был вынужден проводить финансирование проекта частично из своих собственных средств, частично из губернских сбережений. Выделяемые главой Курской губернии деньги моментально шли в дело, что отражено в данной гистограмме (см. рис. 2).

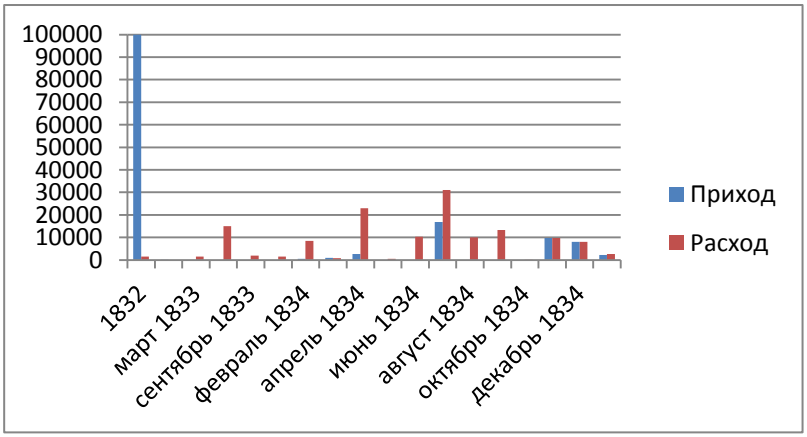

Рис. 2. Сравнение прихода и расхода средств Комитета
Fig. 3. Comparison of income and expenditure of funds Committee

Очевидно, строительные работы не могли обеспечиваться небольшими губернаторскими пожертвованиями, поэтому в 1835 году было решено сделать запрос в Казенную Палату о выделении дополнительных 80 000 рублей из земских повинностей [33]. Вместе с тем в том же году под предлогом изменения русла реки в районе Курска от Министерства финансов был получен заем в

[25] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
[26] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.
[27] Там же.
[28] Там же. Л. 26.
[29] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.
[30] Там же. Л. 27.
[31] Там же.
[32] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.
[33] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 81. Л. 5.

размере 545 000 рублей [34]. Данные меры были необходимыми для продолжения строительства по реке Сейм, однако сильно подрывали доверие к Пузанову, заявлявшему до этого об отсутствии необходимости больших трат на проект. И все же к 1839 году основная часть работ была окончена, на что, если суммировать данные приходно-расходных книг Комитета по приведению реки Сейм в судоходное состояние, было затрачено 677 347 рублей [35].

Таким образом, проект М. Пузанова по приведению реки Сейм в судоходное состояние стал важнейшим инженерным событием для Курской губернии в 30-е гг. XIX в. Экономическое развитие региона во многом зависело от совершенствования дорожной сети и состояния водных путей сообщения в том числе, поэтому план строительных работ был одобрен министром финансов Е.Ф. Канкриным и лично императором Николаем I, после чего последний выделил для проекта 100 тыс. рублей. Некоторые дворяне жертвовали средства на постройку шлюзов по реке Сейм, самые крупные из финансовых переводов отражались в приходно-расходных книгах Комитета, остальные практически сразу шли на местные работы. Курские губернаторы также выделяли некоторые средства для проекта, причем не только из губернского фонда, но и из собственных средств. Трата денег из казны Комитета происходила неравномерно. Это связанно с сезонностью работ, а также некоторыми трудностями, с которыми пришлось столкнуться Комитету в 1833 году. Средства тратились на закупку строительного материала для шлюзов и технических зданий, наем рабочей силы. Последнее осуществлялось через купцов, становившихся по заключенным договорам подрядчиками. Однако следует признать, что в процессе реализации проекта возник целый ряд проблем, связанных с вопросами финансирования. Несмотря на обещания М. Пузанова, что средств должно хватить для строительства всех необходимых сооружений, уже осенью 1834 года в казне Комитета по приведению реки Сейм в судоходное состояние оставалось чуть больше двух тысяч рублей. Изначально неправильная оценка проекта, отсутствие единого крупного поставщика, большое количество непредусмотренных мелких расходов, объективные причины, связанные с погодными условиями, не позволили избежать финансовых трудностей в процессе реализации проекта по обустройству реки Сейм в судоходное состояние.

Изучение проблемы финансирования проекта М. Пузанова по приведению реки Сейм в судоходное состояние, введение в научный оборот значительного количества новых источников позволяет расширить и дополнить знания по социально-экономической истории Курского региона в первой половине XIX века, использовать исторический опыт при реализации современных строительных проектов, дает полезный материал для анализа и преломления в практике нашего времени отдельных начинаний прошлого.

[34] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.
[35] ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 88. Л. 4-5.

УДК 351.758.2: 339.174:908 (470.312)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОРГАНИЗАЦИИ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

LEGISLATIVE REGULATION OF TRADE FAIR ORGANIZATION'S PROCESS IN TULA PROVINCE OF XIX – EARLY XX CENTURIES

С.Е. Бочарова
S.E. Bocharova

Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Детская школа искусств № 1», Россия, 301760, Тульская область, г. Донской, мкр. Центральный, ул. Октябрьская, 55 а.

Municipal budget institution supplementary education «Children art's school №1». 55 a, Oktybrskaya St., mcd. Central, t. Donskoy, Tula region, 301760, Russia

e-mail: sveta-bocharova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению основ законодательного регулирования организации ярмарочной торговли в Тульской губернии в XIX – начале XX вв. Автор выясняет, что наряду с тем что развитие ярмарочной торговли в Тульской губернии осуществлялось в рамках общероссийского законодательства, особенности регионального развития обусловили формирование собственных механизмов управления ярмарками губернии. Местное административно-правовое регулирование ярмарочной торговли в Тульской губернии заключалось, в первую очередь, в решении вопросов, связанных с инициированием, учреждением и закрытием ярмарочных торгов.

Resume. The article concentrates on legislative regulation basis of trade fair organization's process in Tula province of XIX – early XX centuries. The author discoveres that along with trade fair development in Tula province, exercising within the Russian legal system, the peculiarities of regional development made for the special arrangement of the province's fair administration. In the first place, the local administrative and legal trade fair regulation of the Tula province consisted in solving the problems concerning initiation, establishment and closing down the trade fairs.

Ключевые слова: ярмарка, законодательство, учреждение торгов, организация торговли, экономическая целесообразность, административно-правовое регулирование.

Key words: fair, legal system, trade establishment, trade fairs organization, economic expediency, local administrative and legal regulation.

На протяжении XIX – начале XX вв. ведущую роль в развитии внутреннего рынка Российской империи играли ярмарки. В русле осуществления политики защиты интересов внутренней торговли России, правительство стремилось создавать более благоприятные условия для развития ярмарок. Для успешного их функционирования государству необходимо было создать прочную законодательную базу.

Государственное правовое регулирование процесса осуществления торговых операций в России и политика правительства в области ярмарочной торговли практически не изучались дореволюционными авторами. В конце XIX в. управляющий Варшавской Казенной Палатой И.Я. Рудченко, по поручению специальной государственной комиссии с целью пересмотра законодательства, касающегося вопросов пошлинной политики в отношении внутренней торговли, представил исследование эволюции законодательной базы Российской империи в направлении налогообложения торговли и промышленности, начиная с изучения торговых сборов в Древней Руси вплоть до XIX в. И.Я. Рудченко уделил большое внимание проблемам пошлинного обложения ярмарочной торговли в Российской империи [Рудченко, 1893]. Российский юрист и публицист Г.С. Вольтке в докладе на заседании юридического общества при Санкт-Петербургском университете в 1901 г. представил исследование, посвященное изучению правовых основ ведения торговых операций в Российской империи в его историческом развитии [1].

Постановка и рассмотрение проблем о формах организации торговли на внутреннем российском рынке начинаются в советский период. Пошлинная политика государства и ее роль в раз-

[1] Вольтке Г.С. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. СПб, 1905. С. 48.

витии внутренней торговли в России освещается Б.Б. Кафенгаузом в «Очерках внутреннего рынка России первой половины XVIII в.» [2].

Изучению правовых основ ярмарочной торговли большое внимание уделяют современные авторы. Государственная торговая, пошлинная и таможенная политика, правовые аспекты ярмарочной торговли рассматриваются в трудах, посвященных ярмарочной торговле различных регионов. Т.К. Щеглова в труде «Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX вв.» освещает правовые аспекты ярмарочной торговли, государственную и ведомственную политику в отношении ярмарок и ее влияние на развитие данного вида торговли указанного региона, дает характеристику механизма воспроизведения ярмарочных торгов [3]. О.Н. Сидорчук в диссертационном исследовании «Сибирские ярмарки во второй половине XIX – начале XX в.», выделяет основные направления политики государства по отношению к ярмаркам [4]. Правовые основы ярмарочной торговли в XVII – начале XX вв. освещены Т.В. Кит в статье, посвященной проблемам законодательного регулирования ярмарочной торговли в России [5]. Большое внимание ярмарочной законодательной базе в диссертационном исследовании, посвященном ярмаркам Европейского Севера России XIX – начала XX вв., уделяет И.И. Лейман [6].

Процесс учреждения ярмарочных торгов в Тульской губернии в XIX – начале XX вв. не был произвольным. Осознавая важную роль ярмарок во внутренней торговле, государство сформировало практику государственного контроля над процессом учреждения, функционирования и закрытия ярмарок. Развитие сети ярмарок подвергалось строгой регламентации и основывалось на экономической целесообразности для того или иного региона.

Организация ярмарочной торговли в Тульской губернии в XIX – начале XX в. осуществлялась в соответствии с государственными принципами ее регулирования. Процесс учреждения и закрытия ярмарок в Тульской губернии в начале XIX в. находился под контролем Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Наряду с тем, что развитие ярмарочной торговли в Тульской губернии осуществлялось в рамках общероссийского законодательства, особенности регионального развития обусловили формирование собственных механизмов управления ярмарками губернии. В первую очередь, в Тульской губернии осуществлялось решение вопросов, связанных с учреждением новых и закрытием уже действовавших ярмарочных торгов, а также непосредственное регулирование процесса торговли, рассмотрение проблем, связанных с изменением сроков и места действия той или иной ярмарки, статистический учет поуездных оборотов ярмарочных и базарных торгов, учет доходов, получаемых с найма лавок во время ярмарок, контроль над использованием правдивых мер и весов, разработка правил торговли на местных ярмарках.

В Тульской губернии ходатайства об открытии новых ярмарок и торгов исходили как от властных структур различного уровня, так и от частных лиц. Согласно прошениям, содержащимся в фондах Тульского губернского правления, инициатива об открытии ярмарочных торгов исходила от городских дум, окружных управлений, волостных правлений, купеческих и мещанских обществ, крестьянских обществ, настоятелей храмов и монастырей, частных лиц. Чаще всего решения послать прошение об учреждении ярмарок принимались жителями какого-либо населенного пункта вне зависимости от принадлежности к какому-либо сословию, поскольку в учреждении новых ярмарочных и базарных торгов были равно заинтересованы все жители. Примером тому может выступать дело об учреждении трех двухдневных годовых ярмарок в с. Полевые Локотцы Ефремовского уезда: Троицкой (в дни праздника Троицы и Дня Сошествия Святого Духа), 11–12 сентября, 25–26 октября. Ходатайство, поданное в 1828 г. в адрес императора, исходило от помещиков, крестьян и священнослужителей местной Троицкой церкви. Необходимость учреждения ярмарочных торгов в селе объяснялась отсутствием ярмарок в близлежащих населенных пунктах и дальним расположением городов, поэтому… «для доставления даже маловажных, но необходимых потребностей» жители испытывали «затруднения и отягощения» [7].

Инициаторами учреждения ярмарок в Тульской губернии выступали удельные крестьяне, поскольку удельные имения имели такие же права на открытие новых ярмарок в своих селениях, что и помещичьи. Правительство понимало, что большим подспорьем в решении проблемы улучшения материального благосостояния удельных крестьян могут стать ярмарки, на которых население могло бы реализовывать собственную продукцию и закупать необходимые для жизни припасы. Свидетельством тому является дело 1832 г. об открытии ярмарок в д. Каменке и с. Спасском, по ходатайству крестьян удельного Покровского отделения была учреждена ярмарка в д. Каменке

[2] Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958, 355 с.

[3] Щеглова Т.К. Ярмарки Алтая в XIX в. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Томск, 1990. 19 с.; Ярмарки юга Западной Сибири в XIX– начале. XX в.: из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул. 2001. СС. 56, 108.

[4] Сидорчук Оксана Николаевна. Сибирские ярмарки во второй половине XIX начале XX в. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 27 с.

[5] Кит Т.В. Правовые основы ярмарочной торговли в России в XVII – начале XX вв. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. №1 (9). С. 132-140.

[6] Лейман И.И. Ярмарки на Севере России в XIX - начале XX вв. Дисс. …канд. ист. наук. Сыктывкар. 2007. 243 с.

[7] Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 51. Оп. 14. Д. 1706.

и три ярмарки в с. Спасском при церкви Преображения Господня: 6 августа в день престольного праздника, 23 апреля и 3 ноября на основании Жалованной в 1785 г. [8]

Ходатайствовать об учреждении ярмарок имели право волостные правления. С получением крестьянами в 1838 г. права решать вопросы самоуправления на волостных сходах сельское общество получило возможность заявлять свои ходатайства об учреждении волостных ярмарок. Волостное правление могло подавать ходатайства окружному начальству об устройстве новых ярмарочных торгов либо по собственной инициативе, либо по прошению сельского общества [9].

Необходимость открытия новых ярмарок, по мнению просителей, обусловливалась и тем, что в дни крупных церковных праздников периодически происходит съезд большого количества народа на богомолье, во время которого население продает и приобретает продукты и необходимые товары. Характерным примером является дело об учреждении в 1840 г. ярмарки в с. Дряплы Одоевского уезда в день праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи. Инициатором учреждения новой ярмарки в данном селе выступило Стрелецкое волостное правление, доложившее Одоевскому окружному правлению государственных имуществ о большом съезде народа на богомолье 29 августа в день Праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи – купцы и мещане Одоевского и Крапивенского уездов съезжались для продажи собственных изделий и съестных припасов. По мнению волостного правления, в этот день было бы целесообразно учредить в с. Дряплы ярмарку, так как в результате ее открытия церковь и торгующие крестьяне получат доход [10].

Прошения от частных лиц подавались в вышестоящие инстанции с указанием различных аргументов в пользу учреждения торгов в той или иной местности, главными из которых являлись причины экономического порядка, в основном, «желание способствовать улучшению благосостояния населения путем реализации товаров местного производства». Например, ходатайствуя в прошении от 22 сентября 1799 г. на имя императора об учреждении в Епифанском уезде Бобриковской волости с. Бобриках еженедельных хлебных торгов по воскресеньям и ежегодной ярмарки 8 ноября в день Михаила Архистратига, генерал-майор и кавалер граф Алексей Григорьевич Бобринский в качестве главного аргумента для учреждения данной ярмарки называет желание улучшить для крестьян продажу хлеба, с которым они ездят в отдаленные места с большими для себя убытками. Он просит «о сем его прошении решение учинить» и, чтобы, согласно Императорскому Указу, его прошение было принято в Тульском губернском правлении. Для того чтобы губернское купечество и прочий народ могли для покупки и продажи хлеба и прочих продуктов на эту ярмарку съехаться, следует оповестить всех через городничих и земские суды об учреждении данной ярмарки и торгов [11].

Открытию новых ярмарок в городах содействовали купеческие и мещанские общества, которые на общих собраниях обсуждали вопросы, касающиеся учреждения новых ярмарочных торгов. Аргументы в пользу открытия ярмарок, инициировавшиеся купеческими и мещанскими обществами, были те же, что и в частных ходатайствах. В рапорте Каширской городской думы в Тульское губернское правление от 21 марта 1838 г. сообщается, что каширское купеческое и мещанское общество на общем собрании сделали вывод о необходимости открыть в Кашире трехдневную Десятопятницкую ярмарку, мотивируя тем, что в Каширу издавна приходят люди на богомолье к храму, построенному в честь праздника Введения в храм Пресвятой Богородицы, в котором имеется икона мученицы Прасковьи, и учреждение данной ярмарки может принести материальную выгоду не только жителям, способствуя подъему их благосостояния, но и городу, так как проезд к месту ярмарки через реку Оку по мосту принесет дополнительный сбор [12].

Инициаторами учреждения новых ярмарок в Тульской губернии выступали также городские думы. Примером тому может служить ходатайство, поступившее в 1825 г. из Крапивенской городской думы Тульскому губернскому правлению об открытии Покровской ярмарки 1 октября при церкви Николая Чудотворца и сооруженного при ней придела в честь Праздника Покрова Пресвятой Богородицы. В рапорте указано, что жители мещанского общества г. Крапивны «…большей своей частью отягощены бедностью, не имеют никаких средств для улучшения своего благосостояния и пропитания семейств», поэтому для исправления жизни обитателей города и приращения общественных городских доходов целесообразно учредить в г. Крапивне публичную ярмарку [13]. По ходатайству городской думы в Крапивне в 1832 г. по распоряжению Тульского губернатора от 31 мая 1832 г. была учреждена Никольская ярмарка [14].

Монастыри и крупные храмы, на территории которых в дни церковных праздников стихийно возникала торговля, также были заинтересованы в учреждении новых торгов. Священнослужители не только выступали инициаторами учреждения ярмарок для увеличения собственных доходов, но и наравне с местным населением принимали участие в ходатайствах по вопросам от-

[8] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 2023.
[9] Свод Законов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских. Т. 2. Ст. 4353, 4354. СПб., 1842.
[10] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1126
[11] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1126.
[12] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 13. Д. 1331.
[13] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 13. Д. 655.
[14] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 406.

крытия ярмарок и базаров в селах, где находились их приходы. Так, по прошению настоятеля Святодухова монастыря игумена Августина, поступившему 12 февраля 1825 г. в Тульское губернское правление, «в связи с отсутствием в Новосильской округе ярмарок в день праздника Святителя Николая 9 мая и 6 декабря, на территории монастыря в дни этих праздников происходит большое стечение народа и производится торговля на монастырской земле без всякой пользы для братствующих», на территории монастыря была учреждена ярмарка. Основной причиной, побудившей настоятеля монастыря ходатайствовать об открытии ярмарок, было бедственное положение братии и возможность поправить нищенское существование за счет взимания платы с участников ярмарочных торгов за выстроенные лавки [15].

Таким образом, прошения об открытии ярмарок и торгов подавались в различные инстанции: частные лица (группа лиц) обращались с прошениями в адрес императора, губернатора, местные земские суды, губернское правление, мещанские общества обращались в городскую думу, городская дума – в губернское правление и губернатору, волостные управления – в окружное правление государственных имуществ [16].

После поступления ходатайства в адрес императора, высочайшим распоряжением Тульскому губернскому правлению повелевалось принять к рассмотрению прошение об открытии новых торгов. По распоряжению Тульского губернского правления, земские суды и городничие были обязаны выяснять, нет ли поблизости от предполагаемого места учреждения ярмарки уже существующих, ранее утвержденных высшей властью торгов, не находит ли местное население препятствий к открытию ярмарки. Если донесение земского суда содержало информацию о том, что местное население согласно на учреждение новой ярмарки, и вблизи в указанный день не имеется торгов, губернское правление, после согласования с генерал-губернатором, давало санкцию на открытие ярмарки с предписанием: чтобы обеспечить приток продавцов и покупателей на вновь открывающуюся ярмарку, необходимо было оповестить о факте открытия губернских городничих и земские суды [17].

Согласно «Общему наказу губернаторам», вплоть до 1900 г., прошения об открытии ярмарок на свое имя губернатор мог удовлетворить лишь в отношении сельских ярмарок Тульской губернии, если их срок не превышал недели, с последующим донесением в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. В таком случае губернатор, по ходатайству местных общественных учреждений, имел право через губернское правление решать «дела по учреждению, переводу и закрытию ярмарок и об изменении сроков их (где дела эти не предоставлены учреждениям общественным)», то есть, если в губернии не действовало положение о земских учреждениях [18]. В обязанности губернатора также входил контроль над соблюдением порядка на ярмарках, создание благоприятных условий для торгующих, отслеживание точности мер и весов [19]. Право губернатора учреждать сельские ярмарки подтверждается в письме управляющего Министерством внутренних дел военному губернатору г. Тулы и Тульскому гражданскому губернатору от 14 августа 1841 г., где разъясняется, что «…на основании 109 статьи Наказа гражданским губернаторам учреждение ярмарок и торгов в селениях предоставлено разрешению самого губернского начальства … постановление об учреждении в с. Скородном Новосильского уезда трех ярмарок и сверх того каждонедельного базара по вторникам может быть приведено в исполнение и без особого на оное от вверенного мне Министерства разрешения» [20]. Открытие новой ярмарки в городе губернское начальство могло осуществлять лишь с разрешения Министерства внутренних дел, куда губернатор совместно с губернским правлением обязан был составлять соответствующее представление [21].

Надзор за исполнением правил торговли, соблюдением точности весов и мер, поддержанием общественного правопорядка возлагался на земские суды, игравшие важную роль в процедуре учреждения ярмарок в Тульской губернии, рассматривая вопросы о целесообразности учреждения ярмарок и базаров в той или иной местности [22].

Учреждение ярмарок и торгов было делом достаточно длительным. На рассмотрение ходатайств затрачивалось порой полгода и более. Иногда учреждение новых ярмарок встречало противодействие лиц, считавших, что учреждение какой-либо ярмарки нанесет материальный ущерб населенному пункту в связи с тем, что вновь учрежденная ярмарка будет способствовать упадку уже существующих ярмарочных торгов [23].

В том случае, когда прошение об открытии той или иной ярмарки не было удовлетворено, просители имели возможность направлять свои ходатайства повторно выше по инстанциям, и рас-

---

[15] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 13. Д. 679.

[16] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 14. Д. 300; Оп. 1. Д. 1126; Оп. 11. Д. 1913; Оп. 16. Д. 2023; Оп. 4. Д. 2168; Оп. 9. Д. 322; Оп. 13. Д. 655; Оп. 16. Д. 406

[17] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1126.

[18] Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений. Т. 2. Гл. 2. СПб.,1892. С. 85.

[19] Свод учреждений государственных и губернских// Свод Законов Российской империи. Т. 2. Ст. 402. СПб., 1842.

[20] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 2099.

[21] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 20. Д. 135.

[22] Свод учреждений государственных и губернских// Свод Законов Российской империи. Т. 2. Ст. 2364, 2511, 2512. СПб., 1842.

[23] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 5. Д. 4015.

смотрение дела могло затянуться на многие годы. Характерным примером длительного рассмотрения дела в связи с отказом в открытии ярмарок и недовольства этим фактов ходатайствовавших лиц, является дело об учреждении трех годовых ярмарок по прошению казенных крестьян с. Скородное Новосильского уезда, разбирательство которого продолжалось с 1832 по 1841 г. [24]

Анализ многочисленных ходатайств об учреждении ярмарочных торгов позволил вывести схему учреждения сельских и городских ярмарок в Тульской губернии. Схема учреждения сельской ярмарки складывалась следующим образом: частное лицо (группа лиц) – губернатор – губернское правление – земский суд – губернское правление – губернатор. Либо: частное лицо (группа лиц) – император – губернское правление – земский суд – губернское правление – губернатор (с последующим оповещением Министерства внутренних дел о сроках вновь учрежденной ярмарки).

Механизм учреждения городских ярмарок так же, как и сельских, был многоступенчатым и достаточно длительным по времени. Схема учреждения городской ярмарки в Тульской губернии выглядела следующим образом: городская дума – губернское правление – земский суд и городничие – купеческое и мещанское общества – губернатор – губернское правление – Министерство внутренних дел – Министерство финансов – губернское правление – земский суд. Ходатайствовать об открытии городских ярмарок могли купеческие и мещанские общества, подававшие прошения в адрес городской думы. Тогда схема прохождения ходатайства по инстанциям выглядела следующим образом: купеческое и мещанское общество – городская дума – земский суд – губернатор – губернское правление – Министерство внутренних дел – губернское правление – городская дума – земский суд. Индивидуальных ходатайств частных лиц об открытии городских ярмарок в распоряжении автора не имеется. Подобная схема учреждения ярмарочных торгов нашла подтверждение в региональном исследовании Т.К. Щегловой, посвященном ярмаркам юга Западной Сибири XIX – начала XX вв., в котором она указывает, что действие законов, регламентировавших процесс учреждения новых торгов, распространялось на все территории и административные единицы Российской империи [25].

Нередко плохие погодные условия, неудобное местоположение ярмарок, недостаток торговых помещений побуждали местных жителей ходатайствовать о переносе места или времени проведения ярмарочных торгов. Механизм рассмотрения подобных дел был сложным и предусматривал прохождение тех же инстанций, которые принимали участие в решении вопросов учреждения ярмарок [26].

Менее проблематичным было перенесение сроков действия ярмарок. На основании 11 пункта 62 статьи Положения о губернских и уездных земских учреждениях изменение сроков существовавших ярмарок находилось в ведении губернских земских управлений [27].

Если вновь открытые ярмарки не оправдывали ожидания населения, в вышестоящие инстанции поступали ходатайства об их закрытии. Закрытие ярмарочных торгов так же, как и их открытие, требовало санкции властных структур [28].

Объявления об открытии новых ярмарок рассылались по губерниям Российской империи для привлечения участников на вновь учрежденные торги [29]. Пресса также давала объявления о вновь учрежденных ярмарках. Тульские губернские ведомости периодически оповещали население о состоянии ярмарочной торговли и об учреждении ярмарок и торгов [30].

Таким образом, процесс учреждения ярмарочных торгов в Тульской губернии в XIX – начале XX вв. не был произвольным. Расширение сети ярмарок подвергалось строгой регламентации. Организация ярмарочной торговли в Тульской губернии осуществлялась в соответствии с государственными принципами ее регулирования. Наряду с тем что развитие ярмарочной торговли в Тульской губернии осуществлялось в рамках общероссийского законодательства, особенности регионального развития обусловили формирование собственных механизмов управления губернскими ярмарками. Местное административно-правовое регулирование ярмарочной торговли в Тульской губернии заключалось не только в решении вопросов, связанных с инициированием, учреждением и закрытием ярмарочных торгов, а также включало в себя ведение статистического учета общегубернских и поуездных оборотов ярмарок, товарооборотов крупнейших ярмарок губернии, учет доходов, получаемых с найма лавок во время ярмарок, контроль над использованием правдивых мер и весов, выработку и внедрение правил торговли и контроль над их соблюдением на ярмарках.

---

[24] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 2099, Л. 9.

[25] Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX– начале. XX в.: из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. СС. 56, 108.

[26] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 14. Д. 300.

[27] ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 30894.

[28] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 2105.

[29] ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 13. Д. 655. Л. 28.

[30] Тульские губернские ведомости. 1843. 30 июля. № 31.

УДК 398.54

ОТРАЖЕНИЕ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВЕНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. В НАРОДНЫХ ЧАСТУШКАХ

PRE-MARITAL RELATIONS IN THE PEASANT YOUTH MILIEU IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENT. AS REFLECTED IN FOLK CHASTUSHKAS

С.П. Шаповалова, И.В. Истомина
S.P. Shapovalova, I.V. Istomina

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru, Istomina_IV@bsu.edu.ru

Аннотация. Частушки, как и другие малые формы фольклора, весьма редко используются в качестве источников для анализа тех или иных исторических процессов. В статье рассматриваются народные частушки, в которых отражены добрачные отношения в русской деревне. Данные частушки являются важным источником для изучения вопросов повседневного быта, связанного с добрачным периодом в молодежной среде. Частушки отражают проблемы взаимоотношений юношей и девушек, связанных с переходом на новый возрастной уровень. Особенно ценным изучение частушек может стать для исследования социально-психологических процессов в русской деревне.

Resume. Chastushki, as well as other smaller folklore forms, are rarely used as sources in historical studies. The article deals with folklore chastushkas which reflect pre-marital relations in a Russian village. These chastushkas comprise an important source on the study of every-day life related to pre-marital time of the youth. These sources highlight the problems of gender relations among adolescents. The study of chastushkas might be especially valuable for analyzing socio-psychological processes in a Russian village.

Ключевые слова: добрачные отношения, народные частушки, крестьянство.
Key words: pre-marital relations, folk chastushkas, peasantry.

Для более широкого рассмотрения вопросов, связанных с добрачными отношениями в крестьянской среде, весьма часто используются фольклорные источники (пословицы, поговорки, песни, народные картинки, сказки и т.д.), народные частушки же и по сей день не привлекают особого внимания исследователей. В то же время, по своей информативности, объемности создаваемых образов, они не уступают указанным жанрам народного фольклора, в отдельных случаях по концентрации информации превосходят.

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона частушке дается следующее определение: «Частушка – современный тип народной песни, состоит из коротких строк и куплетов, содержание берется из текущей жизни»[1]. Таким образом, частушка (коротушка, припевка, матаня, прибаска и т.д.) – это не просто смешная короткая рифмованная песенка, исполняемая под гармонь или балалайку, а точное отображение действительности, выраженной в яркой афористичной форме.

В своем классическом исследовании, посвященном фольклору, Ю.М. Соколов отмечает: «Частушки в своем генезисе – явление очень сложное. Теперь на основании уже многочисленных разысканий фольклористов (акад. А.И. Соболевского, проф. Д.К. Зеленина, Е.Н. Еленовской и др.) можно считать точно установленным, что по форме своей (краткость, рифмованность) частушка – старого происхождения и в своем истоке тесно связана с традиционным творчеством деревни. Действительно, исследователями были указаны некоторые записи крестьянских плясовых песенок конца XVIII и начала XIX в., очень близких по своему размеру и строению к частушкам» [2].

Наиболее емкое определение частушки, на наш взгляд, дает В.И. Чичеров: «Частушка – это короткая, обычно четырехстрочная, реже двустрочная или шестистрочная песенка, в которой запечатлен какой-нибудь один момент жизни или переживаний человека. Многие частушки, как

[1] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь. СПб., 1909. Т. II, (Вып. IV). С. 2007.

[2] Соколов М.Ю. Русский фольклор. М., 2007. С. 469-470; Селиванова С.И.. Русский фольклор. Основные жанры и персонажи. М., 2008. С. 20.

правильно указывали исследователи, напоминают по своим особенностям моментальный снимок с яркой, типичной жизненной картины» [3].

Во второй половине XIX в., даже точнее в последней его четверти, частушка стала пользоваться все большей популярностью. Главной причиной такого повышенного спроса на частушку, бесспорно, явилось сильнейшее изменение социально-экономического положения деревни в эпоху развития промышленного капитализма. В это время происходило разрушение патриархальных устоев крестьянского быта, увеличивалась связь деревни с городом, следовательно, все это приводило к изменению внешнего облика деревни, а также и психологического уклада ее населения. Более быстрый темп жизни диктовал появление новых поэтических форм со сжатым изложением и скоростью ритма. Частушка оказалась удобной формой для того, чтобы быстро и легко откликаться на все разнообразие личной и общественной жизни.

Содержание частушек очень разнообразно, оно определялось самой жизнью. Частушки по многообразию тем и широте затрагиваемых вопросов очень близки народной песне, пословицам, поговоркам и другим жанрам, всесторонне отражающим личную, семейную, общественную жизнь человека.

Так как тематика дореволюционных частушек преимущественно любовно-бытовая, это и позволяет более полно осветить некоторые аспекты, связанные с женскими представлениями о любви и будущем муже.

Русские крестьяне рассматривали вступление в брак как главное жизненное предназначение каждого человека, считая брак той единственной формой полноценной, добропорядочной жизни, которую благословил Господь Бог. По народным представлениям, в браке соединяются в единое целое две половинки – мужчина и женщина, которые сами по себя недостаточны. Брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе, но это был еще и моральный долг. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить надел земли, завести самостоятельное хозяйство. Отсюда высокий уровень брачности в русской пореформенной деревне [4]. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. свидетельствуют, что до 70% мужчин и женщин старше 15 лет состояли в браке, т.е. браки были всеобщими.

Данные демографической статистики указывают, что вне брака было менее 4% крестьян [5]. В основном это были физически неполноценные люди, которые в силу своего слабого здоровья оставались бессемейными, а по деревенским меркам – за бортом жизни. Добрый брачный союз превращает «человека безумного в человека разумного», сдерживает необузданные влечения и порывы, делает жизнь человека тихой, спокойной, ровной и, в конечном счете, счастливой. Брак был нужен для продолжения рода, крестьяне верили, что только в супружестве рождаются нормальные, здоровые дети [6].

Нужно сказать, что при выборе жениха девушка предъявляла к парню несколько иные требования, чем при выборе почетника. Почетник в глазах односельчан был первым кандидатом в женихи данной девушки. Чаще всего их отношения и заканчивались свадьбой. Но это не считалось обязательным. Почетник мог жениться на другой девушке, а его почетница могла найти себе после этого другого молодого человека, который становился ее почетником и затем женился на ней. В основе лежало четкое нравственное убеждение: «Отношения между почетником и почетницей должны быть строго безупречными, и, как таковые, только они и допускаются родителями». Целовались парочки украдкой, но поцелуи с почетником или каким-либо другим парнем, предусмотренные правилами игры, возникавшие по ходу игры, совсем не считались предосудительными [7].

В русской деревне модель взаимоотношений девушек и парней была выработана на протяжении столетий. Она предполагала, что девушки и парни составляли пары, которые назывались «игровыми», «игральными», то есть возникшими для совместного проведения «молодого времени», а девушку и парня в этой паре называли «игральщица» и «игральник», «почетница» и «почетник», «миленка» и «миленок» и т.п. Этнограф, собиравший сведения о быте крестьян Костромской губернии, так определил отношения внутри пары: «Игральщиком называет каждая девка парня, который больше всего с ней играет, которому она нравиться, равно и ей он, другими словами, “милый”» [8].

Процесс складывания игровой пары основывался на местных этикетных норм и принятых правилах ухаживания. Деревенский этикет требовал, чтобы инициатива создания пары исходила от парня. Девушка могла только привлечь к себе внимание парней: «одеться модно, благородно», быть в меру раскованной, веселой, в меру скромной. На протяжении жизни многих поколений

[3] Чичеров В.И. Русское народное творчество. М., 1959. С.435.
[4] Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М., 1999. С. 419.
[5] Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Л., 1982. С. 206.
[6] Шангина И.И. Русские девушки. СПб., С. 220.
[7] Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 432.
[8] Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.М. Тенишева. Т.1. СПб., 2004. С.56.

сложился определенный стереотип девичий красоты. «Красавой», «красулей» называли девушку «доброго надлежащего роста», крепкого телосложения, с высокой грудью, крупными бедрами, гладким, белым лицом, румяную, белозубую, чернобровую, с длинной русой косой. О внешне привлекательной девушке говорили, что она «девка из себя видная, румяная, толстая – страсть красивая». В старинный заговорах «на красоту» идеальная внешность описывается так: «Всех я трав выше, лазоревых цветков я зрелее, всех белее и румяней», «плечами плечиста, грудями грудиста, речами речиста, лицом круглолица, на щеках алалица, бровями черна, очами очна» [9]. Помимо внешней привлекательности в девушках ценилась и жизненная активность, проявлявшаяся в танцах, играх, хороводах и самых разных жизненных ситуациях. Таким девушкам парни по большей части и отдавали предпочтение.

Пошла плясать,
Головой качну!
Кто тут с серыми глазами? –
Завлекать начну!

Пойду плясать,
Топну ноженькой,
Погляди-ка дорогой,
Мой хорошенький! [10]

В свою очередь, девушки считали привлекательными парней высокого роста, с полным, румяным лицом. Особенно ценились широкие плечи («косая сажень в плечах»), говорившие о силе, которая подразумевала и смелость. Это подтверждает следующая частушка:

Встало солнце золотое
Из тумана белого.
Мое сердце молодое
Любит парня смелого [11].

Немаловажным элементом была внешняя привлекательность. Русские крестьянки особенно ценили парней чернобровых и сероглазых.

Чернобровенький, молоденький,
Не стой передо мной,
Разгорится мое сердце,
Не зальешь его водой.

Сероглазый паренек
Мое сердечушко зажег.
Без лучины, без огня
Горит сердечко у меня [12].

Девушки предпочитали «гулять» с хорошо одетыми, щеголеватыми парнями, которые умели играть на гармони или баяне.

Вот они идут, идут
Наши миленьки.
У них брюки галифе,
Рубашки синеньки.

А что это за гармошка?
А что это за баян?
А что это за парнишка
Хорошо играет нам? [13]

Помимо внешней привлекательности в почетниках ценилась немногословность, а самое главное трезвость:

У меня на сарафане
Длинная оборочка.
Мой миленок – редкобай,
Я – частоговорочка.

Хорошо дрова рубить,
Которые березовы.
Хорошо ребят любить,
Которые тверезые [14].

О том, что в пореформенной деревне крестьяне пили мало и практически не было пьянства, писал знаток народной жизни, известный русский публицист Александр Николаевич Энгельгардт. В своей «Книге из деревни» он пишет: «Вообще нужно заметить, что между мужиками поселенцами отпетые пьяницы весьма редки. Я уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отекшими лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видал… Конечно, пьют при случае – святая, никольщина, покровщина, свадьбы, крестины, похороны, но не больше, чем пьем при случае и мы» [15]. Дальше автор отмечает: «Заметно уменьшилось пьянство в «Счастливом уголке», несмотря на то, что вследствие уменьшения кабаков от возвышения цен на патенты, сильно распространена тайная продажа водки, которая есть во всех деревнях. Конечно, и теперь крестьяне гуляют на свадьбах, в общественные праздники, гуляют здорово, пьют много, больше, может быть, чем прежде, но отошли праздники – кончилась гульня, и пьянства нет. Нет пьянства. Куда девалась страсть к пьянству! Пьяницы сделались степенными мужиками, многие вовсе даже перестали пить. Встретить не в свадебный или не в общественно-праздничный день пьяного мужика не то что в будни, но даже в воскресенье – необыкновенная редкость. Гораздо чаще можно встретить пьяного попа, дьячка или урядника, чем пьяного мужика» [16]. Объясняется такая перемена во взглядах крестьян по отношению к спиртному просто: крестьяне после реформы отмены крепостного права стали работать на себя и зарабатывать, даже больше, чем на отхожих

[9] Русские заговоры и заклинания / Под ред. А.П. Аникина. М., 1998, С. 115, 116.
[10] Частушки / сост. Ф.М. Селиванова. М., 1990. С.314, 315.
[11] Русские частушки / сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жислина. М., 1956. С. 417.
[12] Там же. С.411, 415.
[13] Там же. С. 415, 412.
[14] Там же. С. 414, 416.
[15] Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1937. С.25.
[16] Там же. С. 373.

промыслах в Москве. «Зачем в Москву ходить, – говорят мужики, – у нас и тут теперь Москва, работай только, не ленись! Еще больше, чем в Москве, заработаешь» [17]. Раньше крестьяне работали в помещичьих хозяйствах и бедствовали, постоянно искали работу, деньги, хлеб. В пореформенное время ситуация изменилась. Крестьяне стали арендовать у помещиков землю и богатеть. Поэтому и в частушках мы находим отражение данного явления. Девушка мечтает выйти замуж за хорошего работящего и потому трезвого парня.

Известный этнограф Ольга Семенова Тян-Шанская в свей книге «Жизнь “Ивана”», обобщает портрет парня, который больше всего нравится противоположному полу: «По моим наблюдениям успехом у девок пользуются те малые, которые «чисто ходят», то есть имеют жилетку, пиджак, сапоги бутылками и хороший картуз. Действует также на девок уменье играть на гармонике, некоторые словца «вежливые и игривые» (теперь у нас каждую девку называют «барышней» на улице), пожалуй, некоторая ловкость. В прежние времена костюм парней не имел такого значения, как теперь: прежде любили «кудрявых, да румяных, да веселых», не глядя на то, что они обуты в лапти» [18]. Таким образом, в конце XIX века у девушек особой популярностью пользовались парни, которые усвоили городскую моду:

Сюртучок-то на нем новенький,
Сапоги новы с калошами,
Есть жилеточка с часами
И манжеточка с духами,
Русы кудри при помаде [19].

Почти у каждой девушки, за редким исключением, был почетник (дроля, прихехеня, матаня) – милый. Девушка, у которой не было парня, подвергалась насмешкам со стороны окружающих. За глаза ее называли – «обвесок» или «останица». В русском фольклоре много частушек, в которых парни высмеивают девушек. Смеются, прежде всего, над теми девушками, которые не умеют и не хотят хорошо работать, вести хозяйство, а вот физическая привлекательность или красота стоит не на первом месте. Предметом шутки служит и острое желание выйти замуж.

Наши девки – на припевки,
На работу – кое-как.
Пудры купят на полтинник,
Сами стоят четвертак.

Ой, как жуковски девахи
Баско наряжаются;
Не умеют щей налить, –
Замуж собираются.

Как у нашей Нюшки
Чистота в избушке:
Тараканы по стенам,
По полу лягушки!

Заиграю в переборку,
Поднажму я на басы.
Хороша наша деревня,
Только девушки косы [20].

Выбрав себе девушку, парень начинал за ней ухаживать. Крестьянский этикет требовал от него корректного отношения к девушке как на людях, так и наедине. Парень, выбравший себе почетницу, старался чаще попадаться ей на глаза, встретив на улице или посиделках, вежливо здоровался, называл по имени и отчеству, то есть всячески высказывал ей свое предпочтительное внимание. Складывание отношений должно было проходить незаметно для окружающих, особенно старших:

До чего любой хорош,
Я не признаюся,
Мигнет серењким глазком –
Я не рассмеюся.

Мы с миленком больно хитры:
Друг на дружку не глядим,
При народе ходим боком,
Без народа – посидим [21].

В складывании пары принимала участие вся крестьянская молодежь, которая могла даже косвенно повлиять на мнение родителей девушки, если те не одобряли выбора дочери.

Когда игральная пара, наконец, складывалась, парень посылал девушке хороший подарок – «задаток», без которого их союз не считался действительным. Задатком могла быть прялка, деньги или сладости. Если девушка принимала задаток и присылала «отдарок» (кисет, носовой платок, вышитый пояс и т.д.), это говорило о том, что она согласна стать его почетницей. Обмен подарками рассматривался как заключение между девушкой и парнем своего рода договора, который действовал в течение одного сезона. Его можно было продлить еще на один сезон или расторгнуть и получить право выбрать себе на будущей год другую пару [22].

Отношения внутри пары складывались по модели отношений между женой и мужем, принятых в крестьянской семье, но носили сугубо целомудренный характер. Девушка должна была

[17] Там же.
[18] Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. С. 83.
[19] Шангина И.И. Указ. соч., С. 194.
[20] Частушки. Указ. соч., С. 598-601.
[21] Там же. С. 349.
[22] Шангина И.И. Указ. соч., С. 199.

«блюсти себя», а парень уважать девичью честь. На посиделках и во время молодежных гуляний пара всегда была вместе, демонстрируя всем присутствующим свою симпатию. Обязательным элементом внутри пары было и дарение небольших подарков:

Платочки, синие каемочки
Дарила милому:
Утирайся, не стесняйся,
Замараешь – вымою.

Вытку пояс из крученки,
Мамоньке не покажу;
Придет милый на беседки –
Наряжу да погляжу [23].

Подтверждение этому находим в этнографических записках бюро князя В.Н. Тенишева: «У каждой девушки есть свой парень, который называется игральщиком. Ему она дарит носовой платок, а он подносит ей колечко. Парни соперничают, носят галстуки, часы, трости. Девицы стараются выделиться модным платьем, лентами, пользуются румянами. Красивой считается девица, если она высокая, полная, с небольшими глазами и недлинным носом (привлекательность парня определяется теми же признаками).

В первые часы встреч молодежь ведет себя сдержанно, после хороводов позволяют себе различные игры и разного рода вольности. Девица сердится, если ей запачкают платье или сорвут с головы платок. Вечером парни и девицы любезничают наедине, каждая девушка со своим игральщиком» [24].

Неписаным законом в паре считалась верность. Если девушку оставлял ее почетник, то она должна была постараться его вернуть. Но деревенская традиция не позволяла «брошенке» делать это открыто и навязываться к бывшему почетнику. Частушек с таким сюжетом большое количество. Следовательно, измены мужчин были обыденным явлением, и отношение крестьянского общества к ним, традиционно, было снисходительным:

Про измену мне сказали
В саду на дороженьке.
Опустились белы ручки,
Подкосились ноженьки.

Дроля в город, я в догоню,
Думала воротится.
У него другая есть,
Он туда торопится [25].

Девушки тяжело переживали сам факт измены. Но его образное воплощение в фольклоре значительно различается. В русских народных песнях измена выглядит как самое тяжелое горе.

Кумушки-голубушки,
Не знаете моего горюшка:
Осердился мой миленький,
Прогневался на меня-то,
Что на красную девушку!
У меня, у красной девушки,
Ретивое сердце заныло
И замком заперло…
Да куда ни поеду я,

Глаза не глядят;
Да кому ни скажу я,
Все плакать велят:
«Да ты плачь, ты плачь,
Девка, о своем горе!»
Проторил милый дороженьку,
Проторил, да не стал ходить;
Любил парень меня, девицу,
Да не стал любить [26]!

В частушках на измену смотрят более позитивно, без особого трагизма. Девушка в частушках предстает гордой и знающей себе цену, и в отличие от песенного образа, способной постоять за себя и даже отомстить обидчику:

Дроля, схватишься, да поздно,
Пожалеешь, да не раз,
Пожалеешь, ягодиночка,
Моих веселых глаз!

Ну, пускай, пускай измена,
Ваня-ягодиночка, –
Ты засохнешь без меня,
Как в поле травиночка [27].

В таких случаях девушки обращались к мощи магии. «Ты засохнешь без меня» – это не просто фигура речи, это реальная угроза. Например, нужно было взять у обманщика платок, которым он вытирал пот, и бросить его в огонь со словами: «Как пот сохнет, так бы и он сох» [28]. Знаток русской старины и собиратель славянских древностей М. Забелин приводит большое количество любовных заговоров. Вот один из них для присухи мужчины: «Из светлого веника берется пруток, который кладут на пороге двери, в которую пройдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнет через прут, то (прут) убирается (положившими его) в такое место, где его никто не мог видеть. Потом прут берут и кладут в жарко натопленной бане на потолок, приговаривая: «Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий (имярек)» [29]. Парня не только стремились вернуть (в случае, если это удавалось, его могла девушка тут же бросить), но и наказать за измену. Все зависело от характера девушки и ее чувств. Многие девушки грозили своему обидчику, что наведут на него порчу. Слухи об этом распространялись очень быстро. Парень, как и все в деревне верив-

[23] Частушки. Указ. соч., С. 345.
[24] [24]Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 241.
[25] Русские частушки. Указ. соч., С. 472, 473.
[26] Русские народные песни. М., 1988, С. 123-125.
[27] Частушки. Указ. соч., С. 473, 474.
[28] Русские заговоры и заклинания. Указ. соч. С. 136.
[29] Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды и суеверия. М., 2003. С. 323.

ший в действенность магии, начинал постоянно думать об этой угрозе и под влиянием самовнушения мог реально заболеть:

Если ты мне изменяешь,
Обращуся к колдуну:
Станут ноги кочерыжкой
И глаза по чугуну.

За измену лихорадка
Трепи розу моего,
Трепи четырнадцать недель,
По четыре раза в день [30]!

Упоминание в частушках колдуна – это не просто слово для рифмы, а реальность пореформенной деревенской жизни. В народе считалось, что колдуны знают магические законы, управляющие природой, и поэтому могут вызвать в человеке любовную страсть или наоборот, освободить от нее. Для девушки обращение к колдуну было крайним способом разрешения любовной коллизии, с которой она не могла справиться самостоятельно.

Отправляясь к колдуну, девушка надеялась или вернуть любовь парня в случае его измены, или избавиться от томившей ее любовной тоски [31]. Некоторые девушки рассчитывали на помощь колдуна, чтобы отомстить за обиду и навести на парня порчу, особенно, если он собирался жениться на другой. Обычно такому парню «делали невстаниху». Колдун плел из суровых ниток тенето (сетку) и при завязывании каждого узла приговаривал: «У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 суставов – все бы они на рабу Божия (имярек) не действовали…». Наговоренную сетку девушка должна была бросить в такое место, чтобы парень, не заметив, переступил через нее [32]. К помощи колдунов и ведьм прибегали для осуществления «приворотов» и «отворотов» [33]. Каждая девушка понимала, что совершает грех, надеясь на помощь человека, отрекшегося «от Бога, отца-матери и рода-племени» ради возможности творить с помощью нечистой силы волшебство, поэтому к такому способу прибегали редко, так как в своей массе крестьяне были глубоко верующими людьми.

Девушки не только стремились вернуть парня, но и высмеять соперницу. В частушках эта тема представлена достаточно широко. Злая разлучница предстает обычно недостойной партией. Ее награждают различными уничижительными эпитетами:

Супостаточка моя
Маленького ростика.
Она похожа на собачку,
Только нету хвостика.

Супостаточка идет,
Вся перегибается –
Лошадиная походка,
Только не лягается [34].

На основе народного фольклора можно составить портрет соперницы. Это девица с рыжими волосами, маленького роста, с ножками-лапками, как у лягушки, с лошадиной походкой, с пустой головой, тонкой шеей, косыми глазами, в грязной с заплатами одежде и с золотыми зубами. Народная фантазия на этом, конечно, не заканчивается. Сочинялись такие частушки для того чтобы с помощью злой сатиры избавиться от тоски и обиды, восстановить душевное равновесие. Для этой же цели служат и частушки, в которых девушке «измена нипочем». Брошенные почетницы в них не плачут, не тоскуют, а наоборот, веселятся и потешаются над бывшими кавалерами:

Мне миленок изменил,
Я сказала: ой, да-да!
Я тебя за кавалера
Не считала никогда!

Говорят, что мне измена,
Я и топнула ногой:
Через пять минут у девушки
Забавочка другой [35].

Если девушке не удавалось вернуть своего любимого, она получала от подруг негласное разрешение на выбор другого. Если парня удавалось вернуть, девушка могла его тут же и бросить. Этот поступок воспринимался как восстановление равновесия – обманщик получал по заслугам.

Но не только парни были виноваты в том, что пара распадалась. Девушки тоже не всегда хранили верность своему почетнику. В частушках на эту тему звучит попытка оправдать такой поступок. Можно выделить два основных момента. Во-первых, девушка изменяет, потому что парень сам виноват («дроля заносился», обманывал). Во-вторых – девушка полюбила другого, более «статусного» («с тальяночкой нашла»). Умение играть на гармонии в деревенских парнях ценилось очень высоко:

С неба звездочка упала,
Много места заняла.
Пока дроля заносился,
Я другого нажила.

До свиданья, мальчик беленький,
Я бережком пошла.
Ты ищи себе другую, –
Я с тальяночкой нашла [36].

В молодежной крестьянской среде считалось недопустимым, если девушка за сезон неоднократно меняла почетника. Такую девушку осуждали, не пускали на посиделки, не приглашали в хороводы, ее парень мог даже ее побить, но несмотря на такие правила, некоторых девушек это

[30] Частушки. Указ. соч., С.492, 493.
[31] Шангина И.И. Указ. соч., С. 213-214.
[32] Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А.Л. Топорков. М., 1995. С. 357.
[33] Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004. С.258.
[34] Частушки. Указ. соч., С. 486.
[35] Там же. С. 494, 496.
[36] Там же. С. 500, 501.

мало останавливало. Объяснение такому поведению мы находим и в народном песенном фольклоре. Очень многие народные песни посвящены свадьбам с нелюбимым человеком и последующему безрадостному существованию. Такие песни были популярны в крестьянской среде, хорошо знакомы молодежи и зачастую они отражали реальную действительность и призывали молодых девушек: «Вы не ждите время, гуляйте теперя».

Вы не ждите, девки, время –
Гуляйте теперя,
Осень замуж отдадут.
Такой воли не дадут.
Навалится муж негодный,
Станет, будет измываться,
Все мною поношаться [37]...

Если игровая пара в результате измены распадалась, то парень и девушка должны были вернуть друг другу подарки. И это лишний раз подчеркивает хозяйственную рачительность крестьян.

Выбор почетника и выбор будущего супруга – не одно и то же. Если в первом случае мнение девушки было решающим, то во втором главным было родительское слово и родительское благословение. Выбор невесты был уделом родителей, а точнее главы семейства. Мнение жениха спрашивали редко, личные симпатии не имели решающего значения, а брак являлся, прежде всего, хозяйственной сделкой. По мере ослабления патриархальных устоев, роста самодеятельности сельской молодежи положение в этом вопросе постепенно менялось, и брачный выбор перестал быть исключительной прерогативой родителей. Увеличилось число браков, заключенных без родительского благословления [38]. Хотя данное утверждение В.Б. Безгина нельзя распространять на всю территорию России. Так, материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева дают совершенно противоположные данные по этому вопросу. Одни авторы пишут, что «Браки без обоюдного согласия жениха и невесты случаются, и нередко. Девушки при этом более беззащитны». И тут же: «Браки по сговору родителей, без обоюдного согласия жениха и невесты редки. Бывают случаи отказа невесты от выбранного родителями жениха (если она еще не сосватана). Жених имеет больше прав в этом вопросе» [39]. Таким образом, вопросы заключения брака в отдельно взятой семье носили сугубо индивидуальный характер. Но тем не менее положение девушки было более приниженное, чем юноши, мнение которого учитывалось чаще. Поэтому и народные песни о предстоящем замужестве такие печальные. В народных частушках данная тема тоже нашла свое отражение. В некоторых частушках она звучит так же трагично, как и в песнях. Например:

С кем я зналась,
С тем рассталась.
С кем не зналась –
Повенчалась [40].

Поедешь, кровочка, жениться,
Меня сзади понесут;
На тебя венец наденут,
Мне вечну память пропоют.

Не ищи, мать, меня дома,
Если милый жениться, –
Поищи меня в болоте,
Где вода чернеется.

Говорят, милаша женится,
И я скажу: женись.
Лягу я в сыру землюшку,
А ты повеселись [41].

В количественном отношении подобных позитивных частушек значительно меньше. При чтении такого рода причитаний создается впечатление не о глубоком горе девушки, которой предпочли другую, а скорее о шантаже родителей и бывшего жениха. Народное творчество изобилует частушками, в которых девушка либо совсем не переживает по этому поводу, либо обещает испортить свадебное торжество:

Хочет ягодка жениться,
Он другую хочет брать.
За него мне не давиться
Я с другим буду гулять.

Не венчайся, милый, в храме,
Не срами ты сам себя:
Взойду в церковь, возьму камень
И сшибу венец с тебя [42].

Для крестьянских парней женитьба на нелюбимой девушке тоже была довольно распространенным явлением.

Последний раз я надеваю
Новую сбрую на коня.
Ты не радуйся милая,
Еду сватать не тебя.

Меня женят, меня женят
По большой неволюшке:
Стало некому работать
Во широком полюшке [43].

---

[37] Семенова-Тян-Шанская О.П. Указ. соч. С.85.
[38] Безгин В.Б. Указ. соч. С. 209
[39] Быт великорусских крестьян-землепашцев. Указ. соч. С. 245.
[40] «Гой еси вы, добры молодцы». Русское народно-поэтическое творчество / сост. П.С. Выходцев, Е.П. Холодова. М., 1979.С. 360.
[41] Частушки. Указ. соч., С.100.
[42] Там же. С. 101.
[43] Там же. С. 89, 90.

Таким образом, весь добрачный период был своеобразными университетами деревенской молодежи. За работами и увеселениями шел постоянный процесс передачи трудового и духовного опыта сельского мира. Молодежь усваивала традиционные этические представления и нормы поведения, перенимала фольклор. Незаметно, но постоянно крестьянская община формировала своих будущих членов, готовила их к взрослой семейной и общественной жизни [44]. Период выбора партнера и определения с будущим суженым или суженой, был довольно коротким. Брачный возраст и формы заключения браков имели локальные различия. Средний возраст вступления в брак для жениха составлял 18–19 лет, для невесты 16–17 лет. Ранние браки в народной традиции считались не только желательными, но и необходимыми. Этнограф Р.Я. Внуков объяснял это следующим: «Женить стараются помоложе – пока половой инстинкт заглушает в парне все остальные соображения, пока воля послабей, чтобы не женился по собственному желанию, да не выбрал неугодной жены. Невесту хотят взять помоложе, попослушней, полудетский характер, слабый организм, неумение работать – хорошее ручательство послушания невестки. Когда войдет в года невестка, окрепнет, задавят дети, поневоле смириться» [45]. Добрачные отношения в крестьянской среде были довольно яркими, насыщенными, но одновременно короткими по времени, ограниченными 2–3 годами. Народный фольклор, в частности частушки, являются незаменимым источником для более всестороннего изучения данной проблемы. Ведущий исследователь в области фольклора В.Я. Пропп писал: «В настоящее время вряд ли нужно особо доказывать, что всякое искусство, в том числе фольклор, восходит к исторической действительности и отражает ее» [46].

[44] Русские. Указ. соч. С.472.

[45] Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динами перемен в пореформенной России. М., 2012. С. 155.

[46] Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 116.

УДК 271.2-786-463"185/190"

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЕПАРХИАЛЬНЫХ БРАТСТВАХ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

THE CHRITY ACTIVITY OFF CLERGY INTELLIGENTSIA IN EPARCHY COMMUNITIES IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY AND AT THE BEGINNING OF XX CENTURY IN RUSSIAN PROVINCE

Т.А. Вепренцева
Т. А. Вепренцева

Тульский государственный университет,
Россия, 300012, г. Тула, пр. Ленина, 92

Tula State University,
92 Lenina St, Tula, 300012, Russia

e-mail: veprtat@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены многочисленные инициативы представителей церковной интеллигенции в сфере благотворительности, которые осуществлялись в рамках деятельности епархиальных братств в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века.

Resume. The article analyzes a lot of creations of representatives of clergy intelligentsia in charity, which were in eparchy communities in the second half of XIX century and at the beginning of XX century in Russian province.

Ключевые слова: церковная интеллигенция, епархиальные братства, благотворительность, провинция, духовенство.

Key words: clergy intelligentsia, eparchy communities, charity, province, priesthood

Духовенство принимало активное участие в общественной жизни губернии с целью благотворительности посредством открытия в каждой губернии епархиальных братств, которые, в ряду прочих задач, проявляли заботу о местном недостаточном населении.

Представители церковной интеллигенции оказывали заметную поддержку нуждающимся в сфере благотворительности и попечения, организуя свои общества, которые предоставляли помощь учителям, ученикам местных учебных заведений, бедным, немощным, престарелым и др., причем как из семей представителей духовенства, так и светских лиц.

8 мая 1864 года были высочайше утверждены Основные правила для учреждения православных церковных братств. Духовенство живо откликнулось на это созданием данных обществ и учреждений.

Наиболее крупными церковными братствами, функционировавшими в губерниях центральной части России в последней трети XIX – начала XX века были следующие: в Воронежской губернии действовало Православное братство святителей Митрофана и Тихона (с 1885 г.), в Тульской губернии – Тульское Епархиальное Братство во имя Св. Иоанна Предтечи (с 1886 г.), в Калужской губернии – Калужское Братство св. И. Богослова (с 1879 г.), Церковное братство преп. Пафнутия, Боровского Чудотворца (с 1883 г.). Все они действовали на основании уставов, выполняя схожие функции, в том числе, благотворительную функцию.

Цель деятельности братства Св. Великомученика Георгия за верхом в г. Калуге (основано 26 ноября 1864 г.), согласно Уставу: «вспомоществование приходским бедным в их вещественных и духовных нуждах». Братство оказывало помощь нуждающимся денежными и другими материальными пособиями и деятельным участием в их положении [1].

В праздничные дни Братство раздавало бедным продукты. Дети малообеспеченных родителей прихода получали от Братства учебные книги и деньги для платы за обучение. Больные бедные пользовались удешевленными лекарствами. К ним также приглашались врачи бесплатно или с платой от Братства. Братство оказывало пособие бедным при крещении младенцев, при выходе

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тульской области, проект 14-11-71001а(р)

[1] Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям. 1893. №1. 15 января. С. 27.

девиц в замужество, при погребении, давало средства на поправку домов. Словом, Братство помогало бедным прихожанам «во всех случаях их жизни» и удовлетворяло все их существенные нужды [2]. Именно такая направленность деятельности церковных братств – на удовлетворение насущных проблем и потребностей – характерна для структур формирующегося гражданского общества.

В Отчете Братства за 30-й год существования (1894 г.) значилось, что деятельность Братства по-прежнему преимущественно благотворительная [3]. За 30 лет своей деятельности Братство израсходовало на бедных 25 259 руб. 49 ¼ коп. [4]

В качестве задач, стоявших перед братствами, благотворительность выделялась не всегда, но так или иначе практически все они осуществляли благотворительную деятельность. Прежде всего, согласно уставам, братства должны были заботиться о проведении внебогослужебных пастырских собеседований с народом, способствовать единообразию отправления богослужебных действий (например, церковного пения), распространять в народе книги и брошюры религиозного содержания [5].

Относительно благотворительной задачей можно назвать поддержание материальной помощью служащих церковно-приходских школ в епархии. Например, Совет Братства во имя Св. И. Предтечи в 1889 г. предложил отпускать ежегодно в помощь вновь открытой школе при церковно-приходском попечительстве Александро-Невской церкви в г. Туле по 300 рублей в год на жалование учителю этой школы [6]. Кроме этого, Братство выделяло средства на покупку книг для школ.

Не всегда братствам удавалось выделить на благотворительность столько средств, сколько было способно удовлетворить нужды прихожан и лиц духовного звания, казавшихся в сложной жизненной ситуации. Так, согласно Отчету Тарусского церковного братства во имя Пресвятой Богородицы (открыто в 1894 г.) за 5-й год существования с 10 сентября 1898 г. по 10 сентября 1899 г., из всех расходов Братства за отчетный период в сумме 1154 руб. 32 коп. на благотворительность пошло всего 32 руб.[7]. Правда, на содержание приюта при Братстве была выделена весомая сумма – 807 руб. 37 коп. О доходах Братства и месте благотворительности в расходах дает представление нижеприведенная таблица.

Доходы и расходы Тарусского церковного братства во имя Пресвятой Богородицы с 10 сентября 1898 г. по 10 сентября 1899 г.[8]
The income and expenses of Tarusa Church brotherhood named after the Blessed Virgin Mary on September, 10, 1898 to September, 10, 1899

Средства Братства	
Источник поступления	**сумма**
Оставалось от прошлого года	1846 руб. 66 коп.
От Св. Синода	1099 руб. 72 коп.
От благочинных Тарусского уезда	330 руб. 97 коп.
От Председателя Совета	10 руб.
Членских взносов	24 руб.
Процентов с бумаг	49 руб. 29 коп.
ИТОГО:	3360 руб. 64 коп.
Расход	
Объект финансирования	**Сумма**
На школы	310 руб.
На содержание приюта	807 руб. 37 коп.
На дело благотворительности	32 руб.
Случайные расходы	4 руб. 95 коп.
ИТОГО:	**1154 руб. 32 коп.**

К началу 1897 г. в Калужской губернии насчитывалось до 15 церковно-приходских братств. Из них – 7 братств находились в городах, остальные 8 братств – в селах [9]. Эти сведения собирались Губернским статистическим комитетом через благочинных.

Автор И. Балабанов, описавший церковные братства в Калужской губернии в конце XIX века, отмечает, что «большая часть братств получили свое начало в последнее десятилетие и только Калужское братство Св. Ап. И. Богослова насчитывает 19-й год своего существования». При этом от взгляда современника не ускользнул тот факт, что некоторые братства «поставили своей задачей

[2] Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям. 1893. №1. 15 января. С. 28.
[3] Калужские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1895. №1. 15 января. С. 14.
[4] Калужские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1895. №1. 15 января. С. 17.
[5] Прибавления к Тульским епархиальным ведомостям. 1889. №3. 1 февраля.
[6] Там же.
[7] Отчет Тарусского церковного братства во имя Пресвятой Богородицы за 5-й год существования с 10 сентября 1898 г. по 10 сентября 1899 г. // Калужские епархиальные ведомости. 1900. № 1. 15 января.
[8] Там же. С. 4.
[9] Балабанов И. Церковные братства и приходские попечительства в Калужской губернии в 1896 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1898 г. Изд-во Калужского Губернского Статистического Комитета. Калуга, 1898. С. 181.

оказывать по силе возможности денежную и материальную помощь бедным прихожанам и дальше этого не идут» [10].

Среди таких братств автор статьи называет Богоявленское и Успенское братство в Калуге (последнее, кроме помощи прихожанам, содержало еще богадельню на 6 старушек) и Троицкое при Лихвинском соборе.

Другие братства преследовали, кроме благотворительных, еще и просветительские и миссионерские цели: Братство Св. Георгия (за верхом) в Калуге, содержало одноклассную церковно-приходскую школу в собственном доме на 30 девочек. Троицкое братство села Алтуфьевского, Мосальского уезда (существует с 1895 г.) имело библиотеку для чтения, лавку для продажи книг религиозно-нравственного содержания, иконы, живописные картины «для распространения оных в народе и для снабжения учебными пособиями и письменными принадлежностями школ по более доступным ценам».

Жиздринское братство Св. А. Невского с семью отделениями в уезде, кроме религиозных, имело цель оказывать пособие при устройстве церковно-приходских школ. Перемышльское Александро-Невское братство устраивало чтения для народа с туманными картинками, собирало средства для открытия библиотеки и братской читальни.

Братство Святителя и Чудотворца Николая в селе Озерском Перемышльского уезда содержало библиотеку, склад учебных школьных принадлежностей, дешевую чайную, склад сельскохозяйственых орудий и семян, оказывало помощь церковно-приходской школе и бедным.

Братство Праведной Иулании села Карово Калужского уезда устроило братскую лавку с книгами и брошюрами религиозно-нравственного содержания, коими снабжало прихожан бесплатно или за умеренную цену. Кроме прочего, Братство оказывало помощь бедным ученикам одеждой и обувью.

Члены братства Св. Троицы в селе Троицком Медынского уезда Калужской губернии проводили беседы с прихожанами, устроив дешевую продажу книг и даровую раздачу брошюр религиозно-нравственного содержания. Братство способствовало открытию в селе церковно-приходской школы и поддерживало ее [11].

Но самое выдающееся по деятельности и самое старое по времени существования – Братство Св. И. Богослова, учрежденное в 1879 г. при Калужской духовной семинарии, которое имело 14 отделений в губернии.

Братство оказывало денежную помощь церковно-приходским школам в их нуждах. Распространяло в народе книги, многие раздавая или выдавая их для чтения на дома [12].

Братства, за редким исключением (например, в виде братств Ап. И. Богослова и Георгиевского (в Калуге)), больших капиталов, как правило, не имели, а источниками для их деятельности служили членские взносы и кружечные сборы, пожертвования членов и частных лиц.

В 1896 г. общий приход братств Калужской губернии составил 10485 руб. 25 коп., из них в течение года было израсходовано 8236 руб. 76 коп., к 1897 г. осталось 28017 руб. 15 коп. В том числе – 16117 руб. 12 коп. составил капитал Братства Св. Георгия и 5100 руб. – Братства И. Богослова [13].

Активной благотворительной деятельностью занимались члены Тульского Епархиального Братства во имя Св. Иоанна Предтечи (открыто в 1886 г.), которое осуществляло вспомоществование школам Тульской губернии: на жалование учителей или их пополнение, помощь продуктами наиболее нуждающимся ученикам и др. [14] С 1893 г. Братство пополняло жалование учителям в некоторых школах в размере 40–50 руб. (школе при Александро-Невской церкви г. Тулы – по 300 руб. в год), выделяло суммы (например, по 500 руб. в 1888, 1889 гг.) на приобретение школами учебников [15].

Тем самым решался целый комплекс проблем, связанных с удовлетворением потребностей населения в обучении и создании нормальных условий жизнеобеспечения.

Согласно Уставу, благотворительность была одной из главных целей деятельности Братства Преподобного Пафнутия Боровского Чудотворца, основанного в Калуге в 1883 г. В процессе своей деятельности Братство расширяло формы и виды благотворительной деятельности, стараясь оказывать помощь всем нуждающимся. Кому-то разово, кому-то ежемесячно. Так, например, за отчетный период с сентября 1886 г. по июнь 1887 г. пособием от Братства воспользовались 5 учеников Боровского уездного училища по 3 руб. каждый, один псаломщик получил 30 руб., другой – 10 руб., вдова священника с. Ивановского 15 руб. и др. [16] Всего за отчетный период выдано пособий

[10] Балабанов И. Церковные братства и приходские попечительства в Калужской губернии в 1896 г... С. 181.
[11] Балабанов И. Церковные братства и приходские попечительства в Калужской губернии в 1896 г... С. 182.
[12] Балабанов И. Церковные братства и приходские попечительства в Калужской губернии в 1896 г... С. 183.
[13] Там же.
[14] Протокол общего собрания членов Тульского Епархиального Братства во имя Св. И. Предтечи 12 января 1892 г. Тула, 1892. С. 6; Отчет о деятельности и суммах Тульского Епархиального Братства во имя Св. И. Предтечи за 1901 г. Тула, 1902. С .3.
[15] Воловский А.С. Роль Тульского Епархиального Братства во имя св. Иоанна Предтечи в церковно-школьном деле Тульской епархии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула, 2013. Вып.2. С. 172-173.
[16] Братство Преподобного Пафнутия Боровского Чудотворца. Отчет и миссионерские беседы. Калуга, 1887. С. 34-35.

бедным и обратившимся из раскола в православие – 697 руб., [17] в то время как в 1885/1886 отчетном году было выдано пособий всего на сумму 407 руб. 60 коп. [18]

Аналогичным образом работали и другие духовные братства: Братство преп. Юлиании, Братство св. и чудотворца Николая, Братство при Жиздринском Александро-Невском соборе. Были также братства, изначально преследовавшие исключительно благотворительные цели: Богоявленское и Успенское братство в Калуге, Лихвинское Богоявленское братство, Александро-Невское братство при Перемышльском Успенском монастыре и др. [19].

К концу XIX века церковная благотворительность все чаще выходит за сословные рамки. Нередко представители церковной интеллигенции, являясь членами церковных братств, становились руководителями или членами различных светских общественных организаций, выполнявших благотворительные функции. Так, например, почетным членом Общества вспомоществования учащимся в начальных народных училищах Воронежской губернии, учрежденного в 1898 г., стал Воронежский Епархиальный Архиерей. Общество помогало учащимся не только материальными средствами, но и другими способами: снабжало нуждающихся учащихся книгами для продолжения их образования и вообще для чтения, заботилось об улучшении условий деятельности учащихся и поощряло тех из них, которые обращали на себя особое внимание своими трудами.

Архиепископ Калужский и Боровский являлся вице-президентом Губернского комитета попечительного общества о тюрьмах, почетным членом Калужского женского благотворительного общества, Калужского местного управления общества попечения о раненых и больных воинах [20], почетным председателем Общества помощи бедным [21]. Это придавало вес организации и напрямую влияло на результативность его работы.

Вообще благотворительность была одним из важнейших направлений деятельности епархий. Преимущественно она заключалась в выдаче пособий нуждающимся разными способами.

Духовные консистории, которые стояли во главе епархиального управления (под началом епархиального архиерея), в качестве особой статьи расходов имели помощь различным благотворительным обществам. Так, например, в финансовых отчетах Калужской духовной консистории значатся отчисления в пользу Общества помощи при кораблекрушениях, Общества Красного Креста, Миссионерского общества. Как правило, для нужд благотворительности по церквям епархии устраивался сбор пожертвований. Собранные деньги поступали на счет консистории и оттуда передавались в различные фонды, на выдачу пособий. В любой книге прихода и расхода денежных сумм по Калужской духовной консистории практически за каждый месяц имеется статья «выдача пособий по прошениям» [22].

Таким образом, церковная интеллигенция осуществляла активную благотворительную деятельность в епархиальных братствах в российской провинции в 60-е гг. XIX – начале XX века. Эта деятельность выражалась в самых разных формах, применение которых братствами зависело от целого ряда факторов, в первую очередь, от их финансовых возможностей и представлений членов братств о необходимости и масштабах оказания благотворительной помощи прихожанам и лицам духовного звания.

Некоторые братства ограничивались оказанием денежной или иной материальной помощи и дальше этого не продвигались. Другие братства, преимущественно крупные по составу и масштабам своей деятельности, создавали условия для получения нуждающимися помощи в сфере образования (платой за обучение), здравоохранения (оказанием бесплатной врачебной помощи), социальной защиты (содержанием бесплатных столовых и богаделен для престарелых), культурного и нравственного развития (открытием библиотек для чтения, раздачей книг бесплатно или по удешевленным ценам) и др.

Недостаток капиталов часто не позволял многим братствам осуществлять благотворительную деятельность в желаемых размерах. Из этого положения члены братств выходили посредством оказания адресной помощи наиболее нуждающимся, но никогда не отказывались от благотворительности вообще.

Представители церковной интеллигенции, являвшиеся членами епархиальных братств, как правило, выступали с различными инициативами в деле оказания благотворительной помощи нуждающимся и координировали свои усилия с другими общественными организациями интеллигенции, местными властями и частными лицами. То есть благотворительная помощь, оказываемая членами епархиальных братств нуждающимся, способствовала решению целого комплекса повседневных проблем, связанных с удовлетворением потребностей населения в создании нормальных условий жизнеобеспечения, что весьма характерно для структур и отношений гражданского общества.

---

[17] Там же. С. 37.

[18] Братство Преподобного Пафнутия Боровского Чудотворца в 1885/1886 г. Калуга, 1886. С. 34.

[19] Вощенкова Н. С., Гусев А. А., Писаренко И. С. Церковь и государство. Калужская Епархия в Синодальный период развития русской православной церкви: Монографическое историко-краеведческое пособие. Калуга, 2000. С. 127.

[20] Памятная книжка Калужской губернии на 1873/74 гг. Калуга, Б.г. С.5, 63, 64.

[21] Памятная книжка и адрес-календарь на 1900 г. Калуга, 1900. С. 89.

[22] Вощенкова Н. С., Гусев А. А., Писаренко И. С. Церковь и государство. Калужская Епархия… С. 73.

УДК 94 (575.4)

РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТУРКЕСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

RUSSIAN IMMIGRANTS IN TURKESTAN: PROBLEMS OF INTERRELATION WITH THE LOCAL POPULATION

С.Н. Брежнева
S.N. Brezhneva

Поволжский государственный университет сервиса, Россия, 445677, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4

Volga Region State University of Service, 4, Gagarin St., Togliatti, 445677, Russia

e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается русская колонизация Туркестана, начавшаяся сразу после завоевания этой территории Россией. Выявлено, что переселение русских крестьян в Туркестанский край регулировалось общепринятыми по России законодательными нормами, но в то же время имело и свои местные особенности. Исследованы взаимоотношения русских поселенцев с местным населением, причины возникновения конфликтных ситуаций. На основе анализа проблем, возникших между коренным населением края и русскими переселенцами, сделан вывод о несовершенстве переселенческой политики российской администрации, заключающейся в отсутствии правовой базы и четкого плана переселения.

Resume. The article deals with Russian colonization of Turkestan, which began immediately after the conquest of this territory by Russia. It was revealed that the resettlement of Russian peasants in Turkestan was regulated by the Russian generally accepted legal standards, but had its own local features. Russian settlers' relationship with the local population and the causes of conflict situations were investigated. The conclusion that Russian administration resettlement policy was inadequate because of the lack of a legal framework and clear resettlement plan was based on the analysis of problems that arose between the indigenous population and the Russian settlers.

Ключевые слова. Туркестан, переселенческая политика, русские переселенцы, коренное население, взаимоотношения.

Key words. Turkestan, resettlement policy, Russian immigrants, indigenous people, interrelation.

Туркестанское генерал-губернаторство, образованное в 1867 г., представляло собой национальную окраину Российской империи, поэтому задача центральной и местной администрации заключалась в том, чтобы коренное и русское население слилось воедино, произошло «обрусение края». Этой задаче должна была способствовать переселенческая политика России. Первопричиной ее явилось аграрное перенаселение в центральных губерниях России, тяжелое экономическое положение русских крестьян, принадлежащие им малые наделы земли.

Переселенческое движение началось после отмены крепостного права. Регулировалось оно в основном общепринятыми по России законодательными актами, но в то же время имело и свои местные особенности, которые заключались в том, что Туркестан в основном был завоеван силой оружия, хотя в ряде случаев имело место и добровольное присоединение. В Туркестане господствовал ислам, мусульманские священнослужители имели здесь большое влияние и враждебно относились к иноверцам, в том числе к русским. Пригодные для эксплуатации земли были заняты либо оседлым населением, либо кочевниками, что же касается земель, не освоенных местными жителями, то их использование было возможно лишь при условии широкомасштабных и дорогостоящих оросительных работ.

Эти особенности определяли отношение центральной и краевой администрации к колонизации Туркестана русскими крестьянами. Опасение вызвать возмущение мусульманского населения стояло на первом месте. Поэтому у российского правительства отсутствовал определенный план заселения края русскими. Реагируя на внутренние и внешние вызовы, оно действовало скорее рефлекторно. И, тем не менее, процесс колонизации Туркестана проходил почти одновременно с присоединением.

Вначале имело место самовольное переселение русских крестьян, которые в основном переселялись в Семиреченскую область. Поскольку плана переселенческой политики у губернской администрации еще не было, и свободные земли не были определены, первые колонисты брали в аренду участки земли у казаков, живших вокруг укрепления Верное.

Незавершение земельной реформы в России повлияло на затягивание создания плана русской колонизации в Туркестане. Но уже в 1869 г. Военный губернатор Семиреченской области генерал Г.А. Колпаковский разработал Временные правила о крестьянских поселениях в Семиречье, которые создали благоприятные условия для притока русских поселенцев.

До 1872 г. крестьянская колонизация в Семиреченской области опережала плановое заселение. С 1868 по 1882 г. в Семиречье было образовано 29 селений с населением в 25 тыс. человек [1].

В густонаселенную Сырдарьинскую область, где господствовало сплошное поливное земледелие, переселение русских крестьян шло значительно медленнее из-за отсутствия свободных земель. Однако и в Сырдарьинской области к 1891 г. было образовано 19 селений с населением в 1300 человек [2].

В 1873 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман подписал генеральный план крестьянской колонизации для всего генерал-губернаторства, в котором была предпринята попытка учета интересов коренного населения и русских переселенцев. Колонизация была направлена на укрепление позиций русской администрации. Но в то же время Кауфманом была запрещена покупка земель у местного населения европейцами, в том числе русскими. Крестьянские поселения предполагалось располагать вдоль крупных рек и почтовых трактов от Оренбурга до Ташкента через Верный до Семипалатинска.

Первые русские переселенцы, продвижение которых в Туркестан носило в основном стихийный характер, сталкивались со многими трудноразрешимыми проблемами: их выход из мест выселения, следование на новые места, водворение на новом месте, жаркий непривычный климат, землеустроительные и землеотводческие работы и т.д. Все это приводило к тому, что часть переселенцев вынуждена была возвращаться обратно. В очерке из московского журнала «Родина» (1880 г.) безымянный автор описывает свой разговор с русским переселенцем, повстречавшимся ему в Туркестане по дороге в Казалинск, и возвращающимся обратно на родину. «Земля сухая, твердая, суглинок с солонцом, песком пересыпана, – рассказывает переселенец, – как, думали, эту землю пахать будем? Ни сохой, ни плугом ее не проберешь, авось, дождем, может, размочит. Какие, говорят, здесь дожди; дожди зимой бывают, а весной если и пойдет дождик, то разве только сверху смочить» [3]. Таким образом, непривычные условия земледелия, тяжелые климатические условия, полное бездействие местной администрации – все это заставляло русских переселенцев возвращаться в Россию. А между тем, по мнению автора очерка, «переселение русских земледельцев в этот край весьма желательно и может принести большую пользу. Туземцу во многом есть чему поучиться у русского хлебопашца в деле обработки земли, которую до сих пор он возделывает способами вполне первобытными» [4].

80-е гг. XIX в. стали поворотными в переселенческой политике, т.к. земельный голод в центральных российских губерниях стал реальной угрозой. В 1881 г. были изданы «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», однако массовое переселение считалось нежелательным, поэтому сохранялись ограничения. В 1883 г. переселение русских крестьян в Туркестан было приостановлено.

В 1886 г. было утверждено «Положение об управлении Туркестанским краем», в связи с чем были изданы Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае. Согласно им, уничтожалось привилегированное положение крупных землевладельцев и мусульманских священнослужителей. Оседлому населению земля передавалась в подворно-участковое потомственное владение, пользование и распоряжение. Кочевья объявлялись государственными землями, переданными в бессрочное общественное пользование кочевников.

Следуя «Положению об управлении Туркестанским краем», русская администрация изъяла большое количество земель, принадлежавших кочевому населению, создав тем самым земельный фонд для раздачи русским поселенцам. Заселение пригодных для земледелия районов русскими крестьянами было необходимо для создания опоры на недавно присоединенных территориях. Поэтому даже самовольным переселенцам предоставлялось по 7–10 десятин земли, а также материальная помощь на строительство дома, приобретение рабочего скота, инвентаря и посадочного материала.

13 июля 1889 г. был утвержден и действовал до 1904 г. новый переселенческий закон, в который вошли основные положения Временных правил. Главная задача, поставленная в законе – переселения должны быть подчинены администрации, и не должны носить самовольного характера. Отныне переселенец был обязан получать специальное разрешение на поселение. Переселенцам также предоставлялись ссуды и пособия. Однако самовольное переселение крестьян продолжалось.

Сильный толчок русской колонизации дал неурожай 1891 г., охвативший значительную часть Европейской России. Масса крестьян двинулась искать новые места, и волна переселенцев

---

[1] Хидоятов Г.А. Моя родная история. Ташкент, 1990. С. 287.

[2] Там же.

[3] Родина. 1880. №3. URL: http: //ruvek.info›?module=articles&action=view&id=5771

[4] Там же.

хлынула в Туркестан. Из прибывших 15 тысяч русских переселенцев администрации удалось разместить только 2 тысячи за счет отчуждаемых у местного населения земель. Остальные находились в нищенском положении. Возвращать назад их было невозможно, поэтому правительство вынуждено было узаконивать стихийные переселения.

С 1893 г. было легализовано переселение в степные районы. Переселенцам выдавали пособия, оказывалась врачебная и продовольственная помощь и т.д. Особенность колонизации Туркестана состояла в значительно более высокой плотности населения, чем в казахских степях, причем оседлое население преобладало. Расселять русских переселенцев в земледельческих районах правительство не решалось, боясь недовольства местного населения. В то же время, будучи заинтересованной в заселении туркестанских земель русскими крестьянами, администрация края, вместо того чтобы возвращать переселенцев, стремилась обустроить их.

Архивные документы свидетельствуют о том, что прибывающие в Туркестан русские поселенцы очень скоро осваивались с местной культурой и порядком ведения полевого хозяйства [5]. Однако большое число прибывших переселенцев усугубило трудности перенаселенных областей. Эти факты способствовали росту недовольства местного населения и помогали религиозным фанатикам распространять призывы к газавату. К тому же нередки были случаи, когда российская администрация рассматривала поселки переселенцев как военные гарнизоны. Среди крестьян зачастую селили и отставных солдат. По инициативе военного губернатора Сырдарьинской области Н.И. Гродекова с 1892 г. началось вооружение переселенцев. Однако в начале XX в. восторжествовала идея противоположного свойства – переселенцев разоружили [6].

В 1896 г. министр финансов С.Ю. Витте выступил против русского переселения в край. Поддержанный военным министром П.С. Ванновским, он добился принятия правительством решения, запрещающего переселения в Семиреченскую область. В 1897 г. туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский, не дожидаясь правительственного решения, издал циркуляр, запрещавший переселение и в остальные области края. В этом же году Туркестан был закрыт для крестьянского переселения специальным распоряжением правительства.

В 1900–1903 гг. в мире произошел экономический кризис, который серьезно задел русскую деревню. Поток переселенцев вновь хлынул в Туркестан. Наибольшее количество переселений наблюдалось в 1902 г. Например, только в Семиреченскую область прибыло 2228 семей, или 11687 человек [7].

Русское правительство во главе с Николаем II выступало за продолжение переселения русских крестьян в Туркестан. Доводы туркестанской администрации в расчет не принимались. Так, российский император на представленном ему отчете военного губернатора Семиреченской области за 1904 год, написал: «надо настойчиво двигать колонизацию этого края» [8]. Эти слова дали новый импульс переселенческой политике.

На основании нового переселенческого закона, принятого в 1904 г., разрешавшего свободное переселение крестьян в азиатскую Россию, все ранее прибывшие в Туркестанский край самовольцы были узаконены, но Туркестан не был включен в число заселяемых районов и формально оставался закрытым для переселения. Однако самовольцы продолжали расселение на землях мусульман, несмотря на все попытки местной администрации воспрепятствовать этому. «Русские селения стеснили земли кочевников, – писал последний генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин, – и это привело в Туркестане к новому поземельному затруднению» [9]. Дело в том, что после русского завоевания началось массовое оседание кочевников. Свободных орошенных земель не было, и практически весь Туркестан был закрыт для переселенцев. Но те переселенцы, которые успели приобрести земли, зарабатывали, главным образом, на постройке каналов и железных дорог, и к началу XX века большая часть обитателей Голодной степи уже не занималась сельским хозяйством, сдавая земли в наем за высокую плату местному населению.

По установленному российской администрацией порядку, лицам коренных национальностей не разрешалось обустраиваться в русских селах. Тем самым власть стремилась оградить переселенцев от контактов с коренным населением, которое далеко не всегда было настроено благодушно. Безопасность русских крестьян обеспечивалась в том числе и военными силами.

Однако уже в первые годы русского переселения между переселенцами и местными жителями устанавливались выгодные обеим сторонам хозяйственные и торговые отношения. Русские крестьяне обучали местных кочевников-скотоводов сенокошению и заготовке сена на зиму, что позволяло сохранить поголовье скота во время зимней бескормицы и способствовало сокращению длины перекочевок. В свою очередь, коренные жители помогали русским переселенцам адаптироваться к непривычным для них климатическим условиям и особенностям местного земледелия.

---

[5] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.165. Оп. 1. Д. 293. Л. 5.
[6] Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926. С.13.
[7] Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 369.
[8] Шарова П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. №8. С. 4-5.
[9] РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.374. Л.14.

Однако нежелание большинства русских переселенцев изучать язык и обычаи местного населения приводило к столкновению интересов, в ряде мест даже к конфликтам. Те русские из числа переселенцев или чиновников, которые старались «вжиться», приспособиться к новым условиям, получали «дивиденды» в виде доброжелательного отношения со стороны аборигенов. Примером тому может служить жизнь и деятельность выдающегося востоковеда-просветителя В.П. Наливкина. В 1878 г. он с молодой женой поселился в урочище Радван, а затем в кишлаке Нанай. Семья Наливкиных прожила здесь шесть лет. В общении с местным населением В.П. Наливкин приобрел знание языков, до тонкостей изучил быт туземцев, собрал материалы для многих работ, опубликованных уже после переезда в Ташкент [10]. Работая в должности преподавателя в учительской семинарии в Ташкенте, основанной в 1879 г., В.П. Наливкин сумел продуманно организовать занятия с семинаристами и внушить им интерес и даже любовь к культуре и нравам коренного населения Туркестанского края.

Кроме основных своих работ [11] Владимир Петрович является автором вышедшей в 1886 г. книги «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» [12]. Книга написана в соавторстве с супругой Марией Владимировной. Именно ее наблюдения легли в основу этого труда. Книга освещает широкий круг вопросов, касающихся не только непосредственно женщины, но и в равной степени обоих полов. Не оставлена без внимания и трудовая деятельность. Этот труд является неоценимым вкладом в изучение обычаев и быта коренного населения Туркестана. Кстати Наливкин отрицательно относился к созданию русских поселков в Туркестане, где и без того испытывалась крайняя нужда в орошаемых землях.

За пятьдесят лет русского владычества происходил процесс постепенного взаимовлияния культур коренного и пришлого русского населения. Однако препятствием тому, несомненно, являлась различная конфессиональная направленность. В 1910 г. ходжентский уездный начальник писал туркестанскому генерал-губернатору: «Сталкиваются на одном поприще две культуры – мусульманская и русская. Первая распространяется повсеместно и располагает значительным преимуществом, заключающимся в общности языка и веры, вторая распространяется только в некоторых местах и, опираясь на помощь и содействие правительственных властей, на первых же порах встречает затруднение в том, что составляет преимущество мусульман. Русские не знают местных туземных наречий и в глазах туземцев являются неверными» [13].

В монографии Л.А. Перепелицыной «Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии» [14] приводятся конкретные факты взаимодействия, возникшего в результате прямого, повседневного общения русского народа и местного населения. Показано влияние России на развитие промышленности, сельского хозяйства, различных сфер общественной жизни.

Тем не менее, переселенцы так и не преуспели в сельском хозяйстве. На Совете туркестанского генерал-губернатора в январе 1911 г. отмечалось: «… необходимый при условиях туркестанского землевладения переход к интенсивному хозяйству и к обработке высших культур, как уже показал опыт, совершается православными русскими людьми весьма медленно и с большими затруднениями, что не дает оснований возлагать большие надежды на успех их хозяйства при конкуренции с туземцами, привычными хлопководами, виноградарями и садоводам» [15].

В период реализации столыпинской аграрной реформы в Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областях были созданы переселенческие районы. Предоставленные правительством в 1906 г. льготы на проезд дали толчок к массовому переселению. Туркестан по-прежнему считался официально закрытым для переселения, однако сюда устремились самовольцы. Многие из них разорившись, возвращались обратно. Например, в 1911 г. вернувшиеся составили 81%, а в 1913 г. – 99%.

В 1910 г. был принят «новый курс» в переселенческой политике – создание хуторов, являвшихся «оплотом» русской государственности. В конце года был принят закон, позволявший изымать излишки у кочевого населения. Переселенческому управлению, основанному в 1896 г., было предоставлено право отчуждения земель кочевников под участки для русских крестьян. На основании этого чиновники из управления зачастую отнимали у местного населения пастбищные земли и места зимовок. Тогда же для переселенцев была открыта Семиреченская область. В 1906–1910 гг. в коренных областях Туркестана было образовано пять переселенческих участков на землях, изъятых у кочевников. В результате в Туркестанском крае до 10% увеличилось славянское население.

В результате конфискации земель кочевники вынуждены были официально переходить к оседлому образу жизни, закрепляя таким образом за собой родовые земли. На самом деле многие

---

[10] Наливкин И.Б. Имя твое – Учитель. Омск, 2001. С.45.

[11] Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. Его же. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

[12] Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

[13] Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1990. С.55.

[14] Перепелицына Л.А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

[15] Цит. по Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана. URL: http://turkestan.ucoz.ru/publ/1-1-0-6

из них совмещали земледелие с выпасом скота. Это было сложно скрыть от представителей Переселенческого управления, изымавших земли под выпас скота, считавшихся излишками. Деятели Переселенческого управления являли собой концентрацию тех качеств русского чиновника, которые веками высмеивались в русском фольклоре: «Ему присущи тщеславие и самодовольство, корысть и собственный интерес, а не интерес государя и общества. Он хочет повелевать без контроля и ответственности» [16]. Жалобы коренного населения и местных администраторов на Переселенческое управление ни к чему не приводили. В конце концов все недовольство, накопившееся за годы русского правления, прорвалось в период восстания 1916 года.

Настоящая война между коренными жителями и русскими поселенцами разразилась в августе-сентябре 1916 г. в Семиреченской области, где переселенцев было больше всего. Соответственно, здесь было много потерь как со стороны русских, так и со стороны местного населения. Восстание носило антирусскую направленность: восставшие жгли хутора, убивали семьи переселенцев, казаков, рабочих. Это вызвало ответную реакцию со стороны переселенцев. В результате солдатам правительственных войск пришлось защищать русских поселенцев от коренных жителей, а последних от русских крестьян.

Восстание было подавлено, а вина за него возложена на администрацию края. В результате должностью поплатились туркестанский генерал-губернатор Ф.Г. Мартсон, а также четыре из пяти военных губернатора.

Вновь назначенный туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, знаток края, провел расследование причин этого крупнейшего восстания среднеазиатских мусульман против русской власти. В его отчете Николаю II было прямо указано, что одной из причин беспорядков являлась массовая конфискация земель у туземцев. По мнению Куропаткина, причины восстания были следующими: неправильные приемы управления; частая смена представителей власти и их незнание местной специфики; малочисленный и плохо материально обеспеченный состав должностных лиц; отчуждение земель местного населения под русские селения; неверная переселенческая политика российской власти [17].

Таким образом, вместо ощутимых выгод от присоединения новых земель Россия получила в Туркестанском крае многочисленные проблемы. Из-за отсутствия конструктивного плана русификации присоединенных территорий, действия русской власти были противоречивыми и импульсивными. Доминирование идеологических концепций над экономической целесообразностью наносило огромный вред русской колонизации Туркестана. Поэтому и коренное население, и русские переселенцы оказались заложниками неправильной, непродуманной политики российской администрации.

[16] Шатохин И.Т. Социально-психологические качества русского чиновника XIX века в пословицах и поговорках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Т. 28. № 22 (165). С.100.

[17] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С.81-82.

УДК 257; 262.146; 291.68; 37.014.521

ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

ANTIDISSIDENT ACTIVITY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SIBERIAN PROVINCE AT THE BOUNDARY OF THE XIX-XX CENTURIES

Е.П. Ермачкова
E.P. Ermachkova

Россия, 627142 г. Заводоуковск, Тюменской области, ул. Комарова 2-1

2-1, Komarov St., of Zavodoukovsk of the Tyumen region, 627142, Russia

e-mail: e.ermachkova@mail.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных ранее архивных материалов, широкого круга дореволюционных и современных исследований рассматриваются особенности просветительской и противораскольнической работы Русской Православной Церкви в западносибирской деревне. Проведенный анализ позволил выделить основные причины перехода из православия в раскол, уровень образования приишимских старообрядцев по сравнению с другими конфессиями, оценить деятельность местных миссионеров в борьбе с «ересями». Делается вывод о том, что хотя эта работа и не принесла ощутимых результатов, тем не менее, привела к сближению в обыденной жизни представителей различных вероучений, росту грамотности, вовлечению староверов в экономику западносибирской деревни.

Resume. In article on the basis of unpublished earlier archival materials, a wide range of prerevolutionary and modern researches features of educational and antidissenting work of Russian Orthodox Church in the West Siberian village are considered. The carried-out analysis the priishimskikh of Old Believers in comparison with other faiths, efficiency of activity of local missionaries in fight against heresies allowed to allocate the main reasons for transition from Orthodoxy to split, education level. The conclusion that though this work and didn't bring notable results is drawn, nevertheless, led to rapprochement in ordinary life of representatives of various dogmas, to the literacy growth, involvement of conservatives in economy of the West Siberian village.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, раскольничество, старообрядчество, миссионеры, церковная школа, маслоделие, Тобольск, Приишимье.

Keywords: Russian Orthodox Church, raskolnichestvo, Old Belief, missionaries, church school, butter manufacture, Tobolsk, Priishimye.

Одним из характерных признаков современной истории России является переосмысление ее прошлого. Построение нового, гражданского общества невозможно без изучения опыта взаимодействия государства с основными социальными институтами, в том числе общемирового уровня – религией. Гарантированная Конституцией РФ свобода вероисповедания привела к появлению новых или возрождению тех религиозных течений, с которыми правительство и Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) боролись еще в досоветское время.

После реформ патриарха Никона в 1653–1656 гг. и последовавшего за этим раскола (примем условность этого термина) РПЦ крупные группы последователей протопопа Аввакума начали переселение в Сибирь. Местом жительства они чаще всего выбирали малоосвоенные территории в отдалении от никониан. В южной части Сибирской губернии – Приишимье, которое затем вошло в Тобольское наместничество, на рубеже XVII–XVIII вв. старообрядцы строили свои деревни либо возводили добротные дома через речку от мирян (в деревнях Глубокой, Плоской, Прохоровой Армизонской волости, Окуневской Уктузской вол., Подволошной Устьламенской вол., Полевой Ильинской вол., Сивковой Частоозерской вол., Старорямовой Бердюжской вол., Травинской Гагарьевской вол., Яровской Казанской вол., селах Гагарьевском и Теплодубровинском Петуховской вол.) [1].

Следует отметить, что борьба с расколом на огромных сибирских просторах «шла вяло и без особых успехов». Несмотря на всевозможные притеснения и ущемления прав, количество последователей «веры отцов» постоянно возрастало. Введение единоверия в первой трети XIX столе-

[1] Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф.152. Оп.1. Д. 35. Л.7-12.

тия не приостановило этот процесс, а только привело к тому, что появилось огромное количество тайных старообрядцев, выявлять которых вменялось в обязанности православному духовенству (только с 1839 по 1848 гг. количество официально зарегистрированных старообрядцев по Ишимскому округу сократилось с 7 287 до 798, а затем снова возросло: 1869 г. – 2 146, 1897 г. – 10 191, 1903 г. – 12 362) [2]. Основными причинами такого явления по всей Западной Сибири стало не только быстрое естественное воспроизводство раскольников и массовая миграция, но и переход из православия по политическим, экономическим, меркантильным соображениям (вступление в брак, активная агитация местных и пришлых старцев за поддержание старых, дониконианских, «истинных» ценностей и устоев; нежелание вступать в общественные должности и др.). Например, по настоянию священников Травнинской единоверческой церкви А. Мефодиева и М. Попова, крестьянина М. Барсукова из деревни Окуневой Уктузской волости Ишимского округа судили в 1855 г. за распространение раскола. Все местные жители под присягой подтвердили, что он давно «с ревностью занимается совращением в раскол единоверцев и православных и многих из них успел совратить» [3]. На зависть соседям-единоверцам, окуневцы стали открыто и широко праздновать воскресные и «престольные» дни, торжественно венчали свадьбы. При этом расхаживали по домам «столоваться», устраивали публичные гулянки со свадебными поездами, разъезжая по деревне с шумом, колокольчиками и песнями. Наблюдавшие за этим окуневские единоверцы без долгих раздумий перешли в раскол и записались в книги Макара. Однако наказания за это Барсуков избежал после выхода в том же году царского манифеста и … открыто продолжил свою деятельность. Только в 1863 г. после его активной агитационной работы в раскол перешли 305 мужчин и 315 женщин из единоверческих и православных приходов Приишимья!

При доверительных беседах с крестьянами Ишимского округа миссионеры выясняли, что потенциальные «перекрещенцы» выделяли более высокий уровень жизни активных раскольников, которые получали от паствы ежемесячное вознаграждение в 30 рублей. «Кроме того, каждый старообрядец дожидает, как особенной чести, быть приглашенным к своему вожаку «на помощь» в хозяйственных его заботах» [4]. О таком «подарке судьбы» мечтали многие беднейшие жители сибирской деревни. Находились среди них и те, кто решал воплотить мечту в жизнь!

По указу № 1116 Св. Синода от 25 мая 1888 г. по всей стране стали создаваться противораскольнические и противосектантские миссии. В Тобольской губернии планомерная организация работы священников по борьбе с расколом началась по распоряжению Синода 28 июня 1886 г. о введении должности противораскольнического миссионера. Координировали эту деятельность Православные Церковные Братства, в том числе, созданное в ноябре 1890 г. Тобольское церковно-православное братство Димитрия Солунского. В духовных семинариях ввели курс изучения толков – расколоведение, помощник председателя братства по миссионерскому отделению протоиерей М. Боголепов составил подробную инструкцию для священников, в чьих приходах проживали раскольники, о совместных действиях с гражданскими властями в случае обнаружения еретиков [5]. Если в самом начале своего существования основная работа по губернии велась тремя противораскольническими миссионерами – К. Белюссовым, Н. Богословским, И. Поповым в своих округах, то уже к 1900 г. в противораскольническую миссию Приишимья входили следующие миссионеры Тобольской и Омской епархий: Н.И. Глуховцев – священник, К. Дюков – священник села Ильинского, И.С. Зверев – священник села Армизонского, И. Кузнецов – священник города Ишима, И. Попов – священник села Щучинского Курганского уезда, благочинный единоверческих церквей по Ишимскому и Курганскому уездам [6]. Для вовлечения в противораскольническую деятельность как можно большего числа клириков и учителей церковно-приходских школ (далее – ЦПШ), с осени 1899 г. Братство стало проводить в Тюмени специальные курсы, которые посещали как духовные, так и гражданские лица со всей Тобольской губернии [7].

Приишимских крестьян собирали на диспуты о правильности православных обрядов, изображения символов веры, необходимости перехода от заблуждений в лоно православной церкви. В дальнейшем во всех епархиальных отчетах особое место отводилось характеристике старообрядчества и работе духовенства по «искоренению» этого явления. При этом у каждого миссионера имелась методичка, составленная православным священником К. Голубевым, где раскрывались «степени совращения в раскол (антихристова область) и возсоединения с церковью православною»:

1) соблазняющиеся в церкви (сомневающиеся в вере, обрядоверящие, осуждающие свя-

[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 68-73; Ф.152. Оп.1. Д. 35. Л.4-6; Список населенных мест Российской империи. Т.60. Тобольская губерния. СПб., 1871. С.187; Неудачин В. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.78. Тобольская губерния. СПб., 1905. С.143-144; Обзор Тобольской губернии за 1903 год. Тобольск, 1904. С. 114.

[3] Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 18-20.

[4] Деятельность Тобольского Епархиального Православно-Церковного Братства св. великомученика Димитрия Солунского за 1894-95 год. Тобольск, 1895-1895. С.27.

[5] Так называли раскольников местные миссионеры. См.: Отчет о деятельности Братства св. великомученика Димитрия Солунского за 1893/4 год. Тобольск, 1904. С.30.

[6] Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900. С. 16-18.

[7] Отчеты о деятельности Братства св. великомученика Димитрия Солунского за 1899-1913 гг.

щенство, отступающие);

2) с неистинными тайнами (диаковщина, беглопоповство, окружники, австрийская иерархия, беспоповство);

3) отрицающие таинство (тропарщики (за царя), брачные (поморцы), безбрачные (рижские), филипповцы);

4) с новыми тайнами (федосеевцы, нетовщина, скопцы, странники);

5) с духовною пустотою (мельхиседековщина, молокане, полуверные, неверные) [8].

Кроме того, среди раскольников встречались вообще уникальные личности – пяти- и десятиверные, т.е. имеющие по пять или десять вер одновременно. Православные миссионеры объясняли такой феномен тем, что в период социально-экономических, политических и культурных реформ, а также затянувшихся войн, русская душа начинала сомневаться в окружающей ее действительности и нравственных ценностях, обращаясь к всевозможным учениям, обещающим открыть тайны мироздания своим последователям. Поэтому в сибирских противораскольнических библиотеках (имелись в ЦПШ и у миссионеров) собирались новейшие издания с разъяснительными беседами. Чаще всего в сельские приходы поступали брошюры, изданные Тобольским братством с опровержением «заблуждений» раскольников. Старинные печатные и рукописные книги, в которых «возводилась хула» на Никона и Петра I, изымались и отсылались в Святейший Синод. Священники единоверческих церквей жаловались руководству, что их библиотеки «состоят в убогом виде по грубости прихожан, желающих иметь только книги старопечатные» [9], а из-за недостатка церковных сумм приобретать противораскольническую литературу, рассчитанную как на взрослых, так и детей, становилось все сложнее. Поэтому с нетерпением ожидали очередного приезда миссионера, у которого всегда в запасе имелись книги и брошюры, изданные на средства братства и раздаваемые бесплатно всем желающим.

Во второй половине XIX столетия российское правительство в целях оптимизации просвещения делает очередную попытку передать дело народного образования Церкви. После того как 13 июня 1884 г. Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах», в Западной Сибири начинается массовое открытие этого вида учебных заведений, значительная часть духовенства всех конфессий Тобольской епархии оказалась вовлеченной в педагогическую деятельность. При совместном проживании с православными, старообрядцы сохраняли значительную бытовую обособленность. Но постепенная трансформация – отход от некоторых канонов, совместное посещение школ, единые места работы, способствовали изменению образа старообрядцев в глазах остального населения [10]. С 1885 по 1897 гг. в Тобольской губернии открылись школы грамоты в семи единоверческих приходах [11]. В них обучались молитвам, священной истории, краткому катехизису, церковному пению, письму, азам арифметики дети единоверцев, а в Савинском еще и 17 детей старообрядцев [12]. Во второклассных ЦПШ, расположенных в районах проживания старообрядцев, в учебное расписание по три часа в неделю вводились история и обличение раскола, важную часть которых стали занимать инновационные диспуты: одна группа учащихся (от имени православных) устраивала спор с другой группой, выступающей от лица «последователей веры отцов». Известно, что предшествовали таким занятиям посещения собеседований православных священников со староверами.

В отличие от других регионов Сибири, в Тобольской епархии быстро нашлись значительные суммы для открытия церковных школ [13]. Часть средств на ЦПШ, расположенные в местах компактного проживания старообрядцев, направляло Тобольское епархиальное братство Д. Солунского, остальное добавляли прихожане и епархиальные училищные советы. В целях экономии школы старались разместить в нижних этажах домов священников (Крутихинский и Травнинский приходы Ишимского округа), в квартирах, оплачиваемых единоверческой общиной (Щучинский) или в помещениях церкви (Снегиревский). Только в Травнинском единоверческом округе было построено новое здание для школы стоимостью 2300 руб.

Большой научный интерес для многих поколений отечественных и зарубежных исследователей самых разнообразных направлений представили собой материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Неудачин В., анализируя уровень грамотности, приводит интересные данные о населении Ишимского округа, выделяя количество грамотных среди представителей различных вероисповеданий как в городе Ишиме, так и в сельской местности [14]. Наибольшее число неграмотных оказалось у мусульман (7%) и православных с единоверцами

---

[8] Об установлении метрических книг для записи браков, рождения и смерти раскольников. СПб, 1874. С. 25.

[9] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп.19. Д. 541. Л. 34.

[10] Ермачкова Е.П. Из истории раскола на юге Тобольской губернии // Словцовские чтения-2002: тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2002. С. 164-166.

[11] Ермачкова Е.П. Образование и просвещение в западносибирской деревне (1861-1913 гг.). Ишим, 2010. С. 111-112.

[12] Суслова Л.Н. К вопросу об организации приходских школ и уровне профессионального образования церковнослужителей в единоверческих приходах Тобольской губернии в конце XIX-начале XX вв. // Три века сибирской школы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2001. С. 82.

[13] Церковно-приходские школы // С.-Петербургские ведомости. 1886. № 22 от 22 января.

[14] Составлено автором по: Неудачин В. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... С.143-144.

(8%), самыми образованными являлись протестанты и иудеи (по 55%), у старообрядцев грамоту знал почти каждый девятый (12%) (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение населения Ишимского округа по вероисповеданиям и уровню грамотности. 1897 г.
Distribution of the Population of the Ishimsky District on religions and level of iteracy. 1897

Вероисповедание	г. Ишим			Ишимский округ без города			Всего, %
	м	ж	%	м	ж	%	
Православные и единоверцы	3 503	3 044		121 036	126 304		
в. т.ч. грамотных	1 575	650	34	14 731	2 219	7	8
Старообрядцы	32	23		4 850	5 341		
в. т.ч. грамотных	7	2	16	912	271	12	12
Католики	189	145		706	373		
в. т.ч. грамотных	96	58	46	244	63	29	33
Протестанты	26	11		77	49		
в. т.ч. грамотных	18	6	65	42	23	52	55
Иудеи	43	49		27	31		
в. т.ч. грамотных	30	26	61	16	11	27	55
Магометане	38	30		1 652	1 404		
в. т.ч. грамотных	7	1	12	168	39	7	7
Другие	0	0		6	2		
в. т.ч. грамотных	0	0	0	1	0	13	13
Итого: в. т.ч. грамотных	3 851	3 302		128 374	133 504		
	1 733	743	35	16 114	2 628	7	8

Старообрядцы, проживающие в отдалении от православных селений, где находились церковные или гражданские школы, предпочитали давать своим детям либо домашнее образование, либо вовсе оставляли их в «темноте дремучей», тем самым ограждая от соблазнов большого мира. По данным на 1897 г., в Ишимском округе в старообрядческих семьях проживало достаточное число потенциальных школьников (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Численность детей и подростков в семьях старообрядцев Ишимского округа. 1897 г. [15]
Number of Children and Teenagers in families of Old Believers of the Ishimsky district. 1897.

Возраст	г. Ишим			Ишимский округ			Всего
	м	д	всего	м	д	всего	
1–9 лет	5	5	10	1 099	1 207	2 306	2 316
10–19 лет	5	5	10	1 027	1 107	2 134	2 144
Итого:	10	10	20	2 126	2 314	4 440	4 460

В ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. изменилась политика государства к образованию и просвещению своих подданных. Вне зависимости от вероисповедания дети школьного возраста должны были посещать учебные заведения, поэтому под особый надзор православного духовенства попадали дети старообрядцев, сектантов, единоверцев. Если в западносибирской деревне этого периода отмечается увеличение гражданских учебных заведений и снижение церковно-приходских школ, то в Приишимье этой тенденции не наблюдалось: в ведение Тобольской и Омской епархии действовало: в 1894 г. – 37, 1900 г. – 64, 1903 – 80, 1913 г. – 88 церковно-приходских и школ грамоты [16].

Проанализировав итоги противораскольнических миссий крупнейшей в Азии Тобольской епархии рубежа XIX-XX вв. [17], можно сделать вывод, что они по объективным и субъективным причинам так и не смогли достичь поставленных целей. Хотя в своих отчетах православные священники отмечали, что раскольники «все чаще стали открыто говорить о желании присоединиться к Святой Христовой церкви» [18]. Но статистика этого не подтверждала: количество перешедших из раскола в православие по сравнению с общей массой старообрядцев в регионе оставалось ми-

[15] Составлено автором по: Неудачин В. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... С.295-296.

[16] Подсчитано автором по: Деятельность Тобольского Епархиального Православно-церковного Братства ... С. 32; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. ...С.190-194; Справочная книжка Тобольской губернии на 1903 г. Тобольск, 1904. С.66; Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913. С.37-42; Справочная книга Омской епархии на 1915 г. Омск, 1914. С.709-759.

[17] Отчеты о деятельности Братства св. великомученика Димитрия Солунского за 1892-1913 гг.

[18] Новые случаи присоединения раскольников // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 9-10.

зерным. Например, в 1887 г. из 256 389 жителей Ишимского округа только 32 раскольника перешло в православие [19]. По данным благочинного Ишимских уездных церквей священника К. Виноградова, к концу 1903 г. на его участке в православие обратилось 32 раскольника: 8 поповцев и 24 беспоповца (20 мужчин и 12 женщин), проживавших в следующих приходах: Армизонском – 10, Бердюжском – 7, Бутыринском – 8, Новотроицком – 5, Шабалинском – 2. Но в ходе проверки зачли только 30 расписок, так как по свидетельству Армизонского причта, во время проведения одного обряда не оказалось на месте дежурившего в волостном правлении крестьянина, а без его подписи в тот самый момент результат ритуала аннулировался. Вычеркнули из списков православных христиан и В. Ярошкина, который «как только присоединился, взараз и помер» [20]. Всего по Ишимскому уезду за 1903 г. обратилось к Православной Церкви 62 раскольника: «беспоповских сект – 52, поповских сект – 8, австрийской лжеиерархии – 2» [21]. В то же самое время количество раскольников по уезду составляло 12 378 человек.

На рубеже XIX–XX вв. отмечается интенсивность вовлечения зауральских раскольников в экономическую жизнь края. Закон «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских» 1883 г. разрешил этой группе населения владеть предприятиями и торговать под своим именем, в результате чего резко возросло количество сибирского купечества, повысились обороты ярмарок и торжков как внутри региона, так и по стране в целом. Новым прибыльным бизнесом – маслоделием, старообрядцы овладели гораздо позже представителей других конфессий. Как отмечал командированный на юг Тобольской губернии столичный чиновник А.А. Мурашкинцев в начале XX в., «значительная часть здешних крестьян принадлежит к раскольникам. Непонятное для крестьян действие сепараторов, иностранное их происхождение; несомненный, в некоторых случаях, вред от «обрата»; ухудшение выпасов; наконец, излишнее увлечение отдельных семей сбытом молока в ущерб питанию детей и телят, – сплетаются в представление крестьян с новым у них промыслом, заставляют их искать сверхъестественного объяснения для всех своих несчастий и создают в темной массе убеждение, что неурожаи, кобылка, частое рождение «голых» телят, болезни детей и проч. происходят именно от маслоделия, как проявления (через машины) нечистой силы» [22]. Тем не менее, видя несомненную прибыль в новом промысле, крестьянин деревни Окуневой К.Д. Дехтярев в январе 1900 г. открыл на своем огороде маслодельню. Известно, что в 1901 г. мастер-маслодел Д.Н. Емельянов с четырьмя рабочими выработали из собранных 9 000 пудов молока масло, которое было продано оптовым скупщикам за 3 600 руб. [23] Скорее всего, пример соседей, просветительские беседы православных священников, учителей, сельской интеллигенции привели к тому, что уже через год после того, как маслодельное заведение перешло к Д.М. Атаманову, количество сдатчиков молока резко увеличилось. В 1903–1904 гг. польским мастером А.К. Бичулем и шестью работниками здесь были переработаны уже 21 500 пудов молока [24]. Произведенное масло отвозили либо в соседний Петропавловск Акмолинской области, либо в уездный Ишим. Так, в 1912 г. доход окуневских артельщиков-староверов составил 20 085 руб. [25], после начала Первой мировой войны он незначительно снизился и в 1915 г. не превысил 18 200 руб. [26] К сожалению, исследований, посвященных особенностям распространения маслоделия в западносибирском старообрядческом обществе до сих пор не проводилось.

Указами «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и «О порядке образования и деятельности старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» от 17 октября 1906 г. определялись правила образования и функционирования религиозных общин, которые наделялись правами юридического лица; старообрядческое и сектантское духовенство признавалось государством в качестве духовных лиц; последователям разрешили строить храмы, иметь скиты и монастыри, открывать свои школы и духовные учебные заведения. Все это приостановило деятельность противораскольнических миссий. Теперь основной их задачей становится ограждение православных от совращения и уклонения в иноверие. Тем не менее, в Приишимье наблюдался рост последователей новых вероучений, ранее не известных местному православному священству (баптисты, штундисты и др.). В табл. 3, к сожалению, отсутствуют данные о переходе православных в старообрядчество за 1905–1907 гг., тем не менее, это все равно позволяет проследить интенсивность смены вероисповеданий жителей Приишимья на протяжении семи лет.

---

[19] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 417. Оп.1. Д. 493. Л. 54-55.
[20] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп.18. Д. 178. Л. 36-37.
[21] Там же. Л. 37-70.
[22] Мурашкинцев А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири (отчет по командировке в Тобольскую губернию). СПб., 1902. С. 31-32.
[23] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп.1. Д. 103. Л. 41.
[24] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп.1. Д. 132. Л. 35.
[25] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп.1. Д. 135. Л. 48.
[26] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп.1. Д. 139. Л. 45.

Таблица 3
Table 3

Сведения о числе лиц, перешедших из православия в другие исповедания по Ишимскому уезду с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1912 г. [27]
Data on number of the persons who turned from Orthodoxy into other confessions on the Ishimsky district from April 17, 1905 to January 1, 1912.

Годы	старообрядство			католичество			сектантство			всего
	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	
1905	-	-	-	1	-	1	-	-	-	1
1908	55	37	92	-	-	-	-	-	-	92
1909	10	0	10	-	-	-	-	-	-	10
1910	10	0	10	2	-	2	-	1	1	13
1911	4	4	8	1	1	2	4	1	5	15
Итого	79	41	120	4	1	5	4	2	6	131

Миссионеры констатировали двоякость результатов своей работы: только в 1907–1913 гг. из раскола в православие перешло 1 435 жителей Тобольской губернии, в то же самое время из православия в раскол – 2 403[28].

Православная Церковь сыграла значительную роль в просвещении и религиозно-нравственном воспитании жителей сибирской деревни. Тем не менее, противораскольническая деятельность миссий Зауралья не смогла искоренить «ереси». Но они, как и сама РПЦ, были сильно ущемлены в своих правах и возможностях в советское время путем массовых репрессий, уничтожения целого пласта российской (в том числе сибирской) истории и культуры.

[27] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп.1. Д. 249. Л. 3.
[28] Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX-начале XX вв. Автореферат дис. …канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С.17-18.

УДК 32.019.51

КАТОЛИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ «ВОЙН ЦИВИЛИЗАЦИИ»: ВКЛАД КЛЕРИКАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ФАШИСТСКУЮ АНТИСОВЕТСКУЮ ПРОПАГАНДУ

THE CATHOLIC VERSION OF «CIVILIZATION'S WAR»: THE CONTRIBUTION OF CLERICAL IDEOLOGY TO FASCIST ANTISOVIET PROPAGANDA

Джорджо Ренато Скотони
Giorgio Scotoni

Воронежский государственный педагогический университет, Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

Voronezh State Pedagogical University, 86, Lenina St., Voronezh, 394043, Russia

e-mail: giorgioscotoni@ya.ru

Аннотация. В статье рассказывается о концепции «клерикального фашизма» в связи с войной на советско-германском фронте. В отличие от германского национал-социализма, итальянская пропаганда для убеждения солдатской массы в необходимости войны против СССР использовала антибольшевистскую риторику Ватикана. При подготовке общественного мнения о «войне цивилизаций» пришлось отказаться от геополитических интересов и согласиться на вариант «клерикального фашизма». Органами режима были использованы лозунги религиозной риторики – «священный поход XX века», «война Европы против Анти-Европы», «война европейских цивилизаторов», и т.д. Пресса католической церкви, обличающая «богоборческую природу» коммунизма, стремится доказать, что нападение на СССР является «крестовым походом против безбожников». Священники и военные капелланы подчеркивали, что итальянские войска пришли на советский фронт не как агрессоры, а для того чтобы избавить людей от тирании большевизма и обратить Россию в христианство. При проведении этой задачи Ватикан призывает на военную службу и саму Мадонну. Таким образом, в результате клерикальной пропаганды между итальянскими военнослужащими и их союзниками существовала разница в мотивациях и моральном состоянии: итальянцы были движимы идеями прозелитизма и «восточной миссии» римской церкви.

Resume. The article summarizes the peculiar conceptions of «clerical fascism» about the war on the Soviet-German front. Unlike German nazism, Italian propaganda to convince mass of soldiers of the necessity to fight against USSR used the Vatican's anti-Bolshevik rhetoric. In orienting the public opinion toward the «war of civilizations» fascism had to abandon geopolitical interests and agree on the option of «clerical fascism». Organs of the regime used exactly the same slogans of religious rhetoric – «the Holy crusade of the twentieth century», «the war of Europe against Anti Europe», «the war of European civilizers», etc. Press of the Catholic Church, denouncing «godless nature» of communism, seek to prove that the attack on the USSR was a «crusade against the godless». The priests and military chaplains stressed that Italian troops reached the Soviet front is not as aggressors, but with the aim to free people from the tyranny of Bolshevism and to reconvert Russia to Christianity. When performing those challenges the Vatican calls for military service Madonna herself. Thus, in consequence of clerical propaganda among the Italian troops there was difference between morale and motivations of Italian soldiers and morale and motivations of their allies: the Italians were moved by the ideas of proselytism, of «Eastern mission» of the Church of Rome.

Ключевые слова: Вторая мировая война, католические церкви, клерикальный фашизм, итальянская антисоветская пропаганда.

Key words: Second World War, Catholic Church, clerical-fascism, Italian antisoviet propaganda

Руководству фашистского режима было известно, что после катастрофы в Восточной Африке и в войне против Греции итальянский народ не оказывал массовой поддержки милитаристской политике правительства. Не имея возможности дать убедительные объяснения увеличению итальянских контингентов на советском фронте, идеологи Муссолини добивались своих целей, используя антибольшевистскую риторику. Посылая войска в Россию, дуче не мог в очередной раз наполнять содержание своей пропаганды пустыми лозунгами об «итальянской империи» или о «войне против плутократических государств». Поэтому, для убеждения народа и солдатской массы в необходимости участия в новой военной авантюре, была разработана теория «крестового похода», возымевшая в Италии определенное влияние на общественное мнение.

Органы официальной пропаганды получили указание в срочном порядке внедрить мысль

о верности Италии старому знамени антикоммунизма и представить проводимую Осью войну на Востоке как «священный поход XX века против безбожников». Об этом свидетельствует распоряжение Министерства Народной Культуры («МинКульПоп»), а также деятельность Ватикана, приводившего наиболее обоснованные доводы в поддержку фашисткой пропаганды. В инструкциях, посылаемых главным редакторам итальянских газет, «МинКульПоп» ставил перед органами массовой информации следующие задачи: «Пресса должна видеть свое призвание в том, чтобы воспитывать народный дух против советского большевизма, который является самым веским аргументом, способным вызвать восторг и стихийную поддержку христианства и католической церкви» [1].

Таким образом, в отличие от германского фашизма, Муссолини в целях идеологического обоснования похода на Восток проводил пропаганду по вышеобозначенной линии. Для оправдания своих внешнеполитических действий он не использовал лозунг борьбы за «жизненное пространство», а делал упор, прежде всего, на ранее используемые постулаты «клерикального фашизма» [2].

Следует отметить, что тесные отношения с фашистским режимом у католической церкви существовали уже в течение длительного периода. После подписания в 1929 г. «Латеранских Соглашений» [3] католицизм, по сути, стал государственной религией. Папа Пий XI публично осудил «злодеяния безбожников-коммунистов» и создал в Риме специальный институт «Руссикум» по подготовке католических священников-миссионеров для работы в Советском Союзе. В момент присоединения Италии к Антикоминтерновскому пакту [4], в 1937 г., Пий XI выпустил энциклику "Божественный Искупитель" (*Divini Redemptoris*), обличающую «богоборческую природу» коммунизма.

«Поход на Восток» еще теснее сблизил церковное вероучение с идеологией фашизм. В тот момент, когда Италия вступила в антибольшевистскую военную коалицию, режим, вплетая свою идеологию в традиции католической церкви, создал атмосферу настоящего «крестового похода.

Фашизм хотел доказать, что нападение на СССР не является агрессией, а «войной цивилизаций», т.е. противником являются не советские народы, а исключительно большевистское правительство; следовательно, итальянские войска пришли в Россию не как враг, а, напротив, они стремятся избавить людей от советской тирании [5].

Пресса католической церкви поддержала гитлеровскую экспансию на Востоке мессианскими призывами к «освобождению народов СССР от ига атеизма». В любом случае, важно было выделять сообщения исключительно о жестокостях Красной Армии. Орган иезуитов, журнал «Католическая Цивилизация», мотивировал «неизбежный конфликт с русским большевизмом» тезисом Гитлера о «превентивной войне» [6], и приветствовал операцию «Барбаросса» как решающую битву христианской Европы против безбожников, «священную войну, в которой фашистская Италия играет центральную роль» [7].

---

[1] Транфагля Н. «Ministri e giornalisti: la guerra e il Minculpop (1939-1943)» (Министры и журналисты: война и МинКулПоп (1939-1943 гг.). Турин, 2005. С. 78.

[2] Так называемый «клерикальный фашизм» это своеобразный религиозный интегрализм. Клерикальный фашизм основывает католическую религию на фашистской идеологии в традициях анти-модернизма, с критикой в адрес общества, рожденного от Французской революции и с отказом идеей эмансипации личности (либерализм) и классов (марксизм). Он постулирует органическое 'сообщество'. Среди его лучших сторонников был иезуит Агостино Джемелли, основатель Католического Университета Милана.

[3] В 1929 г. Муссолини, названный римским папой «человеком, посланным Провидением», заключил с Пием XI конкордат, положивший конец семидесятилетнему политико-юридическому конфликту между Ватиканом и Италией. В 1933 г. Ватикан заключил конкордат с Гитлером и в 1935 г. встал на сторону «цивилизаторов» в колониальной войне в Восточной Африке (Пий XI создал новый институт в Риме – названный «Эфиопикум» - для подготовки миссионеров, назначаемых в колонии). Затем во время войны в Испании католическая церковь открыто объединилась с фашистами против «антирелигиозных республиканцев». Пий XII (E. Pacelli 1876 – 1958) продолжал деятельность предшественника и осуждал коммунизм в своих выступлениях.

[4] Военно-политический пакт, заключенный 25.11.1936 г. между Германией и Японией, был направлен против «действий Коминтерна». В 1937 г. к пакту присоединилась Италия и в 1939 г. Испания, Венгрия и Маньчжоу-Го. К пакту 1936 г., который вновь вошел в силу в связи с нападением на СССР, 25 ноября 1941 г. присоединились Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия, Болгария, Дания и Нанкинский Китай.

[5] Государственный архив Воронежской области (ГАВО) Ф. 2100. Оп. 1. Д.376 Л.1, 140б-15 «Пехотинец в степям» в: "Журнал путешествий",(*Giornale dei viaggi),* 1.11.1942 г.

[6] «В то время как Германия, в соответствии с духом германо-советского договора дружбы, сняла с Восточного фронта своих вооруженных сил, Россия начала группирование в угрожающей манере. Поэтому не надо было оставить без защиты восточные границы (...) И в это время Москва наступила на условностей завета дружбы, лицемерно заявила чувства мира и дружбы. Поэтому пора выйти вперед, чтобы действовать против иудео-английской клики, поджигателя войны в сговоре с евреями в большевистской центре Москвы. От Северного Ледовитого океана немецкие солдаты вместе с финнами борятся за свободу своей страны. Из Восточной Пруссии до Карпат развернута немецкая армия на Восточном фронте. На берегах Прута до Черного моря Румынские и немецкие солдаты сосредоточены под командованием Антонеску. Сейчас не время защитить отдельные страны, а время защитить безопасность Европы, общее спасение» в: «La Civiltà Cattolica» (Католическая Цивилизация), июль 1941 г. , том. III, вестник. 2187, с.79.

[7] «За четверть века сума ненависти «безбожников» и «против Бога» бушует со всеми зверскими и бесчеловечными средствами, чтобы сломать десять веков христианства и цивилизации среди людей, которые были в христианстве, несмотря на отклонения восточного схизма. После двадцати пяти лет преследования продолжаются (...) Там до сих пор стоят в створок немногие, но оскверненные, церкви: Василий Блаженного, Святой Кремль. В их тени приседает основная часть гробницы бесславного Ленина, памятник которого был возведен антихристом, по стилю тяжелого искусства материализма. Странный признак психической дезориентации народа разработали атеисты; это могила, к которой стекаются народы России в организовано впечатляющем паломничестве. Они падают ниц перед мумифицированным трупом наиболее уголовного всей истории атеиста, они убеждены, что он один из святых , которым поклоняются предки после долгих паломничеств». Пеллегрино Ф. «L'attacco a fondo dell'ateismo sovietico» (Окончательная атака советского атеизма) в: "La Civiltà Cattolica", июль 1941 г., том. III, вестник. 2187 с.169-181.

Журнал «Христианская семья» поощряет борьбу со ссылкой от *Mein Kampf*: «Итак, священная война началась! Вся католическая община и христианский мир смотрят на Германию, на Италию и на другие государства, поднявшие оружие против России, как на защитников христианской цивилизации. «Шайка головорезов», как сказал Гитлер, которая двадцать пять лет заставляла почти сто восемьдесят миллионов человек жить в атеизме и в духовном идиотизме, давая в обмен красную тряпку и зловещий марксистский материализм, должна почувствовать, что вместо мировой революции близится спасение европейской цивилизации и свобода вероисповедания. Поэтому попросим Бога, чтобы как можно скорее наступил момент для восстановления порядка. Мы уверены, что это будет означать возвращение креста Христова на золотые купола ста церквей Кремля, позорно осквернённых большевизмом» [8].

Руководители режима в пропагандистских тезисах придавали большое значение опыту, полученному во время интервенции Италии в Испании в 1936 г. Это не случайно, так как заключение «пакта о взаимопомощи» между Муссолини и Ватиканом совпало с гражданской войной в Испании. После борьбы против «красных» в Испании на фашизм была возложена «конкретная историческая ответственность». Защита религии и мировой цивилизации послужили одной из главных причин интервенции против «безбожников». Как в войнах в Абиссинии (обратившейся в веру Рима) и Испании (которую Ось спасала от опасности коммунизма), так и в СССР Италия считала своим долгом избавить христиан от ига атеизма.

Для Муссолини очень важно было подчеркнуть идеологическое первенство фашистского режима над Германией. Документы наглядно свидетельствуют об этом направлении его пропаганды: «Если бы не было похода на Рим сегодня, то не было бы марша на Москву», «Первый выстрел для прекращения безумия большевиков был сделан в Милане, в апреле 1919 года», «Двадцать лет народы земли сотрясаются этой альтернативой, этой железной дилеммой: Фашизм или большевизм, Рим или Москва» [9].

В указании к поведению итальянских войск идеологическая основа войны подчеркивается следующим образом: «Вы, итальянские солдаты Восточного фронта, помните, что сегодня не было бы похода на Москву, который несомненно принесет победу, если бы двадцать лет назад не было похода на Рим, если бы мы первыми среди первых не подняли знамя антибольшевизма. Борьба против России для нас историческая необходимость: помните, что уже в 1854 году пьемонтские берсальеры генерала Ламармора разгромили русских в Крыму; помните, что мы боролись против большевизма во время Марша на Рим, а затем и в Испании. Сегодня идет продолжение той же войны, войны с целью создания мирной и процветающей «Новой Европы».

При проведении славной задачи надо сохранять серьезность, дисциплинированность и вежливость, надо с гордостью соблюдать обычаи и пользоваться привилегиями, предоставленными благородными традициями нашего народа (...) Где бы вы ни были и ни будете, всегда соблюдайте местные обычаи и в особенности различные религиозные убеждения. Уважайте целостность семьи, обращайтесь с уважением к женщинам стран, принимающих вас или находящихся в зоне оккупации итальянских Вооруженных Сил. В магазинах, как и в общественных местах, будьте всегда корректными и воспитанными. В целом ваше поведение должно внушать иностранцам приятное чувство спокойствия и порядка. Помните всегда, что вы – солдаты Италии, и в глазах друзей, союзников, а также в глазах врагов представляете Италию. Таким образом, вы служите делу фашистской родины и только так вы сможете показать всему миру, что вы на самом деле являетесь носителями цивилизации» [10].

При подготовке общественного мнения о России лозунгу о «крестовом походе против большевизма» альтернативы не существовало. Брошюры, выпущенные пропагандистским органом партии [11] – Национальным институтом фашистской культуры (*Istituto Nazionale di Cultura Fascista*, ИНКФ) – наглядно свидетельствуют, что традиционная пропаганда не смогла бы привести ни одного конкретного аргумента в пользу участия Италии в войне против СССР. Пришлось отказаться от геополитических интересов и согласиться на вариант с использованием религиозной риторики.

Католические священники подчеркивали «справедливый характер войны» и благословили «борьбу европейских цивилизаторов против безбожников». Сотни капелланов пошли добровольцами на восточный фронт – лишь в июле поступили на военную службу ради участия в «крестовом походе» 200 капелланов. Таким образом, идеологическое и нравственное управление армией было не только в руках у органов массовой информации и отдела пропаганды вооруженных сил. Капелланы исполняли не только церковные, но и офицерские обязанности. На них возлагалась особая

---

[8] “Famiglia cristiana” (Христианская семья), «Una spada in difesa della civiltà» (Меч в защиту цивилизации), 6.07.1941 г.

[9] Прикз n. 1 от 8.07.1941 г. командования итальянского экспедиционного корпуса в России уточнил: “Это Армия Италии, где фашизм родился и вырос. Он всегда боролся и бороется сегодня, во второй раз с оружиями, против большевизма.” В: Рати А. « L’80° Fanteria della divisione Pasubio» (80-й пехотни полк дивизии Пасубио), Мантова, 2005. С. 60.

[10] ГАВО Ф. Р–2100. Оп. 1. Д.77. Л.1 ч. 1-4 «Война против Советской России».

[11] Карневари Е. «Considerazioni su due anni di guerra» (Соображения о двух годах войны), Рим, ИНСФ, n.1, 07.1942 г.; «Origini della politica estera sovietica» (Источники советской внешней политики) Рим, ИНСФ, n. 4, 09.1942 г.; «Bolscevismo e plutocrazia», (Большевизм и плутократии) Рим, ИНСФ, n. 4, 09.1942 г.

ответственность за воспитание правильного морального духа среди военнослужащих.

Не вдаваясь в подробности «восточной миссии» римской католической церкви, следует отметить, что в итальянских вооруженных силах вместе со специалистами по пропаганде в деле внушения принципов «крестового похода» принимали участие и военные капелланы. Именно они должны были мотивировать солдат мессианскими призывами «осчастливить» восточные народы. Капелланы убеждали итальянских солдат, воевавших на советском фронте, в том, что те несут двойную миссию, военную и экуменическую, будучи также посланниками римской веры.

Рождественские проповеди 1941 года капеллана КСИРа Альфонсо Монтабоне сохранились в российских архивах. Иезуит так призывает своих солдат: «Тогда, когда снег превратится в лед, или вам будет не хватать угля, еще ярче должна загореться щедрая и неослабевающая преданность в ваших сердцах. Легионер, шедший из Рима, не знал, что вдоль пути от имперского центра проложены следы апостолов царства Божьего. Христос следовал за ними. Вы, воины Рима и Христа, должны помнить о вашей двойной миссии: куда бы ни прибыли солдаты цезаря, повсюду они ощущают справедливость и силу Рима; куда бы ни прибыли апостолы Иисуса, повсюду с ними благое дело и Христианская кротость. Не следуйте, а сопровождайте Христа, ибо вы сравни апостолам, с вами Сын Божий и Божественный Дух. [...] И вы укажите на путь Церковный тем, кто еще вчера был безбожником» [12].

Как отметил Ревелли, «конечно, сострадание, которое католическая церковь испытывает к русскому народу, делает ее отношение к русским более человечным. Но это сострадание неоднозначно, это сострадание солдата-христианина, идущего против страждущего с оружием в руках, получив благословение капеллана во имя борьбы за прогресс и цивилизацию. Большевизм – дело рук антихриста, доказательство чего упрощает работу капелланов: военные священники показывают на церкви, осквернённые и уничтоженные, и призывают к мести. Даже дети-сироты и беспризорные, по мнению капелланов, – это результат прогнившего общества, которое необходимо обратить в христианство» [13].

На антибольшевистском крестовом походе идеология «клерикального фашизма" призывает на военную службу и саму Мадонну.

В начале года Ватикан раскрывает тайну так называемого Второго Пророчества Фатимы. Дева Мария предрекла, что война будет средством, с помощью которого Бог накажет человечество за его преступления. Чтобы положить этому конец, Богородица просит Папу возвратить СССР в лоно христианства и приблизить к сердцу Марии. «Если мои просьбы будут исполнены, то Россия обратится к христианству и настанет Мир; если же нет, то она распространит террор по всему миру, разжигая войны и гонения на Церковь. Добрые люди примут мученичество, Святой Отец испытает глубокие страдания, многие народы будут уничтожены. В конце концов, Чистое Сердце Мое восторжествует. Святой Отец посвятит Россию Мне, и она обратится в христианство, а земле будет дарован Мир» [14].

Так на Пасху 1942 г. «Общество Царства Бога, созданное отцом Джемелли, послало итальянским войскам на русском фронте 120 центнеров книг религиозного содержания, коронок, «святых», распятий, медальонов с изображением Девы Марии» [15].

Тогда, 31 октября 1942 года, в разгар наступления на Волге, в радиосообщении, посвященном 25-й годовщине явления Богоматери в Фатиме, в действительности Пий XII призвал к миру во имя Непорочного Сердца Марии. Ссылаясь на обет, данный им в мае 1936 г., в обмен на сохранение Пиренейского полуострова, «охваченного антихристианской и антинациональной метелью (...) с нависшей над ним угрозой красного террора, столь неожиданно предотвращенного», Папа помолился Богоматери, упомянув в частности о России, «о народах, разделенных из-за ошибок и разногласия и, в особенности, о тех, кто исповедует искреннюю преданность Вам (*Богоматери, прим. авт.*), и в чьих в домах почитается Ваша святая икона (теперь скрытая и хранимая для лучших времен). Папа молил дать им мир и вернуть их под единую сень Христа» [16].

---

[12] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф Ф.500, Оп.6, Д.153, Л.75-75об. "Рождественская молитва капеллана командования железных дорог Востока

[13] Ревелли Н. «Ultimo fronte» (Последний фронт), Турин, 1971. С. 82.

[14] Беседы и Радио Послания Святейшего Пий XII, вып. IV, с. 253-262, пер. ан., Деяния и речи Пия XII, вып. IV, с января по декабрь 1942 года, Институт миссионерского общества святого Павла, Рим, 1943. С. 263-272.

[15] Антонелли К., Филоненко С.И., указ. соч. (Победа! Мы победим! Открытки на русском фронте 1941-1942 гг.) С. 69.

[16] Беседы и Радио Послания Святейшего Пия XII, вып. IV, с. 253-262, Следует отметить, что Православная Церковь отвергает идею Освящение России, так как страна является христианской уже тысячу лет, в то время как фраза "Россия будет преобразована," подразумевает преобразование от православия в католичество. В богословском комментарии к Фатиме, написанном Йозефом Ратцингером, Папа Бенедикт XVI говорит, что смысл фразы является трансцендентным, т.е. означает преобразование сердца. В любом случае, в 1942 году католические прелаты во Франции, Голландии и Англии относительно освящения сказали, что оно означает, наоборот, что Россия является про-союзником. «Кардинал Хинсли, Вестминстерский архиепископ, написал в пастырском послании: Святейший Отец намекает на Россию, народ которой в настоящее время героически защищает свою родину от захватчиков. Для России, Господа молим каждый день.» "La Stampa" 26.6.2000 г.

УДК 98; 903

РОЛЬ МЕСТНЫХ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ЭВАКУАЦИОННЫХ ПУНКТОВ В СИСТЕМЕ ГОСПИТАЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ В 1941–1945 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОСПИТАЛЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА)

THE ROLE OF LOCAL AND DISTRIBUTIVE EVACUATION STATIONS AT THE SYSTEM OF THE HOSPITAL TREATMENT IN 1941-1945 (BY THE EXAMPLE OF THE SOUTHERN URAL HOSPITALS)

А.Г. Алятина, Н.А. Дегтярева
A.G. Alyatina, N.A. Degtyareva

Оренбургский государственный университет, Россия, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13

Orenburg State University, 13, Avenue Pobedy, Orenburg, 460018, Russia

e-mail: Degtjareva-nata@rambler.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность местных и распределительных эвакуационных пунктов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Анализируется прием и сортировка раненых, оказание медицинской помощи и лечение красноармейцев. Авторы проследили процесс формирования и переформирования местных и распределительных эвакопунктов. Выявлены проблемы и просчеты командования в распределении раненых и больных воинов по госпиталям региона.

*Resume.*This article considers the activity of local and distributive evacuation stations in the Southern Ural during the Great Patriotic War (1941-1945). The reception and the sorting of the wounded, medical care and the treatment of Red Army soldiers were analyzed. The authors have followed the process of the formation and reformation of local and distributive evaluation stations. The problems and failures of the command in the wounded and sick soldiers disturbing at the region hospitals were revealed.

Ключевые слова: местный и распределительный эвакуационный пункт, раненый красноармеец, эвакуационный госпиталь, Южный Урал.

Key words: the local and distributive evacuation station, the wounded Red Army soldier, the evacuation hospital, the Southern Ural.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась одним из самых тяжелых испытаний для советского народа. С первых ее дней жизнь страны переходила на военный лад. Одним из компонентов программы военной перестройки стала целенаправленная деятельность по организации необходимой помощи раненым красноармейцам. Следуя указаниям ЦК ВКП(б), к этому активно подключились партийные и общественные структуры Южного Урала.

Необходимо отметить, что в условиях масштабной и длительной войны огромную роль играет эффективность излечивания раненых воинов. Уровень госпитального лечения может оказаться важным фактором как победы, так и поражения в войне. Об этом свидетельствует опыт многих войн XIX–XX веков, в том числе Великой Отечественной.

В 1930-е годы советские военные медики разработали и закрепили в Уставе военно-санитарной службы РККА (1933 г.) [1] принцип этапного обслуживания пострадавших в бою, основанный на преемственном и последовательном оказании раненым всех видов медицинской помощи, эвакуации по назначению. В соответствие с ним в предвоенные годы провели структурное переустройство и техническое переоснащение медицинской службы Красной Армии.

Система этапного лечения состояла из нескольких взаимосвязанных частей. Первую помощь раненые нередко получали сразу же в районе боевых действий. Тяжесть ранения определяла их направление в медсанбаты, а затем – в полевые передвижные госпитали первой линии, где проводились операции. По мере необходимости, если требовались более сложные операции, раненых эвакуировали во фронтовые и армейские госпитали. Окончательное долечивание происходило в эвакогоспиталях глубокого тыла [2]. Таким образом, эвакогоспитали занимали важное место в системе этапного лечения.

[1] Устав военно-санитарной службы РККА (войсковой район). М. – Л., 1933. С. 23.

[2] Гладких П.Ф. Очерки истории отечественной военной медицины // Служба здоровья в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.; под ред. Б.В. Гайдара. СПб., 2005. С. 45.

На Южном Урале развернули госпитали системы Народных комиссариатов обороны (НКО) СССР, здравоохранения (НКЗ) СССР, Всероссийского центрального союза профессиональных союзов (ВЦСПС), полевые подвижные госпитали, госпитали для военнопленных. На территории Южного Урала в годы Великой Отечественной войны сложилась мощная госпитальная сеть в количестве 192 госпиталей.

Госпитальные базы страны – это совокупность эвакуационных госпиталей различного профиля и емкости, а также частей и подразделений их обслуживания и обеспечения, развернутых во время войны за пределами оперативного тыла для приема и лечения раненых и больных из действующей армии. Организацией перемещения ранбольных в эвакуационные госпитали, а также постановкой лечебно-эвакуационного процесса в госпитальных базах ведали органы ГВСУ Красной Армии, управления распределительных, местных эвакопунктов и начальники медицинской службы военных округов [3].

Изменение обстановки и характера боевых действий на обеспечиваемых фронтах нередко существенно влияло на характер и объем деятельности госпитальных баз, вплоть до необходимости дополнительного развертывания или свертывания госпиталей, изменения их емкости, профиля или места размещения. Требовали организации и контроля постановка военно-врачебной экспертизы в эвакогоспиталях, соблюдение сроков лечения и порядка выписки завершивших лечение раненых и больных. В интересах этих и некоторых других сторон деятельности госпиталей, а также с целью обеспечения их военно-хозяйственным имуществом тыловые эвакогоспитали объединялись под руководством военных органов – управлений местных и распределительных эвакопунктов (УМЭП, УРЭП). Местный эвакопункт представлял собою объединение эвакогоспиталей в административном районе или области, располагавшее лечебными учреждениями различного профиля. Количество, структура и специализация коек в них обеспечивали прием, сортировку, оказание медицинской помощи и лечение всех категорий поступающих раненых и больных [4]. Распределительный эвакопункт (РЭП) – орган руководства эвакуацией ранбольных из действующей армии в местные эвакопункты, а также орган оперативного руководства госпитальными базами (местными эвакопунктами) тыла страны.

Госпитали Чкаловской области подчинялись местному эвакуационному пункту (МЭП) 110, который сформировали 5 июля 1941 г. в г. Новгороде. В конце июля 1941 г. его перевели в г. Рыбинск, а оттуда 26 августа того же года передислоцировали в г. Чкалов. Таким образом, в систему МЭП 110 включили 27 эвакогоспиталей (14200 коек) Чкаловской области. С января 1942 г. в связи с образованием Южно-Уральского военного округа в состав МЭП 110 вошли госпитали Актюбинской, Западно-Казахстанской и Гурьевской областей. В конце января 1942 г. группа госпиталей гг. Бугуруслана и Абдулино (Чкаловская область) перешла в ведение МЭП 97 (г. Уфа) [5]. В сентябре 1942 г. МЭП 110 переформировали в распределительный эвакопункт (РЭП) 110, на который возложили функции по разгрузке госпитальной базы Сталинградского фронта. Руководили РЭП 110 военврач 1 ранга О.М. Граев, военком – батальонный комиссар А.А. Попов [6], помощник начальника по снабжению – интендант 3-го ранга С.Т. Терегулов. В течение сентября–октября 1942 г. РЭП осуществил Гурьевский эвакуационный маневр. Для этого в г. Гурьеве организовали оперативную группу в составе руководящих работников управления РЭП 110 и создали приемно-сортировочную базу в количестве 2100 коек, из них 1100 за счет стационарных госпиталей г. Гурьева и 1000 коек за счет передислокации эвакогоспиталя №1383 (500 коек) со ст. Теренсай (Чкаловская область) и эвакогоспиталя №2102 (500 коек) из Астрахани [7]. В мае 1943 г. в связи с изменением обстановки на фронте РЭП 110 переименовали в МЭП 45 (начальник – подполковник Шерстнев, начальник эвакоотдела – майор Лихтенштейн), который в декабре 1944 г. перевели в г. Киев [8].

Челябинская область входила в МЭП 98 (Челябинская, Курганская, часть Кустанайской области), сформированный по мобилизационному плану 29 июня 1941 г. по штату 026/276 – 1939 г. До 8 октября 1944 г. управление МЭП 98 находилось в Челябинске, после чего было передислоцировано в БССР в г. Ново-Белица Гомельской области и поступило в оперативное подчинение санитарного отдела Белорусско-Литовского военного округа. Практическая работа МЭП 98 на территории Белоруссии началась 9 ноября 1944 г.

В начале Великой Отечественной войны МЭП 98 обслуживал ранбольных, поступающих с северных участков фронта (Ленинградского, Волховского, Карельского). Военно-санитарные поезда поступали в МЭП 98 по специально намеченному Главным военно-санитарным управлением Красной Армии маршруту № 1: Ленинград – Волховстрой – Вологда – Киров – Пермь – Свердловск – Курган и далее на Восток. В последующие периоды войны ВСП прибывали с различных

---

[3] Ходорков Л.А. Лечебно-эвакуационное обеспечение Красной Армии в Великую Отечественную войну // Военно-медицинский журнал. 1970. № 5. С. 16

[4] Высшая медицинская школа в СССР. М., 1973. С. 156.

[5] Архив военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (АВММ) Ф. 263. Оп. 44238. Д. 2. Л. 1.

[6] Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО) Ф. 267. Оп. 15. Д. 139. Л. 40.

[7] АВММ. Ф. 263. Оп. 44635. Д. 2. Л. 1.

[8] Там же. Оп. 1905. Д. 1. Л. 2; Оп. 44238. Д. 2. Л. 1; ЦДНИОО Ф. 267. Оп. 15. Д. 139. Л. 40.

фронтов (Центрального, Западного, Юго-Западного, Южного, Донского, Сталинградского и др.) Если военно-санитарные поезда первого года войны поступали со своевременным оповещением о направлении под разгрузку и о поступлении на Южно-Уральскую железную дорогу, то для последующих ВСП точные маршруты следования не устанавливались [9].

Формирование управления МЭП 98 осуществлялось призванным из запаса военврачом 2-го ранга А.А. Барышевым (впоследствии майор медицинской службы). Первое время он исполнял обязанности начальника управления МЭП 98. В июле 1941 г. на эту должность назначили военврача 2-го ранга Б.П. Славуцкого, а с ноября 1941 г. до дня расформирования эту должность занимал полковник медицинской службы Г.А. Чулков. Григорий Алексеевич Чулков – из семьи служащих, родился в 1889 г. в г. Минеральные воды. С 1941 по 1944 гг. – начальник управления МЭП 98. С 17 марта 1945 г. – начальник военной кафедры Киргизского медицинского института. В 1948 г. уволен в запас [10].

На протяжении Великой Отечественной войны всей сортировочно-эвакуационной работой МЭП 98 руководил начальник 1-го эвакуационного отдела, майор медслужбы А.А. Барышев. Лечебная работа эвакогоспиталей, входящих в систему МЭП 98, находилась под контролем подполковника медслужбы И.И. Морозкина. При передислокации управления МЭП в БССР эти обязанности выполнял подполковник медслужбы С.Н. Рохлин. Большую помощь в работы эвакогоспиталей оказывали инспекторы-специалисты лечебного отдела МЭП 98, профессора М.А. Хазанов, Г.Х. Карпилов, Д.С. Калмановский, доктор медицинских наук А.Я. Губенгриц, кандидаты медицинских наук Фундылер, Б.С. Гиппенрейтер, старший инспектор – хирург А.И. Богатов. Врачебно-экспертная комиссия МЭП 98 наряду со своей основной работой привлекалась к инспекторской деятельности. В нее входили майор медслужбы, невропатолог В.И. Малофеев (председатель до передислокации МЭП), майор медслужбы, хирург П.А. Постников (председатель), а также члены комиссии окулист Б.Г. Лайхтер, терапевт К.Г. Печенкин, хирург Бишко. Финансово-хозяйственной деятельностью эвакогоспиталей занимался старший лейтенант В.А. Исаков, обеспечением медицинским имуществом – капитан Л.А. Митлина [11].

Местные эвакопункты контролировали сортировочно-эвакуационную работу. Ранбольные прибывали в госпитали Южного Урала на военно-санитарных поездах (ВСП) в количестве 400–500 человек [12]. Например, первый ВСП в Челябинской области прибыл 22 июля 1941 г. на станцию Челябинск [13].

Мощным санитарно-транспортным узлом в военные годы являлся г. Чкалов. Через него осуществлялась эвакуация ранбольных в различных направлениях Средне-Азиатского, Сибирского, Уральского и других военных округов. Расположение г. Чкалова на перекрестке железнодорожных путей, связывающих фронт с основными тыловыми госпитальными базами Средней Азии и Сибири, обусловило большой приток ВСП по Оренбургской железной дороге. Так, зимой 1942–1943 гг. Оренбургский транспортный узел обслуживал основные операции войск Сталинградского, Донского, Воронежского и Юго-Западного фронтов. За это время по Оренбургской дороге прошло 257 ВСП. Движение военно-санитарных поездов осуществлялось неравномерно, поэтому в отдельные дни на Оренбургском узле скапливалось в течение суток до двух десятков ВСП [14].

В начале Великой Отечественной войны в Чкаловской области функции сортировочного выполнял госпиталь НКО № 359 [15]. Его приемное отделение с санпропускником на 300 коек располагалось в 200 метрах от железнодорожного вокзала. С 3 марта 1943 г. госпиталь начал обслуживать больных местного гарнизона [16]. Организацию сортировки ранбольных возложили на сортировочный эвакогоспиталь (СЭГ) № 1656 (г. Чкалов) [17], насчитывающий 770 мест и располагавшийся в центре города на асфальтированной магистрали в трех километрах от железнодорожного вокзала. Своего санитарного автотранспорта для разгрузки ВСП администрация госпиталя не имела. Прием ранбольных происходил в большом дворе госпиталя, огороженном корпусами и подсобными постройками. В среднем санпропускник госпиталя в час обслуживал 20–25 человек [18].

В Челябинской области выделяют 7 наиболее крупных сортировочных пунктов: Челябинск (№ 1724, № 385), Магнитогорск (№ 1128), Златоуст (№ 2191), Курган (№ 1729), Троицк, Кыштым (№ 3124) и Шадринск. В мае 1942 г. они приняли 69, 5% всех поступивших за этот месяц больных, их них 99, 1% носилочных [19].

---

[9] АВММ. Ф. 289. Оп. 8023. Д. 1. Л. 51.
[10] Там же. Ф. 289. Оп. 8023. Д. 1. Л. 51.
[11] Там же. Л. 2.
[12] Дубравин А.Н. Транспорт и война. Оренбургская железная дорога в Великой Отечественной войне 1941 – 1943 гг. Оренбург, 2007. С. 144.
[13] АВММ. Ф. 289. Оп. 8023. Д. 1. Л. 8.
[14] Там же. Ф. 263. Оп. 1905. Д. 1. Л. 1.
[15] Федорова, А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 93.
[16] АВММ. Ф. 263. Оп. 1905. Д. 1. Л. 7.
[17] ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 579. Л. 67.
[18] АВММ. Ф. 263. Оп. 1905. Д. 1. Л. 7.
[19] Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р – 465. Оп. 1. Д. 270. Л. 1; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.П – 288. Оп. 6. Д. 270. Л. 38.

Так, Челябинский прирельсовый приемник помещался в деревянном здании барачного типа на территории так называемого переселенческого пункта в 2,5 км от вокзала. Помещение эвакоприемника, расположенного у открытой рампы, вмещало 80 носилочных и 100 сидячих ранбольных. Штат состоял из начальника сортировочного госпиталя, четырех медсестер и 10 санитаров-носильщиков. Транспортировка раненых производилась машинами МЭП 98 («ЗИС – 8», «ЗИС – 18») [20].

Изношенность автотранспорта затрудняла работу сортировочных госпиталей по переброске ранбольных с пунктов приема в госпитали. Распределение раненых по специальным госпиталям осложнялось плохой сортировкой их во время следования ВСП и отсутствием в распоряжении эвакопунктов железнодорожной санлетучки для проведения внутриобластной эвакуации [21]. В Курганской области сортировочное отделение организовали в апреле 1943 г. В основном сортировочные госпитали Южного Урала располагались от 0,5 до 3 км от железной дороги [22].

Прием раненых с ВСП вел начальник госпиталя или его заместитель по медицинской части. Они следили за тем, чтобы ранбольных направляли в специализированные госпитали в соответствии с характером поражения. Все раненые проходили через сортировочный госпиталь и направлялись в специализированные. Однако и здесь наблюдались трудности в связи с хронической перегрузкой последних, превышением потока поступающих в госпитали раненых над выписанными, наличием ранбольных, поступающих в индивидуальном порядке, а также с прибытием внеплановых санитарных поездов [23].

Местные эвакопункты организовывали снабжение военно-санитарных поездов продуктами, медикаментами, обменным фондом. Так, часто в пути следования по нарядам МЭП 98 для эвакогоспиталей отпускались продукты питания, вещевое довольствие для военнослужащих. Местный эвакопункт обеспечивал эвакогоспитали ордерами для проезда по железной дороге для военнослужащих, выбывающих из госпиталя [24]. Сеть военно-продовольственных пунктов в Чкаловской области располагалась на станциях Бузулук, Оренбург, Соль-Илецк. Они снабжали проходящие ВСП всеми видами довольствия. Перебои с поставками возникали лишь в зимние месяцы. Несмотря на значительное количество ВСП, на Южном Урале больших затруднений в их снабжении не отмечалось [25].

В начале войны разгрузка военно-санитарных поездов на станциях проходила в очень тяжелых условиях. Поезда прибывали ночью. Разгружали их в основном женщины. Врач-нейрохирург чкаловского госпиталя №4405 Л.И. Красильникова вспоминает: «В госпитале лежали тяжелораненые: ампутированные, раненые в живот. Каждую ночь приходили эшелоны, и тогда собирались жители, которые хотели помочь нам переносить раненых. И день, и ночь мы проводили в госпитале: оформляли, перевязывали, убирали, мыли, не выходя по 3–4 дня. Дочку я не видела сутками» [26].

Наблюдались и срывы в приеме поездов. Так, Абдулинский райком ВКП(б) и райисполком не организовали приема ВСП № 43 с тяжелоранеными, и он простоял под выгрузкой с 23 часов 27 июля до 7 часов 28 июля 1941 г. Руководящие работники райкома и райисполкома на вокзале отсутствовали, а служащие станции около 3-х часов решали вопрос о том, на какой путь можно принять поезд [27]. Со временем ситуация улучшилась. Помещения эвакоприемника оборудовали местами для самостоятельно передвигающихся раненых, а также отдельными комнатами для размещения носилочных ранбольных [28]. Дежурили врач и медсестры – представители эвакопункта, были организованы буфеты для раненых [29]. Для выгрузки раненых с ВСП привлекали курсантов школы, санинструкторов, сандружинниц.

За годы Великой Отечественной войны большее количество военно-санитарного транспорта с прибывающими ранеными на Южный Урал разгружалось силами сандружинниц и активистами Красного Креста [30]. Чкаловский сортировочный госпиталь № 1656 в 1943 г. принял 113 военно-санитарных поездов, в 1944 г. – 92, в 1945 г. – 19. В 1943 г. через него прошло 12 803 человека, а всего за военные годы – 22424 раненых. За время работы сортировочного госпиталя к местам дальнейшего лечения направили 20291 человек [31]. Всего медиками Южного Урала в течение 1941–1943 годов принято около 500 военно-санитарных поездов (почти 220 тысяч раненых, в том числе

[20] АВММ. Ф. 289. Оп. 8023. Д. 1. Л. 65.
[21] ОГАЧО. Ф. П – 288. Оп. 6. Д. 270. Л. 37.
[22] АВММ. Ф. 263. Оп. 1905. Д. 1. Л. 7.
[23] ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 627. Л. 1.
[24] ОГАЧО. Ф. П – 288-к. Оп. 3. Д. 184. Л. 21.
[25] АВММ. Ф. 263. Оп. 1905. Д. 1. Л. 2.
[26] Дегтярева Н.А. Из истории оренбургских госпиталей: матер. Урал. науч. форума «Война. Культура. Победа». Челябинск, 2005. Ч. 1. С. 79 – 81.
[27] ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 511. Л. 12; Знамя Коммуны. Абдулинский район. 1942. 12 января. С. 2.
[28] АВММ. Ф. 263. Оп. 1905. Д. 1. Л. 7.
[29] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 603. Оп. 1. Д. 12. Л. 12 об.
[30] Об использовании в эвакогоспиталях санитарно-оборонных кадров, подготовленных СОКК и КП // Советское здравоохранение. 1942. № 3 – 4. С. 59.
[31] АВММ. Ф. 1024. Оп. 60404. Д. 1. Л. 39 – 40.

36,3% носилочных), переадресовано в другие области – 73 ВСП [32]. В Челябинскую область за весь военный период поступило 537 ВСП, которые доставили 237696 ранбольных, из которых 89107 – носилочные (37,5%) [33].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в связи с большим количеством раненых, основной задачей руководства тыловых областей и работников здравоохранения стало развертывание широкой сети госпиталей. Очевидно, что в годы Великой Отечественной войны на территории Южного Урала сформировалась мощная госпитальная сеть. Особенностями процесса размещения эвакогоспиталей на Южном Урале стало то, что вся работа по формированию и оснащению госпиталей рассматриваемого региона проходила в два этапа, соответственно основному и дополнительному планам. Создание и устройство госпиталей 1-го формирования основывалось на мобилизационных планах мирного времени. При определении сроков их развертывания исходили из того, что заранее определяли помещения, план эвакуации организаций, составляли проекты ремонтно-строительных работ. Основная часть госпиталей располагалась в зданиях школ, техникумов и институтов.

Дополнительное развертывание сети госпиталей было связано с рядом серьезных трудностей и требовало значительных материальных затрат. Формирование госпиталей второй очереди происходило, в основном, на базе медицинских учреждений гражданского здравоохранения.

Тыловые эвакогоспитали объединялись под руководством военных органов – управлений местных и распределительных эвакопунктов (УМЭП, УРЭП). Местные эвакопункты контролировали сортировочно-эвакуационную работу. Ранбольные в госпитали Южного Урала прибывали на военно-санитарных поездах в количестве 400–500 человек. Сортировка раненых проходила на таких крупных станциях, как Чкалов, Бузулук, Соль-Илецк, Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Курган, Троицк, Кыштым и Шадринск.

В создании и функционировании госпиталей на территории Южного Урала можно выделить несколько этапов, в зависимости от военной обстановки на фронтах войны. На протяжении первых двух военных лет количество госпиталей заметно возросло, достигнув своего пика в конце 1941 г. – начале 1942 г. Затем их число значительно снизилось. Однако с окончанием войны лечение раненых не прекратилось. Были образованы госпитали и санатории для инвалидов. В 1941–1945 гг. в исследуемом регионе происходила активная межобластная и внутриобластная передислокация госпиталей. Всего южноуральские области отправили на фронт 39 госпиталей. Одновременно на Южном Урале сформировали 13 хирургических полевых подвижных госпиталей для Красной Армии. Организация работы госпиталей находилась под контролем центральных и местных партийных советских органов и военных учреждений. Нормальное функционирование столь мощной госпитальной сети требовало привлечения огромных материальных ресурсов, а также помощи со стороны общественности. Эффективная деятельность огромного количества госпиталей в сложных условиях войны была бы невозможна без четкого руководства правительственных, партийных органов страны и, конечно, помощи всего населения.

[32] ОГАЧО. Ф.П – 288-к. Оп. 3. Д. 184. Л. 3; Возвращение в строй: сб. статей «Победа века. Челябинская область в годы Великой Отечественной войны». Челябинск, 2000. С. 375.

[33] АВММ. Ф. 289. Оп. 8023. Д. 1. Л. 51.

УДК 94/99.78.09

ОРГАНЫ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» В КУРСКОЙ БИТВЕ

ORGANS OF COUNTERINTELLIGENCE «SMERSH» IN THE BATTLE OF KURSK

В.П. Пашин
V.P. Pashin

Курский государственный университет, Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Kursk State University, 305000, 33, Radishcheva str., Kursk, Russian Federation

e-mail: pashinvp@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуются некоторые направления работы советской разведки и контрразведки в подготовительный период и непосредственно в ходе проведения Курской битвы 1943 г. Выявленные материалы подрывают устои современных стереотипов публицистической литературы о сотрудниках «Смерша» как кровожадных и трусливых, бросающих порядочных людей в застенки НКВД и лагеря. Показывается их кропотливая и повседневная неординарная работа в борьбе с немецкими агентами и предателями, которая сейчас вызывает противоречивые оценки.

Resume. The article characterizes some of the work of Soviet intelligence and counterintelligence during the preparatory period and directly during the Battle of Kursk 1943. Identified materials undermine the foundations of the modern stereotypes fiction titles about employees "SMERSH" as bloodthirsty and cowardly dropping decent people in the NKVD and camp. Showing their painstaking and everyday extraordinary work in the fight against German agents and traitors, even now causing conflicting assessments.

Ключевые слова: Курская битва, «Смерш», разведка и контрразведка, агенты, предатели, НКВД.
Key words: The Battle of Kursk, «SMERSH», intelligence and counterintelligence agents, traitors, the NKVD.

В настоящее время для исследователей-историков открываются новые возможности в изучении истории Курской битвы. Это связано, прежде всего, с открытием ряда засекреченных ранее архивных фондов Министерства обороны РФ и даже некоторых фондов Центрального архива ФСБ РФ. Постепенно вводятся в оборот и трофейные архивные документы.

Однако потенциальные возможности не могут в полном объеме реализоваться на практике. Угасает интерес в среде молодежи к истории Отечества. Сокращается приток профессиональных ученых-историков, изучающих военную тематику XX в. Результат – невиданные сегодня по масштабам попытки сфальсифицировать историю войны, «фактики» превратить в «факты», тем самым породить новые мифы, принижающие роль СССР в разгроме фашистской Германии. Эти обстоятельства подвигли автора настоящей статьи изучить ряд документов ЦА ФСБ РФ с целью выявления роли и вклада органов «Смерша» в победу советской армии в Курской битве.

Тематика статьи связана с тем, что большинство публикаций, описывающих события Курской битвы, практически не касались деятельности органов советской разведки и контрразведки. Публикуемые работы в целом советского периода о крупнейшем сражении 1943 г. носили оттенок публицистики. Как правило, всплеск работ был связан с юбилейными датами.

К 20-летию Курской битвы был издан сборник работ участников событий лета 1943г [1]. В 1973 г. издается второе, дополненное издание о Курской битве, включающее не только воспоминания участников сражения, но и научные труды исследователей [2].

В статье невозможно проанализировать достаточно объемное количество изданий о Курской битве. Отметим только очень медленное приращивание знаний о события лета 1943 г. Так, в 1945 г. издается небольшое по объему, но весомое научное исследование сотрудников Генштаба о битве на курской земле [3]. Но только через много лет, в 1978 г., впервые официально был признан факт значительных не только германских, но и советских танковых потерь в боях под Прохоровкой [4].

[1] В огне Курской битвы (из воспоминаний участников боев). Курск, 1963. 367 с.
[2] Курская битва. (Воспоминания, статьи).Издание второе, дополненное.- Воронеж, 1973. 376 с.
[3] Замятин Н.М.. Болдырев П.С., Воробьев Ф.Д., Артемьев Н.Ф., Паротькин И.В. Битва под Курском. Из опыта боев Отечественной войны. М. 1945. 95 с.
[4] Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах) Гл.ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М., 1975. Т. 21. С. 468.

В современный период история Курской битвы активно, с различных сторон, изучается на основе документальных источников незначительным числом ученых – В. Замулиным [5], Е. Щекотихиным [6], В. Коровиным [7]. Но роли и оценки органов разведки и контрразведки в выявленных автором работах не затрагивались. Исключение составляют сборник документов и материалов о деятельности органов госбезопасности военного времени [8] и работа В. Богданова [9].

Главное управление контрразведки «Смерш» Народного Комиссариата Обороны СССР было создано в апреле 1943 г. на базе особых отделов НКВД. Задачи вновь созданного органа были достаточно широки. Они обязывались не только выявлять вражеских агентов и диверсантов, но и заниматься разведывательной деятельностью, организовывать диверсии на вражеских объектах, подбрасывать «дезу» через радиоигры…

Курская битва явилась апофеозом немецко-фашистской наступательной стратегии на Восточном фронте. После ее завершения уже советское командование будет определять сроки и места военных сражений. Летний план наступления на Восточном фронте разрабатывался в строжайшей тайне. Его особенностью было насыщение войсковых соединений новыми видами техники. Появились новые танки – «тигры» и «пантеры», самоходные артиллерийские установки «фердинант» и т.д. По интенсивности боев Курская битва не знала себе равных. В течение нескольких недель было использовано значительно больше снарядов, авиабомб, чем в многомесячной Сталинградской битве.

Вне сомнения, свой вклад в победу на Курской дуге внесла разведка и контрразведка. Уже весной 1943 г. советскому командованию стали известны общие замыслы гитлеровского командования. А к концу мая 1943 г. план «Цитадель» в подробностях стал известен Государственному Комитету Обороны. Эта информация носила стратегический характер. Органы контрразведки «Смерш» активно добывали сведения тактического характера. Так, от захваченных в плен «языков» были установлены тактико-технические характеристики самоходного орудия «фердинант». Определены места сосредоточения танковых группировок, а, следовательно, направления их ударов.

С другой стороны, с середины мая 1943 г. начинается активная радиоигра, основная целью которой – дезинформация противника, выявление и обезвреживание агентов-диверсантов, складов с взрывчаткой и оружием и т.д. Основной целью радиоигры мая–июня 1943 г. являлась дезориентация противника о сроках и местах готовящегося контрнаступления Красной Армии. С этой целью в шифровках указывались фальшивые пункты сосредоточения войск, направления движения эшелонов, сооружений оборонительных укреплений.

Необходимо отметить, что советское высшее командование, учитывая уроки 1942 г., больше стало доверять аналитической развединформации (в 1942 г. немецкому командованию удалось дезинформировать кремлевское руководство о нанесении главного удара на Москву, хотя советская разведка информировала о планах Вермахта по захвату Кавказа и кавказской нефти). Летом 1943 г. подобная уловка не удалась.

Противник также активно вел разведку. Требовалось оберегать собственные секреты. Подобная задача полностью возлагалась на Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР. В Генеральном штабе, штабах армий сотрудники «Смерша» осуществляли жесткий и своевременный контроль по разработке и хранению тактической и стратегической информации. Контролировали скрытность продвижения и сосредоточения войск. Определяли круг лиц, могущих получать ту или другую информацию. Прогнозировали возможные каналы ее утечки. Утечка информации происходила, чаще всего, по причине элементарного разгильдяйства и недисциплинированности.

Например, в сообщении сотрудников «Смерша» высшему руководству страны указывались причины расконспирации наступательных операций на участке Брянского фронта [10]. Здесь начальник артиллерии 61-й армии генерал-майор Егоров, несмотря на строжайший запрет, 27 мая раздал наступательные планы нижестоящим командирам, приказал занять огневые позиции и провести пристрелку на местности. Тем более, сосредоточение войск в районе намеченных боевых действий проходило без должной маскировки. Колонны солдат и транспорта продвигались в район дислокации в дневное время суток. А укрепления и инженерные сооружения не маскировались должным образом. Немецкому командованию не составило труда просчитать возможные действия Красной Армии. За подобные действия к лицам применялись суровые меры военного времени.

Но настоящую «головную боль» органам «Смерша» доставляли предатели и изменники Родины. На Центральном фронте за июль 1943 г. было задержано 4 501 человек и вновь направле-

---

[5] Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М., 2005. 734 с.

[6] Орловская битва – два года. Факты. Статистика, анализ. В 2-х кн. Орел, 2008. Кн .первая 712 с. Кн. вторая 760 с.

[7] Коровин В.В. Поднимались воины народа .Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг. Курск, 2007. 512 с.

[8] «Огненная дуга» Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В.Марковчин, В.С.Христофоров. М., 2003. 480 с.

[9] Богданов С.В. Неотвратимое возмездие. Рассекреченные документы из истории битвы органов государственной безопасности Белгородской области с изменниками Родины и активными пособниками немецких оккупантов. Белгород, 2014. 280 с.

[10] Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ) Ф. 14. Оп. 5. Д. 20. Л. 131 – 133.

но в боевые части 3 303 человека. В аналитических справках «Смерша» в разгар Курской битвы отмечалось резкое увеличение членовредительства. Если в июне подобных лиц было выявлено 32, то в июле 118. Но одновременно сокращалось количество дезертиров с поля боя. Если в июне из частей дезертировало 239 человек, то в июле – около 200 человек [11].

Приведенные цифры говорят о достаточно тщательном анализе причин ареста лиц. Огульного зачисления арестованных во «враги народа» не было. Командиры могли понижаться в звании. Материалы передаваться военному прокурору для дальнейшего разбирательства и возможности привлечения к уголовной ответственности. Характеризовались положительно лица, числившиеся ранее на оперативном учете в качестве «изменников Родины», «антисоветских элементов». Сообщалось об их героизме и мужестве, стойкости в борьбе с фашистами. Они представлялись к боевым наградам, в том числе рекомендовались к представлению на звание Героя Советского Союза, награде орденом Ленина и т.п. Стереотипы у сотрудников «Смерша» отсутствовали. Вечного клейма на подобных лицах не было.

Достаточно широко использовал «Смерш» новую форму борьбы с противником, получившую кодовое название «Инсценировка «Измена Родине». Готовились небольшие группы военнослужащих, якобы желавших перейти на сторону противника. Нередко в состав групп входили «штрафники» – военнослужащие из штрафных рот. За участие в подобных операциях с них снимали клеймо «штрафника», судимость. Главными критериями отбора служили их личные качества – смелость, решительность, физическая выносливость. Смысл операции заключался в том, что имитируя коллективный переход на сторону немцев, они усыпляли их бдительность. Подходили вплотную к окопам и забрасывали их гранатами, нередко вступали и в рукопашные схватки. Затем, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня, возвращались в свои войсковые части.

Операции явились настолько эффективными, что немцы перестали принимать в плен группы солдат. В листовках, забрасываемых в советские войсковые соединения, они уже не призывали переходить группами (как агитировали ранее), а только поодиночке [12]. Как правило, подобные операции сотрудники «Смерша» проводили в расположении тех войсковых единиц, где боевой дух солдат был недостаточно высок, имели место факты дезертирства, самострелов, переходов на сторону противника. Немцы переставали принимать изменников Родины, стали расстреливать их при приближении к боевым порядкам.

В период напряженных боев, в целях предотвращения паники, за войсковыми соединениями устанавливали группы заграждения и заслоны. Подобные жесткие действия оправдали себя. Отряды выполняли не только «расстрельные» функции, как это утвердилось и в научно-исследовательской литературе. Например, из сообщения сотрудников «Смерша» Воронежского фронта о работе подобных подразделений отмечалось, что за период 5–10 июля 1943 г. было задержано 1 870 человек. Но в процессе разбирательства было выявлено и арестовано: дезертиров 6 человек, членовредителей – 19 человек, трусов, паникеров, бежавших с поля боя – 49 человек. А остальные были вновь возвращены в боевые части [13]. «Возвращенцы» даже получали награды в течение нескольких последующих боевых дней. Они стремились оправдать полученный кредит доверия.

Наибольшую трудность представляло выявление шпионов и агентов. Здесь немецкая разведка не знала моральных границ, вплоть до привлечения детей в возрасте от 14 до 16 лет. После небольшой подготовки, их зомбирования, они забрасывались в тыл Красной армии с целью подрыва поездов, железнодорожных путей, сбора информации о расположении воинских частей. Только случайный арест одного из таких подростков на территории Курской области позволил арестовать сотрудникам «Смерша» около трех десятков диверсантов, где более половины, после первых арестов, сдались добровольно [14].

Одновременно и органы «Смерша» забрасывали в тыл врага собственную агентуру, а также создавали сеть агентов, осведомителей в советских войсковых частях. Их «тихая» работа и в современных условиях скрыта «от глаз и пера» исследователей по этическим соображениям. Здесь можно отметить только следующие неоспоримые факты: осведомители находились на передовых рубежах военных действий непосредственно в рядовой солдатской массе.

Документы архива приводят многие десятки фактов, когда подобные «осведомители» заменяли собой убитых командиров взводов и рот, содействовали прекращению панических действий, увлекая за собой в атаку дезорганизованных и отступающих бойцов. Поэтому утвердившийся негативный стереотип о подобных лицах, как только об «осведомителях и доносителях» не совсем корректен. Они своевременно выявляли и пресекали паникерские настроения и действия, проявляя при этом героизм и смелость.

---

[11] ЦА ФСБ РФ Ф. 14. Оп. 5. Д. 13. Л. 299 – 309.
[12] ЦА ФСБ РФ Ф. 14. Оп. 5. Д. 23. Л. 309 - 319, 386 - 391.
[13] ЦА ФСБ РФ Ф. 14. Оп. 5. Д. 112. Л. 80 – 81.
[14] ЦА ФСБ РФ Ф. 3. Оп. 10. Д. 16. Л.177 – 181, архив УФСБ РФ Курской области Ф. 10. Оп. 3. Д. 2. Л. 19.

Как отмечалось выше, даже в современных условиях, по этическим соображениям, эти документы широко не рассекречиваются [15]. В конечном итоге они были поставлены государством для выполнения возложенных на них государством функций. Очень сложно (невозможно) представить, что государство может существовать без органов разведки и контрразведки, тем более в условиях войны.

Другим важнейшим направлением работы подобной агентуры являлась проверка лиц, которые теряли доверие вышестоящего руководства. Важное внимание уделялось выявлению и анализу морально-психологического состояния военнослужащих как в период подготовки и проведения Курской битвы, так и после ее завершения. С этой целью использовалась как перлюстрация писем, посылаемых с фронта в тыл к родным, так и специальные сообщения внедренных агентов.

Подобная информация служила основанием для пересмотра и отмены дел в отношении красноармейцев. Стереотипы о том, что человек, однажды попавший в поле зрения секретных спецслужб, обязательно отправлялся в лагеря, или подвергался иному наказанию – не совсем корректны.

Важнейшим направлением деятельности секретных органов являлась дезорганизация тыла противника. Именно до начала Курской битвы развернулась настоящая рельсовая война в тылу противника. Только в период 9 апреля – 20 мая 1943 г. спецгруппы НКГБ пустили под откос 20 военных эшелонов с техникой и живой силой [16]. Это направление войны с фашистами получило еще больший размах после победы в Курской битве, когда боевые действия приблизились к территории Белоруссии. Партизанские отряды, руководимые из единого центра, фактически парализовали систематическое железнодорожное сообщение. Осенью 1943 г. в сутки могло устраиваться до 50 крушений поездов, подрывов железнодорожных путей, мостов.

По мере приближения победы в Курской битве, освобождения советской территории, все большее внимание сотрудники «Смерша» уделяли поискам военных преступников и предателей. Только за 2 месяца (1 июля – 31 августа) на линии Брянского фронта было выявлено 298 «активных пособников оккупантов», из общего числа привлеченных к уголовной ответственности – 1 287 человек. Из них к категории шпионов относились 85 человек, изменников Родины – 581 человек, дезертиров – 257 человек, членовредителей – 175 человек. Увы! Встречалась здесь и категория лиц, отнесенных к антисоветским элементам – 85 человек. Чаще всего «антисоветизм» сводился к критике действий вышестоящего руководства, недовольством производимой социальной политики, которая сводилась к непропорциональному распределению продуктов между рядовым населением и руководящим составом, членами их семей, родственниками [17].

Таким образом, направление исследования вклада как в целом органов разведки и контрразведки, так и конкретных сотрудников «Смерша» является в современных условиях достаточно перспективным, в виду его недостаточной исследованности. На это есть и объективные причины. Оно достаточно сложно не только по причине засекреченности документов, морально-этическим причинам, но и в силу того что имеющиеся документы нередко содержат информацию о формах, методах, приемах работы спецслужб, а это никогда не подлежит рассекречиванию и широкой огласке ни в одном государстве мира.

[15] ЦА ФСБ РФ Ф. 14. Оп. 5. Д. 13. Л. 169 – 181, 306.
[16] ЦА ФСБ РФ Ф. 4. Оп. 1. Д. 483. Л.368 – 380.
[17] ЦА ФСБ РФ Ф. 14. Оп. 5. Д. 324. Л.153 – 156.

УДК 94(470)''1991/1994''

РОССИЯ И УКРАИНА: СТАНОВЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА СССР (1991–1994 гг.)

RUSSIA AND UKRAINE: FORMATION OF BORDER COOPERATION AFTER COLLAPSE OF THE USSR (1991–1994).

А.С. Захов
A. Zakhov

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

St. Petersburg State University, 5, Mendeleevsky line, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: 3axoff@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления приграничного сотрудничества между Россией и Украиной в первые годы после распада СССР (1991–1994). Автор рассматривает действия руководителей приграничных областей данных государств, исследует нормативно-правовые документы, влиявшие на развитие приграничного сотрудничества, и факторы, от которых зависела степень интенсивности сотрудничества между приграничными регионами. Автор уделяет особое внимание различию позиций между центральными и региональными властями двух государств по вопросу принципов формирования российско-украинского приграничного сотрудничества. Автор использует российские и украинские региональные периодические издания, выходившие в изучаемый период, нормативно-правовые акты, относящиеся к вопросу приграничного сотрудничества, а также архивные материалы.

Resume. In this article process of formation of border cooperation between Russia and Ukraine in the first years after collapse of the USSR is considered (1991-1994). The author considers actions of heads of border areas of these states, investigates the standard and legal documents influencing on development of border cooperation, and factors on which degree of intensity of cooperation between border regions depended. The author gives special attention to distinction of positions between the central and regional authorities of two states on the principles of formation of the Russian-Ukrainian border cooperation. The author uses the Russian and Ukrainian regional periodicals appearing during the studied period, the normative legal acts relating to a question of border cooperation, and also archival materials.

Ключевые слова и фразы: распад СССР, приграничное сотрудничество, российско-украинские отношения, региональная история, экономическое взаимодействие, интеграция

Keywords and phrases: collapse of the USSR, border cooperation, Russian-Ukrainian relations, regional history, economic interaction, integration

Приграничное сотрудничество России со странами СНГ занимает особое место в изучении экономических взаимоотношений в данном регионе. С распадом СССР и образованием границ между новыми государствами полностью изменилась структура взаимоотношений между некоторыми регионами. В частности, некоторые субъекты РФ, например, такие как Белгородская и Курская области на западе и Новосибирская и Оренбургская области на востоке, находясь в глуби территории СССР до его распада, после 1991 года стали приграничными территориями, что вынудило население данных регионов приспосабливаться к сложившимся условиям.

Наиболее интенсивное приграничное взаимодействие происходило во взаимоотношениях между Россией и Украиной. Становление российско-украинского приграничного сотрудничества проходило на фоне в целом непростых отношений между странами, сложившихся на первоначальном этапе межгосударственного сотрудничества. Данный вопрос явился одним из ключевых, так как затронул интересы значительного количества жителей обеих стран.

На сегодняшний день приграничное сотрудничество между Россией и Украиной после распада СССР является достаточно малоизученной темой. На данный момент не существует комплексных исторических трудов, которые бы обобщали и анализировали все процессы, происходившие в российско-украинском приграничном сотрудничестве в первые годы после распада СССР. Целью данной статьи является анализ приграничного сотрудничества между Россией и Украиной в первые годы после обретения государствами независимости, а также попытка оценки эффективности взаимодействия в новых условиях.

Российско-украинская граница имеет протяженность 2246 км (из них 1926 по суше и 320 по морю) [1]. С Украиной граничат по суше Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Ростовская области, а, соответственно, с Россией граничат Донецкая, Луганская, Сумская, Черниговская и Харьковская области. На приграничное взаимодействие между Россией и Украиной серьезное влияние имеет взаиморасположенность областей относительно друг друга. Можно выделить пять пар таких областей: Брянская — Черниговская, Курская — Сумская, Белгородская — Харьковская, Воронежская — Луганская, Ростовская — Донецкая.

Не везде интенсивность приграничного взаимодействия имела одинаковое проявление в силу разных причин. Во-первых, она зависела от исторических процессов, протекавших здесь на протяжении многих веков: например, от степени этнического и лингвистического размежевания. В тех регионах, где этносы проживали более компактно, взаимодействие между регионами было гораздо ниже, чем в тех регионах, где граница делила единую этнолингвистическую группу. Во-вторых, большую роль играла взаимоприближенность областных центров друг к другу. В некоторых парах регионов, таких как Воронежская и Луганская области, взаимное расстояние областных центров друг от друга велико, потому экономическая активность была значительно ниже, чем в случае Белгородской и Харьковской области, расстояние между областными центрами которых достигает всего 80 км и до распада СССР эти регионы образовывали по факту единую агломерацию. Поэтому основные интеграционные процессы исходили в основном от Белгородской и Харьковской областей, которые больше всех были заинтересованы в едином экономическом пространстве.

Одним из первых событий, оказавших значительное влияние на приграничные отношения между двумя государствами, стал ввод Украиной в качестве параллельной валюты купоно-карбованца с 10 января 1992 года. Отныне за советские рубли на Украине можно было купить только непродовольственные товары и услуги. Также стоит отметить, что в первые дни хождения купона-карбованца он оценивался дороже рубля: за один купон давали 10 рублей [2]. Соответственно, это вызвало резкий прилив рублевой наличности в российские приграничные регионы, что в условиях прозрачности границ и отсутствия таможенного контроля спровоцировало значительный рост цен и недовольство российского населения происходящим. В самой же Украине продукты в магазинах старались не покупать, так как они оказывались значительно дороже (зарплату в купоно-карбованцах давали по курсу 1:1), например, в Харькове в мясных магазинах начало портиться мясо и мясная продукция вследствие высоких цен. Заместитель начальника харьковского управления торговли Н. Чехунов обратился в горисполком с просьбой разрешить реализацию мяса за рубли в нескольких магазинах, иначе торговля потерпит миллионные убытки. Однако первый заместитель председателя горисполкома М. Пилипчук заявил о том, что нельзя нарушать порядок, установленный правительством Украины [3].

В целях предотвращения вывоза товаров за пределы России еще 29 декабря 1991 года Правительство РФ выпустило Постановление «Об ограничении вывоза товаров народного потребления из Российской Федерации». Данное Постановление запрещало вывозить или отправлять по почте за пределы России с 10 января 1992 года остродефицитные товары, указанные в прилагаемом перечне. На ряд товаров устанавливались нормы вывоза за пределы России в расчете на одно лицо. Например, нормы на вывоз некоторых продуктов питания устанавливались следующие: хлебобулочные изделия — 1 кг, яйца — 10 шт., алкогольные напитки — 1 бутылка, сахар — 0, 5 кг и т.д. [4]

Тем не менее, подобная мера не могла должным образом защитить российский потребительский рынок от наплыва украинских покупателей, прежде всего из-за отсутствия четкого контроля за вывозом товаров. Первоначально данная функция была возложена на сотрудников УВД [5] и ГАИ [6], однако они не справлялись со все более и более возрастающим потоком незаконно вывозимых товаров.

В таких условиях местные власти были вынуждены незамедлительно реагировать и предлагать свои варианты урегулирования данной проблемы.

Наиболее быстрая реакция была у руководителей тех областей и районов, где ситуация, связанная с притоком рублей с Украины, стала наиболее критической: в Белгородской и Ростовской областях.

24 января Малый совет Белгородского областного совета решил, что «в связи с введением на территории Украины многоразовых купонов, фактически ставших денежными знаками, в целях защиты потребительского рынка области, признано необходимым обратиться в Верховный Совет

---

[1] Сопредельные государства // Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации [сайт]. URL: http://www.rosgranitsa.ru/ru/activity/international/countries

[2] Знаковский В. Я спросил сегодня у менялы // Слобода. 25.01.1992. С. 1.

[3] Учитесь лучше торговать // Слобода. 01.02.1992. С. 2.

[4] Об ограничении вывоза товаров народного потребления из Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29.12.1991 №88. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Еремин С. Председатель облсовета предлагает ввести российскую валюту // Белгородская правда. 17.01.1992. С. 2.

[6] Хлынули рубли с Украины // Брянский рабочий. 24.01.1992. С. 1.

Российской Федерации с просьбой ускорить введение российской валюты, предложить главам администраций области, городов и районов установить жесткий контроль за реализацией продуктов питания только по визитным карточкам и в пределах норм отпуска» [7].

В Чертковском районе Ростовской области ситуация осложнялась тем, что государственная граница проходила посреди слившихся воедино поселков Меловое (Украина) и Чертково (Россия), что вызвало огромный приток рублевой наличности вследствие легкодоступности ее реализации. В таких условиях глава администрации Чертковского района Н. Леонов сразу же после ввода купоно-карбованцев на территории Украины издает распоряжение «О порядке продажи товаров на территории Чертковского района», в котором запрещает продажу товаров покупателям без документов, подтверждающих их личность. Правлению райпо было предписано письменно предупредить своих работников о персональной ответственности за выполнение данного распоряжения [8]. 25 января в дополнение к вышеуказанному документу Н. Леоновым вышло постановление, которое детально разъясняло меры по борьбе с вывозом товаров народного потребления. В частности, устанавливалось круглосуточное дежурство на автомобильных дорогах, ведущих на Украину и на железнодорожной станции Чертково, а райпо предписывалось организовать круглосуточное дежурство по приему конфискованных милицией товаров с целью их последующей продажи по средневзвешенным ценам [9].

Несмотря на подобные запреты и ограничения, жители приграничных областей находили способы нелегального провоза товаров и перевода денег из купоно-карбованцев в рубли, зачастую нетривиальными способами. В июле 1992 года был закрыт один из способов трансформации купоно-карбованцев в рубли, суть которого заключалась в следующем: в Харькове или Волчанске (районный центр Харьковской области) человек на почте отправлял сам себе несколько переводов «до востребования» в Белгород или Шебекино (районный центр Белгородской области) и через пару дней получал собственный перевод уже в России. После того как операции приняли массовый характер (только в Белгороде в день таких операций набиралось по несколько сотен), их запретили и начали возвращать обратно в связи с невозможностью оплаты [10]. Россияне также придумали способ зарабатывания денег в условиях сложившейся неразберихи: из Белгорода пассажиры везли сдавать бутылки в приемные пункты стеклотары Харькова, где получали купоны, которые в начале 1992 года можно было продать за 5–10 рублей [11].

Процесс создания таможни на российско-украинской границе, начавшийся в июле 1992 г. согласно указу Б. Ельцина «О неотложных мерах по организации таможенного контроля в Российской Федерации» [12], также не сделал границу более закрытой: осталось очень много неконтролируемых дорог. В частности, увеличилось движение по проселочным и грунтовым дорогам, минуя таможенные посты, которых было открыто всего 13, [13] что было явно недостаточно для такой протяженной границы, как российско-украинская. Ситуацию усугубляло то, что в ряде приграничных с Украиной областях, например, в Белгородской и Ростовской, появились самодельные карты, на которых были указаны и наиболее опасные, и наиболее безопасные дороги для контрабандистов [14].

Подобное развитие событий не устраивало руководителей всех приграничных областей, что сказалось на уровне повышения взаимодействия между ними.

Одними из первых в силу географической специфики своих поселков стали искать пути преодоления сложившегося размежевания руководители Чертковского района Ростовской области и Меловского района Луганской области. 14 апреля 1992 г. по инициативе главы администрации Чертковского района Н. Леонова состоялась встреча делегаций от трудовых коллективов и населения Чертковского и Меловского районов. По итогам данной встречи быт подписан так называемый договор содружества между районами. Согласно договору провозглашалось продолжение сотрудничества в вопросах промышленного, сельскохозяйственного производства, хозяйственных связей, торговли, а администрациям районов было предложено рассмотреть вопрос о взаимных финансовых расчетах друг с другом. Немаловажным был пункт об обращении в правительство России и Украины с просьбой о предоставлении больших прав в решении вопросов на местах, учитывая специфику территориального расположения Чертковского и Меловского районов [15].

---

[7] Малый совет решил // Белгородская правда. 25.01.1992. С. 2.

[8] О порядке продажи товаров на территории Чертковского района: распоряжение главы администрации чертковского района // Вести Чертковские. 14.01.1992. С. 1.

[9] О реализации товаров народного потребления, запрещенных к вывозу за пределы Российской Федерации: Постановление главы администрации Чертковского района №13 от 25.01.1992. // Вести Чертковские. 30.01.1992. С. 1.

[10] Железин Л. Рублевая зона в прозрачных границах // Белгородская правда. 25.07.1992. С. 1.

[11] Духно В. Интервенция рубля в Россию по-русски // Слобода. 05.02.1992. С. 4.

[12] О неотложных мерах по организации таможенного контроля в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 1992 года №788. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[13] Васильева Н. Граница на замке. Вход свободный // Белгородская правда. 29.12.1992. С. 1.

[14] Ухов Л. Таможня зря хлеб не ест // Белгородская правда. 24.11.1992. С. 1.

[15] Мы — за дружбу // Искра. 18.04.1992. С. 1.

Такие пожелания были в некоторой степени учтены: в частности, были убраны некоторые противоречия, затрудняющие эффективное взаимодействие между Чертково и Меловым. Министерство финансов Украины удовлетворило просьбу Меловской районной госадминистрации и ликвидировало одно из существенных противоречий: привело подоходный налог с иностранных граждан (т.е. жителей Чертково) в соответствие с логикой. Кабинет министров Украины согласился с предложением Луганской областной государственной администрации о налогообложении на одинаковых условиях граждан Украины и работников, которые постоянно работают в Меловском районе, а проживают в Чертково. И до принятия между Украиной и Россией соглашения по устранению двойного налогообложения решил в одностороннем порядке распространить условия налогообложения граждан, постоянно проживающих на Украине, на указанную категорию граждан [16]. Также шли работы в направлении разработки концепции свободной экономической зоны в данном регионе. Для организационно-финансового обеспечения подготовки необходимой документации распоряжением представителя Президента Украины — главы Меловской райгосадминистрации В. Пахница «О разработке экономико-организационных основ формирования и развития территории (зоны) свободного предпринимательства в Меловском районе Луганской области» №1 от 4 января 1993 года была образована рабочая группа и учрежден фонд поддержки по созданию свободной экономической зоны. Аналогичная работа проведена в Чертковской районной администрации [17].

Попытки налаживания взаимодействия были замечены и на северном участке российско-украинской границы. В конце апреля 1992 г. в Чернигове собрались представители администраций Брянской и Орловской областей Российской Федерации, Гомельской области Республики Беларусь, семи областей Украины и г. Киева и обсудили сложившуюся тяжелую экономическую ситуацию.

На встрече было принято обращение к руководителям трех славянских республик и Соглашение об основных направлениях сотрудничества областей Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины [18].

Стоит отметить, что наибольших успехов в вопросах установления отношений между приграничными регионами России и Украины добились Белгородская и Харьковская области.

В июне 1992 г. в Харькове состоялась встреча промышленников и предпринимателей России и Украины, по итогам которой стороны заявили о том, что «дезинтеграция хозяйства, несогласованность экономической политики слишком дорого обходятся обоим государствам. Уровень хозяйствования, жизнь людей могут быть выше и лучше, если удастся достичь согласованности и стабильности в хозяйственных связях, базирующихся на общепринятых нормах торговых взаимоотношений, денежного обращения и кредита, инвестиционной политики, передвижения рабочей силы, координации ценообразования» [19].

20 октября 1992 г. в Белгороде состоялось еще одно совещание. В его работе приняли участие вице-премьер РФ Г. Хижа, президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Вольский, представители министерств и финансовых органов РФ, а также представительная делегация из Украины [20]. На данном совещании самой обсуждаемой проблемой стал вопрос осложнения финансовых расчетов между предприятиями России и Украины. Генеральный директор Белгородского производственного объединения «Сокол» Н. Хавкин сообщил, что деньги, перечисленные предприятию-партнеру в Харьков, шли два с половиной месяца. Участники встречи приняли заявление, в котором подчеркнули, что ситуация в экономике после харьковской встречи заметно ухудшилась, и что необходимы кардинальные меры для выхода из кризиса. В документе поддержана инициатива Белгородской и Харьковской областей по созданию зоны свободной приграничной торговли, сформулированы вопросы, требующие решения на уровне законодательных и исполнительных органов России и Украины [21].

В. Берестовой, глава областной администрации Белгорода, отметил, что концепция по поводу создания свободной экономической зоны прорабатывалась на уровне областей, и нуждается в поддержке правительств обеих стран. А. Масельский, глава областной администрации Харькова, заявил, что его области очень выгодно создание свободной экономической зоны [22].

По результатам встречи был подписан протокол, в котором правительствам России и Украины предлагалось «изучить возможность использования предложений Союзов промышленников и предпринимателей России и Украины при проведении экономической реформы и в пределах своей компетенции оказать содействие в их реализации» [23].

---

[16] Моргунов В. В трудных поисках путей согласия или почему необходима для нас свободная экономическая зона? // Вести чертковские. 05.06.1993. С. 1-2.

[17] Там же.

[18] Карташова Т. Судьба и история // Брянский рабочий. 14.05.1992. С. 1.

[19] Грязнов Ю. Чтобы не пропасть поодиночке // Белгородская правда. 24.10.1992. С. 2.

[20] УБ-информ // Утро Белгородчины. 23.10.1992. С. 1.

[21] Грязнов Ю. Чтобы не пропасть поодиночке // Белгородская правда. 24.10.1992. С. 2.

[22] Поволяев И. А.Вольский: «Я за эволюцию, а не революцию» // Наш Белгород. 30.10.1992. С. 3.

[23] ЦГАВО. Ф. Р-2. Оп. 15. Д. 3227. Л. 14.

В мае 1993 г. в Харькове состоялась встреча представителей обкомов профсоюза, работников агропромышленного комплекса из приграничных территорий Украины и России. В ней участвовали представители Харьковской, Сумской, Луганской, Черниговской, Днепропетровской, Ростовской, Курской, Воронежской, Белгородской областей и Краснодарского края. На встрече отмечалось, что трудовые коллективы выступают за быстрейшее преодоление последствий разобщения и взаимоизоляции. Участники назвали один из перспективных путей достижения этого: восстановление и налаживание полнокровного сотрудничества трудовых коллективов профсоюзов сопредельных территорий России и Украины. На встрече было принято соглашение об участии профсоюзов работников АПК из приграничных территорий Украины и России в восстановлении и укреплении регионального сотрудничества в социально-экономических сферах, в рамках договора, заключенного между профсоюзами работников АПК России и Украины. В нем было подчеркнуто, что участники соглашения, благодаря согласованными действиям, основанным на действующем законодательстве, будут способствовать скорейшей интеграции государств — членов СНГ, улучшению условий труда и жизни сельских тружеников, добиваться всестороннего развития аграрного сектора экономики [24].

20 мая в Белгороде состоялось совещание представителей приграничных областей России и Украины: Харьковской, Сумской, Луганской, Ростовской, Брянской, Курской и Воронежской. В приветственном слове к собравшимся В. Берестовой сказал, что после распада Союза ухудшились экономические, хозяйственные, культурные и другие связи, появились значительные сбои в транспортном сообщении. Несогласованность финансовых систем, по его мнению, больно ударила по экономике промышленных предприятий. «Если в прошлом году и начале нынешнего еще можно было хотя бы через 3–4 месяца расплатиться друг с другом за поставки оборудования, то в последнее время взаиморасчеты между предприятиями соседних областей Украины и России практически прекратились. Нарушено транспортное сообщение. Если железнодорожное еще действует, то авиационное нет. В целом, убытки несут обе стороны», – отметил глава администрации Белгородской области. Итогом совещания стал выработанный совместными усилиями документ — проект письма «О региональном экономическом сотрудничестве приграничных областей России и Украины», — для рассмотрения председателями областных Советов и главами администраций [25].

Через месяц, 28 июня, в Харькове состоялось совещание представителей приграничных областей России и Украины. В нем приняли участие Председатель Совета Министров РФ В. Черномырдин, Председатель Верховного Совета Украины И. Плющ, премьер-министр Украины Л. Кучма. По итогам совещания было подписано Соглашение о принципах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества приграничных областей Российской Федерации и Украины. Также был подписан протокол, которым предусмотрено организовать фонд содействия сотрудничеству приграничных областей России и Украины с привлечением заинтересованных субъектов хозяйственной деятельности сторон [26]. В Соглашении о принципах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества приграничных областей Российской Федерации и Украины стороны договорились воздерживаться от действий, способных нанести экономический вред друг другу, и прилагать все усилия для сохранения существующих хозяйственных связей между регионами и выработке согласованной политики в области ценообразования и тарифов [27].

Процесс создания единого координационного органа приграничных территорий завершился 28 января 1994 г., когда состоялось совещание руководителей приграничных областей России и Украины. В нем приняли участие представители аппарата президента и правительства РФ. В итоге было принято обращение к президентам России и Украины, в котором стороны высказали мнение о необходимости заключения межправительственного соглашения между двумя странами и принятия законодательных актов, которые бы предоставили областям право решать вопросы режима перемещения товаров и услуг между предприятиями приграничных областей порядка квотирования и лицензирования продукции, поставляемой в рамках межобластных соглашений и договоров, беспошлинного перемещения имущества граждан, проживающих в приграничных областях. Участники совещания предложили придать приграничным территориям особый статус, установить прямые финансовые расчеты между предприятиями [28].

---

[24] За сотрудничество и дружбу // Белгородская правда. 22.05.1993. С. 1.

[25] Будем стучаться. Откроют? // Белгородская правда. 25.05.1993. С. 2.

[26] Данников В. Белгородский импульс // Белгородская правда. 08.07.1993. С. 1.

[27] О принципах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества приграничных областей: Соглашение между Российской Федерацией и Украиной от 28 июня 1993 года. // Российский правовой портал «Семерка». URL: http://zakon.law7.ru/base43/part4/d43ru4314.htm

[28] Обращение руководителей приграничных областей Российской Федерации и Украины // Белгородская правда. 03.02.1994. С. 1.

Также был обсужден и принят устав совета представителей приграничных областей Российской Федерации и Украины [29].

Таким образом, по итогам рассмотрения проблемы становления российско-украинского приграничного сотрудничества после распада СССР можно отметить следующее:

Период с 1991 по 1994 гг. стал определяющим в развитии приграничного сотрудничества между Россией и Украиной. Именно в этот период произошло первоначальное становления приграничных связей между двумя государствами.

Можно выделить две основные тенденции становления российско-украинских приграничных отношений: если на первоначальном этапе, в условиях приспособления государств к новым условиям, возникших после распада СССР, наблюдалась тенденция к разрыву связей между приграничными регионами, то уже к концу 1992 г. ситуация стала меняться в другую сторону. Руководители приграничных районов России и Украины пришли к мнению, что разрыв хозяйственных связей ведет к ослаблению экономик их регионов.

На степень интенсивности усиления приграничного сотрудничества влияло несколько факторов: историческая общность территории, взаимоудаленность областных центров двух государств, степень контактов между населением приграничных территорий, объем грузо- и пассажироперевозок, зависимость местных жителей от приграничного сотрудничества между Россией и Украиной. Чем больше общего имели между собой регионы до распада СССР, тем выше было их стремление восстановить хозяйственные и экономические связи на прежнем уровне.

В условиях распада прежних хозяйственных связей именно региональные руководители являлись инициаторами подписания договоров и соглашений между приграничными областями. Следует особенно отметить, что главы приграничных районов двух стран имели в большинстве случаев сходные взгляды на перспективы развития сотрудничества друг с другом, в отличие от центральных органов власти России и Украины. Это противоречие и обусловило главную проблему в том, что договоры и соглашения о приграничном сотрудничестве во многом оставались нереализованными. Она заключалась в разности подходов к экономическим преобразованиям в России и Украине: стороны не стремились сблизить свои законодательства, а, наоборот, все больше и больше отдаляли их друг от друга. Создание реально работающего единого экономического пространства в рамках приграничных регионов не могло происходить без унификации законодательств в экономической, торговой и таможенных сферах. Это являлось главным препятствием на пути создания единого экономического пространства в российско-украинском приграничном пространстве. Подобная ситуация была в целом свойственна российско-украинским отношениям в целом, которые в данный период были противоречивы.

[29] Данников В. Дружба по особому статусу // Белгородская правда. 01. 02. 1994. С. 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 327.5[(470.325):(477.54)]

СЛОБОЖАНСКИЙ КРАЙ И ЕГО ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

SLOBOZHANSKY KRAI AND ITS POLITICAL AND STRATEGIC OPPORTUNITIES IN CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATEHOOD AND THE EUROASIAN INTEGRATION

К.Н. Лобанов, Е.А. Погонина
K.N. Lobanov, E.A. Pogonina

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: lobanov_pol@pochta.ru

Аннотация. Данная публикация посвящена актуальной теме развития трансграничной региональной интеграции. Этот вид интеграции – наиболее перспективный в системе межгосударственного сотрудничества на пространстве бывшего Советского Союза. Основной организационной формой трансграничной интеграции выступает «еврорегион». Среди таких территориальных формирований выделяется «еврорегион» «Слобожанщина», имеющий в своей основе глубокие экономические, стратегические, культурно-исторические традиции и выполняющий в условиях непростых российско-украинских отношений главную геополитическую задачу в контексте развития российской государственности и евроазиатской интеграции.

Resume. This publication is devoted to a hot topic of development of cross-border regional integration. This type of integration - the most perspective in system of interstate cooperation on space of the former Soviet Union. The «euroregion» is the main organizational form of cross-border integration. The «euroregion» «Slobozhanshchina» having deep economic, strategic, cultural and historical traditions in the basis and which is carrying out in the conditions of the difficult Russian-Ukrainian relations the main geopolitical task in the context of development of the Russian statehood and the Euroasian integration is distinguished from such territorial formations.

Ключевые слова: региональная трансграничная интеграция, «еврорегион», «Слобожанщина», Слободской Край, российско-украинские отношения.

Key words: regional cross-border integration, «euroregion», «Slobozhanshchina», Slobodskoy Krai, Russian-Ukrainian relations.

Обширный Слободской или Слобожанский Край (Слобожанщина), занимавший южную и частично юго-западную часть российской державы и смежных с ней восточно-украинских земель, традиционно рассматривался государственной властью и обществом не столько в экономико-географических категориях, сколько в формате использования уникального военного и политико-стратегического положения этой территории для обеспечения безопасности страны. Все то, что находилось к югу от Тулы и Рязани и что именовалось в XIV– XVII столетиях «Диким полем», всегда считалось для нас жизненно важным пространством, или, как сегодня бы выразились специалисты в области геополитики, «зоной национальных интересов» растущей российской государственности. Границы «Дикого поля» с течением времени все более и более отдалялись от Москвы в южном и юго-восточном направлении. Однако каждый рывок в сторону «Дикого поля» и продвижение в его глубины сопровождались большим напряжением сил молодой нарождающейся нации.

Извечное противостояние земледельческих, оседлых этносов с номадами – представителями степных цивилизаций, облюбовавших ареал «Дикого поля» со времен Великого переселения народов и до XIV века, объективно способствовало формированию на южных окраинах Москов-

ской Руси, а затем и Российской империи особых региональных образований, выполнявших одновременно функцию военизированного пограничья и роль своеобразного «буфера» между враждебными мирами. К числу таких примеров относятся и украинская Запорожская Сечь, и Слободской или Слобожанский Край, и область Вольного войска Донского, кубанские и терские казачьи земли. Главной задачей этих полуобщинных-полугосударственных территориальных конгломератов была дальняя оборона Центрального (Московского) массива – сердцевины экономико-хозяйственного, социально-демографического, политического и духовно-культурного комплекса русской государственности. Поэтому с момента своего зарождения и на долгие годы вперед характерной особенностью развития «украинных» территорий была их почти полная милитаризация. Военно-мобилизационный характер имела хозяйственная, финансовая, транспортно-коммуникационная, социальная структура этих регионов. Военизированный уклад жизнедеятельности сказался и на демографическом составе южан. Формировался он исключительно за счет представителей военно-служилых и вольных сословий-пассионариев, отличавшихся, по словам Л.Н. Гумилева, особенно ярко выраженными способностями к активизации собственных биоэнергетических потенциалов [1]. Психология «военной границы», «креса», «украины», «порубежья» прочно вошла в менталитет жителей русского Юга – безосновательно от того, идет ли речь о кубанских или терских казаках, обитателях срубов-крепостей Белгородской засечной черты, городков Слобожанщины. Постоянная готовность к нападению и обороне, обостренное чувство долга и ответственности перед Державой и всем православным «миром», исключительная солидарность и взаимовыручка, практически полное отсутствие стяжательства и тяги собственническому накопительству – вот только некоторые штрихи к собирательному психологическому портрету южнорусского и украинского воина-поселенца периода Нового времени.

Долгие годы милитаризированное население южных окраин Московской Руси находилось на переднем крае политики государства, направленной на сдерживание хищнического и паразитического восточного экспансионизма, постоянно угрожавшего независимости и территориальной целостности страны, основам православно-славянской цивилизации. Стоит отметить, что свою оборонительную функцию южный регион, в состав которого входил и Слободской Край, выполнял довольно успешно. За исключением периода Смутного времени и всплесков массовых народных волнений, когда политическая и военная дестабилизация почти целиком охватывала великорусские и украинские земли, защитники слобожанских укрепленных поселений и засечных черт стойко и профессионально отражали волны кочевников и иных иноземных захватчиков. Глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений и крепостей, мужество и отменная военная подготовка их защитников были надежным барьером, через который не могли прорваться внутрь страны крымчаки и ногаи, турки и ляхи, литовцы и казачьи отряды антимосковски настроенных гетманов.

Авангардная роль Слобожанщины не претерпела больших изменений и тогда, когда содержание восточной (южной) политики Российской империи – всегда главной и определяющей – стало иным. От стратегии сдерживания и обороны на юге имперская власть в XVIII–XIX веках переходит к политике освоения обширных и богатых территорий Левобережной и Правобережной Украины, Северного Причерноморья и Предкавказья, и вытеснения оттуда своих извечных антагонистов. Жители Слободского Края, включавшего в свой состав образованную Петром Великим Белгородскую губернию, и здесь выступали в роли пионеров-разведчиков, а затем и первых поселенцев-колонистов, на плечи которых легла основная тяжесть задачи адаптировать местные земли и их обитателей к условиям жизни в новых политических и социально-культурных реалиях. Конечно, русско-украинских слобожан вряд ли можно сравнивать с европейскими колонизаторами, огнем и мечом расширявшими пространство западной цивилизации. Вместе с тем, внедряясь все глубже и глубже в чуждый ареал обитания тюркоязычных этносов, выходцы слобожанских городков и крепостей засечных черт вынуждены были первое время выполнять контрольно-надзорные функции военизированных представителей Империи в среде, до недавнего времени враждебной славянско-православным основам российской государственности. Впоследствии же колонисты постепенно слились с местным населением, образуя неповторимые этно-лингвистические конфигурации, такие как слобожане, донское казачество, кубанцы и т.д. Примечательным в этом смысле является формирование слобожанского субэтноса – типичного для того времени этнического новообразования симбиозного вида, осваивавшего собственную «нишу» на рубеже соприкосновения культурно-языковых и конфессиональных суперэтносов. Даже поверхностный анализ лексики слобожанского населения и топонимики географических объектов Края показывает, что этот субэтнос развивался в условиях активного взаимодействия различных культур и народов. В топонимах Белгородской области и смежных с ней областях Украины, например, встречается много названий тюркского происхождения (город и река Короча, река Айдар, река Дуванка, город Изюм, город Ахтырка), а в лексиконе нынешних потомков слобожан помимо доминирующих перекрестных русско-украинских языковых комбинаций заметно присутствие полонизмов («байдюже»,

[1] Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 2008. С. 116.

«драбина», «жменя», «заевый», «кодра», «кохать», «нехай», «нехаянный», «позычить», «репаться», «трохи», «трошки», «шлях», «шукать» и др.) [2]. О подобном культурном взаимовлиянии и взаимообогащении можно также говорить применительно к обычаям и нравам, особенностям быта, кухне, типу одежды и жилья, фольклору слобожанского населения.

По мере того как бывшее «Дикое поле» все более и более интегрировалось в систему хозяйственных, политических, социо-культурных связей государства, а внешние границы страны оказались надежно прикрыты естественными (горными и морскими) преградами, Слобожанский Край, равно как и другие «украинные» земли, стал освобождаться от имиджа военизированного форпоста державы. Элементы милитаризации экономики, жизненного уклада и психологии жителей Слобожанщины постепенно уходили на второй план. Торгово-хозяйственная составляющая превратилась в доминанту развития богатого на природные залежи и земельные ресурсы региона. В годы поздней Империи Край становится житницей страны и одним из наиболее развитых центров пищевой и местной промышленности. Слободской Край органично вписывается в структуру нарождающейся капиталистической экономики страны, в активно формирующийся внутренний рынок, главным образом, еще и благодаря своему выгодному географическому положению. Через территорию Края исстари проходит сеть важнейших коммуникаций, соединявших центр Державы с Левобережной и Правобережной Украиной и дальше с Западом, с Южной Украиной и Крымом, с Кубанью и Закавказьем. По этим старым торговым «шляхам» и бывшим военным тропам прокладываются железные дороги, и создается сопутствующая им инфраструктура. На пути к стремительно развивающемуся Донецкому угольному бассейну создаются крупные железнодорожные развязки (Белгород, Лозовая, Люботин, Готня и др.), которые становятся очагами прогресса, не позволяя многим городам и местечкам Края деградировать в уездное захолустье из гоголевских повестей.

В Советскую эпоху, перевалив через полосу войн и революций, исторический Слобожанский Край оказался разделенным государственно и территориально-административно между двумя советскими республиками – РСФСР и УССР. Вместе с тем это обстоятельство не мешало региону развиваться экономически как единому комплексу. На территории Харьковской области УССР в 1950 г. было открыто Шебелинское газоконденсатное месторождение, которое до разработки залежей газа в Западной Сибири было крупнейшим в СССР и Европе. Шебелинский газ полностью покрывал потребности прежних слобожанских территорий в «голубом» топливе. В это же время на территории Белгородской и Курской областей РСФСР были разведаны огромные запасы железной руды с высоким (до 70%) содержанием железа. Добыча руды могла осуществляться редким по тем временам и относительно дешевым т. н. открытым способом на нескольких специально построенных горно-обогатительных комбинатах. А после ввода в эксплуатацию в 1982 г. Оскольского электро-металлургического комбината на Слобожанщине появилось крупнейшее в стране предприятие по производству стали из железосодержащего концентрата. Индустриальная модернизация заметно изменила структуру экономики Края. Вместе с тем, внушительным оставался традиционный для наших мест аграрный сектор хозяйства. В лучшие советские годы на ценных слобожанских черноземах собирались по 27–28 центнеров с гектара зерновых, что по сравнению со среднесоюзными показателями было весьма внушительным. Край лидировал по производству и переработке сахарной свеклы, а в 70–80-е годы здесь успешно реализовывались тогда еще «пилотные» проекты строительства крупных предприятий по промышленному производству мяса скота и птицы.

Широкие экономико-хозяйственные возможности древнего Слобожанского Края, вместе с тем, не умаляли политико-стратегического значения этого региона. В эпоху распада СССР и становления новой демократической государственности в постсоветских республиках южные субъекты Российской Федерации вновь обрели статус приграничных территорий. Причем к некоторым из них вернулась историческая роль заслона на пути проникновения в страну различного рода угроз и рисков. Общеизвестно, например, что северокавказский регион, входящий в состав Южного федерального округа Российской Федерации, вот уже около двух десятилетий находится на переднем крае борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, стойко выдерживает натиск волн организованной преступности, гасит выбросы неконтролируемой демографической экспансии. В этих условиях сама жизнь, а часто и выживание, диктуют местным жителям необходимость возрождения славных боевых традиций их предков – казаков и солдат Черноморской и Кубанской линий.

Традиционно порубежный Слобожанский Край, хотя территориально и далек от «горячих точек» Предкавказья, однако его положение как приграничной территории России и Украины дает о себе знать почти ежедневно. Поскольку Край находится на стратегически важных транзитных коммуникациях евроазиатского экономического и политического пространства, то вполне понятно, что этими выгодами наряду с законопослушными гражданами активно пользуются преступные элементы для своих противоправных действий. Для преступников и экстремистов российско-

[2] См.: Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999. С. 102.

украинская граница на Слобожанщине по-прежнему является «засечной чертой» – передним краем, преодолеть который если не невозможно, то, по крайней мере, очень затруднительно.

Однако не только и не столько проблемы противодействия приграничному криминалу определяют сегодняшние политико-стратегические возможности древней Слобожанщины. Как и столетия назад, Край продолжает быть зоной высокой интенсивности политических, экономических, торговых и социокультурных связей между соседними государствами и их народами, т. е. является **геополитическим регионом** в полном смысле этого слова. Территория исторического Слободского Края находится на стыке границ двух славянских республик бывшего Советского Союза, а ныне независимых государств – России и Украины, и в непосредственной близости от третьей из них – Беларуси. Именно фактор уникального местоположения Слобожанщины позволяет рассматривать ее территорию и потенциал с геополитических (политико-стратегических) позиций. В последние годы этот срез анализа статуса Края стал особенно актуальным в свете развертывания новой интеграционной политики нашего государства на постсоветском (евразийском) пространстве.

Об этой политике следует сказать подробнее и небольшой предысторией.

Начиная с 1991 г., когда было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), относительное единство бывших советских республик поддерживалось в рамках этого межгосударственного объединения. Вместе с тем, СНГ оказалось внутренне слабоинтегрированным, аморфным, а потому и малоперспективным сообществом государств. Причин этому было несколько. Во-первых, это неопределенность в целях дальнейшего развития интеграции. Содружество изначально создавалось для цивилизованного «развода» и раздела имущества между бывшими республиками СССР, и не было предназначено для последующего перерастания в более совершенные формы интеграционного объединения. К тому же в 90-е годы прошлого столетия и в нулевые годы нынешнего столетия дезинтеграционная линия на постсоветском пространстве все еще была восходящей. Новые государства жаждали насладиться только что обретенным суверенитетом и не были готовы к тесному интеграционному сотрудничеству. Во-вторых, это отсутствие отчетливой стратегии в осуществлении совместных интеграционных решений и действий. В условиях неоформленности базовых целевых установок в развитии СНГ его участники не разрабатывали собственных долгосрочных стратегий, а пытались применить чужие готовые образцы без учета уникальности ситуации, времени и пространства евразийской интеграции. Но так как зарубежный (нормативный) опыт плохо уживался со стохастическим (нелинейным, с элементами непредсказуемости) характером восточноевропейской интеграции, многие решения в руководстве СНГ принимались спонтанно, «на злобу дня» или имели слишком общее, не конкретное содержание. Поэтому многие очень даже разумные инициативы так и остались на бумаге. В-третьих, это применение ортодоксальных (линейных, не гибких) тактик интеграционного поведения при решении тех или иных задач. В частности речь идет о признании за государствами монопольного права участия в интеграционных процессах и исключении из числа субъектов интеграционного взаимодействия иных заинтересованных акторов (регионов, отдельных территорий, муниципалитетов, объединений граждан и т.д.). В результате весь интеграционный процесс оставался для большинства людей слишком официальным, недоступным, малопонятным явлением, не приносящим прямых выгод и облегчения в повседневной жизни. И, наконец, в-четвертых, это незавершенность процесса формирования интеграционного ядра в СНГ – центра влияния, силы, гравитации. Это, пожалуй, главное. Без такого ядра все участники интеграции пребывают в бессистемном состоянии, они не знают на кого ориентироваться, с кем связать свою дальнейшую судьбу. Россия в 90-е годы с трудом могла выполнять такую миссию – ее экономика и финансы были в состоянии полураспада, государство и общество переживали системный кризис. Поэтому евразийская интеграция постепенно теряла свою «руссоцентричность», а ее участники, пострадавшие от распада Советского Союза еще больше, чем Россия, стали подумывать над тем, чтобы найти новые геополитические ориентиры [3].

Сегодня ситуация в нашей стране и в ближнем зарубежье кардинальным образом меняется. Российской общество и государство в целом преодолело зону турбулентности 90-х годов и успешно восстанавливает утраченные позиции в экономике и политике. Международный имидж России улучшился, а привлекательность экономической модели ее развития возрастает. С другой стороны, процессы дезинтеграции бывшего СССР начинают затухать, а в ряде случаев достигли определенного «предела насыщения». Наблюдается взаимная заинтересованность различных бывших советских республик к сотрудничеству, в том числе и в столь решительно отвергавшихся еще недавно юридических и институциональных формах. Все это создает объективную основу для начала работы над воссозданием нового более совершенного интеграционного объединения на евразийском пространстве с экономическим и политическим центром в России. Цели такого межгосударственного сообщества уже более конкретны и реально достижимы: добиться определенных успехов в координации таможенно-тарифной политики стран-участниц, затем перейти к синхронизации развития их хозяйственно-финансовых организмов, и, в итоге, закрепить экономические

[3] См.: Лобанов К.Н. СНГ: брак после развода?// Белгородская правда. 2002. 11 июня.

достижения политическими и военно-стратегическими формами объединения. Упрощенно эта схема может выглядеть следующим образом: от таможенно-тарифного союза – к зоне свободной торговли; от зоны свободной торговли – к «общему рынку»; от «общего рынка» – к экономическому и валютно-финансовому союзу; от этого союза – к элементам союза политического (общая внешняя политика, общая оборона, общая политика в области безопасности, единое правовое пространство и система правосудия и т. д.). Причем движение в этом стратегическом направлении должно осуществляться постепенно, без «скачков» и «кампанейщины», строго по принципу «от простейшего – к сложному», имея в виду переход от первичных, стартовых форм интеграции, требующих первоначально, как правило, только согласованности действий государств-партнеров в определенной сфере отношений, к более развитым формам, предполагающим уже унификацию целых политик и взаимное ограничение государственных суверенитетов. Разумеется, что другим важнейшим принципом успешного интеграционного строительства должно стать правило добровольности стран-участниц в своих решениях, действиях, формах и пределах участия на тех или иных стадиях интеграции. Этот принцип крайне важен, поскольку не просто декларирует отсутствие какого-либо принуждения одних участников интеграционного процесса со стороны других. Речь идет об отказе от ортодоксальных, устаревших и, как показали время и практика, вредных представлений о субъектах интеграционного объединения как о некоем «кильватерном строе», в котором все участники двигаются с одной скоростью и ориентируются в своем движении на самого тихоходного партнера. На смену этой догматической доктрине приходят стратегии «гибкого», «мультискоростного», «многоуровневого» интеграционного развития, где все субъекты сами регулируют степень своего участия в общих интеграционных проектах, оставаясь в пределах общего интеграционного поля. Так, например, одни государства ближнего зарубежья предпочитают оставаться в пока еще существующей «старой» зоне свободной торговли СНГ, а другие – посчитали себя способными перейти к следующему этапу – Таможенному союзу на базе действующего Евро-Азиатского экономического союза с собственной формирующейся зоной свободной торговли. Другие, ввиду усугубившейся опасности распространения международного терроризма, пошли еще дальше и приступили к конструированию общего пространства безопасности на основе одноименного Договора. Самые авангардные из них – Россия и Беларусь – пытаются выстраивать свои двухсторонние отношения в рамках Союзного государства. Таким образом, интеграция на евразийском пространстве де-факто стала разноскоростной и многоуровневой, что придает ей пластичность и демократизм.

Проявлением прогрессивных подходов к интеграции, имеющих непосредственное отношение к нашей теме, стало применение Россией и ее партнерами «гибких» тактик в вопросе легитимации новых субъектов интеграционных отношений. Наряду с государством равноправными участниками интеграции юридически были признаны приграничные регионы, территории, муниципальные образования с их специфическими интересами и потребностями. Таким образом, и здесь интеграционный процесс становится многоуровневым, сложносоставным, децентрализованным. В его структуре появился дополнительный этаж – так называемая «малая» или «региональная» интеграция. Опыт самого продвинутого на сегодня интеграционного сообщества Европейского Союза показывает, что интеграция на уровне регионов является наиболее эффективным и открытым способом укрепления связей между народами и их государствами. Люди охотнее воспринимают интеграционные усилия на уровне государств тогда, когда они наблюдают их сквозь призму приграничного сотрудничества и оценивают в категориях реального улучшения качества жизни и роста благосостояния своих регионов. Поэтому основной функционально-территориальной единицей «малой» интеграции считается трансграничный регион или «еврорегион» (по названию первых таких проектов на германо-французской границе в 50-х годах прошлого столетия) [4]. «Еврорегион» – это конгломерат социально-экономических систем из двух или нескольких сопредельных территорий соседних стран, характеризующихся относительным единством природной первоосновы или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций. Отправной точкой для начала формирования «еврорегионов» обычно становится инициатива «низов» – консенсус местных политических и экономических элит и жителей приграничных территорий относительно тех выгод, которые может извлечь каждый субъект отношений из своего нового, приграничного положения. Затем происходит юридическое оформление и институциализация «еврорегиона». Когда таких трансграничных сообществ появляется несколько, они начинают подталкивать центральные власти узаконить их статус на межгосударственном уровне и принять соответствующие акты [5].

Одними из первых на евразийском пространстве были созданы трансграничные регионы «Слобожанщина» (в составе Белгородской области России и Харьковской области Украины), «Ярославна» (в составе Курской области России и Сумской области Украины), «Донбасс» (в составе Ростовской области России и Луганской и Донецкой областей Украины), «Днепр» (в составе

[4] См. подробнее: Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. С. 178-198.
[5] Кузнецов А. «Еврорегионы»: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 3. С. 48-59.

Брянской области России, Черниговской области Украины и Гомельской области Беларуси). Образованные «еврорегионы» приняли свои учредительные уставы и сформировали общие органы для оперативного управления и реагирования.

«Еврорегион» «Слобожанщина» является, пожалуй, одной из ранних попыток инициировать интеграцию между РФ и Украиной на трансграничном уровне. Идея о создании такого сообщества была высказана еще в 1997 г. и основывалась с учетом как объективной заинтересованности населения в облегчении условий для трансграничной хозяйственной деятельности, так и традиционных связей, существующих между жителями ранее единого Слобожанского Края. Поэтому местоположение и название для «еврорегиона» было выбрано не случайно. Последующее развитие «Слобожанщины» не было ровным и спокойным. В короткой истории трансграничного региона были и свои «прорывы», когда у приграничных субъектов интерес к взаимному сближению резко возрастал. Случались и свои периоды охлаждения, во время которых интеграционные усилия двух областей почти равнялись нулю. Будучи частью своих государств, приграничные земли вынуждены были повторять волнообразную траекторию российско-украинских отношений, и в этом плане трансграничные связи часто попадали в зависимость от сложных внешнеполитических коллизий между Киевом и Москвой. Однако даже в самые напряженные моменты ни у кого и никогда не возникало сомнения в целесообразности продолжения начатого дела, потому что заложенный в основание трансграничного сотрудничества социокультурный фактор всегда оставался определяющим. И когда экономические, финансовые, внешнеполитические и иные «материальные» мотивы и резоны интеграции переставали работать, их всегда компенсировали те основания человеческой жизни, которые «освящены» принадлежностью к единой культуре и истории, совокупностью общих ценностей, которым привержены «рядовые» люди, их коллективной исторической памятью, общностью ряда традиций, обычаев, моментов образа жизни.

Видимо благодаря именно этому обстоятельству социальная и гуманитарная компонента в развитии «Слобожанщины» является наиболее перспективной, т.е. здесь есть немало хороших заделов на будущее. Так, например, жители Белгородской и Харьковской областей уже ощутили на себе выгоды упрощенного порядка пересечения государственной границы, действовавшего до 2014 г. Не в меньшей степени, чем свобода кроссграничного перемещения, людей интересует проблема обеспечения открытого доступа к социальной инфраструктуре сопредельных территорий. Речь, в общем-то, идет о многочисленных и повседневных контактах между людьми, организациями, учреждениями по гуманитарным вопросам, которые часто складываются естественным образом и предполагают оперативное решение «поверх барьеров». В начале 2000-х годов в этих целях был образован Приграничный Российско-Украинский университетский консорциум, главной целью которого является повышение качества высшего образования путем организации и координации сотрудничества классических университетов приграничных областей Российской Федерации и Украины. Участниками Консорциума с российской стороны выступили – Белгородский государственный университет, Воронежский государственный университет, Ростовский государственный университет, с украинской – ряд вузов Харьковской области Украины. В числе приоритетных задач Консорциума были определены поэтапное введение процедуры нострификации (взаимного признания) дипломов о высшем образовании вузов-участников ассоциации, выделение квот на поступление и обучение абитуриентской молодежи и другое. Со временем университетский консорциум должен стать важнейшим центром российско-украинского сотрудничества. Хорошие перспективы наметились в области научного взаимодействия. Благодаря совместным усилиям Харьковской областной государственной администрации и Правительства Белгородской области в 2011 г. был зарегистрирован Российско-Украинский технопарк «Слобожанщина». Его учредителями стали с российской стороны – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, с украинской – Харьковский национальный университет, Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Научный парк «ФЭД». Цель создания технопарка: формирование среды активного взаимодействия ученых и предпринимателей Украины и Российской Федерации с целью коммерциализации научных разработок, создания условий для ускоренного развития высокотехнологичных направлений производства и превращения их в основную движущую силу экономического роста «еврорегиона» «Слобожанщина». Технопарк будет охватывать широчайший круг отраслевых направлений, таких как ядерные технологии в энергетике и здравоохранении, энергосбережение и новые технологии в производстве энергии, биотехнологии, биомедицина и фармация, авиация, станкостроение, инновационная мехатроника, новые материалы и нанотехнологии, информационно-коммуникационные технологии, приборостроение, новые технологии в агропромышленном комплексе. Реализация данных направлений позволит технопарку стать не только крупным региональным центром внедрения инноваций, но и органично вписаться в более масштабный российско-украинский перспективный проект по созданию мощной научно-технологической платформы под рабочим названием «TECHNOPOLIS». Такая платформа представляет собой современную форму территориальной интеграции науки, образования и производства, комфортной жилой среды и экологии, а технопарки будут выступать основными функциональными звеньями (кластерами) платформ.

Значительную помощь в оживлении приграничного экономического сотрудничества призваны оказать крупные совместные проекты, в которых участвуют несколько предприятий и финансовых структур по обе стороны границы. За последние пять лет наметилось несколько таких площадок. Долгосрочным и весьма продуктивным проектом можно считать и совместную экологическую программу по очистке русла реки Северский Донец на территории сопредельных областей. Заслуживают внимания и некоторые совместные усилия в сфере дорожного строительства и обустройства конвертируемых систем оптоволоконной связи. Разумеется, «точек делового соприкосновения» могло бы быть и больше. Однако не стоит забывать, что в развитии трансграничной региональной интеграции на современном этапе имеется ряд объективных и субъективных ограничений. С одной стороны, «малая» интеграция только набирает обороты, и на сегодняшний день пока еще не способна произвести немедленный экономический эффект по всем азимутам заявленной деятельности. Государственная помощь приграничному сотрудничеству пока скромна, а местные бюджеты тоже не рассчитаны на самостоятельное решение большинства проблем в этой сфере. Очевидно, что без долговременной и стабильной материальной поддержки из центра приграничным территориям «Слобожанщины» будет не просто адаптироваться к своему геополитическому положению. С другой стороны, региональная интеграция является зеркальным отражением межстрановых отношений. А сегодня, к большому сожалению, в контактах между Россией и Украиной наблюдается много неопределенности и напряженности. После относительно благоприятного для налаживания добрососедских связей периода, последовавшего после ухода из власти «оранжевых» на Украине, российско-украинские отношения на обозримую перспективу вновь ожидают непростые времена. Сегодня руководители соседнего государства заявляют о своем «окончательном решении следовать европейскому выбору», открыто демонстрируют антироссийскую и русофобскую позицию. Такая политика ставит под угрозу будущее всех трансграничных региональных объединений на российско-украинских рубежах, поскольку статус самой государственной границы между Россией и Украиной коренным образом будет меняться.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что воздействие неблагоприятных факторов может каким-то образом поставить под сомнение саму идею трансграничной региональной интеграции и межгосударственной интеграции вообще. Старая и мудрая как мир материалистическая наука учит нас тому, что человеческое волевое, эмоционально-психологическое, субъективистское начало может внести определенные изменения в ход исторических событий, но оно не в силах отменить действие объективных закономерностей социального развития. А ведущей доминантой мирового экономического и политического процесса на сегодня остается тенденция к объединению (интеграции) различных субъектов международных отношений. Страны на различных континентах мира стремятся к консолидации своих потенциалов для того, чтобы вместе быть сильнее и конкурентоспособнее своих реальных и потенциальных соперников. Российская Федерация и ее соратники по евразийской интеграции прикладывают максимальные старания к тому, чтобы держаться в русле этого магистрального течения современного глобализирующегося мира. Однако чтобы не выпасть из данного майнстрима, государства-члены формирующегося евразийского сообщества должны непрестанно заботиться об укреплении своего объединения изнутри. А это, в свою очередь, предполагает создание и расширение живой самовоспроизводящейся интеграционной ткани, состоящей из многочисленных отношений между людьми, проживающими по разные стороны границ, и институтов, призванных более эффективно и оперативно решать актуальные проблемы населения на наднациональном уровне. Это означает, что за «еврорегионами» стоит большое будущее, поскольку в данной системе связей и взаимодействий эти трансграничные конгломераты играют ключевую роль.

Сегодня приграничные кросстерриториальные объединения выглядят скорее как «точечные» очаги интеграционного развития, своего рода компактные свободные экономические зоны, разбросанные по внутренним границам бывшего СССР на довольно большом расстоянии друг от друга. Но таких объединений становится все больше и больше. Пример «Слобожанщины» и других пионеров трансграничной региональной интеграции оказался весьма позитивным. С запада на восток от Калининградской области России через Беларусь и Украину протянулись сложные, многосоставные (по три–пять приграничных территорий) «еврорегионы» «Балтика», «Неман», «Озерный край», «Беловежская пуща», «Буг» [6]. При условии сохранения восходящей интеграционной тенденции предполагается, что фрагментарность и «очаговость» трансграничного регионального сотрудничества будет в обозримом будущем преодолеваться, а «еврорегионы» станут сливаться в единую зону экономического роста, социально-политической стабильности, правовой защищенности всех субъектов деятельности на обширном евразийском пространстве. Эта зона плавной дугой опоясывает западные и южные пределы нашего государства, превращая, таким образом, эти извечно проблемные «украинные» территории в своеобразную модель содружества братских народов и стран. В этом отношении политико-стратегическое значение трансграничной региональной интеграции трудно переоценить. Можно также без преувеличения отметить, что в

[6] Бредихин А. В. Еврорегионы ведут Украину в Евразийский Союз. URL: rus-ua.info›news/6080.html

условиях сегодняшних весьма сложных двухсторонних межгосударственных отношений, к трансграничной интеграции переходит лидерство и инициатива в вопросах евразийского интеграционного строительства. Институционально-организационное воплощение «малой» интеграции – «еврорегионы» – выступают в роли локомотива, вытягивающего весь комплекс интеграционных межгосударственных связей на уровень стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Этот фактор также позволяет подходить к оценке сущности и перспектив трансграничного регионального сотрудничества на постсоветском пространстве не с сугубо локальных позиций, но в ракурсе более масштабных политико-стратегических (геополитических) измерений.

Ответственность миссии, которую несут на себе «Слобожанщина» и подобные ей объединения, таким образом, многократно возрастает. Как и в былые времена, эти регионы сегодня находятся на переднем крае внешней политики своих государств, но в отличие от прежних эпох, они должны подчеркивать не разобщенность, «разграниченность» земель и народов, а наоборот – генерировать вокруг себя положительные интеграционные импульсы. Наша «Слобожанщина», вобравшая в себя лучшие традиции прошлого и являющаяся наследницей исторического Слободского Края, имеет все основания претендовать на роль одного из лидеров регионального интеграционного движения и одновременно стать крупнейшей территориальной конгломерацией на российско-украинском границе. Постепенно освобождаясь от традиционного для порубежья имиджа милитаризованной зоны, современная Слобожанщина активизирует свои созидательные и творческие силы на благо укрепления российской государственности, упрочения дружеских связей с соседними славянскими странами и народами, дальнейшей консолидации всего евразийского интеграционного сообщества.

УДК 323.2

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

THEORETICAL AND CONCEPTUAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF INTERACTION OF INTEREST GROUPS AND THE STATE IN THE POLITICAL PROCESS

Л.С. Половнева
L.S. Polovneva

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: e-mail: LPolovneva@bsu.edu.ru

Аннотация. В рамках предлагаемой статьи автор ставит своей целью, во-первых, обосновать концептуальные модели взаимодействия групп интересов и государства. Во-вторых, определить роль групп интересов в политическом процессе. В-третьих, оценить преимущества демократического политического процесса, обеспечиваемые демократическими политическими институтами.

Автором изучены работы отечественных и зарубежных исследователей, раскрывающих концептуальные положения политических теорий. В результате проведенного анализа автором сделан вывод о том, что в современной политической науке сложились концепции плюрализма, корпоративизма и политических сетей. Автор особое внимание в статье уделяет анализу сетевого подхода к процессу взаимодействия групп интересов и государства.

Resume. In the present article the author sets several goals. First, he tries to explain the conceptual models of interaction of interest groups and the state. Second, he determines the role of interest groups in the political process. Third, the author estimates the benefits of democratic political process which are the result of the work of democratic political institutes.

The author studies different works of Russian and foreign researchers explaining the conceptual issues of political theories. The author comes to the conclusion that in modern political science there have developed the concepts of pluralism, corporatism and political networks. The author pays special attention to the analysis of the network approach to the process of interaction of interest groups and the state.

Ключевые слова: государство, группы интересов, политический процесс, теоретико-концептуальные походы, плюрализм, корпоративизм, политические сети.

Keywords: state, interest groups, political process, theoretical and conceptual approaches, pluralism, corporatism, political networks.

Процесс демократизации предполагает активное участие групп интересов в политическом процессе. В связи с этим в политологии инициируются дискуссии о состоянии и перспективах функционирования групп интересов и формировании моделей их взаимодействия с государством. Взаимодействие групп интересов и государства в мировой и отечественной политологической науке представлено в рамках многочисленных теоретико-концептуальных подходов. Наиболее значимыми концепциями взаимодействия групп интересов и государства в политическом процессе являются: *плюрализм, корпоративизм и политические сети*.

Представители *плюралистической концепции* трактуют политический процесс как давление различных групп интересов и, соответственно, как распределение власти в обществе. Плюралистическая концепция основывается на признании существования множества свободно образуемых политических, экономических и других групп интересов, которые конкурируют друг с другом и борются за общественное и политическое влияние.

А. Бентли интерпретировал политический процесс как взаимное давление социальных групп в борьбе за государственную власть. По его мнению, категория «политический процесс» охватывает два типа отношений: во-первых, неформальные, реальные и групповые, поскольку «группа интересов» является его первичным субъектом и, во-вторых, производные, официально-институциональные, представляющие собой проекцию групповых интересов, в которой государственные институты выступают лишь как один из видов «групп интересов». Правительство пред-

ставляется А. Бентли в роли специфической официальной группы-арбитра, регулирующей конфликты. Исследователь вводит в процессуальную теорию понятия «артикуляция» и «идентификация» групповых интересов как исходный пункт анализа любого политического процесса [1].

Преемником А. Бентли в разработке групповой концепции политического процесса стал Д. Трумэн, издавший в 1951 г. работу «Управленческий процесс». Под политическим процессом он понимает борьбу социальных групп за власть и контроль над распределением ресурсов [2]. Исследователем более обстоятельно разрабатывается идея смены равновесия и неустойчивости, а в качестве основного понятия предлагается категория «стабильность», определяемая им как устойчивый тип группового взаимодействия. Таким образом, по мнению Д. Трумэна, политический процесс приобретает пространственно-временное очертание, поскольку групповая динамика предстает как волнообразный цикл перехода от нестабильных взаимодействий к установлению относительного равновесия между группами, восстановлению старой модели стабильности или созданию новой. Такой подход позволяет в известной мере оценить уровень групповой динамики политического процесса, однако это не всегда дает возможность обеспечить равновесие между отдельными социальными группами и равновесие государственной системы в целом.

В политический процесс обязательно входит функционирование государственных и негосударственных институтов: правительство, парламент, деятельность партий и групп интересов. В связи с этим политический процесс нередко трактуют как довольно сложную конфигурацию сознательной и стихийной деятельности, то есть регулируемых государством действий и спонтанных акций групп граждан и отдельных индивидов. При этом возможны два подхода к трактовке соотношения данных компонентов: «горизонтальный» и «вертикальный». В первом случае в политическом процессе государство и социальные группы выступают на паритетных началах как равноправные партнеры, сознательно стремящиеся к рациональному достижению согласованных общественных целей. При втором подходе политический процесс трактуется как некая стихия, которой противостоят органы государственной власти, играющие роль управленческой подсистемы этого процесса, формулирующие цели и принимающие решения по поводу приоритетных общественных проблем. В итоге можно заключить, что каждый из двух крупных блоков или взаимодействующих подсистем политического процесса имеет свою функциональную нагрузку: с одной стороны, государственное управление играет роль интегрирующей общество силы, формулирующей коллективные цели и принимающей решения, а с другой, — давление гражданского общества и политическое участие связано с функцией представительства интересов групп и индивидов.

Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон выделяли следующие характерные для плюралистической системы особенности формы организации интересов и способы группового участия в политическом процессе: (1) разнообразные группы интересов могут представлять единый социетальный интерес; (2) членство в группах является добровольным и ограниченным; (3) группы интересов имеют свободную или децентрализованную организационную структуру; (4) группы конкурируют между собой в борьбе за членов и влияние и одновременно пытаются навязать свои требования лицам, определяющим политический курс [3].

По мнению Ф. Шмиттера, плюрализм может быть определен в качестве системы представительства интересов; составляющие ее элементы – организованные в неопределенное множество добровольных, неиерархичных образований, которые не контролируются государством и не стремятся к монополии активности среди соответствующих образований [4].

При таком подходе политика есть властное распределение дефицитных ресурсов под давлением заинтересованных групп. Последние являются активными участниками политического процесса, тогда как государство в лице правительства выполняет в целом пассивную функцию — реагирует на их деятельность. Правительство обеспечивает сохранение баланса сил, принимая то или иное решение относительно комбинации интересов и ресурсов. В то же время заинтересованные группы постоянно предъявляют требования правительству, однако оно остается независимым от групп интересов.

В соответствии с плюралистической теорией процесс выработки политического курса подобен процессу принятия решений в экономике. В этой связи, Р. Даль и Ч. Линдблом полагали, что соперничество групп интересов за влияние на политический курс в какой-то степени аналогично конкуренции в экономике, позволяющей установить равновесие между спросом и предложением. Только в политике конкуренция между группами за влияние на процесс принятия политических решений позволяет установить равновесие между требованиями, выдвигаемыми различными слоями общества и поддержкой, которую получает политическая система, если выдвигаемые гражданами требования получают удовлетворение в результате принятых решений [5].

---

[1] Bently A.F. The Process of Government. Evanston, 1949. P. 211.
[2] Truman D. The Governmental Process / Political Inteests and Public Opinion. Second Edition. N.Y., 1971. P. 46.
[3] Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М., 2002. С. 109.
[4] Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14—22.
[5] Цит. по: Павроз А.В. Группы интересов в политике: Учебное пособие. СПб., 2006. С. 43.

Учет реального баланса сил при принятии политических решений позволяет самым разным группам интересов добиться поддержки населения. Если же политическое влияние отдельных групп возрастает несоразмерно с их реальной общественной значимостью, а политика, которую проводит правительство под давлением этих групп, не соответствует воли большинства, благодаря механизму конкуренции, заложенному в участии групп интересов, автоматически возрастает численность оппозиционно настроенных групп, ставящих правительство перед выбором – либо изменение или корректировка официального курса, либо утрата общественной поддержки и отстранение от власти.

Таким образом, деятельность групп интересов демократическим, мирным путем без всякого силового вмешательства предотвращает опасность установления диктаторских режимов, проводящих политику, не совпадающую с волей и интересами большинства общества. Данная теория получила название теории демократического плюрализма или плюралистической демократии. Ее появление привело к пересмотру вопроса о роли групп интересов в политическом процессе. В основе плюралистической теории демократии лежало мнение о том, что индивиды смогут быстрее передать свои требования и желания правительству посредством групповой активности.

В рамках данной теории концепция ресурсов не используется для описания взаимодействия групп интересов. Ее ограниченность проявляется также в том, что внимание акцентируется, скорее на правительстве, чем на государстве в целом. Она не учитывает и то важное обстоятельство, что у участников политической деятельности со стороны государства имеются собственные интересы, которые включаются в процесс формирования политики. Следовательно, плюралистический подход не позволяет исследовать политику как систему взаимосвязанных отношений между государством и обществом, где государство выступает не просто объектом давления групп интересов, а и активным участником процесса взаимодействия.

Позднее Ф. Шмиттер и Г. Лембрух предложили по отношению к анализу групп интересов *корпоративистскую концепцию* [6].

Согласно этой концепции, государство — это важнейший конституирующий элемент отношений между группами интересов и политической сферой. В политической сфере действует ограниченное число неконкурирующих, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, которые стремятся к монополии на представительство интересов в соответствующей области.

В соответствии с корпоративистской концепцией процесс определения политического курса основывается не на балансе сил множества конкурирующих между собой групп интересов, а происходит в результате сложного, институционализированного, ориентированного на консенсус взаимодействия между государством и ограниченным числом крупных, агрегированных групп интересов.

Основное внимание уделяется экономическим группам, монополизирующим процесс выражения интересов в определенном секторе. Такие группы тесно связаны с государством и в плане своего формирования, и с точки зрения возможности влиять на последнее, поддерживать его в обмен на участие в процессе принятия политических решений [7].

Корпоративные структуры обеспечивают высокую степень управляемости, но не демократичности. Особенно если принять во внимание, что развитие корпоративных структур с неизбежностью ведет к росту влияния профессиональных представителей специализированных интересов (в частности, институциональных групп) в ущерб гражданским, отстаивающим более общие интересы к возникновению организаций, построенных на иерархических принципах, вплоть до всеобъемлющих национальных ассоциаций, получающих привилегированный доступ к процессу принятия важных стратегических решений, подрывая тем самым один из основополагающих принципов демократического политического процесса – принцип состязательности или конкуренции, основанный на равном доступе всех участников политического процесса к властным ресурсам. В конечном счете, корпоративизм ведет к возвышению групп-монополистов над конкурирующими друг с другом группами, представляющими частные интересы.

Исследователи отмечают, что к несомненным достоинствам корпоративистской модели можно отнести повышение эффективности финансовой системы, большую сбалансированность бюджета, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, падение забастовочной активности, уменьшение нестабильности политических элит.

Тесное взаимодействие трех основных агентов макроэкономического процесса – государства, союзов предпринимателей и профсоюзов – повышает эффективность управления и способствует экономическому росту при сохранении политической стабильности.

---

[6] Lehmbruch G. Liberal Corporatism and Party Government // Comparative Political Studies. 1977. № 10. P. 91—126; Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14—22.

[7] Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Принципы и направления политических исследований. М., 2002. С. 45.

В последнее время в политологии возрастает интерес к неокорпоративистской концепции и ее идеи гармонизации интересов объединенных профессиональных организаций работодателей и наемных работников, общественных ассоциаций и государства.

Английские ученые К. Кроуч, Р.Э. Пал, С.Э. Файнер, И. Харрис рассматривали неокорпоративизм как особую форму институциональной связи между государством и организованным гражданским обществом [8]. Представители «скандинавской школы» (И. Букстри, Э. Дамгор, К. Элиассен, О. Руин, С. Роккан и др.) определили корпоративизм как ситуацию, в которой организации, представляющие интересы различных групп, интегрированы в направляемый правительством процесс принятия решений в обществе [9].

В последней четверти XX века в неокорпоративистском дискурсе была сформирована концепция корпоративной демократии, рассматривающая демократию как согласительное, неконкурентное правление руководителей корпораций, наемных работников и предпринимателей, а также партий. Сущность концепции корпоративной демократии состоит в том, что в демократическом обществе особое значение приобретают активные общественные организации, которые объединяют людей одной профессии или сектора экономики и в которые входят представители как владельцев, управляющих частными предприятиями, так и наемных работников. В политической сфере концепция корпоративной демократии декларирует следующие ценностные приоритеты: инструментальная, а не тотальная роль государства; демократия участия, а не представительное народовластие; децентрализация, а не централизация государства; разделение властей, борьба с тоталитаризмом и диктатурой; свобода информации, деятельности партий и союзов [10].

Сравнение концепции корпоративной демократии с концепцией плюралистической демократии показывает их близость и свидетельствует о том, что корпоративизм фактически является «ограниченным плюрализмом». В данном случае плюрализм взглядов сохраняется, хотя репрезентируется избранными. Влиятельные объединения могут не конкурировать между собой, а сотрудничать под контролем государства.

В странах «корпоративистской демократии» группы давления успешно конкурируют с партиями, а государство выступает в роли посредника между группами интересов и обеспечивает экономический рост в условиях социальной справедливости. Сторонники этой концепции противопоставляют ее «плюралистической демократии» (реализованной, например, в США), где согласование интересов осуществляется через партии, что часто приводит к нарушению социальной справедливости.

В последние годы в исследовании политических процессов стало влиятельным *концептуальное направление «политическая сеть»*. Сетевой подход является относительно новым в политологии, но он приобретает все большую популярность в западной политической науке, о чем свидетельствуют работы М. Аткинсона, Р. Родеса, Д. Марша и др. [11]. Первые упоминания о предпосылках формирования теории политических сетей описываются в работе Э. Гриффита «Тупик демократии: исследование современного правительства в действии», изданной в 30-е годы XX в. В ней акцент делается на анализе неформальных связей, возникающих в ходе процесса принятия политических решений, что и придает им характер сетевого взаимодействия [12]. Позднее, в 50-е гг. XX в., Дж. Фримэн в монографии «The Political Process» проводит исследование политических субсистем сетевого характера и описывает взаимодействие бюрократического аппарата, конгрессменов и групп заинтересованных акторов как некую сеть [13].

Р. Родес считает, что формирование политических сетей привязано к различным секторам политики государства и представляет собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества [14].

В отечественной науке сетевая концепция представлена в работах Л.В. Сморгунова, А.В. Курочкина, Г.В. Косова, О.В. Рябцева и др.[15].

---

[8] Цит. по: Дубняк М.А. Концепции неокорпоративистского дискурса как проблема политической науки и практики // Научный диалог: общественные науки. 2013. № 12 (24). С. 126.

[9] Там же.

[10] Ровдо В.В. Мировые политические идеологии: классика и современность. Минск, 2007. С. 46.

[11] Atkinson M., Coleman W. Policy Networks, Policy Communities and the problem of Governance // Governance. An International Journal of Policy and Administration. 1992. Vol. 5 № 1. PP. 154—189; Rhodes R., Marsh D. Policy Netwotk. In British Politics: A Critique of Existing, Approaches // Policy Network in British Government. Oxford, 1992. P. 13—15.

[12] Griffith E. The Impasse of Democracy: a Study of the Modern Government in Action. N.Y., 1939. P. 57.

[13] Freeman J.L. The Politica lProcess:ExecutiveBureau-LegislativeCommittee Relations. N.Y., 1955. P. 32.

[14] Rhodes R. Policy Netwotk in British Politics: A Critique of Existing, Approaches // Policy Network in British Government. Oxford, 1992. P. 13.

[15] Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Принципы и направления политических исследований: Сб. материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 году. М., 2002; Курочкин А.В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III.; Косов Г.В. «Политические сети» как категория политической науки // Г.В. Косов, В.А. Потапов, В.А. Ширяев // Кант. 2013. № 2(8); Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения): дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

О.В. Рябцев доказывает, что сеть – это децентрализованная структура, в рамках которой объединяется некая совокупность акторов разного уровня (субъекты, элементы сети), позиционирующих свою деятельность в социально-политическом пространстве и базирующихся на поддержании координационных взаимоотношений между собой [16]. Сети представляют собой не статические, а сверхмобильные, многовекторные и многоуровневые образования, которые в отличие от иерархических структур, характеризуются высокой динамикой социальных взаимодействий. При этом, по его мнению, если иерархические организации создаются целенаправленно «сверху», развиваясь по вертикали, то сетевые организации, наоборот, являются продуктом взаимодействия в групповом масштабе. Они, соответственно, возникают «снизу», развиваются по горизонтали и, не имея жесткой структуры и единого центра управления, представляют собой расширенные сетевые сообщества. Особую ценность в определении О.В. Рябцева, по нашему мнению, представляет наличие попыток охарактеризовать сети со структурной точки зрения, определить особенности их конструкции.

При сетевом подходе к политике исследовательская стратегия строится, исходя из нового характера отношений между государством и обществом, между публичной и частной сферами социальной жизни.

По мнению А.В. Курочкина, изучение становления и развития сетевой теории в политике и государственном управлении следует осуществлять в единстве двух аспектов: гносеологического и онтологического. Первый предопределяет возникновение теории сетей развитием методологического аппарата социальных наук, второй – появлением и распространением в политике новых сетевых форм координации и управления [17]. Представители онтологического направления понимают политические сети как реально существующую форму политического управления и коммуникации между взаимодействующими субъектами, сложившуюся в результате трансформационных процессов, происходивших на уровне глобальной политической арены, и сформировавших у политических элит понимание невозможности концентрации власти в едином центре, а также необходимости изменения самого подхода к реализации политики.

Политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности. Во-первых, они представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и группы интересов. Эта структура теоретически характеризуется как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некий совместный интерес. Во-вторых, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена ресурсами, имеющимися у ее акторов. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но, несмотря на различия в степени обеспеченности ресурсами, все участники сети вынуждены вступать во взаимодействие. Между ними существует ресурсная зависимость. В-третьих, важным элементом политической сети выступает общий интерес. Многие исследователи особо выделяют эту черту, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует, прежде всего, собственные интересы. В-четвертых, участники сети не представляют иерархию, все они равны с точки зрения возможностей формирования совместного решения по интересующим вопросам, здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. В-пятых, сеть — это договорная структура, состоящая из набора контрактов, которые основаны на согласованных формальных и неформальных правилах коммуникации. В политических сетях действует особая культура консенсуса. В целом такая сеть есть система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы [18].

Политические сети могут различаться по ряду параметров. Конечно, некоторые из таких различий связаны со степенью выраженности общих качеств, но имеются и внутренние дифференцирующие критерии. К последним следует отнести: (1) численность и состав участников; (2) характер институционализации; (3) сфера политики, где формируются сети; (4) распределение ресурсов между участниками; (5) особенности объединяющих их интересов; (6) степень концентрации власти и т.д.

Эффективность управления посредством политических сетей обусловлена некоторыми факторами. Во-первых, таким образом, легче наладить взаимоотношения между государством и различными группами интересов, так как благодаря механизму доверия сети позволяют снизить издержки на ведение переговоров. В силу многих причин социального порядка такое доверие достижимо именно в политических сетях. Можно сказать, что оно возникает в результате социального конструирования в процессе формирования сети. Во-вторых, эффективность политических се-

[16] Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России... С. 18.

[17] Курочкин А.В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке ... С. 117—120.

[18] Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология: Учебник. М., 2002. С. 47.

тей связана с внутренними условиями взаимодействия их участников. Она будет наивысшей, когда сеть интегрирована вокруг ключевого властного агента. Усилению эффективности способствуют прямые механизмы финансового контроля государства. Эффективность оказывается наивысшей в ситуации общей сетевой стабильности, но стабильность не является достаточным условием эффективности [19].

Таким образом, к концу 1980-х гг. в западной политической науке и теории государственного управления закрепилось мнение о том, что мы сегодня являемся свидетелями кардинального изменения политического и управленческого порядка от иерархий/организаций (и рынков/анархий) к сетевым структурам. Содержание этого процесса заключается в том, что социум более не контролируется исключительно централизованными структурами. В современном мире инструменты контроля рассеяны между множеством разнообразных акторов, и их координация не является более результатом «централизованного руководства», а возникает в процессе целенаправленного взаимодействия отдельных акторов.

Национальное государство начинает существовать как минимум в двух измерениях: глобальном и локальном. В результате образуется новая форма государства – так называемое сетевое государство, в котором принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласований на всех уровнях. В этот процесс оказываются вовлеченными центральное правительство, субнациональные органы государственной власти, международные институты, местное самоуправление и неправительственные организации. Таким образом, государство начинает функционировать как сеть, «в которой все точки пересечения (узлы) влияют друг на друга и в одинаковой степени вовлечены в процесс обеспечения государственных функций».

На выработанные на Западе концепции взаимодействия групп интересов и государства в политическом процессе ориентируются и российские исследователи при построении оптимальной модели такого взаимодействия. Но у России свой особый путь развития, который не повторяет западный. Российская модель базируется на сохранении государственного патернализма по отношению к институтам гражданского общества, включая и группы интересов. Государство в ряде случаев, не дожидаясь активности граждан, само инициирует различные проекты по взаимодействию с гражданским обществом в РФ (например, организация и проведение диалоговых площадок, гражданских форумов, создание общественных палат на федеральном, региональном и локальном уровнях и т.д.). Для развития институтов гражданского общества в России необходимо совершенствование системы государственного управления, снижение уровня бюрократизации, что будет эффективно только при участии граждан и их объединений. Для любого типа политической системы предпочтительным является консенсусный тип взаимодействия, при котором государство играет роль интегрирующего фактора, способного объединить разрозненные структуры в определенный тип социально-политического сообщества. В этом случае основной целью всех субъектов взаимодействия является достижение баланса и оптимального представительства интересов, адекватного их отражения в решениях, взаимовыгодное сотрудничество, направленное на развитие общества, сохранение и повышение социально-политической стабильности, социальной и национальной безопасности.

[19] Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология: Учебник. М., 2002. С. 203.

УДК 324(470.45)"2014"

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАТА ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (по итогам социологического исследования в г. Волжском Волгоградской области)

FEATURES OF THE ELEKTORATE OF THE LEADING POLITICAL PARTIESCONTEMPORARY RUSSIA

С.О. Лебедева, И.Ю. Лясина*, Р.В.Соколов
S.O. Lebedeva, I.U. Lyasina, R.V. Sokolov

Волжский политехнический институт (филиал) ВолгГТУ,
Россия, 404121 Волгоградская обл., г. Волжский, ул. Энгельса, 42а.

**«Национальный исследовательский университет «МЭИ», филиал в г. Волжский,*
Россия, 404110, Волгоградская обл., г. Волжский, проспект Ленина, 69.

Volzhsky Polytechnic Institute,
42a Engelsa Street, Volzhsky, Volgograd region, 404121, Russian Federation

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»
69 Lenin Avenue, Volzhsky, Volgograd region, 404110, Russian Federation

E-mail: e-mail: Lebedeva.vlz@mail.ru, Irina-lyasina@mail.ru,
Jacobson_r@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу особенностей электоральных когорт ведущих современных политических партий России, участвовавших в выборах депутатов Волгоградской Областной Думы (по г. Волжскому) на основе результатов социологического исследования, проведенного межвузовской исследовательской группой ВФ МЭИ и ВПИ (филиал) ВолгГТУ в августе 2014 г. методом очного формализованного интервью. Анализ позволяет сделать вывод, что статистически значимые различия электоральных когорт Единой России, Справедливой России, КПРФ и ЛДПР доступны выявлению на основе анализа социально-демографических показателей, а также показателей социального самочувствия и электоральной активности.

Resume. The article is devoted to the comparative analysis of features of electoral cohorts leading contemporary Russian political parties participating in the elections of deputies of the Volgograd Regional Duma (the city of the Volzhsky) based on the results of a sociological study conducted by the Interuniversity research group VF MEI and VPI (branch) VSTU in August 2014 by a face-to-face formalized interviews. The analysis suggests that statistically significant differences electoral cohorts United Russia, Fair Russia, the Communist Party and the Liberal Democratic Party are available to identify based on the analysis of socio-demographic indicators, and indicators of social well-being and electoral activity.

Ключевые слова: политические партии, выборы, электорат, социальное самочувствие, предпочтения избирателей, электоральные когорты, социальный портрет электората.

Key words: political parties, elections, the electorate, social well-being, the preferences of voters, electoral cohort, the social portrait of the electorate.

Партийная система современной России, несмотря на 20 лет своего существования и развития, по мнению большинства исследователей, еще не сформировалась как самостоятельный и эффективный политический институт. В силу особенностей исторического развития страны, партийная система России начала формироваться значительно позже партийных систем большинства развитых стран, в принципиально иных социально-экономических и политических условиях, что во многом обусловило ее внутренние особенности и результативность функционирования.

Очередной этап в процессе институциализации партийной системы страны, на наш взгляд, стартовал с внесением изменений в Закон "О политических партиях" в апреле 2012 г., которые упростили процедуру регистрации партий, значительно сократили минимальную численность партий: с 40 тысяч до 500 человек, а также упростили систему отчетности [1]. В результате принятых

[1]Федеральный закон Российской Федерации "О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях" N 28 – ФЗ от 2 апреля 2012 г. // Российская газета. № 5746 от 4 апреля 2012 г.

поправок резко увеличилось число зарегистрированных партий. Так, по данным Минюста, на сегодняшний день регистрацию прошли 78 политических организаций [2].

Сегодня уже очевидно, что сформировавшаяся таким образом, перегруженная атомизированная многопартийность не только не выполняет своей функции социальной представительности интересов различных групп во власти, но и создает существенные трудности как вновь созданным партиям в их борьбе за электоральную поддержку, так и избирателям, с трудом разбирающимся в возникшем партийном разнообразии.

В настоящее время можно констатировать сразу несколько очевидных проблем новых партий, среди которых, на наш взгляд, можно выделить несколько наиболее важных.

Во-первых, большинство новых организаций вынуждены бороться за активных избирателей, участвующих в выборах, которые, в свою очередь, чаще всего имеют стойкие политические установки и выбирают «старые» партии. Надежды на «протестный электорат», негативистски настроенный по отношению к традиционным для российской партийной системы партиям, не оправдались в первые же выборы с участием новых партий, которые не сумели заинтересовать избирателя.

Во-вторых, новые партии из-за своей малочисленности и небольших финансовых возможностей вынуждены участвовать в выборах местного и регионального уровня при традиционно низкой явке, что даже в случае победы их кандидатов не позволяет им существенно заявить о себе как о серьезной политической силе и проявить себя.

В-третьих, сложившаяся практика в работе российских СМИ с политическими партиями не дает возможности новым организациям войти в политическое информационное пространство и пропагандировать свои идеи.

В-четвертых, традиционные для партийной системы и понятные большинству избирателей «старые» партии не снижают своей активности, пользуясь очевидными сформировавшимися годами правовыми и политическими преимуществами. Апробируя новые формы работы с избирателями, продуцируя различного рода социальные и законодательные инициативы, рождая информационные поводы, «старые» партии успешно борются с «эффектом усталости» от их лидеров, идей и лозунгов.

Таким образом, новые партии оказались в непростых стартовых условиях и в настоящий момент вынуждены ограничить свою деятельность в первую очередь выборами регионального и местного уровня.

В этой связи значение и интерес к региональным и местным политическим исследованиям существенно повышается. Учитывая неоднородность политической культуры страны, большие различия в социально-экономическом положении регионов, особенности национальных составов, а также специфику региональной и местной элит, исследования политического пространства становятся важнейшим источником информации для заинтересованных политических сил.

Определенным вкладом в региональные электоральные исследования стало прикладное исследование, проведенное межвузовской социологической группой Волжского политехнического института (филиал) ГОУ ВПО ВолгГТУ и филиала МЭИ в г. Волжском в августе 2014 г., накануне выборов Губернатора Волгоградской области и выборов депутатов Волгоградской Областной думы, посвященное предвыборной ситуации в городе Волжском. Опрос населения проводился методом очного формализованного интервью. Выборка исследования (репрезентативная по полу и возрасту) составила 452 человека.

Основными целями данного исследования выступили:

– определение социально-экономических настроений волжан накануне губернаторских и думских выборов;

– определение электоральных предпочтений различных социально-демографических категорий респондентов;

– определение основных характеристик электората парламентских партий (Единой России, КПРФ, ЛДПР, Справедливой России).

Рейтинг остальных партий, как показало исследование, колеблется в пределах статистической погрешности.

Результаты исследования позволяют определить основные характеристики и особенности электората ведущих политических партий современной России.

Социально-демографические характеристики сторонников партии «Единая Россия»

«Единая Россия» (далее ЕР) является самой женской партией среди четырех представленных (58,4% женщин-избирателей). В электорате партии представлены все возрастные группы в пределах 12–21%. Наиболее многочисленными из них оказались: представители самой молодой возрастной категории 18–21 год (17%), а также избиратели в возрасте 25–34 лет (21,3%).

[2]Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации: Список зарегистрированных политических партий. URL: http://www.minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok

Электорат партии имеет достаточно высокий образовательный статус сторонников. Число сторонников данной партии, имеющих высшее образование, оказалось самым большим среди электоральных когорт всех партий. В позициях средне-специального и высшего образования она уступает только сторонникам ЛДПР (76% против 85,7%).

С точки зрения социально-профессиональных характеристик следует отметить преобладание неработающих пенсионеров, домохозяек и безработных над другими социально-профессиональными категориями. Число рабочих в электорате партии составило 31,9%, служащих, ИТР – 20,1%.

Несмотря на то что у большинства избирателей партии (75,2%) уровень дохода на одного члена семьи в месяц не превышает 15000 руб., доля сторонников в двух высокодоходных категориях у ЕР самая большая среди рассматриваемых партий.

Результаты различных исследований, в том числе проводимых нашей социологической группой, свидетельствуют, что одной из важнейших характеристик, влияющих на политические настроения избирателей, является уровень их социального самочувствия [3]. С целью определения уровня социального самочувствия опрошенным были заданы вопросы: «Как бы вы оценили в целом политическую обстановку в стране?», «Как бы вы оценили экономическое положение России?» и «Как бы Вы оценили жизнь города и его жителей на сегодняшний день?» Следует отметить, что исследование проводилось до введения экономических санкций в отношении России.

Большинство сторонников ЕР оценили политическую обстановку в стране как «напряженную» – 49,5%. Однако особенностью их политической оценки является большая уверенность в политическом благополучии (11,7%), чем у других когорт, и меньшая склонность оценивать ситуацию как критическую (6,4%).

Экономическое положение России большинство электората партии оценило как «стабильное» – 60,9%, а доля кризисных оценок является самой низкой среди сторонников всех партий.

Оценивая жизнь города, самым популярным ответом у опрошенных оказался «нормально, но могло быть и лучше», его выбрали 50,7% респондентов. Доля же сторонников ЕР, оценивающих ситуацию как постоянно ухудшающуюся, минимальноя среди всех избирателей представленных партий (1,4%).

Электоральная активность избирателей ЕР характеризуется большей, по сравнению с другими партиями, долей колеблющихся избирателей (24,2%). С другой стороны, электорат ЕР является самым лояльным к своему кандидату в губернаторы (92,4%).

Социально-демографические характеристики сторонников партии КПРФ

Состав электората партии КПРФ, в отличие от электората партии ЕР, в большей степени состоит из мужчин (51%). Возрастные категории представлены преимущественно старшим поколением. В полученных результатах исследования прослеживается рост числа сторонников по мере увеличения возраста опрошенных. Это отражается на социально-профессиональной структуре избирателей КПРФ. Категория пенсионеров, домохозяек и безработных составляет большинство электората партии – 52,9% респондентов. Примечательным фактом является самая маленькая, в сравнении с другими партиями, доля рабочих (25,5%) среди избирателей партии. Отличия, связанные с возрастными особенностями электората партии, проявились и в уровне образования сторонников КПРФ, которые имеют самый низкий образовательный статус. Уровень дохода рассматриваемой когорты существенно ниже уровня дохода электората ЕР и ЛДПР. У 49% респондентов на одного члена семьи в месяц приходится от 9000 до 15000 руб., а у 40,8% – до 8000 рублей.

Уровень социального самочувствия электората КПРФ также имеет свои особенности. Благополучной политическую ситуацию считают 6,1% (самая низкая величина среди всех партийных когорт) избирателей КПРФ. Доля негативных оценок составила 57,1% электората партии, больше только у ЛДПР. Следует отметить, что вариант ответа «критическая» (12,2%) в оценках сторонников КПРФ встречается чаще, чем среди электоральных когорт всех рассматриваемых партий. В оценках экономического положения страны мнения избирателей КПРФ разделились: 44% считают ситуацию стабильной, и такое же количество – кризисной.

Среди ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили жизнь города и его жителей на сегодняшний день?» у сторонников КПРФ самым популярным ответом оказался «нормально, но могло быть и лучше» – 42,9%. В то же время доля негативных оценок является самой высокой среди всех представленных партий (56,9%).

Уровень заявленной потенциальной электоральной активности сторонников партии КПРФ оказался самым высоким – 73,5%. В ситуации отсутствия своего кандидата подавляющая часть сторонников КПРФ поддержали А.И. Бочарова, кандидата от партии-конкурента.

[3] Лебедева С.О., Лясина И.Ю., Соколов Р.В. 2012. Существенные характеристики электоральных когорт кандидатов в Президенты России в 2012 году // Альманах современной науки и образования. № 6. С. 105.

Социально-демографические характеристики сторонников партии ЛДПР

Сторонники ЛДПР – самый «мужской» электорат среди рассматриваемых партий (65,1%). Кроме того, электорат партии является самым молодым. Возраст 18–24 лет здесь составляет 18,2%; 25–34 лет – 27,3%. При этом в числе избирателей ЛДПР меньше всего пожилых; в возрасте 55–64 лет их 15,9%, старше 64 всего 9,1%. Преобладающим уровнем образования у сторонников ЛДПР оказалось средне-специальное – 57,1%. При этом высшее образование имеют 28,6% электората. В социально-профессиональном плане в электорате ЛДПР самая низкая, по сравнению с другими партиями, доля пенсионеров, безработных, домохозяек – 33,3%, а также самая высокая доля предпринимателей, владельцев бизнеса (9,5%). Среди сторонников ЛДПР высока, относительно избирателей других партий, доля высокодоходных категорий (от 16 000 до 20 000 рублей – 12,2%, более 20000 рублей – 12,2%).

Политические оценки сторонников ЛДПР близки к оценкам сторонников ЕР. Так, политическую обстановку в стране оценивают как «напряженную» 51,2% опрошенных, 32,5% считают ее «спокойной». В целом, негативные оценки превзошли позитивные и составили 39,5% и 60,5% соответственно.

Двойственность в оценках городской жизни характерна для электората ЛДПР. С одной стороны, большинство сторонников позитивно оценивают положение дел в городе (53,5%), с другой стороны, доля крайне негативно оценивающих положение дел – самая большая среди всех сторонников партий (14%).

Уровень заявленной электоральной активности в данной когорте составил 46,5%, что является самым низким показателем среди всех исследуемых партийных когорт. Электоральная поддержка кандидата конкурирующей партии была выражена в следующем: за кандидата, выдвинутого партией ЛДПР, Д.А. Литвинцева готовы были отдать свой голос только 21,4% сторонников партии. В то время как подавляющее большинство электората партии, 73,8%, заявили о своей поддержке кандидата ЕР А.И. Бочарова.

Социально-демографические характеристики сторонников партии «Справедливая Россия»

Как и у ЕР, большинство избирателей Справедливой России (далее СР) – женщины (52,5%). Кроме того, сторонники партии являются самыми возрастными. Доля двух старших возрастных когорт у СР наибольшая среди представленных партий и составляет 59,1%. В то же время доля молодых сторонников партии самая маленькая и составляет 4,5%.

В социально-профессиональном составе электората рассматриваемой партии исследование не выявило владельцев бизнеса, руководителей, а также учащихся и студентов. 57,1% респондентов электората СР являются неработающими пенсионерами, что соответствует данным возрастного состава.

Уровень образования сторонников СР сопоставим с электоратом КПРФ, однако в нем значительно меньше лиц с высшим образованием (15%), что меньше чем у других рассматриваемых здесь электоральных когорт.

Исследование зафиксировало отличия и в уровне доходов сторонников СР. Так, лиц с высоким доходом свыше 20000 руб. на члена семьи в месяц здесь вообще нет. Самый распространенный у сторонников партии доход – до 8000 руб. на одного члена семьи в месяц (47,6%), на втором месте – от 9000 до 15000 руб. - 42,9%. Таким образом, можно утверждать, что электорат СР в большей степени, чем остальные, представлен избирателями низкодоходных когорт.

Политическая обстановка в стране большинством оценивается как «стабильная» (42,9%). Ощущение напряжения и кризиса у избирателей СР проявляется меньше, чем в других когортах. Следует отметить, что в целом сумма позитивных оценок политической обстановки в стране составила 52,4% и превзошла негативные (47,6%) только в электорате данной партии.

В оценках экономического положения страны мнения избирателей СР разделились почти поровну: 47,6% считают ситуацию стабильной, и такое же количество – кризисной; что сопоставимо с аналогичными показателями электората партии КПРФ.

В положительных оценках городской жизни сторонники СР уступают только сторонникам ЕР. В сумме позитивные оценки составляют 61,9%.

Уровень заявленной электоральной активности в данной когорте оказался достаточно высоким и составил 66,7%, что является вторым после сторонников ЕР показателем. Доля колеблющихся среди избирателей СР – самая низкая среди представленных партий (9,5%).

Как и в случае с ЛДПР, поддержка кандидата от ЕР существенно превышает поддержку кандидата от СР. Особенностью же электоральных предпочтений избирателей СР можно назвать высокий рейтинг кандидата от ЛДПР (14,3%).

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования позволяет утверждать следующее:

1. Социальные портреты электоральных когорт ведущих парламентских партий современной России отличаются по своим социально-демографическим характеристикам. Так, среди сторонников ЛДПР больше чем в других партиях мужчин, а среди сторонников ЕР – женщин. ЛДПР имеет самый молодой электорат, самые возрастные избиратели у СР. У электората ЕР самый образованный и состоятельный электорат в отличие от наименее образованного электората СР, принадлежащего больше других к низкодоходным категориям. Если говорить о роде занятий, то примечательно, что рабочие менее всего поддерживают КПРФ. ЛДПР более других имеет сторонников среди предпринимателей и владельцев бизнеса, а СР – среди пенсионеров, временно безработных и домохозяек.

2. Исследование выявило некоторые различия в уровне социального самочувствия электоральных когорт партий. Наиболее высокий уровень чувства политического благополучия продемонстрировали сторонники ЕР. Ярко выраженными носителями кризисных представлений стали избиратели КПРФ. В экономическом аспекте ощущение нестабильности наиболее охватило избирателей СР. Электорат ЕР более других убежден в экономической стабильности в стране. Экономические оценки избирателей КПРФ поляризованы. Городская жизнь наиболее неприглядно выглядит в представлениях сторонников КПРФ, а электорат ЛДПР одновременно показал самую большую долю крайне позитивных и крайне негативных оценок.

3. Самый высокий уровень электоральной активности продемонстрировали избиратели КПРФ, а самый низкий – избиратели партии ЛДПР. Высокий уровень колеблющихся избирателей зафиксирован у ЕР, а сторонники СР имеют минимальное количество таковых. Также выяснилось, что выбор кандидата на пост губернатора специфически определяется партийной принадлежностью. Подавляющее число сторонников всех партий поддержали кандидата от ЕР. Лидеры СР и ЛДПР получили второе место в рейтинге кандидатов.

Результаты данного и аналогичных исследований представляют интерес для участников регионального политического процесса, среди которых: представители партий, органов власти различного уровня, партийные лидеры и активисты, представители депутатского корпуса, а также журналисты и исследователи [4].

Такие исследования получают популярность накануне и в преддверии выборов различного уровня. Полученные результаты позволяют выстроить предвыборную кампанию кандидатов и партий, разработать ее стратегию и выбрать тактику с учетом особенностей социальных портретов электоратов, а также специфики их уровня социального самочувствия. В период между электоральными циклами результаты подобных исследований могут стать частью мониторинга электората с целью построения и реализации эффективной социальной политики местной и региональной власти.

[4] Лебедева С.О., Лясина И.Ю., Соколов Р.В. 2013. Основные характеристики избирателей парламентских партий современной России. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4. ч. 2. С. 103.

УДК 323.272(47+57)”19”

КОНСЕРВАТИВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ КРЕДО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В АСПЕКТЕ БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ И ОШИБОЧНОСТИ РЕВОЛЮЦИИ

CONSERVATIVE IDEOLOGICAL CREDO OF FYODOR DOSTOYEVSKY IN THE ASPECT OF IMMORALITY AND FALSITY OF THE REVOLUTION

К.А. Лотарев
K.A. Lotarev

Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, г. Волгоград, Проспект Университетский 100.

Volgograd State University,
100, prospect Universitetsky, Volgograd, 400062, Russia.

e-mail:lotarev16@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка провести историко-политологический анализ феномена революционных коллизий и потрясений в контексте консервативного мировоззрения на основе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Главная цель – показать необходимость анализа нарративного источника не в литературоведческом направлении, а в историческом и политологическом. В работе рассматриваются взгляды Ф.М. Достоевского на феномены «нигилизма» и «революции» в их спекулятивности и разрушительности.

Resume. The article attempts to carry out the historical and political analysis of the phenomenon of revolutionary upheavals and conflicts in the context of a conservative outlook on the basis of "Diary of a Writer" Fyodor Dostoyevsky. Main purpose - to show the need to analyze the narrative in the literary source is not direction, but in the historical and political science. The paper considers the views of Fyodor Dostoyevsky on the phenomenon of "nihilism" and "revolution" in their speculative and destructive.

Ключевые слова: нигилизм, революция, разрушение, созидание, консерватизм, традиция, православие, народ.

Key words: nihilism, revolution, destruction, creation, conservatism, tradition, orthodoxy, nation, people.

«Иной добрейший человек как-то вдруг сможет сделаться омерзительным безобразником и преступником, – стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. ..... Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва – порыва отрицания и саморазрушения. ..... в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе».

Ф.М. Достоевский. *(Дневник писателя. М., 2011. Т. 1. С. 80.).*

Интерес к творчеству Ф.М. Достоевского – как научный, так и публицистический – не только сохраняется, но и возрастает: о нем писали и пишут много. Научная литература недавно пополнилась ещ одним интересным литературоведческим исследованием [1]. В данной статье автор сосредоточил внимание на историософских и политических взглядах Ф.М. Достоевского. Отмечается, что повышение интереса к творчеству Ф.М. Достоевского обусловлено современным дискурсом о путях развития России, «заставляющим обратиться к творчеству видных русских мыслителей прошлого. Среди них особняком стоит фигура Ф.М. Достоевского, традиционно оцениваемого как предсказателя основных коллизий отечественной истории XX века» [2]. В данном контексте представляется, что и противоречивый политический процесс в современной России – России XXI века остается на стадии переходного периода. А переходному периоду свойственно то состояние поли-

[1] Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876 - 1877). Критика текста: монография. М., 2011.

[2] Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф. М. Достоевского (По материалам "Дневника писателя") : Дис. ... канд. ист. наук. 2006. С. 1.

тической рефлексии, при котором поставлено больше вопросов и проблем, чем их позитивное разрешение. Трудно не согласиться с мнением У.С. Любятинской, что «Будучи позиционирован как исключительно художественный писатель, Ф.М. Достоевский был вынесен за рамки отечественной историографии XIX века. Между тем, генезис ряда концептуальных подходов русской исторической мысли, связанных, главным образом, с историографией консервативного направления, определялся напрямую его творческим наследием. Без Ф.М. Достоевского отечественная историография соответствующего периода не представляется в достаточной степени репрезентативной» [3]. Представляется, что воззрения на мир у Ф.М. Достоевского были более не историческими, а историософскими. Мало кто из писателей мировой литературы, обращающихся к политическим и историческим сюжетам или событиям, поднимался до такого высокого уровня осмысления. Безусловно, это не является необходимостью, но вполне позволяет анализировать некоторые произведения как историографические феномены. А с другой стороны, вопросы и проблемы, затрагиваемые писателем, созвучны нашему времени. При несомненной актуальности и значимости поднимаемых проблем, «Дневник писателя» может изучаться и анализироваться и в сфере политической науки.

Обращение автора статьи к творчеству Ф.М. Достоевского обусловлено несколькими важными обстоятельствами.

В романе «Бесы» Ф.М. Достоевский характеризует ошибочность и безнравственность революции с художественной стороны. Но чтобы полнее и глубже понять точку зрения писателя на идеологию революционного движения, а точнее на ее трагическую ошибочность и беспочвенность в России, следует обратиться к «Дневнику писателя», на страницах которого автор дает четкое обоснование занимаемых им в политической и общественной жизни позиций. С другой стороны, Ф.М. Достоевский отличался особым и утонченным восприятием, пониманием людей и идей. Видимо, это было обусловлено и генетически врожденными качествами и самими жизненными обстоятельствами и событиями: увлечение радикальными идеями петрашевцев, которые он пропустил через сердце; ожидание смерти по приговору имперского суда; горькая и тяжелая расплата многолетней каторгой, которая надолго, казалось, отделила его от привычного образа жизни и окружения; долгое искреннее преодоление радикальных идейных заблуждений. Исходя из православных нравственных императивов и социально-политических реальностей, Ф.М. Достоевский, не претендуя на постижение жизни посредством доказательных научных сентенций, дает образные и трудно отрицаемые объяснения того, что происходит с человеком и обществом на временных исторических и политических изломах. Безусловно, это касается исключительно русской жизни. Эпиграф к данной статье отражает это весьма глубоко и красноречиво. Насколько это видение коррелируется с современной российской реальностью? Вопрос сложный. Согласно одному из основных кредо консервативного мировоззрения – революция в варианте сопряжения с гражданской войной и потоками людской крови не завершается победой одной из сторон. Далее следует долгий период утверждения и упрочения «завоеванного». Нередки в политической истории были Реставрации и Узурпации, Диктатуры и Тирании. Слишком велика цена гордыни, тщеславия и эгоизма человеческого, прикрытых светской гуманистической риторикой. В этом контексте Свобода, Равенство, Братство для консервативного мышления и мировоззрения, являются обманом, выражением манипуляций демонических сил. Лидеры европейских революций, впрочем, в большинстве своем происходили отнюдь не из низов общества, а в большинстве случаев из так называемого среднего класса. Они отличались, как правило, высокой образованностью, нередко искренней верой в свои идеи и их благотворность и необходимость. При всей очевидности и несомненности общечеловеческих гуманистических достижений, они, тем не менее, перебиваются неистребимой общественной иерархией и неравенством, основанным на власти и влиянии, капитале и собственности, столь неравномерно распределенных. Ф.М. Достоевский искал ответа на главные вопросы человеческого бытия – что может определять общественную гармонию, мир и созидание? И поиск этот никогда не шел в отрыве от православного мироощущения и восприятия. Вот квинтэссенция мировоззрения Ф.М. Достоевского в этом вопросе: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие все» [4]. Бог, русский народ и Православие по Достоевскому – неразрывны. Где появляется разрыв, тут появляется и трагедия, катастрофа. Чем сильнее и радикальнее разрыв, тем и губительнее катастрофа. Человек, являющийся носителем веры и нравственности, может оказаться серьезно поврежденным бесами. Есть нечто общее в рассуждениях о человеке Н.М. Карамзина и Ф.М. Достоевского. Н.М. Карамзин видел в монархе не столько человека, сколько саму высшую идею, суть которой состоит в соответствии монарха высшим человеческим качествам и добродетели. Соответствовать такой идее было непросто. Этим и объясняется одна из причин, по которой Карамзин на время попадет в немилость императора Александра Первого [5].

---

[3] Там же.

[4] Цит. по: Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках. М., 2003. С. 321.

[5] Лотарев К. А., Никотин А. Д. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие: монография. Волгоград, 2008. С. 178-186.

Ф.М. Достоевский в своем творчестве – художественном и публицистическом – тоже вкладывает большой смысл в назначение человека – не монарха, Помазанника Божьего, а человека вообще (русского православного человека). Н.А. Бердяев так заметил по этому поводу: «У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей, нет в самом человеке того, что связывает его с природным миром, с миром вещей, с бытом, с объективным строем жизни, существует только дух человеческий и только он интересен, он исследуется» [6]. Но есть в философской литературе и иные интерпретации подхода Ф.М. Достоевского в вопросе о человеке. Так, В.В. Зеньковский отмечает: «...Достоевский – антропоцентричен, а его философское мировоззрение есть, прежде всего, персонализм, окрашенный, правда, чисто этически, зато и достигающий в этой окраске необычной силы и глубины. Нет для Достоевского ничего дороже и значительнее человека, хотя, быть может, нет ничего страшнее человека ...Персонализм Достоевского относится к онтологии, а не к психологии человека, к его существу, а не к эмпирической реальности» [7].

Возможно, единственным внутренним конфликтом писателя был его неприкрытый историософский антисемитизм. Это обстоятельство значительно затрудняет возможность видеть в писателе органический, ничем не отягощенный гуманизм. Достоевский видел гуманизм в противостоянии тоталитаризму и насилию и видимо не считал, что помехой ему может быть еврейский вопрос.

В российской истории, в контексте ее социально-политического содержания, есть интереснейшие источники, вышедшие не только из под пера венценосных особ и государственных деятелей, но и написанные талантливыми деятелями науки и искусства. В данной статье внимание автора сосредоточено исключительно на Дневнике Ф.М. Достоевского. Ценность «Дневника писателя» состоит не столько в богатейшей онтологической и эмпирической информативности, сколько в том, что Ф.М. Достоевский жил в период «созревания», периодических усилений и ослаблений революционных настроений, но при этом предсказал осуществимость в России революционного переворота в его крайней радикально-разрушительной форме. С высоты времени трудно не заметить и понять редкую проницательность писателя. Обращаясь к вопросу о том, что заставляет революционеров-«нигилистов» видеть в революции единственное средство достижения «рая на земле», Ф.М. Достоевский склонен объяснять это влиянием Запада. Действительно, в эпоху правления Петра I Россия становится влиятельным участником в системе европейских политических отношений. Россия получила возможность обратить свой взор на «истинную цивилизацию». Но при этом император Петр Великий, насаждая в «отсталой» Руси европейские манеры, европейский облик и культурные достижения, возможно, незаметно для себя дал толчок к европеизации мировоззрения «культурной русской элиты». Часть этой элиты, по мнению Ф.М. Достоевского, в настроениях своих примыкала почему-то именно к разрушительным элементам Европы, в частности к левым движениям. И тогда получается, что «западники» XIX века напрочь отрицают европейскую цивилизацию. Причины этого столь необычного явления Ф.М. Достоевский усматривает в «протестующей русской душе», которой «европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, оказывалась чуждой» [8]. И далее развивается мысль, что «чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала; ... и протестовало не от татарства своего, а и в самом деле, может быть, от того, что хранило в себе нечто высшее и лучшее, чем то, что видело в окошке...» [9]. Выходит, что действительными патриотами своей родины являются именно «западники»-нигилисты, которые выступают фактически за уничтожение западной цивилизации в ходе революций. Но тогда возникает вопрос, зачем революцию они стремятся осуществить и в России, началу которой так верны. «Тут вышла одна великая ошибка..., – говорит Ф.М. Достоевский, – и прежде всего та, что все эти тогдашние западники Россию смешали с Европой, приняли за Европу серьезно и – отрицая Европу и порядок ее, думали, что то же самое отрицание можно приложить и к России, тогда как Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо» [10]. Поэтому, по мысли писателя, русские так ненавистны европейцам, поскольку похожи на варваров, которые, не принадлежа к «цивилизации», восприняли ее отрицающие разрушительные идеи.

Европеизация мировоззрения нашего «культурного слоя» привела и к еще одному негативному явлению русской действительности, определившему (или, точнее, предопределившему) изначальную ошибочность и разрушительную опасность взглядов нигилистов. И явление это – отрыв интеллигенции от народа, от родной «почвы», и, как следствие этого, незнание народа, а значит, неверность суждений. «Это именно происходит у нас от взаимной, долгой и все более и более возрастающей оторванности одной России от другой. Наша оторванность именно и началась с простоты взгляда одной России на другую. Началась она ужасно давно, ... и с тех пор, от поколения к поколению, взгляд этот только и делал у нас, что упрощался» [11]. Отойдя от народных начал,

---

[6] Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Н. А. Бердяев о русской философии: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1. С. 239.
[7] Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. (и в 2-х частях) Л., 1991. Т. 2. С. 229-230.
[8] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1 М., 2011. С. 404.
[9] Там же. С. 405.
[10] Там же. С. 406.
[11] Там же. С. 526.

интеллигенция утратила силу единства, свято хранимую «народной идеей»; поэтому «наше русское интеллигентное общество всего более напоминает собою тот древний пучок прутьев, который только и крепок, пока прутья связаны вместе, но чуть лишь расторгнута связь, то весь пучок разлетится на множество слабых былинок, которые разнесет первый ветер. Так вот этот-то пук у нас теперь и рассыпался» [12].

Таким образом, единственным носителем исконной «русской правды», истинной веры в Бога, и Бога, при этом, единственно истинного, является именно русский народ, который знает Евангелие, носит в своем сердце основные правила веры: «… сердечное знание Христа и истинное представление о нем… передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего» [13]. Народ обладает огромной внутренней силой; даже в самые трудные времена, пишет Ф.М. Достоевский, ему были присущи милосердие, всепрощение, широкость взгляда и особо – жертвенность, даже «потребность страдания». Поэтому интеллигенция научить народ ничему не может, и прежде чем строить прокламации революционерам-активистам (как, впрочем, и либералам), следовало бы поучиться у народа истине; или, по крайней мере, узнать, чего он хочет. А народ, по убеждению Ф.М. Достоевского, является противником революции. Здесь писатель отчасти прав, если говорить о крестьянах, которые в России XIX века были преобладающим по численности сословием; что же касается европейского пролетариата, проявлявшего революционные тенденции с XVI века, то этот класс Ф.М. Достоевский отождествлял с буржуазией, на том основании, что те и другие – собственники, только в разной степени.

Европейская цивилизация имела и еще одно пагубное влияние на русскую передовую мысль. По Ф.М. Достоевскому, очередная ошибка российской интеллигенции – это признание западной «теории среды», согласно которой во всех бедах, во всех пороках нашего общества виновата среда, то есть, по сути, само общество, общественные отношения, установившийся порядок, или, лучше сказать, беспорядок. «Одним словом, проглядывает руководящее убеждение всей жизни, то есть «были бы все обеспечены, были бы все и счастливы, не было бы бедных, не было бы преступлений. Преступлений нет совсем. Преступление есть болезненное состояние, происходящее от бедности и от несчастной среды» и т.д. [14].

Исходя из эсхатологического понимания свободы, Ф.М. Достоевский небезосновательно для пытливого и проницательного ума заключает: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и его свободу. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [15]. Отсюда вытекает мысль, что с бедами и преступлениями нужно бороться, изменяя среду. Из этого тезиса рождаются различные проекты «очистки среды» от пороков. Но вопрос о том – у кого есть право «чистить», едва ли беспокоил «чистильщиков». Можно, например, свергнуть самодержавие, уничтожить дом Романовых (что и сделали большевики в 1918 г.), можно поубивать всех чиновников-бюрократов и «богатеев», мешающих спокойно и хорошо жить «простым людям». Можно было бы, наконец, перевешать всех помещиков-ретроградов и консерваторов, которые думают только о том, как бы подольше продержать «в кабале» крепостных, да взять с них побольше… Возможностей «улучшения» среды не счесть.

Но Ф.М. Достоевский в этом вопросе исходит от обратного: как добро, так и зло таятся внутри человека, и, чтобы победить весь мир, человек должен победить, прежде всего – себя, побороть собственную разрушительную силу. В противовес учению о среде Ф.М. Достоевский ставит христианство, которое «вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается. Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его» [16].

Многое в этом вопросе, по мысли Ф.М. Достоевского, зависит от воспитания, которое человек получает в детстве, в семье. И если при этом учесть, что «наши юные люди наших интеллигентных сословий, развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречаете теперь недовольство, нетерпение, грубость невежества (несмотря на интеллигентность классов) и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, – тут ли, из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни?» [17]. Следовательно, реальное начало зла кроется «в предании, в преемстве идей, в вековом

[12] Там же. С. 298.
[13] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1. С. 83.
[14] Там же. С. 388.
[15] Там же. С. 56.
[16] Там же. С. 56.
[17] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1. С. 197.

национальном подавлении в себе всякой независимости мысли, в понятии о сане европейца под непременным условием неуважения к самому себе как к русскому человеку!» [18].

Но корень зла лежит не только в воспитании; зло в какой-то степени изначально присуще человеку. И в романе «Бесы» Достоевский приводит «многоразличные и разнообразные мотивы», исходя из которых «даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди» могут совершать чудовищные злодеяния. «Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем!» [19] – вот суть наших бед.

Следующий вопрос состоит в том, каким должен быть идеальный мир, царство гармонии по мысли нигилистов; то есть каким они видят конечный результат своих действий? Здесь вариантов также множество: от утопических мечтаний о рае в «хрустальном дворце» (или «муравейнике») до «казармы» Шигалева. Несмотря на их внешнее разнообразие, все они сводятся к чистому материализму: люди должны с радостью трудиться и жить в полнейшем достатке, и даже роскоши. При этом социалисты-«доброжелатели», пленившись внешней оболочкой своих утопий, не заглянули «внутрь» – а что же станет с человеком, если он вдруг начнет жить в условиях полного удовлетворения своих потребностей? Чего еще ему остается желать? К тому же еще в «муравейнике» вся жизнь будет расчислена по таблицам и потому будет скучна и невыносима. Мысль эта прослеживается еще в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского, где автор через «подпольного человека» утверждает, что люди и не хотят «Хрустального дворца», так как они любят хаос и разрушение, а вовсе не стройность и гармонию. Страницы «Дневника писателя» повествуют об итоге поклонения материализму: «Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них все украл разом; что исчез человеческий лик, и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной... Поняли бы люди, ... что счастье не в счастье, а лишь в его достижении. Настанет скука и тоска... Самоубийцы явятся толпами; ... люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами... И тогда, может быть, и возопиют остальные к Богу: «Прав Ты, Господи, не единым хлебом жив человек» [20].

Будущее России, по мнению Ф.М. Достоевского, в преодолении разрыва интеллигенции с народом, а значит в преодолении ненависти между ними, в братском единении всех сословий на основе национальной христианской идеи, веры в Бога, всеобщего примирения и смирения. Писатель был убежден, что Россия «осмелится сказать свое новое слово в общечеловеческом деле... И даже... скажет не только собственное, но, может, и окончательное слово» [21]. «... В народных началах России и в ее православии, – под которым Федор Михайлович подразумевает идею, – заключаются залоги того, что Россия может сказать слово живой жизни в грядущем человечестве...» [22].

Ф.М. Достоевский отвергает и порицает выдвинутые нигилистами способы построения «рая на Земле», тем самым полностью отвергая и порицая революцию. Эти «бесы», идеологи «смуты», провозгласив принцип «все средства хороши», не подозревают, что невозможно «рай» построить на «резании голов» и «сдирании кож». «Мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили... Все прежние авторитеты разбили и наставили новых, а в новые авторитеты, чуть кто ... поумнее, тот и не верует, а кто посмелее духом, тот из гражданина в червонного валета обращается. Мало того, ей-богу начнет сдирать со спины кожу, да еще провозгласит, что это полезно для общего дела, а стало быть свято» [23]. «Лучше, – пишет Ф.М. Достоевский, – верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допустилось злодейство» [24].

Таким образом, русский революционер, утратив всякое понятие о том, до какой степени его учение рознится с душой русского народа, принял за достижение цели то, что «составляло верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей....» [25]. Напрасно провозглашают принцип «пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша», потому что «без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» [26]. Это вечная истина. Не нужно заставлять народ идти войной на «притеснителей», «изменников» и т.д.

Смысл исканий Ф.М. Достоевского в том, что нужно самому сблизиться с народом, вернуться к народной «почве», понять народ, полюбить его, разглядеть в нем те качества, ту идею, которые до этого отрицались, вместо того чтобы рассматривать народ как теорию. Лучше отождествлять себя с народом и тем самым увидеть, что предпочтительнее для его будущего.

---

[18] Там же. С. 198.
[19] Там же. С. 197.
[20] Там же. С. 240.
[21] Там же. С. 427.
[22] Там же. С. 427.
[23] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 2. М., 2011. С. 56.
[24] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 2. С. 58.
[25] Там же. С. 27.
[26] Там же. С. 288

Обращаясь к тщеславным и переполненным гордыней революционерам, Ф.М. Достоевский напоминает, что есть и более высокий полет мысли – источником и основанием которой является православная нравственность. Предшествующие Ф.М. Достоевскому консерваторы – как русские, так и европейские – не представляли устойчивого социально-политического устройства без веры и прочно укорененных в сознании религиозных императивов. Вероятно, именно из них, со временем, консервативное мышление будет далее развиваться и пополняться казалось чисто светскими обоснованиями, как-то – «ум человеческий пребывает в просторах весьма тесных» (Э. Берк, Жозеф де Местр, Н. М. Карамзин и др.), «неравенство и несправедливость неистребимы, но они могут быть значительно смягчены» и другие.

Ф.М. Достоевский обогащает идейный поиск, утверждая: «Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [27]. А полюбив народ таким, как он есть, сблизившись с ним, уверовав в истинного Бога, человек станет относиться к каждому как к брату, и вот тогда и наступит «рай на Земле», и в мире восторжествует справедливость и гармония, которых никогда не добьются своими методами революционеры. И тогда стремительно, «с жаждой самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, спасет себя сам» [28].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, как Ф.М. Достоевский оценивал революционные идеи и настроения своих современников-нигилистов, оторванных от народа, от «почвы». Революция безнравственна в полном смысле этого слова; ее деятели и, особенно, вожди-вдохновители, прибегая к всевозможным средствам, в большинстве своем преступным и антигуманным, переступая через кровь своих соотечественников, которую они, к тому же, используют как «клейстер» для поддержания дисциплины и сохранения атмосферы беспрекословного подчинения, – так вот эти нечаевы и верховенские, сея на своем пути разврат и разрушение, идут и тащат за собой Россию к неопределенному будущему, в котором по теории будут царить «свобода, равенство и братство», а на практике – рабство и безграничная деспотия. Но революция не только безнравственна и аморальна, она еще и беспочвенна, поскольку революционеры, не зная и в душе своей презирая народ, не обладая его истинной верой, хотят достичь того, чего заведомо не приемлет народ, что абсолютно противоречит исконной природе человеческой, изначальной русской идее. Они используют омерзительные, жестокие методы борьбы с ненавистным им миром, сеют хаос и полнейший раздор, но при этом с необычайной легкостью, и даже не задумываясь об этом, они переступают не только через законы человеческие, общественные, но и через законы христианские. О какой любви к ближнему тут может идти речь, если людей уничтожают «чтобы размять косточки». И какое общество, какой рай могут они построить? Видимо, невозможно, не имея в душе ничего высокого, подлинно человеческого, приниматься за преобразование мира. Невозможно искоренить пороки общества и несправедливость, действуя методами еще более порочными и, уж тем более, несправедливыми. И зачем им вообще браться за переустройство России, если она им так ненавистна? Только «бесы» – мошенники, авантюристы, самозванцы, – могут навязывать народу революцию: именно навязывать, так как народ, по мнению Ф.М. Достоевского, храня в своем сердце основы истинной веры и национальной русской идеи, не может принять революцию, чувствуя не только ее безнравственность, но и ее античеловечность.

Именно эта мысль развита в «Дневнике писателя», в романе «Бесы» и других сочинениях.

Представляется, что в настоящее время – противоречивое и многотрудное, когда идет процесс обретения Россией и обществом устойчивых социальных, экономических, политических, правовых и культурных форм и институтов, научное осмысление политической истории неизбежно расширяется не только числом аспектов, но и привлечением ранее малоиспользуемых источников и материалов. И относительно недавно начало этому было положено. «Дневник писателя» охватывает более широкий круг тем и проблем в российской политической истории и, несомненно, его изучение будет плодотворно продолжаться. Исторические и политические составляющие неразрывны в переломные периоды общественного и государственного развития [29].

В заключение отметим: Достоевский Федор Михайлович – не просто великий писатель, но и проницательный консервативный мыслитель, который, признав ошибочность своих прежних суждений, смог отойти от радикальных и разрушительных общественных политических течений и отстаивать свое мировоззрение «почвенничества», указывая либералам, консерваторам, реакционерам и социалистам на то, что прежде чем что-то предпринимать, нужно любить и знать Россию, любить с ее недостатками и сложностями. И только тогда желание преобразовать ее будет основано не на разрушительной силе волюнтаризма, а на созидательной творческой энергии, опирающейся на здравый смысл и мудрость консервативного мировоззрения.

---

[27] Там же. С. 250.

[28] Там же. С. 80.

[29] Konstantin A. Lotarev, Oleg V. Kuznetsov. The Revolutionary Movement in the Evaluation of F.M. Dostoevsky: To Understand Conservatism in the Political History of Russia // Bylye Gody. 2015, Vol. 38. Is. 4. P. 1069-1077.

УДК 327.7(47+57)

ЕАЭС: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПОСТУПЬ ИНТЕГРАЦИИ

THE EEU IS CONTRADICTORY PACE OF INTEGRATION

В.В. Огнева
V.V. Ogneva

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Орловский филиал, Россия, Орловская обл., г. Орел, 302028, бульвар Победы, д. 5а

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch, Russian Federation, Orel region, Orel, 302028, Victory b., 5a

E-mail: ognevavv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации евразийского экономического проекта с участием России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Армении. На основе фактологических и статистических данных установлено, что, несмотря на установление единого таможенного пространства, разработку нормативных основ интеграционного взаимодействия, расширение сферы международных связей с другими интеграционными площадками, качественных изменений в сотрудничестве стран ЕАЭС, характерных для динамического эффекта, связанного с экономическим ростом и поступательным развитием экономик этих стран, не произошло. Среди проблемных аспектов ЕАЭС выделяются состояние взаимной торговли, сложности в передвижении граждан, формировании единых технических регламентов в сфере санитарного, ветеринарного, фитоконтроля. Отмечается неоднозначность подходов «евразооптимистов» и «евразоскептиков» к видению перспектив евразийского экономического союза. Предлагается обратить внимание на показатели региональной концентрации торговли; важность разработки общей стратегии евразийского экономического союза (ЕАЭС); необходимость дальнейшего улучшения регулирования процессов миграции, оптимизации деятельности Евразийской Экономической Комиссии (ЕЭК), создания единой таможенной службы и др.

Resume. This article analyzes the implementation of the Eurasian economic project with participation of Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia. On the basis of factual and statistical data found that despite the imposition of uniform customs space, the development of regulatory frameworks of integration, expansion of international ties with other integration sites, qualitative changes in cooperation of the EAEU countries, characteristic of the dynamic effect associated with economic growth and progressive development of the economies of these countries did not happen. Among the problematic aspects of the EAEU are allocated to the state of mutual trade, the movement of citizens, the formation of uniform technical regulations in the sphere of sanitary, veterinary and phytocontrol. It is noted the ambiguity of approaches "eurazooptimists" and "evrazoskeptics" to the vision of the future Eurasian economic Union. It is proposed to pay attention to the indicators of regional concentration of trade; the importance of developing a common strategy of the Eurasian economic Union (EAEU); the need to further improve the regulation of migration processes, optimization of activity of the Eurasian Economic Commission (EEC), the establishment of a uniform customs service, etc.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграционные процессы, проблемы интеграции, перспективы евразийского экономического союза

Keywords: EAEU, integration processes, problems of integration, prospects of the Eurasian economic Union.

Образованный изначально в формате трех государств – России, Беларуси и Казахстана, Евразийский экономический союз в течение первого года своего существования, как известно, пополнился членством в нем Республики Кыргызстан и Республики Армения. В ЕАЭС предприняты меры по созданию Зоны свободной торговли (ЗСТ), интерес к которой проявили более 30 торговых партнеров-государств, среди которых Вьетнам, Израиль, Египет, Индия и др.

Меморандумы о сотрудничестве по вопросам торговли заключены с Китаем, региональными интеграционными объединениями и международными организациями, в частности Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Общим рынком государств Южной Америки (Меркосур), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), форумом Азиатского Тихо-Океанского сотрудничества (АТЭС), БРИГС и другими [1], что дает возможность не только для изу-

[1] Евразийская экономическая комиссия. Каталог документов. URL: http://www.eurasiancommission.org

чения мирового опыта интеграционного взаимодействия государств, но и оптимизации применяемых в ЕАЭС практик экономического сотрудничества.

Государства-члены Евразийского экономического союза выступают за развитие взаимовыгодных отношений между ЕАЭС и Европейским союзом [2]. В качестве основных целей такого сотрудничества рассматриваются, прежде всего, дальнейшее развитие взаимной торговли, расширение сферы внешнеэкономической деятельности.

Прорабатывается возможность создания масштабного экономического партнерства между странами Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [3]. И это не случайно: вместе эти страны составляют почти треть мировой экономики по паритету покупательной способности.

Заметны результаты партнеров по ЕАЭС, связанные с совершенствованием таможенного законодательства. Наконец-то появился единый таможенный кодекс, унифицирующий таможенные операции и таможенное декларирование. Сформулированы основные направления внешнеторговой политики в целях стимулирования деловой активности. Вступило в силу около 40 технических регламентов. Согласованы многие требования к санитарному, ветеринарному, фитоконтролю. Расширена область взаимодействия в сфере достижения полноформатной свободы передвижения услуг, капитала, рабочей силы. Разработан проект программы транспортной политики, проекты концепций общего рынка электроэнергии, промышленной и аграрной политики.

Важное значение имеет принятие модельного закона «О конкуренции», определяющего единые подходы к основным положениям национального законодательства в сфере конкурентной политики государств-членов интеграционного проекта ЕАЭС. Это решение направлено на гармонизацию процессов интеграции, облегчение условий внешнеэкономической деятельности, устранение административных барьеров ведения бизнеса, обеспечения свободного передвижения граждан, столь необходимого для расширения гуманитарных контактов [4].

В качестве достижения первого этапа движения по пути интеграции следует рассматривать обеспечение в рамках договора ЕАЭС определенной свободы передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Единый рынок услуг ЕАЭС вобрал более 40 секторов (это строительные услуги, услуги в области оптовой и розничной торговли, услуги, относящиеся к сельскому хозяйству и др.) и имеет тенденцию к поэтапному и согласованному расширению.

На территориях государств-членов Союза начал функционировать общий рынок труда, основанием которого выступает свобода передвижения рабочей силы. Граждане государств имеют право работать на единых условиях: трудящимся стран ЕАЭС не требуется получение разрешений на работу в рамках Союза. Гражданам стран ЕАЭС не нужно заполнять миграционные карты при пересечении внутренних границ стран ЕАЭС, если срок их пребывания не превышает 90 суток с даты въезда. Кроме того, трудящиеся и члены их семьи освобождаются от регистрации (постановки на учет) в органах внутренних дел на срок пребывания до 90 суток. Все это указывает на определенный эффект прилагаемых интеграционных усилий.

Кроме того, следует иметь в виду, что у евразийской интеграции имеется колоссальная общественная поддержка. Опросы Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития показывают, что значительное большинство населения входящих в ЕАЭС стран поддерживает экономическую интеграцию. В Казахстане, России и Кыргызстане уровень одобрения ЕАЭС зафиксирован на уровне 78–86% опрошенных. В Армении и Беларуси интеграцию с ЕАЭС поддерживают 56% и 60% граждан соответственно [5]. Следовательно, есть вероятность конвертации этого потенциала общественного доверия в общие экономические успехи.

Однако как это сделать в условиях, когда продекларированные возможности евразийской интеграции на деле сталкиваются с огромным количеством проблем объективного и субъективного характера? Об этом ярче всего свидетельствуют показатели – количественные и качественные.

Можно с очевидностью констатировать, что в рамках договоренностей стран ЕАЭС так и не состоялся продекларированный к 1 января 2016 года рынок лекарственных средств и общий рынок медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники). На фоне резкого падения рубля укрепление экономических связей с Россией вызывает у ее партнеров тем большие опасения, что их собственные экономики весьма уязвимы для воздействия внешних факторов. В 2015 году резко упала взаимная торговля между странами-участниками ЕАЭС. Большая часть торговли в рамках ЕАЭС по-прежнему принадлежит России и Белоруссии (57%), России и

---

[2] См.: Лавров призвал к сближению Евросоюза и ЕАЭС. URL: http://vz.ru/news/2015/5/6/743738.html; Улюкаев: В Еврокомиссию направлено предложение о возобновлении диалога с ЕАЭС// http://www.anews.com/p/13503470/

[3] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173

[4] Совместная статья аккредитованных в Вене послов стран-участниц Евразийского экономического союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия): «От Атлантического до Тихого Океана: ЕАЭС развивается и создает новые возможности для сотрудничества, в том числе с ЕС», «Ди Прессе» (Австрия), 14 июля 2015 года. URL: http://www.mid.ru/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/rl7FzrombE6x/content/id/1621421

[5] Интеграционный барометр ЕАБР – 2015. URL: http://russiancouncil.ru/library/?id_4=858

Казахстану (34%); объемы торговли России и Армении не превышают 2,6%, а России и Кыргызстана – 3,1%. Это во многом связано со слабостью экономик Армении и Кыргызстана. Так, по данным Евразийской Экономической Комиссии, за 9 месяцев 2015 года объем торговли государств-членов ЕАЭС с третьими странами упал на 34,5%, а объем взаимной торговли составил 38 млрд. долларов, или 73,5% к уровню соответствующего периода 2014 года [6] (см. таблицу). По минеральным продуктам показатель снизился на 4 138,1 млн. долларов (на 24,3%), машинам, оборудованию и транспортным средствам – на 3 748,8 млн. долларов (на 38,2%), металлам и изделиям из них – на 1 950,6 млн. долларов (на 32%).

Объемы взаимной торговли товарами государств-членов Евразийского экономического союза за январь–октябрь 2015 года
Volumes of mutual trade in the goods of member states of the Eurasian economic union for January - October, 2015

Страны	Объем, млн. долл. США	Объем, в % к январю–октябрю 2014 года	Удельный вес в объеме, %
ЕАЭС	38 013,3	73,5	100,00
в том числе			
Армения-Беларусь	28,6	90,8	0,08
Армения-Казахстан	4,9	85,1	0,01
Армения - Кыргызстан	0,4	114,2	0,00
Армения - Россия	1017,3	91,0	2,68
Беларусь-Казахстан	512,6	69,6	1,35
Беларусь-Кыргызстан	45,0	54,1	0,12
Беларусь-Россия	21724,4	72,3	57,15
Казахстан-Кыргызстан	650,8	71,4	1,71
Казахстан-Россия	12823,3	74,4	33,73
Кыргызстан-Россия	1206,0	80,6	3,17

Источник: ЕЭК (Евразийская экономическая комиссия). Департамент статистики. Экспресс-информация. 15.12.2015 г. [7]

Цифры, представленные в таблице, наглядно свидетельствуют о состоянии экономик субъектов ЕАЭС. Экономический прагматизм не позволил им присоединиться к введенным Россией санкциям против Украины. В условиях экономического кризиса партнеры России по ЕАЭС предпочли не терять имеющийся канал экспортных поставок. Однако для функционирования единого таможенного пространства союза это создало немалые проблемы, в частности, угрозу реэкспорта запрещенных к ввозу товаров через Белоруссию или Казахстан. Для нейтрализации этих угроз Россия была вынуждена ввести специальный режим проверки товаров на границе с Белоруссией. Для решения данной проблемы в первом полугодии 2016 г. все союзные государства приняли решение перейти на электронное декларирование перемещаемых через границу товаров. Однако смогут ли эти меры помочь предотвратить реэкспорт запрещенных украинских товаров, остается большим вопросом.

В этих непростых условиях необходима более активная деятельность Евразийской экономической Комиссии (ЕЭК), куда входят представители всех стран ЕАЭС, и основное назначение которой состоит в обеспечении условий функционирования и развития союза, разработке предложений по дальнейшему развитию интеграции. Комиссия призвана поддерживать отношения с национальными органами власти в процессе выработки и принятия решений, активно работать с бизнес-сообществом, что, как представляется, является ее слабым местом. Основными направлениями деятельности комиссии являются:

- зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин;
- установление торговых режимов в отношении третьих стран;
- статистика внешней и взаимной торговли;
- макроэкономическая политика;
- конкурентная политика;
- промышленные и сельскохозяйственные субсидии;
- энергетическая политика;
- естественные монополии;
- государственные и (или) муниципальные закупки;
- взаимная торговля услугами и инвестиции;

[6] Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь – октябрь 2015 года. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/ analytics/Documents/express/Oct2015.pdf

[7] Там же.

- транспорт и перевозки;
- валютная политика;
- охрана и защита результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ и услуг;
- трудовая миграция;
- финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок, рынок ценных бумаг);
- таможенно-тарифное и нетарифное регулирование;
- таможенное администрирование и др. [8]

К сожалению, решения Комиссии в этих сферах не всегда исполняются. Здесь вплетается множество неформальных, коммерческих интересов. В связи с этим становится важным не только принятие наднациональных решений, но и их строгое исполнение на национальном уровне. Чтобы этого добиться, целесообразно, видимо, создание Единой таможенной, единой ветеринарной, санитарной и фитосанитарной служб. Тогда, вероятно, появится и реальная ответственность за исполнение решений наднационального органа. Риски в работе Комиссии в немалой степени связаны с пробуксовкой разработки общей стратегии развития экономического пространства в силу нерешенных межгосударственных экономических проблем, что с очевидностью наносит ущерб качеству принимаемых решений и интеграционным возможностям в целом [9].

Оценивая уровень интеграции в сфере внешнеэкономической деятельности стран-партнеров союза, организаторам проекта следует, на наш взгляд, обратить более серьезное внимание на показатели региональной концентрации торговли; индексы интенсивности внутрирегиональной торговли для экспорта и импорта; показатели способности поглощения экспорта и способности насыщения импорта и др.

Довольно значимым результатом интеграции могло бы стать облегчение процессов миграции, в том числе путем решения визовых и других административных вопросов. Как нам представляется, можно было бы обсудить возможность продления срока обязательной регистрации по месту пребывания до одного года при условии, что гражданин обозначит четкую цель своего визита.

В условиях реализации общей экономической политики необходимо поднять на новый уровень сотрудничество в научно-технической сфере и сфере образования. Признание дипломов об образовании, привлечение иностранных студентов стран-партнеров на обучение и стажировки, предоставление грантов и стипендий – все это не просто позволит повысить уровень профессиональной подготовки будущего кадрового потенциала стран-партнеров, но и в определенной степени создаст предпосылки для успешного развития интеграционного объединения в целом.

Неоднозначные результаты деятельности ЕАЭС вызывают активную полемику в экспертных кругах относительно перспектив данного интеграционного объединения. «Евразооптимисты» апеллируют к масштабности проекта, ведь евразийский союз – это пять стран с населением 182,5 млн. человек, с огромным экономическим потенциалом. Страны ЕАЭС занимают первое место в мире по добыче нефти; второе – по добыче газа, общей протяженности железных дорог; третье – по выплавке чугуна, четвертое – по выработке электроэнергии, пятое – по выплавке стали, шестое – по добыче угля [10]. Следовательно, интеграция придает практический смысл образованному союзу. Манкофф, к примеру, полагает, что уровень интеграции в Евразийском Союзе «будет значительно глубже чем в ЕврАзЭС… Вашингтон должен признать право этих республик на выбор без давления извне организаций и союзов, в которых они желали бы участвовать» [11]. М. Эмирсон отмечает, что евразийскую идею не следует считать иллюзией. Повестка сотрудничества может включать транспортные и энергетические коридоры, торговлю, долосрочные социально-экономические проблемы [12]. Г. Глисон, не отрицая саму возможность евразийского союза, обращает внимание на то, что участники объединения преследуют «в значительной степени разные цели и обладают разными возможностями» [13]. Авторитетные российские экономисты – А. Улюкаев, С. Глазьев, М. Делягин и др. считают, что у евразийской интеграции большие экономические преимущества [14]. «Евразоскептики» не верят в успех евразийского проекта, а некоторые из них счита-

---

[8] О Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about.aspx

[9] ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В 2014 ГОДУ: ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД. URL: http://CSFPS.BY/NEWS/2014-02-05

[10] Экономический потенциал ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/ses.aspx

[11] Сила влияния России на Среднюю Азию URL: http://rus.azattyk.org/content/central_asia_moscow/24560499.html

[12] Зарубежные аналитические центры о евразийской интеграции. URL: http://zviazda.by/be/news/20140226/1393362921-analyze-it-zarubezhnye-analiticheskie-centry-o-evraziyskoy-integracii-v

[13] Глисон Г. ТЕОРИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ЕВРАЗИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-integratsii-i-evraziyskoe-ekonomicheskoe-soobschestvo#ixzz3wseYhFpV

[14] Сергей Глазьев: У нас есть шанс стать равноправным участником ядра нового центра глобального экономического развития. URL: http://www.glazev.ru/sodr_eep/434/; Улюкаев считает совместимыми форматы «Шелкового пути» и ЕАЭС. URL: http://evraz-news.com/ulyukaev-schitaet-sovmestimymi-formaty-shelkovogo-puti-i-eaes/

ют его даже злом. Так, Британский институт международных исследований видит в Евразийском экономическом союзе стремление России реинтегрировать соседние государства в сферу своего господства и влияния [15]. Эксперты Американского фонда «Наследие» делают вывод о том, что евразийский экономический союз может угрожать региональной стабильности [16]. Советскую угрозу в евразийской интеграции видят З. Бжезинский и Х. Клинтон [17]. Российский ученый Л. Гозман убежден, что ЕАЭС – это тупиковый выбор России [18].

Тем не менее, несмотря на имеющиеся сложности, евразийский экономический союз, как представляется, неизбежен. Он важен и необходим хотя бы потому, что сырьевые ресурсы, за счет чего держится экономика стран-участниц, продолжают дешеветь на мировых рынках, и ставка делается на производство переработанной продукции. Сбыт же этой продукции возможен на уже освоенных рынках, с которыми отсутствуют таможенные барьеры. В связи с этим уместно напомнить слова Президента Казахстана Н.А. Назарбаева на встрече с Президентом России В.В. Путиным 21 декабря 2015 года после саммита ЕАЭС в Москве: «Мы знали, какие будут издержки. Все равно, считаю, что мы сделали правильно, что объединились, мы должны двигаться дальше. Общение, открытые границы, совместные предприятия играют свою очень большую роль…» [19]. Действительно, настало, наконец, время собирать, а не разбрасывать камни.

[15] Евразийская интеграция в исследованиях иностранных «фабрик мысли». URL: http://csfps.by/new-research/evraziyskaya-integraciya-v-issledovaniyah-inostrannyh-fabrik-mysli-za-2013-god

[16] Там же.

[17] См.: Клинтон разглядела советскую угрозу в Евразийском союзе. URL: http://russian.rt.com/inotv/2012-12-07/Klinton-razglyadela-sovetskuyu-ugrozu-v; Советолог Збигнев Бжезинский считает, что Евразийский союз распадется. URL: http://news.bcm.ru/russia/2014/1/16/701747/1

[18] Леонид Гозман: Евразийский путь приведет Россию в тупик. URL: http://maxpark.com/community/politic/content/2843701

[19] Путин и Назарбаев подтвердили приверженность ЕАЭС. URL: http://ea-monitor.kz/ekspertnyy-vzglyad/putin-i-nazarbaev-podtverdili-priverzhennost-eaes

УДК 327.8[(470+571):(55)]

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОССИЕЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОВЕРИЯ В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

POSSIBILITIES FOR USING RUSSIAN «SOFT POWER» TO OVERCOME MISTRUST IN THE RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS

Ф. Руми, А.С. Матвеев
F. Roomi, A.S. Matveev

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

e-mail: farshadroomi@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются инструменты «мягкой силы», которые Россия может использовать для развития отношений с Исламской Республикой Иран (ИРИ). В современном глобальном мире, который переживает сегодня эпоху перемен, государства стараются использовать все доступные средства для удержания и укрепления своих позиций. Одна из ключевых внешнеполитических задач России – формирование позитивного имиджа в мире в условиях трансформации системы международных отношений. Несмотря на исторические обиды, накопившиеся в отношениях двух стран, Россия и Иран имеют большой потенциал в развитии гуманитарного и экономического сотрудничества. Авторы акцентируют внимание на влиянии СМИ на современное общество, рассматривают вопросы образования, туризма и других перспективных сфер взаимодействия. В заключение авторы предлагают собственные идеи для использования «мягкой силы», среди которых запуск российского персоязычного канала, открытие культурных центров в ИРИ, разработка совместных экологических стандартов и т.д.

Resume. The article *considers* the tools of "soft power" that Russia can be used to develop relations with the Islamic Republic of Iran. In the contemporary globalized world that is experiencing an era of changes, states try to use all available means to keep and strengthen their positions. One of the key tasks of Russian foreign policy is the formation of a positive image in transformation of the system of international relations. Despite the accumulated Historical Grievances in relations between the two countries, Russia and Iran have a great potential for development of humanitarian and economic cooperation. The authors focus on the influence of media on contemporary society, the issue of education, tourism and other spheres of bilateral cooperation. Finally, the authors are offering their own ideas for strengthening the soft power of Russia, including the launch of a Persian language television channel by Russia, the opening of cultural centers in Iran and the development of joint environmental standards, etc.

Ключевые слова: мягкая сила, Россия, Иран, средства массовой информации, общественная дипломатия, экономическое сотрудничество.

Key words: soft power, Russia, Iran, mass media, public diplomacy, economic cooperation.

Введение. Иран имеет большие запасы нефти и газа и обладает выгодным стратегическим положением, которое обусловлено близостью к двум важным мировым энергетическим центрам, а именно: Центральной Азии и Кавказу на севере и Персидскому Заливу на юге. На современном этапе обозначились контуры возможного стратегического союза России и Ирана. Прежде всего, такой союз обусловлен политическими причинами: можно утверждать, что совпадают внешнеполитические цели двух стран по многим позициям, и в первую очередь – построение многополярного мира, невмешательство во внутренние дела государств и регионов со стороны третьих сил. Иран в «борьбе с терроризмом и религиозным радикализмом» в регионе является естественным союзником России [1].

Географическое положение России таково, что потенциально наибольшей угрозой для национальной безопасности страны являются ее южные границы, т.е. Центральная Азия, Кавказ и Прикаспий. Поэтому Россия считает этот регион сферой своих жизненных интересов, то есть стремится увеличить там экономическое, политическое и военное влияние, а присутствие мировых

[1] Ivanov I. The New Russian Diplomacy. Washington D.C.,2002. P. 126.

держав в этих регионах расценивает как угрозу [2]. Между тем Иран – единственная страна, которая имеет общие границы с тремя зонами: Центральной Азией, Кавказом и Прикаспием. Россия не может игнорировать растущую роль Ирана, в особенности зная о влиянии культуры и иранской цивилизации на историческое развитие этих регионов [3].

На протяжении своей новейшей истории Иран воздерживается от действий, которые противоречат интересам Российской Федерации, под влиянием различных причин, в том числе и из-за стабильно плохих отношений с западными государствами, наладить которые не получалось даже ценой больших уступок. Для элит Ирана стало объективно понятно, что только сильная Россия может предотвратить вмешательство США на Кавказ, в Центральную Азию и Прикаспий [4]. Присутствие Соединенных Штатов Америки на Ближнем Востоке также вызывает серьезную озабоченность Исламской Республики Иран и России. Начало народных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке обеспечило условия для широкого сотрудничества Москвы и Тегерана. Обе страны истолковали «Арабскую весну» как инструмент для изменения политической карты Ближнего Востока с целью распространения влияния Вашингтона и ограничения возможностей для конкурентов [5].

Конфликт интересов Ирана и России. Очевидно, что Россия и Иран имеют противоречивые интересы в некоторых областях. Так, у них есть разногласия по поводу способа определения правового режима Каспийского моря и разделения ресурсов этого моря. В последние годы Россия подписала соглашения с Азербайджаном и Казахстаном, и три страны определили свои морские границы. Согласно их формуле, доля ресурсов Каспийского моря для Ирана составляет 13%. Однако Иран настаивает на равном разделении каспийских ресурсов между пятью прибрежными странами, при котором Ирану предназначается доля в 20%. [6]

Обе страны считаются конкурентами в экспорте газа на мировые рынки и имеют различные проекты, предусматривающие транспортировку энергоносителей из Каспийского моря. Россия придерживается определенной внешнеполитической линии, согласно которой страна должна сохранять статус «энергетической сверхдержавы» и не потерпит ослабления своей позиции со стороны каких-либо конкурентов, особенно на энергетическом рынке Европы. Россия постаралась убедить страны Центральной Азии и Кавказа использовать российские линии передачи энергии. Иран придерживается другого мнения, он расценивает южный маршрут как наиболее экономически выгодный для передачи энергоносителей Каспийского моря [7]. Тем не менее, в связи с возможным спадом напряженности между Ираном и Западом, а также с учетом растущего стремления европейских государств к получению альтернативных источников обеспечения газа нам следует ожидать перемен в позициях двух стран.

Также отрицательный эффект на развитие отношений Москвы и Тегерана оказывают их взаимные подозрения и недоверие. Большое количество исторических событий в Иране связано с войнами между Ираном и Российской империей, вмешательством России во внутренние дела Ирана.

Американский исследователь Грэхэм Фуллер в книге «Центр Вселенной: геополитика Ирана» упоминает об отношениях Ирана и Российской империи. Мнение бывшего аналитика ЦРУ таково: «Не существовало региональной силы, за исключением Российской империи и Советского Союза, способной напасть на Иран и контролировать страну. Влияние России и постоянное вмешательство во внутренние дела Ирана на протяжении несколько последних столетий осталось в умах иранцев» [8].

Джахангир Карами, профессор Тегеранского университета, считает, что при анализе отношений Ирана и России нужно обратить внимание на негативные мысли иранцев, которые возникли из-за произошедших исторических событий, как на преграду в развитии отношений двух стран. Исторические обиды присутствуют среди народных масс, интеллигенции и некоторых политических групп Ирана [9].

Ибрагим Мотагхи, профессор международных отношений Тегеранского университета, утверждает, что «общие надежды на будущее сотрудничество Ирана и России в действительности не обозначают того, что Москва и Тегеран смогут добиться существенных результатов в двусторонних отношениях. Современные отношения двух государств основаны не на двусторонней доброжелательности, а скорее на враждебности к западным странам. Кроме того, Иран предоставляет для России возможность косвенно участвовать в совместных действиях с Западом по сдерживанию ИРИ» [10].

---

[2] Godzimirski J.M. Putin Post-Soviet identity building blokes and Buzz Word // Problems of Post-Communism. 2008. Vol. 55. № 5. P. 14–27.

[3] Задохин А.Г. Внешняя политика: самосознание России и национальные интересы. Тегеран, 2006. С. 288. (Сноска дана в переводе с фарси).

[4] Санаи М. Отношения Ирана с Центрально-Азиатскими странами СНГ: социально-политические и экономические аспекты. М., 2002.С. 128.

[5] Trenin D. Russia's Middle East Gambit. M., 2013. URL: http://carnegie.ru/2013/05/30/russia-s-middle-east-gambit

[6] Katz M.N. Russian- Iranian Relation in the Putin Era // Demokratizatsiya.2002. Vol. 10.№ 1. P. 69–81.

[7] Katz M.N. Russian-Iranian relations in the Obama Era // Middle East Policy. 2010. Vol. XVII.№ 2. P. 62–69.

[8] Fuller G. Center of the universe: the geopolitics of Iran. Colorado, 1991. P. 278.

[9] Карами Д. Отношения между Ираном и Российской Федерацией (новая эра сотрудничества). Тегеран, 2010. С. 181–183. (Сноска дана в переводе с фарси).

[10] Мотагий Э. Холодный мир между Россией и Ираном // Zamaneh [Тегеран]. 2009. № 72. С. 83–88. (Сноска дана в переводе с фарси).

Профессор Ширин Хантер, который работал во многих американских университетах, в книге «Внешняя политика Ирана в постсоветский период» уточняет: «Интерес России в том, чтобы быть единственным игроком в ее южных регионах. Существование сильного Ирана противоречит российским интересам. Москва и Тегеран в долгосрочной перспективе – геополитические конкуренты в Центральной Азии и на Кавказе».

Ш. Хантер считает, что «разногласия и конфликты интересов в двусторонних отношениях присутствуют на всех уровнях», и делает вывод, что «Россия заинтересована в использовании Ирана в тех областях, которые помогают достижению целей Москвы. Каждый раз, когда Россия достигает наиболее благоприятного для себя решения проблем, она забывает об Иране. Поэтому сотрудничество с Россией не может помочь Ирану для достижения своих целей в регионе» [11].

Иранская элита, кроме того, всегда считала Россию ненадежным партнером, а в Новейшей истории только укреплялась в этом мнении – во многом по причине того, что политика России по отношению к Ирану долгое время находилась под влиянием российско-американских отношений. Такая реакция вызвана совместным с западными правительствами принятием санкций Совета Безопасности против Ирана, а также аннулированием договора продажи ракетного комплекса С-300 и некоторыми другими действиями. Таковы взгляды пессимистично настроенных иранских и американских исследователей. Нам наиболее интересна их позиция, так как они определяют круг проблем, с которыми необходимо работать на различных уровнях дипломатии.

Очевидно, что Иран имеет серьезную ориентацию на Запад и в результате возможной нормализации отношений с Америкой примкнет к числу конкурентов России. Молодежь Ирана ориентирована на западные страны. Иранцы в выборе места обучения и жизни своих детей предпочитают Европу и Америку [12]. Однако, несмотря на сложности ирано-американских отношений, иранское руководство по причине международной изоляции и борьбы с Америкой продолжило сотрудничество с Россией, в особенности по региональным вопросам.

Несмотря на звучащие упреки со стороны части иранской общественности и некоторых представителей элиты Ирана, Россия никогда не была инициатором санкций против ИРИ, тем более не вводила их в одностороннем порядке. Хотя Россия поддержала в Совете Безопасности ООН резолюцию № 1929 в 2010 г., этот вариант санкций был для Ирана наиболее щадящим, касался ограничений на ввоз в страну военной техники и товаров двойного назначения и не затрагивал потребительские нужды населения страны. Россия последовательно придерживалась позиции признания за Ираном права на мирный атом.

«Мягкая сила» в *современных международных отношениях*. По мнению современного американского политолога Джозефа Ная, «мягкая сила» является способностью страны побуждать другие страны желать того, чего хочет сама эта страна. Д. Най полагает, что некоторые факторы, создающие «мягкую силу», таковы: продвижение языка и литературы, пропаганда идеалов и нравственных ценностей, широкий культурный обмен, устранение негативной исторической ментальности, высокий экономический потенциал (инвестиции), способность формировать и контролировать общественное мнение, сила влияния на убеждения и взгляды, наличие развитых новостных каналов по всему миру. Джозеф Най «роль культуры и культурных ценностей любой страны считает более эффективными инструментами в международных отношениях, чем военная мощь» [13]. В международной политике в качестве инструмента «мягкой силы» используют, прежде всего, общественную дипломатию.

Общественная дипломатия является отраслью дипломатии, которая действует в стороне от уровня отношений «правительство – правительство», и целью ее является воздействие на умы и психику людей других обществ через передачу ключевых сообщений о легитимности и положительном имидже той или иной страны. В отличие от официальной дипломатии, целью которой является взаимодействие с правительствами, общественная дипломатия сконцентрирована на взаимодействии с народом, меньшинствами, гражданскими организациями и т.д. [14] В общественной дипломатии национальный бренд той или иной страны пропагандируется таким образом, что приводит к появлению эффективных друзей, увеличению влияния и улучшению международной позиции этой страны. «Культурная дипломатия» также является частью общественной дипломатии, при которой культурные отношения служат внешней политике. Правительства, используя различные отрасли культуры, стремятся облегчить международное сотрудничество. Общественная и культурная дипломатия косвенно помогает созданию подходящей атмосферы, которая обеспечивает политические и экономические интересы государств [15].

---

[11] Hunter S.T. Iran's foreign policy in the post-soviet era: Resisting the New International Order. SantaBarbara, 2010. P. 106–107.

[12] Шури М. Иран и Россия: анализ дискурса и роль Запада. Тегеран, 2010.С. 252. (Сноска дана в перевод с фарси).

[13] Nye J.S. Soft Power: the means to success in world politics. N.Y., 2004. P.20.

[14] Gavam A. Culture – a forgotten part or an essential element of theories of international relations // Journal of Foreign Policy. 2006. № 2.P. 291.

[15] Agostinelli M.A. Cultural diplomacy and the concept of the other // The International Conference on Cultural Diplomacy. N.Y., 2012.P. 1–2.

В отличие от Соединенных Штатов, Россия исторически обладала «мягкой силой», культура этой страны внесла немалую долю в мировую цивилизацию, искусство и литературу, тем не менее, в своих международных взаимодействиях она уделяет меньшее внимание использованию «мягкой силы» и общественной дипломатии. На высшем уровне этот вопрос был поднят еще в июле 2012 г. на совещании послов. В. Путин тогда констатировал: «Образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко… А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию» [16]. Джозеф Най считает: «В. Путин понял, что жесткая и мягкая власть укрепляют друг друга, но, по-видимому, на данном этапе он не способен использовать "мягкую силу"» [17].

Акцент на «мягкой силе» для развития сотрудничества с Ираном. В исследовании взаимоотношений России и Ирана из-за приоритетности вопросов безопасности остаются в стороне вопросы культуры. В последние двадцать лет отношения на культурном и социальном уровне двух стран отстают от отношений на политическом и военном уровнях. Достаточное внимание к культурной дипломатии в эпоху глобализации может быть полезным для сближения двух стран, устранения негативных представлений и укрепления взаимного доверия. Такой подход в дальнейшем обеспечит условия для расширения экономического сотрудничества.

Однако правительству России для укрепления своей позиции в глазах иранского народа и ознакомления его с привлекательными сторонами и потенциалом современной России необходимо проявить особое внимание к укрепляющим инструментам «мягкой силы» своей страны в Иране, а именно:

1. Запуск персоязычного спутникового телевизионного канала с вещанием культурных, туристических, спортивных программ, фильмов и сериалов, трансляцией новостей. Лучшим инструментом для достижения эффекта «мягкой силы» является использование радио и телевидения. Высокая скорость передачи информации социализирует общество и формирует общественное мнение [18]. По результатам опроса более 60% иранцев смотрят спутниковые телевизионные каналы. Среди них новостные каналы «Би-Би-Си Фарси» и «Голос Америки» пользуются наибольшим спросом [19].

Кроме того, посредством вещания телевизионных каналов происходит изучение языка и культуры той или иной страны – так приобретаются особые знания в сфере культуры, и в долгосрочной перспективе это приводит к привязанности и пониманию самобытности культуры и ценностей страны, а также укреплению туристических связей. Следовательно, запуск персоязычных спутниковых телевизионных каналов будет иметь колоссальное влияние на общественное мнение и нейтрализует негативную рекламу западных стран против России в Иране.

2. Расширение экономического и торгового сотрудничества с Ираном в гражданских (невоенных) сферах. Сосредоточенность России на политическом и военном сотрудничестве с Ираном снизила внимание этой страны к инвестициям в гражданские сферы Ирана. До Исламской революции западные правительства были союзниками Ирана, тем не менее, они отказались от возведения промышленных объектов производства железа и стали в Иране в то время, как СССР с целью экспорта иранского газа в южные регионы Советского Союза содействовал строительству металлургического завода в Исфахане и машиностроительного завода Арак в Тебризе [20]. К сожалению, после Исламской революции в Иране до сегодняшнего дня, кроме Бушерской атомной электростанции, Россия не использовала свой потенциал в гражданской промышленности для инвестирования в Иран. Конечно, имеются и объективные причины такого положения дел: особенности исламской экономики в Иране, банковские барьеры, культурные различия являются существенными преградами для малого российского среднего и малого бизнеса в этой стране. Создание региональных экономических организаций с участием Ирана и устранение таможенных и банковских преград также будет способствовать большей интеграции Ирана с Россией. В настоящее время в Иране существует ряд проблем, связанных с изменением климата и нехваткой водных ресурсов, возможно, больших, чем внешние угрозы безопасности. Сотрудничество России с Ираном для противостояния засухе, опустыниванию и осуществление проектов по транспортировке воды с юга и севера Ирана в центральные и восточные районы страны может иметь положительное влияние на отношение иранцев к российскому правительству.

3. Образовательные и исследовательские возможности для научной элиты и студентов из Ирана. Многие исследователи уверены, что американское высшее образование составляет значительную часть «мягкой силы» для Соединенных Штатов. Например, бывший госсекретарь США

---

[16] Наумов А. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Перспективы.2015. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm

[17] Nye J.S. Putin's rules of attraction // Project Syndicate. 2015. URL: http://www.project-syndicate.org/commentary/putin-soft-power-declining-by-joseph-s--nye-2014-12

[18] Shin B., Namkung G. Films and cultural hegemony: American hegemony «Outside» and «Inside» the «007»movie series //Asian Perspective. 2008.Vol. 32. № 2. P. 115–143.

[19] Сколько процентов иранцев имеют спутниковое телевидение? URL: http://fararu.com/fa/news/145732

[20] Амир Ахмадиан Б. Торговые отношения Ирана и России// Отношения Ирана и России. Тегеран, 2009. С. 114–159. (Сноска дана в переводе с фарси).

Колин Пауэлл в 2001 году сказал: «Я не могу назвать более ценного приобретения для нашей страны, чем дружба с будущими лидерами мира, которые получили тут образование» [21].

В настоящее время для оказания помощи в подготовке национальных кадров Министерство образования и науки Российской Федерации на регулярной основе выделяет государственные стипендии для приема на обучение иранских граждан в российских вузах. По некоторым оценкам, в России обучается более тысячи иранских студентов и аспирантов. Однако в последнее время наблюдается тенденция снижения числа иранцев, желающих получить образование в России. Связано это как с высокой стоимостью расходов на обучение и проживание, так и, по мнению иранской стороны, падением качества российского образования. В этом плане конкуренцию российским вузам составляют украинские и белорусские образовательные учреждения [22].

4. Запуск культурных центров в различных городах Ирана. В таких центрах могут проходить презентации искусства, литературы и традиций России. Для укрепления дружеских отношений между двумя народами важной будет поддержка авторов переводов и издания книг и журналов. Однако ряд особенностей внутренней политики Ирана не позволяет активно вовлекать население страны в светские мероприятия, публичная дипломатия должна быть основана на уважении к законодательству страны и обычаям, которые сложились в обществе.

5. Развитие туристических программ. Россия и Иран могут пойти по пути облегчения визового режима в отношениях ИРИ, это изменение обеспечит увеличение количества туристических визитов граждан двух стран и расцвет туристической отрасли. Россия и Иран – страны с богатейшим культурным и историческим наследием. Множество городов в обеих странах представляют интерес не только с точки зрения региональной истории, а также как объекты мирового значения, среди которых можно назвать Шираз и Исфахан в Иране, Москву и Санкт-Петербург в России. Странам есть что предложить и для любителей традиционного и активного отдыха. На иранских островах в Персидском заливе возможен привычный многим отдых высокого качества, а в северных регионах развит горнолыжный спорт. Россия предлагает южные курорты, ставшие всемирно известными благодаря сочинской Олимпиаде. Отдельно стоит отметить, что оба государства способны обеспечить безопасность для прибывающих туристов.

Выводы. Человечество сегодня окончательно осознало, что вступило в новое время, и издержки от того, что страна находится в закрытом состоянии, гораздо выше, чем когда-либо ранее в истории. Сегодня сложно себе представить какое-либо идеологическое столкновение. Большинство стран мира стремится к выстраиванию равноправных отношений с уважением к индивидуальным парадигмам развития. Гуманитарное сотрудничество является одним из наиболее эффективных средств налаживания межнационального диалога. Накопившиеся исторические обиды между Ираном и Россией, а также излишнее влияние политической конъюнктуры на взаимоотношения двух стран не позволяют делать положительные прогнозы возможного стратегического сотрудничества России и Ирана.

Вероятная нормализация в отношениях Ирана и европейских государств может окончательно увести эту страну в орбиту влияния Запада. Тем не менее, Россия, обладая сильным культурным наследием, имеет все возможности активно применять «мягкую силу» в Иране. Кроме того, война в Сирии и возникновение «Исламского государства» – потрясения, которые ярко продемонстрировали правоту тезиса о совместных угрозах, с которыми столкнулись Иран и Россия. Последовавшие события вокруг Крыма стали катализатором наметившегося после Сирии глубокого разлома между Россией и Западом. Известный писатель и публицист А.А. Проханов так характеризует будущее Ирана и России: «Иран и Россия обречены на сближение. Не только потому что мы соседи, не только потому что нас омывает Каспийское море, у нас длинная общая история. Россия и Иран сегодня подвергаются одинаково унизительным санкциям, исходящим от Америки. Военные базы Америки, окружающие Иран и Россию, направлены в равной степени на Москву и на Тегеран. Образовавшееся, как страшная огненная язва, «Исламское государство», этот халифат, одинаково опасен для России и для Ирана. И мы готовы сопротивляться радикальной исламской экспансии, которая угрожает устоям наших вероисповеданий» [23].

Поэтому основная цель на сегодняшний день – наполнить взаимоотношения двух стран реальным содержанием, совместными проектами, которые будут отвечать национальным интересам двух стран. Достижение этой цели должно сопровождаться выполнением некоторых задач, среди которых создание атмосферы доверия, выстраивание тесных гуманитарных связей, совместная исследовательская работа.

---

[21] Dolinskiy A. Russian Soft Power // Russia Direct Quarterly Report. Sep. 2013. P.13. URL.: http://www.russia-direct.org/sites/default/files/RD_Quarterly/2013/RD_Quarterly_Softpower20_Sept2013.pdf

[22] В Россотрудничестве состоялась встреча с представителями посольства Исламской Республики Иран //Россотрудничество.URL: http://rs.gov.ru/press/news/7510

[23] Prokhanov A. Iranian lion // Newspaper of Izvestia.URL: http://izvestia.ru/news/580802#ixzz3c0zpNRMI

УДК 327.5 [(549.1):(540):(510)]

НЕОРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КОНФЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» ПАКИСТАН – ИНДИЯ – КИТАЙ

THE NEOREALIST APPROACH TO THE ANALYSIS OF CONFLICT RELATIONS IN THE PAKISTAN-INDIA-CHINA «TRIANGLE»

О.А. Харина
O.A. Harina

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

E-mail: olaishra@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу конфликтных отношений между Пакистаном, Индией и Китаем с позиции теории неореализма. Несмотря на широкое использование основных положений теории в изучении межгосударственных конфликтов в других частях мира, они не были использованы для изучения конфликтных отношений в «треугольнике» Пакистан – Индия – Китай. Выявляется и обосновывается необходимость применения данного теоретического направления в исследовании. Определяются основные факторы, влияющие на особенности взаимоотношений трех рассматриваемых государств. Особое внимание в данной статье уделяется системе отношений и балансу сил в Южной Азии на современном этапе.

Resume. The article is devoted to the analysis of conflict relations between Pakistan, India and China from the position of the neorealist approach on international politics. Despite its wide use in studying interstate conflicts in other parts of the world, it has never been used to study conflict relations in the Pakistan-India-China "triangle". The necessity of use of this theoretical approach in this research is detected and substantiated. The main factors influencing the relations between the three considered states are determined. Special attention is paid to the concept of system relations and balance of power in the South Asia at the present stage.

Ключевые слова: неореализм, «треугольник» Пакистан – Индия – Китай, Южная Азия, конфликтные отношения, баланс сил, анархия, мировая система, Индо-пакистанский конфликт, соперничество.

Key words: neorealism, the Pakistan-India-China triangle, South Asia, conflict relations, balance of power, anarchy, the global system, Indo-Pakistan conflict, competition.

Появившись в конце 70-х годов XX века и став доминирующей теорией до конца холодной войны, теория неореализма соединила в себе элементы консерватизма и реализма, модернизировав их и создав новый уровень понимания международных отношений. Основателем данного теоретического направления считается американский политолог Кеннет Нил Уолтс, использующий новый объяснительный аппарат, в основе которого лежит системный подход. В отечественной науке этот подход получил отражение в работах М. Хрусталева, Е. Примакова, А. Богатурова.

Прежде всего, стоит дать определение понятию «система». К.Н. Уолтс говорит о ней как о «наборе взаимодействующих единиц. На одном уровне система состоит из структуры, а структура является компонентой системного уровня, что позволяет думать о единицах измерения как о неком наборе, отличном от простой совокупности. На другом уровне система состоит из взаимодействующих единиц» [1].

Одним из ключевых постулатов теории неореализма, объясняющих поведение государств, которые имеют различные политические устройства, географические рамки и демографические потенциалы, но ведут себя схожим образом в похожих ситуациях, является связь между поведением государств и системной напряженностью. Фокус взаимодействия с другими государствами смещается с межсетевого взаимодействия внешних политик государств на уровень международной структуры, в которой имеется целый набор ограничений и принуждений. Это означает, что правильное трактование внешнеполитической линии государства зависит от точности определения этих ограничений и принуждений.

[1] Waltz K. N. Theory of International Politics. Addison-Wesley Publishing, 1979. P.39-40.

Совокупность принуждений у К. Уолтса сводится к трем основным составляющим:

1. Ведущий принцип – анархия (отсутствие верховной власти в международной среде). Здесь неореализм трактует природу международных отношений таким же образом, что и классический реализм.

2. Возможности субъектов – сила и влияние, как основные критерии, задающие иерархию.

3. Функциональная дифференциация, т.е. различие во внутриполитических режимах.

Важно отметить, что под силой и влиянием имеется в виду преимущественно не только военный, но и экономический фактор. Отсюда можно сделать логический вывод, что имеющие оборонный потенциал и экономически мощные державы могут использовать силу как военными, так и невоенными средствами. Развивая идею неореализма, важно отметить, что структурные свойства системы не зависят от малых государств. Таким образом, вся природа и ее состояние зависит от воли сильных держав. Получается структура, в которой есть много «слабых» и мало что решающих государств, и «сильных», которых немного. Причем, чем их меньше, тем стабильнее система. Большее количество сильных держав приведет, так сказать, к «перетягиванию одеяла» каждого на свою сторону, т.е. внесению нестабильности в систему и даже изменению миропорядка.

В вопросе о миропорядке неореализм иначе относится к пониманию «взаимозависимости», чем это рассматривает теория либерализма [2]. Как было сказано выше, в системе есть неравное сообщение акторов. Это неравенство с точки зрения неореализма трактуется с позиции мощи. Таким образом, выходит, что взаимозависимыми могут быть равные по потенциалу государства. Если они находятся не в равном положении, то взаимозависимость заменяется зависимостью одних от других. Выходит, что понятие взаимозависимости лучше заменить понятиями относительной зависимости или независимости [3].

Теория неореализма получила развитие у его сторонника – Роберта Гилпина в работе «Война и перемены в мировой политике» (1981), где фокус внимания смещается на рассмотрение превосходства как временного явления. Главной отличительной чертой в его видении проблемы является динамика происходящих в мире процессов, а не присущая мировой системе статичность. Международные отношения продолжают оставаться борьбой за силу и богатство между независимыми государствами в ситуации анархии. Акцент направлен на акторов с собственными интересами, где решающим является материальное значение. В данном контексте государства не столько стремятся к силе в ее абсолютной величине, сколько к силе как гарантии престижа и авторитета, тождественному понятию «власти».

В международной системе происходят бесконечные циклические изменения. Каждый раз появляются новые государства, которые становятся гегемонами, т.е. превосходство не может быть вечным. Гегемония одного заканчивается тогда, когда появляется другой гегемон. Происходят так называемые циклы гегемонов, что сохраняет свою актуальность и в эпоху ядерного оружия. Существуют 3 основные причины окончания превосходства:

1. Правило «убывающего плодородия» А.Р.Ж. Тюрго. Сила государства-гегемона быстро растет, затем происходит замедление [4].

2. Неравномерное распределение потребления и инвестирования. Гегемон начинает больше потреблять и меньше инвестировать, что сдерживает рост могущества.

3. Невозможность поддерживать технологическое превосходство. Гегемон не в состоянии поддерживать свой технологический рост на протяжении длительного времени. Появляются государства, которые в состоянии бросить вызов своим научно-техническим прогрессом.

Конкурент гегемона может быть медленно растущим, либо сразу бросающим вызов. Претендент на место нового гегемона может либо безоговорочно выиграть, либо уйти с арены на некоторое время или навсегда.

Таким образом, в международной системе важной является не только конфигурация сил, но и воля претендента на ведущую роль соблюдать установление правила и нормы.

Американский специалист в области международных отношений Б.Г. Бузан, развивая теорию структурализма в своей работе «Люди, страх и государство: проблема национальной безопасности в международных отношениях» (1983), смещает ракурс и на региональные системы, которые в его видении выступают промежуточными между глобальными и государственными [5].

Важным фактором в региональной системе является комплекс безопасности. Соседствующие государства оказываются связанными друг с другом вопросами безопасности, и национальная безопасность каждого из них не может быть рассмотрена в срезе одиночной безопасности и отде-

---

[2] Тимофеев И.Н.Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетр. № 18/2014 . Российский совет по международным делам (РСМД). М. , 2014. С. 16.

[3] Waltz K. N. Theory of International Politics. P.139-145.

[4] Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. P. 210-220.

[5] Buzan B. People, Fear and State: The National Security Problem in International Relations. Whcatsheaf Books Ltd, 1983. P. 28.

лена от других. В основе структуры региональной так называемой «подсистемы» лежат два ключевых фактора:

1. Распределение возможностей рассматривается в контексте понятий *сила и мощь*.
2. Акцент дружественности или враждебности в отношениях между акторами в подсистеме.

При этом важно отметить, что эти факторы являются объектом манипулирования сильных игроков.

Таким образом, ключевыми понятиями у представителей неореализма по-прежнему остаются: сила как способность государства обеспечить свою безопасность и реализовать собственные интересы; анархичность системы и присутствие принципа «помоги себе сам». Важно отметить тезис о взаимозависимости, который неореалисты ставят под сомнение, приводя весомые доводы в пользу прежнего господства держав и уязвимости многополярной системы.

Наконец, неотъемлемым компонентом является экономический фактор, который также способствует неравенству, но не в чисто экономической интерпретации, а в категории мощи державы.

С точки зрения школы неореализма, основными процессами в международных отношениях являются межгосударственные конфликты и войны как крайняя форма их проявления. Неореализм видит конфликт как «заимствование из природы человека, как постоянный фактор, который исходит прямо из сути человека, как добытчика питания и принимает на себя политические формы постоянной перестановки сил среди участников игры с нулевой суммой, которая всегда велась по своим собственным, присущим только ей правилам» [6].

К.Н. Уолтс еще в своей начальной работе «Человек, государство и война: теоретический анализ» (1959), которая легла в основу его основного труда, делает анализ основных причин конфликтов, которые активно обсуждают исследователи [7]. Их можно условно разделить на 3 большие группы:

1. Человеческая природа. Физиология человека предусматривает большое количество недостатков в виде присущих ему эгоизма, агрессии, импульсивности, склонности к перепаду настроения.
2. Внутреннее строение государства. Политический режим и организация экономики влияют на поведение государства (связь внутренней и внешней политики).
3. Характер системы. Только понимание международной системы, в которой лидеры государств часто вынуждены действовать с небольшим учетом общепринятой морали, позволяет справедливо оценить процессы, в которых происходят войны.

Однако при выделении данных причин К.Н. Уолтс отмечает, что ни природа человека, ни внутренняя структура государства не способны выявить истинную природу конфликта, поскольку каждое государство преследует свои интересы теми средствами, которые считает наиболее подходящими. Сила – это средство достижения конечных целей государства, потому что не существует последовательного, надежного процесса согласования конфликтов интересов, которые неизбежно возникают между аналогичными единицами в состоянии анархии [8].

Р. Гилпин говорит о «циклах гегемонии» как о явлении, которое редко происходит мирно [9]. Смена цикла достигает своего пика и наступает критический момент, когда конфликт неизбежен. Конфликт может происходить как непосредственно между конкурирующими гегемонами, так и между их союзниками. Это приводит к изменениям в соотношении сил, что, в свою очередь, включает механизм действия в зависимости от ситуации. Одной из форм такого ситуативного поведения является вооруженный конфликт. В зависимости от поведения гегемонов выделяется 2 вида войн:

1. Упреждающие войны. Подразумевают нападение на страну, которая готова к нападению первой. С позиции доминирующей державы, она должна минимизировать свои потери вместо того, чтобы максимизировать свои выгоды. По сути, предпосылкой для гегемонистской войны является осознание того, что закон неравномерного роста начал работать в минус.
2. Превентивные войны. Включают в себя нападение на государство, которое не собирается нападать первым, но, тем не менее, оно наращивает силу. Начиная подобную войну, снижающий влияние гегемон ослабляет рост нового гегемона, бросившего ему вызов, хотя военное преимущество по-прежнему остается за снижающим влияние гегемоном.

Однако конфликтное взаимодействие между государствами может обеспечиваться не только военными средствами. Последователь К.Н. Уолтса С.М. Уолт, являющийся автором теории баланса угроз, отмечает иные формы взаимодействия потенциальных противников. Представляется важным отметить, что в работе «Истоки альянсов» (1987) С.М. Уолт делает акцент на невоенных взаимоотношениях государств, где фактором выступает альянс как средство поддержа-

---

[6] Cox R.W. Approaches to world order. Cambridge University Press, 1996. P. 95.
[7] Waltz K. N. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis, New York, 1959. P. 20-26.
[8] Ibid. P. 238.
[9] Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. P. 93.

ния баланса. Государства в международной системе склонны к одному из двух способов борьбы с их предполагаемыми захватчиками [10]:

1. Они могут балансировать с захватчиками как с помощью своих возможностей (внутренняя балансировка), так и путем соединения с государствами-единомышленниками против агрессора (внешняя балансировка).

2. Последовать за предполагаемым агрессором, чтобы, в первую очередь, не стать жертвой, а иногда и делиться с ним «трофеем».

Баланс в первом варианте является предпочтительным выбором, так как предполагается, что государства хотят сохранить свою автономию. Но развитие событий по второму сценарию иногда неизбежно, особенно в тех случаях, когда существует мало возможностей для внутреннего баланса и нет надежных вариантов для внешнего баланса. Малые государства с мощными соседями, как правило, оказываются в такой ситуации: они не являются достаточно сильными, чтобы защитить себя, и они, возможно, не могут привлечь иные силы для баланса.

Таким образом, конфликт с позиции неореализма присущ системе как ее неотъемлемая часть и свойство. Необходимость балансирования обуславливает формирование альянсов. Одной из форм такого ситуативного поведения является вооруженный конфликт, который также может принимать различные формы.

С точки зрения традиции неореализма, межгосударственные отношения существуют в той форме, в которой система международной политики влияет на их контакты: в форме образования альянса, баланса сил, баланса угроз и общих интересов, чтобы обеспечить их главную цель – безопасность. Пограничные китайско-индийские противоречия, политика по отношению к Пакистану и напряженные отношения с Индией Китая и Пакистана, заставили конфликтующие стороны укрепить их взаимную безопасность.

Система, в которой велика индо-пакистанская враждебность в форме неурегулированных вопросов, дала жизнь китайско-пакистанской дружбе. Исходя из географической точки зрения, национальные интересы конкурирующих региональных держав Китая, Пакистана и Индии с пересекающимися притязаниями и целями в регионе создали сложный комплекс взаимодействий.

Понятие анархии хорошо объясняется в работе Д. Миршаймера «Анархия и борьба за власть», и положения его работы могут быть применены к взаимоотношениям между Китаем, Индией и Пакистаном. Исходя из статического предположения, что государства рациональные акторы и основные игроки политического взаимодействия на системном уровне, Миршаймер описывает международную систему по своей сути как анархическую, характеризующуюся конкуренцией, безопасностью и войной [11].

Неизменная озабоченность Пакистана последние семь десятилетий состоит в том, чтобы исправить дисбаланс сил в Южной Азии. Можно сказать, что сценарий «последования», упомянутый в теории Стивена М. Уолта [12], характеризует именно в этом русле поведение большинства соседей Индии. Однако Пакистан постоянно стремился сбалансировать Индию, потому что он относительно больше и сильнее других соседей Индии и, отчасти, в связи с тем, что он в состоянии привлечь стратегически выгодных внутрирегиональных и внешних акторов.

Неореализм объясняет конфликт между Индией и Пакистаном как следствие структурного характера международной системы в Южной Азии [13]. Грубый дисбаланс сил между Индией и Пакистаном ограничивает оба государства, но, в большей степени, Пакистан. Этот дисбаланс также означает, что Индия имеет больший запас права на ошибку. Пакистан не может позволить себе делать ошибки. Недоверие и страх Пакистана не связаны с конкретными политиками Индии. Кроме того, он имеет мало общего с определенными спорами или их разрешениями. Потому что состояние дел выходит за рамки какого-либо одного спора или конфликта. Претензии Пакистана к Индии начинаются с Кашмира, борьбы за пресную воду, наращивания военной мощи после войны 1962 года, образования государства Бангладеш, наращивания ядерного потенциала и замыкаются обратно на Кашмире. Таким образом, страх Пакистана постоянно заставляет его сдерживать Индию [14].

Пакистан демонстрирует смесь вариантов балансировки: используя внутренние ресурсы – увеличение расходов на оборонную промышленность и наращивание военной мощи, – он дополняет это альянсами с другими державами, в частности, США и Китаем.

Из-за конкурентных взаимоотношений в условии анархии, попытка любого государства укрепить собственную безопасность будет угрожать интересам чужой безопасности и усугубит по-

---

[10] Walt S. M. The Origins of Alliances. Cornell University Press, 1987. P. 17- 50.

[11] Mearsheimer, John. “Anarchy and the Struggle for Power.” Essential Readings in World Politics, third edition. New York, 2008. P. 60-79.

[12] Walt S. M. Op.cit. P. 17- 50.

[13] Rajagopalan Rajesh Neorealist Theory and the India-Pakistan Conflict, The Institute for Defence Studies and Analyses, 2001. URL: http://www.idsa-india.org/an-jan9-6.html

[14] Bajpai K., Mallavarapu S. International Relations in India: Theorising the Region and Nation. Orient Longman, 2005. P.164-165.

дозрения. Это дает сильный толчок для государства принять категоричную позицию. Так, ни Пакистан, ни Индия не хотят уменьшать их относительное положение в Южной Азии. Таким образом, неореализм частично объясняет, почему Пакистан активно пользуется внутренними и внешними ресурсами как попытку удержать Индию от военной конфронтации, подтверждая свои требования, демонстрируя свои возможности и сотрудничество с Китаем.

Эволюцию «особых отношений» между Пакистаном и Китаем лучше всего анализировать в концептуальных рамках, где идеологические соображения заменены интересами безопасности и реальной политикой как первостепенными детерминантами отношений между государствами.

В случае Китая, Пакистана и Индии, «неравнобедренный треугольник» Пакистан – Индия – Китай исторически была построен вокруг линии, где ослабление отношений Китая с одной из стран в «треугольнике» придает импульс к улучшению отношений с другой. Интересы Китая укладываются в теоретические рамки неореализма, где Китай сдерживает своего экономического и военного конкурента и формирует с Пакистаном альянс, который не столько равно успешен, сколько выгоден с точки зрения стратегических интересов и позиции силы.

Китай отказывается от понятия стратегического треугольника между тремя странами, хотя, как самый сильный актор, занимает его вершину. Китай вынужден принимать меры, чтобы нейтрализовать большую и сильную страну Южной Азии – Индию. Добавление Китая в задачу, где традиционно в качестве элементов понимались конфликтующие Индия и Пакистан, создает новое восприятие отношений, которое уходит от всякого рода упрощений.

Соперничество в Южной Азии лучше понимать как совокупность принудительных двоек: в то время как Индия видит себя в качестве конкурента Китая в борьбе за региональное лидерство и международное влияние, Пекин сопоставляет себя со сверхдержавами. Точно так же, соперничество Пакистана с Индией является, по своей сути, сдерживанием друг друга. Для своих целей Пакистан, отчасти, использует Китай, в то время как Китай пытается управлять Южной Азией со стороны.

Важным следствием структурного влияния на Индию и Пакистан является то, что разрешение конкретных вопросов, в частности, Кашмирского конфликта, вряд ли приведет к миру между Индией и Пакистаном, поскольку, даже если этот спор будет решен, Пакистан не откажется от своих усилий по балансировке Индии и следствием будет продолжающийся конфликт с Индией.

Делая выводы, важно отметить, что взаимодействие в «треугольнике» Пакистан – Индия – Китай видится следствием структуры международной системы в Южной Азии. В случае с Индией и Пакистаном заметен большой дисбаланс сил, который, в случае с Пакистаном приходится компенсировать наращиванием внутренних ресурсов и формированием внешних альянсов. Отношения Пакистана и Китая – синтез взаимовыгодной «дружбы», которая для обоих является следствием преследования собственных интересов, заключающихся, в том числе, и в сдерживании Индии, но только в различных категориях.

Наращивание Индией мощи и возможность формирования дальнейших претензий на роль глобального игрока беспокоят гегемонов. Если брать во внимание «циклы гегемонии» Р. Гилпина, рассматривать экономический фактор и изменчивость происходящих в мире процессов, то нынешнее региональное соперничество, возможно, перерастет в будущее глобальное противостояние между Китаем и Индией.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что теория неореализма до сих пор сохраняет свою актуальность в условиях современных международных отношений. Учитывая некоторое критическое восприятие данного подхода, нельзя не отметить, что он позволяет объяснить основные факторы, влияющие на поведение государств.

Важно выделить два основных момента, отражающихся на актуальности данного теоретического подхода относительно применения к изучению как конфликта в целом, так и конкретной проблемы, рассматриваемой в исследовании.

Во-первых, неореализм претендует на то, чтобы объяснить межгосударственный конфликт, делая акцент на основных источниках конфликта между государствами, не сосредотачивая внимание на конкретных спорах.

Во-вторых, несмотря на широкое использование теории неореализма в изучении межгосударственных конфликтов в других частях мира, она редко принималась во внимание при изучении конфликтного потенциала между Индией, Пакистаном и Китаем.

Делая основные выводы, важно отметить следующие основные моменты:

1. Главными понятиями у представителей неореализма традиционно остаются сила как способность государства обеспечить свою безопасность и реализовать собственные интересы; анархичность системы и присутствие принципа «помоги себе сам». Кроме того, неотъемлемым компонентом является экономический фактор, который также способствует неравенству, но не в чисто экономической интерпретации, а в категории мощи державы.

2. Конфликтное взаимодействие с позиции неореализма в системе является ее неотъемлемой частью и свойством. Необходимость балансирования обуславливает формирование альянсов. Одной из форм такого ситуативного поведения является вооруженный конфликт, который также

может принимать различные формы. Государства будут беспокоиться об активизации возможных противников и пытаться сбалансировать их, даже если такие усилия не всегда будут успешными.

3. Взаимодействие в «треугольнике» Пакистан – Индия – Китай видится следствием структуры международной системы в Южной Азии. В случае с Индией и Пакистаном заметен большой дисбаланс сил, который, в случае с Пакистаном, приходится компенсировать наращиванием внутренних ресурсов и формированием внешних альянсов.

Проблемы в отношениях Индии и Китая сводятся к региональному соперничеству (а в будущем, возможно, и глобальному), которое нередко переходит в фазу напряженности в отношениях двух государств. Лежащие на поверхности многочисленные негативные параметры: пакистанский фактор, сопредельные страны, военные проблемы, территориальный фактор являются производным от базового расхождения – соперничества двух государств. Китай и, особенно, Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как стратегического противника.

УДК 327(519.5)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В РЕГИОНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

REPUBLIC OF KOREA IDENTITY CONSTRUCTION N THE NORTHEAST ASIA REGION

Е.С. Задворная
E.S. Zadvornaya

Институт Истории, Археологии и Этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690000, г. Владивосток, ул.Пушкинская, 89.

Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, Far eastern branch of Russian Academy of Science, 690000, Vladivostok, Pushkinskaya str.

e-mail: zadvornaya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме идентичности Республики Кореи и специфике ее формирования. Излагаются основные стадии развития процесса конструирования идентичности Республики Корея, которые связаны с внешнеполитическими ориентирами и степенью государственной поддержки, новейшие инструменты формирования образа Кореи за рубежом, которые связаны с развитием популярной культуры и сохранением культурного наследия Кореи, а также последствия для международных отношений в Северо-Восточной Азии. Автор приходит к выводу, что Республика Корея наращивает усилия по формированию нового образа Кореи, который будет способствовать решению ряда внешнеполитических вопросов.

Resume. The article is devoted to the identity of the Republic of Korea and the specificity of its formation. It outlines the main stages of the process of identity construction, which are connected with foreign policy priorities and the degree of state support. The latest tools of forming the image of Korea abroad are observed and devoted to the development of popular culture and the preservation of the cultural heritage of Korea. The consequences for the International Relations in Northeast Asia are marked. The author concludes that the Republic of Korea is stepping up efforts to form a new image of Korea, which will contribute to the solution of a number of foreign policy issues

Ключевые слова: Корейский полуостров, Республика Корея, конструктивизм, идентичность, корейская волна, Северо-Восточная Азия.

Key-words: Korean peninsula, Republic of Korea, constructivism, identity, Korean wave, North-East Asia.

Концепции идентичности пришли в исследования международных отношений сравнительно поздно. Психологи, социологи и антропологи к этому времени уже десятилетиями разрабатывали тему индивидуальной и групповой самоидентификации и их наработки были восприняты историками и политологами. Применительно к идентичности больших объединений людей распространено определение идентичности как совокупности представлений, которые формируют видение членами группы своего места в мире, в том числе – на основе соотнесения со значимыми «другими» (государствами, этносами или сообществами), в логике оппозиции «мы – они». Основным подходом к изучению идентичности в межгосударственных отношениях является конструктивизм, который рассматривает идентичность как «конструируемую» политическими и экономическими элитами модель.

В данной статье приводятся современные методы конструирования идентичности Республики Корея на международной арене и роль данной деятельности для региона Северо-Восточная Азия. Рассматриваемые методы одновременно выступают и своеобразными маркерами корейской идентичности.

В середине 1990-х годов корейская массовая популярная культура начинает свое распространение в странах Восточной Азии, охватив КНР, Гонконг, Тайвань и Сингапур [1]. Первые упоминания о т.н. «корейской волне» появляются в статьях китайских журналистов в конце 1990-х годов [2] и используются для описания растущей популярности корейских сериалов. В узком смысле

[1] Chung, Ah-young. 2011. K-drama: A New TV Genre with Global Appeal. Vol. 3. Seoul, Korea: Korean Culture and Information Service. Print. Korean Culture

[2] Kim Ji-myung. 2012. Serious turn for hallyu 3.0. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinon/2015/03/355_116574.html

корейская волна – это экспорт корейских сериалов и популярной музыки за рубеж, в широком – весь современный корейский контент, включая кухню, моду, косметику, рекламу корейских брендов и т.п. [3] Но столь широкая трактовка появилась не сразу. Первоначально выделились только музыка и сериалы.

В целом корейскую волну принято разделять на три стадии. На первой стадии, которая длилась ориентировочно с начала 1990-х до 2002 года, происходит формирование стилистики и направлений популярной культуры в Корее. Первым международным достижением массовой корейской культуры стал телевизионный сериал «What is Love?» (Что такое любовь?), сразу ставший популярным в КНР. В данном сериале раскрывается проблема соотношения конфуцианских ценностей и быта в современном азиатском мире, их проявление в семье и обыденной жизни, поэтому он завоевал столько поклонников в Китае. Это и является причиной того, что корейскую волну в первую очередь связывают с ростом притягательности корейской культуры в Китае. Другой корейский сериал «Зимняя соната» (Winter sonata), вышедший на японский рынок в 2002 году, был настолько популярен, что инициировал японский туристический поток в регион действия сериала в середине 2000-х, а почти 70% населения Японии видели хотя бы один эпизод сериала [4].

Корейские сериалы этого этапа в основном были представлены историческими и романтическими драмами. Основные регионы экспорта корейской культуры в данный период – Восточная и Южная Азия, а целевая аудитория – женщины среднего возраста. Таким образом, на первом этапе формируются основные направления популярной культуры, которые позже получат региональное и глобальное признание. В телевизионных продуктах обращение идет к традиционной культуре Кореи и конфуцианским ценностям, что формировало образ страны, принадлежащей конфуцианскому миру, и воспитывалось чувство общности стран, разделяющих данные ценности.

С 2002 году разгорается спор между КНР и Кореей по поводу культурного наследия королевства Когуре. В 2002 году в КНР, под эгидой Академии Социальных наук, стартовал проект «Исследование истории и текущего статуса северных приграничных территорий», который фокусировался на анализе древних государств Когуре, Древний Чосон и Бохай. Напряжение в отношениях двух стран возросло, когда Китай в декабре 2003 г. подал заявление в Комитет всемирного культурного наследия ЮНЕСКО о регистрации росписей в гробницах Когуре, которые расположены на территории провинции Цзилинь как части культурного наследия Китая (в результате в 2004 году 40 гробниц были зарегистрированы в соответствии с заявлением КНР, при этом аналогичные действия Северной Кореи по регистрации фресок в ЮНЕСКО были отклонены еще в 2003 году). Республика Корея выразила серьезное недовольство данным процессом и полностью поддержала КНДР в виде выпуска телевизионных сериалов, наиболее значимым из которых является «Летопись Трех царств» (Jumong), в котором основатель королевства Тангун (Tonmyon) был изображен как противник китайской династии Хан, также был учрежден Фонд изучения корейской истории Когуре [5], кроме того, стартовал проект «Когуре», в рамках которого был открыт музей в провинции Кенджи (Kyonggi), возведены стелы и памятные стены, осуществлен выпуск почтовых марок.

Данные события стали основой корректировки стилистики и географии «Корейской волны». На второй стадии, которая охватывает 2003–2009 годы, многое меняется – корейские сериалы начинают экспортироваться по всему миру, основным жанром становится романтическая комедия, а целевая аудитория – молодежь. Активно используются новые технологии и каналы продвижения: социальные сети, YouTube, SNSs, блоги, приложения для смартфонов. Возрастает популярность корейской музыки (традиционно именуемой K-pop). Большую роль в популяризации K-pop играют хореография и танцы – к каждому клипу выходит танцевальная версия, обучающее видео по хореографии и основным движениям. Однако популярность корейской культуры этого этапа ограничивается регионом Восточной Азии. В целом в данный период формируется образ Кореи, как «прекрасной» страны, которая населена красивыми людьми, живущими на фоне уникальной природы и пользующимися самыми последними достижениями науки и техники. К экономическим последствиям формирования данного образа следует отнести рост продаж корейской косметики, лекарств и модной одежды в странах Азии [6]. Отмечается также растущий интерес к корейской кухне и к конкретным блюдам, которые демонстрируют в сериалах [7].

С 2009 года корейское правительство меняет акценты в области популярной культуры: вместо термина «творческая индустрия» начинает использоваться «индустрия творческого контента» [8]. Вместе с новым определением и ростом государственной поддержки (в лице Министер-

---

[3] Li Xinru. 2014. Miracle of Korean Drama “My Love from the Star” in China: Korean Wave, New Media, and Youth Culture. URL: http://wch2014.iwahs.org/data/(5)%20[Li%20Xinru]%20Miracle%20of%20Korean%20Drama%20'My%20Love%20from%20the%20Star'%20in%20China.pdf

[4] Duce world press. Korean Dramas. 2013. URL: http://sites.duke.edu/hallyu/korean-dramas/

[5] Taylor Washburn.How an Ancient Kingdom Explains Today's China-Korea Relations. URL: http://www.theatlantic.com/china/archive/2013/04/how-an-ancient-kingdom-explains-todays-china-korea-relations/274986/

[6] Wei Gu. 2014. Luxury Brands Look to South Korea for China Sales Boost. URL: http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303802104579450812059067876

[7] TV Soap Revives Korean Craze in China. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2014/03/07/2014030701717.html

[8] Dal Yong Jin. 2012. Hallyu 2.0: The New Korean Wave in the Creative Industry. URL:

ства культуры, спорта и туризма, Корейской туристической организации, Корейского правительственного агентства по творческому контенту) получает развитие третий этап, который охватывает 2009–2015 годы.

В качестве продолжения данного заявления, к 2009 году Министерством культуры, спорта и туризма было создано Корейское (правительственное) агентство по творческому контенту (Korea Creative Contents Agency, КОССА), целью которого является экспорт корейской культуры и формирование позитивного образа Кореи [9] [KOCCA history]. Практическая деятельность КОССА в мире охватывает следующие направления: поддержка производителей творческого продукта, производство корейского контента для наиболее важных стран (официальный сайт выделяет США и КНР) и охват других зарубежных рынков, производство комиксов, развитие корейской школы дизайна, оказание содействия бизнесу онлайн игр и популярной музыки, проведение Международной выставки игр G-Star, Международной творческой выставки, создание глобальной выставки творческого контента, формирование образа интеллектуальной, современной и творческой Кореи, поддержка производства 3D-фильмов и их экспорта на глобальный рынок, установление тесных связей с новейшими видами медиа, развитие человеческого потенциала в области индустрии творческого контента. Основными направлениями деятельности КОССА являются развитие политики идентичности, которая подразумевает практические шаги по поддержке корейской индустрии творческого контента за рубежом и активный экспорт корейских культурных продуктов и сервисов.

Если говорить о наиболее ярких произведениях третьего периода, то следует отметить сериал «Человек со звезды» (в английском варианте «My love from the Star»), который вышел в 2013 году и был экспортирован во многие страны Азии, но стал невероятно популярным именно в КНР – количество просмотров с момента запуска составило 14,5 млрд. раз только на платформе одного из официального сайтов трансляции [10]. В сериале конструируется образ супер-героя, который вдохновлен эпохой Чосон (1392–1897 годы), обладает невероятными способностями, прекрасно образован. Примечательно, что супруга лидера КНР Си Цзиньпина (Пэн Лиюань) во время поездки в Республику Корея упомянула сериал «Человек со звезды» в контексте схожести главного героя и ее мужа в молодости, что вызвало серьезные дебаты в КНР на предмет их сходства [11] и привлекло внимание молодежной аудитории к китайскому лидеру. В марте 2014 года данному сериалу было посвящено официальное обсуждение на заседании Китайской народного консультативного политического совета. Основные вопросы дискуссии состояли в том, почему данный продукт настолько популярен в КНР и превосходит все китайские сериалы и телепрограммы, насколько это угрожает культуре и экономике Китая и почему до сих пор не создан аналогично популярный сериал или шоу в КНР [12].

Кроме экспорта корейских сериалов, данный этап характеризуется выпуском большого количества развлекательных передач и их экспорт за рубеж. Например, “I Am A Singer” (Я – певец) или “Daddy, Where Are We Going?” (Куда мы едем, папа?), которые невероятно популярны в странах Северо-Восточной Азии. Так, еженедельное телешоу «Куда мы едем, папа?» набирает более 600 млн. просмотров в неделю в КНР и более 640 млн. скачиваний с официального сайта [13], в 2013 году данное шоу возглавило список популярных развлекательных передач в КНР [14], на третьем месте по популярности (количеству просмотров, скачиваний и активности фанатов) находилось шоу «Я – певец» [15].

Активно развивается и сектор анимации. Так, мультфильм о приключениях пингвиненка Пороро (режиссер Пак Ен Гюн) был продемонстрирован в 120 странах мира, но лидером проката стал в странах Восточной Азии. Полнометражный вариант мультфильма был показан в 2015 году в 6 тысячах китайских кинотеатрах, благодаря участию в проекте инвестиций корпорации ACG China, что позволило классифицировать анимацию как китайский продукт. Кроме того, в 2014 году персонаж Пороро был использован на саммите АСЕАН в городе Пусан в качестве промоутера Кореи. Также МИД Республики Корея назвало Пороро послом Кореи для маленьких граждан зарубежных стран [16].

---

http://quod.lib.umich.edu/i/iij/11645653.0002.102/--hallyu-20-the-new-korean-wave-in-the-creative-industry?rgn=main;view=fulltext

[9] About KOKKA . URL: http://eng.kocca.kr/en/contents.do?menuNo=201433

[10] Aileen C. 2014. My Love from Another Star' sparks chicken and beer craze in China. URL: http://www.dramafever.com/news/my-love-from-another-star-sparks-chicken-and-beer-craze-in-china/

[11] Lu Huang Keira. 2014. Does Xi Jinping look like South Korean TV star? Chinese first lady makes allusion on Seoul visit. URL: http://www.scmp.com/news/china/article/1546688/does-xi-jinping-look-south-korean-tv-star-chinese-first-lady-makes

[12] The delegates of CPPCC discuss Korean dramas and Mo Yan weighs in. 2014. URL: http://www.chinaculture.org/focus/focus/2014npccppcc/2014-03/30/content_518723.htm

[13] «爸爸去哪儿?»第二季或打“差异化”阵容 引热议. «Baba qu nar?» di er ji huo da chayi hua zhenrong yin re yi. («Where are we going, dad?» achieved high ratings at the end of 2013.) URL: http://ent.news.cn/2013-12/04/c_125805554.htm

[14] Holly Li. Best of 2013: Mainland Chinese Variety. URL: http://asiapacificarts.usc.edu/article@apa?best_of_2013_mainland_chinese_varietytalk_shows_19199.aspx

[15] Top 6 Best China TV Shows of 2013. URL: http://www.chinawhisper.com/top-6-best-china-tv-shows-of-2013/

[16] Kim Sarah. 2014. Pororo gets a diplomatic assignment. Available at: http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=2995537

Большое значение для формирования нового образа имеет корейская популярная музыка K-pop. Одним из достижений является рост популярности проекта «Psy» (певец Пак Че Сан) и песня «Gangnam Style», которая набрала более 12 млрд. просмотров видеоролика на YouTube с 2012 года (является самым просматриваемым роликом в истории канала). В 2012 году певец посетил ООН и встретился с генеральным секретарем организации, после чего они вместе изобразили несколько популярных движений из клипа «Gangnam style», что цитировалось многими медиа в дружелюбном и позитивном ключе [17]. Значительную роль в росте популярности корейской музыки играет и то, что корейские музыканты, в том числе Girls'Generation, 2NE1, Big Bang и Psy исполняют песни на смеси английского, корейского, японского и китайского языков, чтобы охватить максимальную аудиторию слушателей.

Тем не менее, некоторые исследователи и политические деятели критикуют корейскую волну, считая ее всего лишь стратегией выхода на новые рынки корейских товаров и коммерческой калькой американской популярной культуры [18]. В результате сформировался термин «корейский культурный империализм» [19], который отражает обеспокоенность ростом популярности корейских телевизионных продуктов, а также их потенциальными возможностями в конструировании новой идентичности в регионе Восточной Азии [20]. В дальнейшем данный термин стал использоваться часто, а некоторые авторы даже предлагали определение корейской волны как доминирование СМИ и культуры одной нации над другой, что в результате проявляется в конструировании нового образа этих стран, искажении оригинальной системы ценностей и образа жизни, что, в конце концов, выражается в экономической экспансии (пополнении корейского бюджета за счет увеличения туристического потока и продаж корейских товаров) [21]. Именно формирование подобного мнения заставило корейское правительство пересмотреть свою политику в отношении конструирования корейской идентичности.

В 2012 году Министерством культуры Республики Корея запущен проект «Корейская волна 3.0» (Hallyu generation 3.0), целью которого является переход корейской поп-культуры в разряд всемирно признанного искусства и наследия [22]. В соответствии с планом Министерства культуры, туризма и спорта, будет осуществляться поддержка нового культурного контента, обучение кадров в области культуры и искусства, содействие связям между искусством и новыми технологиями.

Кроме того, серьезное внимание начинает уделяться распространению корейского языка, а также изучению истории и культуры Кореи за рубежом. Увеличивается количество Корейских культурных центров, чья официальная цель – формирование атмосферы взаимного уважения между странами. Первые Корейские культурные центры (Korean Cultural Center – KCC) были открыты еще в 1979 году в Токио и США, в настоящее время 36 центров расположено в 31 стране мира. В целом, деятельность КСС решает задачу формирования образа Кореи путем обращения к современной популярной культуре и творческому контенту, а также контроль публикаций на данную тематику.

Активно открываются и центры изучения корейского языка – Институты короля Седжона (세종학당 – Sejong hakdang). Решение о необходимости образовательной деятельности в области корейского языка было принято еще в 2009 году на совещании Национального комитета Республики Корея и закреплено в отчете комитета [23], а открытие первого института состоялось в октябре 2012 года. На 2014 год было открыто 130 филиалов по всему миру (из них в Азии – 79: в КНР – 24, в Японии – 4, в Монголии – 3, на Тайване – 2, во Вьетнаме – 8, на Филлипинах – 5, а в США – 7. [24]

Кроме этого, Министерство культуры, спорта и туризма Южной Кореи начинает продвигать национальный бренд [25]. В 2009 году, по инициативе президента Ли Мен Бака, был учрежден Президентский Совет по национальному брендированию, цель которого – популяризация бренда «Корея» на международной арене, повышение его международного статуса и формирование сле-

---

[17] Lizzy Davies. Secretary-General Ban Ki-moon and PSY, Korean singer. 2012. URL: http://webtv.un.org/watch/secretary-general-ban-ki-moon-and-psy-korean-singer/1920431996001

[18] Jonghoe Yang. 2012. The Korean Wave (Hallyu) in East Asia: A Comparison of Chinese, Japanese, and Taiwanese Audiences Who Watch Korean TV Dramas. 2012. URL: https://isdpr.org/isdpr/publication/journal/41_1/05.pdf

[19] Данный термин в отношении Республики Корея упоминается в 2006 году, в статье корейского исследователя Ким К., в которой автор дискутирует с китайским профессоров Ли Вок Ен и японским философом Казуо Огура, которые выступали на конференции «Распространение корейской культурной силы в Восточной Азии» в Киото на предмет роли и последствий развития корейской волны в Восточной Азии в контексте культурного империализма // Kim K. 2006. Hallyu, Cultural Coexistence or Imperialism? The Korea Times. URL:http://times.hankooki.com/lpage/culture/200602/kt2006022620180311690.htm

[20] *Yu-Shan Wu. 2012. «Hallyu»-an Unstoppable Influence in Asia? URL:* https://brandeisear.wordpress.com/2012/11/27/hallyu-an-unstoppable-influence-in-asia/

[21] Xiaowei Huang. 2009. «Korean Wave» — The Popular Culture, Comes as Both Cultural and Economic Imperialism in the East Asia. URL: http://ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/viewFile/3449/3123

[22] South Korean government announces plans to build an official 15,000+ seat 'K-Pop performance venue. 2012. URL: http://www.allkpop.com/article/2012/09/south-korean-government-announces-plans-to-build-an-official-15000-seat-k-pop-performance-venue

[23] King Sejong Institute. History. URL: http://eng.ksif.or.kr/intro/jaedanprHistory.do

[24] King Sejong Institute foundation. 2014. URL: http://eng.ksif.or.kr/intro/FoundationPR.jsp

[25] Culture Ministry Plans to Rekindle Hallyu Korean Culture Boom. 2015. URL: http://world.kbs.co.kr/english/news/news_Cu_detail.htm?No=108195

дующего определения: «Корея – уважаемый и обожаемый член международного сообщества» [26]. Выделяются четыре основных направления деятельности в рамках Совета: увеличение культурного и гуманитарного вклада Кореи в международное сообщество, распространение традиционной корейской культуры, усиление коммуникаций с зарубежными сообществами по формированию позитивного образа Кореи, национальное единение корейцев.

Практическая деятельность Президентского совета охватывает несколько проектов [27]. Во-первых, проект «Формируем будущее вместе с Кореей», который подразумевает экономическое сотрудничество и распространение корейской волны в экономическом сотрудничестве ведущих стран мира. Как следствие – рост уважения к Корее как значительному центру экономической силы. Проект «Международный кампус» занимается развитием международных студенческих обменов, установлением связей с будущими молодыми лидерами Восточной Азии и формированием образа гостеприимной и образованной Кореи. Продвижение корейского языка – проект «Учим корейский» – предполагает формирование он-лайн системы изучения корейского языка (что уже частично реализовано в рамках Института Короля Сечжона), унификацию курсов обучения корейского языка в рамках национального языкового бренда, а также глобальную популяризацию корейского алфавита Хангыль. Проект «Корея высоких технологий и современного дизайна» включает позиционирование наивысшего качества любого продукта, произведенного в Корее, а также повышение узнаваемости корейских брендов за рубежом. Что с одной стороны будет способствовать экспорту корейских товаров, но и сформирует образ Кореи как страны высоких технологий, востребованного дизайна и искусства. Программа «Глобальное гражданство» формирует навыки и знания в области международного этикета у корейского населения, результатом которых должно стать комфортное пребывание иностранцев в Республике Корея. Поддержка Тхэквондо является одним из направлений деятельности Совета и предполагает формирование представления о данном виде единоборств как о престижном и международном виде спорта. Для этого ведется работа в ООН, а также учреждаются академии тхэквондо за рубежом. В результате должен сформироваться яркий образ динамичной спортивной Кореи.

Кроме использования визуальных и аудиообразов, Корея обращается к другим сенсорным ощущениям в конструировании своей идентичности, а именно – гастродипломатии [28]. Так, в 2005 году разгорелся спор между Республикой Корея и КНР по поводу национальной принадлежности «кимчи», который был решен ЮНЕСКО в 2013 году в пользу Республики Корея [29] (закреплено официальное название «корейское блюдо кимчи», вместо «китайская капуста кимчи»). В настоящее время можно официально говорить о том, что кимчи – самое популярное блюдо корейской кухни, которое используется для формирования положительного и яркого национального образа Кореи.

В 2009 году был основан государственный фонд корейской еды Hansik [30] при содействии Корейского Агентства по глобальному развитию. К основным задачам фонда было отнесено: открытие 40 тысяч корейских ресторанов по всему миру на основе государственной системы сертификации, включение корейской кухни в пятерку международных кулинарных лидеров, увеличение инвестиций в распространение корейской кухни за рубежом, учреждение международных кулинарных курсов. Девиз фонда: «Раскрой вкусный секрет Кореи». Кроме того, фонд запустил программу K-Food Supporters Alliance (Общество любителей корейской кухни), которая ориентирована на студентов, обучающихся в Корее и проявляющих интерес к корейской кухне и продуктам: проводятся презентации, дегустации, курсы и кулинарные туры по регионам Кореи. В 2010 году, при поддержке Министерства сельского хозяйства, лесов и рыболовства Кореи, запускается программа «Корейская кухня – миру» с бюджетом 77 млн. долларов [31]. В планах было создание Международной корейской кулинарной школы, а также глобальной схемы рекомендаций для корейских ресторанов. Современные направления гастро-дипломатии Кореи создают основу для глобального распространения корейской кухни, инициируют научные исследования и публикацию популярной литературы, содействуют появлению зарубежных профессионалов в области корейской кулинарии.

Стоит отметить, что деятельность по конструированию современного образа Кореи (активная реклама, использование социальных сетей, событийный маркетинг, акцент на региональные рынки и международных звезд в области популярной культуры и политики) приносит результаты. В соответствии с данными Корейской информационной службы по культуре, стоимость корейского контента возросла с 500 млн. долларов в 2000 году до 84 млрд. долларов в 2012 году. В соответ-

[26] Presidential Council on National branding. 2013. URL: http://17koreabrand.pa.go.kr/gokr/en/cms/selectKbrdCmsPageTbl.do?cd=0124&m1=2&m2=1

[27] Turner Ashley. South Korea: Mapping the Future: Nation Branding.URL: https://southasiacommunication.wordpress.com/report-5-nation-branding-south-korea

[28] Jo Pham Mary. 2013. Food as communication: a case study of South Korea's gastrodiplomacy. URL: https://thediplomatistdotcom.files.wordpress.com/2013/01/jis-spring-2013-issue-gastrodiplomacy.pdf

[29] Kimjang, making and sharing kimchi in the Republic of Korea. 2013. URL: http://www.unesco.org/culture/ich/RL/00881

[30] Korean Food Foundation history.URL: http://www.hansik.org/en/article.do?cmd=html&menu=PEN6020100&lang=en

[31] Yonh Chan Jeong. 2012. Gastronomic tourism in Korea: Globalization Hansik. UN World Tourism organization.

ствии с рейтингом журнала Monocle, в конце 2014 года Республика Корея находилась уже на 15 месте в мире по уровню очарования [32]. Страна активно конструирует свой образ на международной арене как страна с развитой экономикой, использующая современные технологии, как активный международный актор, как страна популярной культуры.

Таким образом, формирование современной идентичности Республики Корея тесно связано с государственной поддержкой данного направления и развитием популярной культуры в Корее. Первоначально Республика Корея пыталась донести до массовой аудитории образ страны, которая принадлежит к конфуцианскому миру, с его культурой, традициями и образом жизни. В начале XXI века происходят серьезные изменения в данном процессе: конструируется образ страны новых технологий и молодежной культуры. Во многом данный поворот был связан с необходимостью разграничения культурного наследия Кореи и Китая. Огромное значение для развития данного периода Корейской волны и формирования корейской идентичности играет использование социальных сетей, медиа, цифровых технологий и приложений для смартфонов в целях популяризации современной культуры. Во многом это связано с пониманием того, что творческие и культурные отрасли экономики уже не являются вторичными отраслями, а неотделимы от массовых коммуникаций (телевидение, радио, интернет, пресса, реклама). С 2009 года конструирование идентичности Республики Корея становится успешным как на региональном, так и на глобальном уровне, в том числе благодаря государственной поддержке (финансовой и институциональной) и активной деятельности по признанию корейской культуры всемирно признанным искусством, а также распространению корейского языка за рубежом. Таким образом, правительство Республики Корея пытается защитить корейскую культуру путем ее визуализации, популяризации и формирования границ между корейским и не-корейским (китайским, японским). Следует также отметить, что новый образ Республики Корея должен обеспечить условия для реализации целей и задач внешней политики страны, которые отражены в Инициативе 2015 года. Это развитие сотрудничества в Северо-Восточной Азии, формирование диалога между странами региона, решение корейской проблемы, а также поддержание тесных связей с США, при этом в качестве представителя корейского народа выступает яркая, технологичная и безопасная Республики Корея, а не КНДР.

[32] Soft Power survey. 2015. Monocle.URL: http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15/

УДК 316.334.3

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS IN THE BALTIC STATES

В.А. Смирнов
V.A. Smirnov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

e-mail: VSmirnov@kantiana.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности взаимодействия формальных и неформальных политических институтов в странах Прибалтики. Оценка роли неформальных правил и процедур в политической системе Литвы, Латвии и Эстонии основывается на классификации неформальных институтов согласно подходу Г. Хелмке и С. Левитски. Делается вывод о том, что за демократическим «фасадом» стран Прибалтики скрывается нехватка дополняющих неформальных политических институтов. При этом большую роль играют приспосабливающиеся и конфликтные неформальные институты, что свидетельствует о существенных изъянах демократических институтов.

Resume. The article presents an analysis of models of political development on the Post-Soviet space. Much attention is given to the factors which shaped institutional choices of political elites and caused divergence in political development in Central and Eastern Europe, South Caucasus and Central Asia. The influence of the Euro-Atlantic community on the political process in the region is considered. The author proposes a thesis: issues of «stateness» and sustainability of political order are paramount in comparison to democratization. The emphasis is placed on the problems of self-sufficiency and durability of democratic institutions created in Central and Eastern Europe with a considerable assistance from external actors.

Ключевые слова: политический институт, неоинституционализм, страны Прибалтики, неформальные практики, демократический процесс, политические элиты, малая страна.

Key words: political institute, neoinstitutionalism, Baltic states, informal practice, democratic process, political elites, small state.

Оценка влияния неформальных институтов на политическую систему государства представляет сложную задачу, включающую ряд переменных. Разделение на формальные и неформальные институты существует в правовой и теоретической плоскости, но на практике они часто тесно переплетаются. В результате далеко не всегда существует возможность сделать однозначный вывод относительно роли тех или иных неформальных правил с точки зрения эффективности и устойчивости политической системы.

Неоинституциональный подход, который основывается на понятиях формального и неформального института, позволяет дополнить традиционный для изучения политических систем государств политико-правовой анализ рассмотрением неформальных практик – политических стереотипов, согласований и торгов, лежащих за границами официальных установлений. Анализ исключительно формальных правил посредством теорий рационального выбора обедняет эвристические возможности, чреват упущением подлинных мотивов, инструментов и ограничителей поведения политических субъектов.

Вместе с тем, простое отождествление неформальных институтов и культуры создает теоретическую путаницу. Так, например, источником коррупционного поведения в ряде случаев могут являться не устоявшиеся традиции, но текущие изменения в формальных институтах. Кроме того, решение о «дополнении» или уклонении от формальных правил может быть принято политическими субъектами путем рациональных расчетов на основании здравого смысла. Сводить подобные феномены к действию культурных факторов было бы слишком большой абстракцией, которая не учитывает интересы политических акторов при создании и соблюдении неформальных правил (институтов).

В настоящей работе автор придерживается определения формальных и неформальных институтов, предложенного Г. Хелмке и С. Левитски [1]. Неформальные институты – это принятые в обществе правила и процедуры, создающиеся и поддерживающиеся за рамками официально санкционированных каналов. Отличие формальных институтов заключается в их санкционировании и закреплении в рамках официально признанных каналов.

Понятие института в политической науке традиционно связано с категорией государства, которое становится предметом все более широкого научного переосмысления в последние несколько десятилетий. Формальная трактовка государства как суверенного субъекта международных отношений была расширена за счет разработки понятий «качество государственности» и «государственная состоятельность» (stateness) [2], позволяющих анализировать особенности и степень эффективности государственного контроля и управления в рамках определенных территориальных границ. В зависимости от уровня государственной состоятельности возникли классификации государств (сильные, слабые, «неудавшиеся», разрушенные и т.д.) [3].

Одним из ключевых инструментов анализа государства является не только шкала эффективности/состоятельности, но также учет размеров государственного образования, во многом определяющих ресурсную базу и место государства в международной системе. Й. Коломер предложил классифицировать государства по категориям: пространство-«империя», суверенное государство, малая нация [4]. Суверенное государство в наибольшей степени соответствует традиционному понятию нации-государства, тогда как пространства-«империи» значительно превосходят их по размеру, обладая гетерогенным этническим составом и многоуровневой системой территориального управления. Малые нации характеризуются малым размером, простыми формами управления и, как правило, гомогенным этническим составом [5]. В настоящей работе в качестве синонима понятия малой нации используется понятие малой страны (государства) [6].

Анализируя современные тенденции политического развития, Й. Коломер отмечает, что большинство людей сегодня проживают в рамках крупных пространств-«империй», тогда как суверенные государства, не имея достаточных ресурсов для конкуренции с «империями», столкнулись с кризисом. В свою очередь малые нации, к числу которых Й. Коломер относит Литву, Латвию и Эстонию [7], получили широчайшее распространение в современном мире за счет получения ресурсов от пространств-«империй»: безопасности, торговых и коммуникационных возможностей.

Малые страны, несмотря на ограниченность внутренних ресурсов и политического веса, являются активными участниками международных отношений в условиях современной реконфигурации мировой системы. При этом изучению природы, мотивов и методов их политического поведения уделено недостаточно внимания. Роль малых стран в мировой политике варьируется в зависимости от их расположения и конкретных внешнеполитических условий.

Осмысление роли, соотношения и функционирования формальных и неформальных институтов в малых странах позволяет выявить причины и возможные альтернативные модели их поведения. Имеет это значение и с теоретической точки зрения, позволяя лучше понять метаморфозы государственности, определить механизмы и тенденции современного политического развития и эволюции форм государственности.

В случае Прибалтики политический курс государственного руководства имеет на российском треке ярко выраженный конфликтный характер, обусловленный во многом стратегиями национальных политических элит. Политическое руководство стремится эксплуатировать фактор пограничного положения прибалтийских стран (лимитрофности) [8], позиционируя свои малые страны как «блюстителей» восточных границ «демократической империи» Европейского союза (Й. Коломер). Формулировки могут быть приведены в соответствие с внешнеполитическими зада-

---

[1] Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2. С.192.

[2] Fukuyama F. «Stateness» First // Journal of Democracy. 2005. № 1. P.84-88.

[3] Rotberg R. State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington, 2004.

[4] Colomer J. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. New York, 2007.

[5] Разумеется, далеко не все политии, относящиеся к категории «малых наций», обладают гомогенным этническим составом. Й. Коломер обращает внимание на данную особенность, рассматривая ее как предпосылку для формирования конфликтных малых наций. Понятие «малая нация» не связывается Й. Коломером с моделью нации-государства (nation state). Данные понятия являются различными по содержанию и не тождественны.

[6] Подход Й. Коломера воспроизводит идеи, ранее высказанные Р. Ротстайном, рассматривавшим малую страну как государство, которое «сознает, что не способно обеспечить собственную безопасность имеющимися у него возможностями и, следовательно, в основном должно опираться на помощь со стороны других государств, на различные институты, процессы и явления и т.п. Понимание малой страной собственного бессилия должно разделяться и другими государствами» (Rothstein R. Alliances and Small Powers. New York, 1968).

[7] Необходимо отметить, что термин «малая нация» не указывает на сложившуюся в государственном образовании политическую нацию по образцу нации-государства. Иллюстрацией того, сколь болезненным для стран Прибалтики является процесс формирования нации в политическом смысле, может служить, в частности, пример Латвии, в которой в 2014 г. была инициирована поправка к Конституции, предусматривающая наделение латышей статусом «государственной нации», при этом латгалы и русские не были упомянуты вовсе, что свидетельствует о глубоком расколе в обществе.

[8] Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. С. 6.

чами, например, ужесточены вплоть до «прифронтовых государств» (front-line states) [9]. Соответствующие тенденции фиксировались на протяжении последних десятилетий и наиболее рельефно проявились в новейший период, который интерпретируется как децентрализация международной системы [10].

При анализе институциональной природы стран Прибалтики мы исходим из политического и пространственного их определения как (1) малых наций, относящихся (2) к региону Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Страны данного региона [11] в начале 1990 гг. прошли через глубокие общественно-политические трансформации. Некоторые государства региона, в т.ч. страны Прибалтики, впоследствии вошли в состав Евросоюза. Данные страны, по мнению ряда исследователей, сталкиваются с существенными недостатками в вопросах эффективности демократических институтов и государственного управления. В научном сообществе сложился прочный консенсус: основным «дефектом» является широкое распространение клиентелизма и коррупции, препятствующее укреплению политических институтов в новых странах-членах ЕС. Результаты ряда исследований доказывают связь данных проблем с непрозрачностью политических практик и преобладанием неформальных институтов. Последние, в свою очередь, являются следствием низкого уровня доверия в обществе (социального капитала) [12].

Следовательно, элитные пакты были недостаточным основанием для развития прочных демократических систем в новых странах-членах Евросоюза, которые в значительной степени зависят от глубинных социальных процессов и взаимосвязей, доверия между членами общества. Вместе с тем, стоит отметить различие между неформальными институтами, пронизывающими широкие слои общества, и неформальными правилами взаимодействия, целенаправленно создаваемыми элитами. «Институты… создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [13], – отмечает Д. Норт.

В западном политологическом сообществе прибалтийские страны признаны консолидированными демократиями, являющимися, пожалуй, даже образцовыми для других стран постсоветского пространства [14]. Исследователи обращают внимание, главным образом, на работу формальных демократических институтов стран Прибалтики, включающих соответствующие конституционные нормы и всеобщие выборы. Однако всеобщие выборы ограничиваются институтом «неграждан» в Латвии и Эстонии, который получил формальное правовое закрепление еще в начале 1990-х гг. В результате часть исследователей применила к данным странам понятие «этнической демократии» [15], характеризующейся исключением из политического процесса многочисленной группы населения по этническому признаку, «герметизацией» политической элиты.

На практике фактор этнической принадлежности был политизирован и превращен в ресурс политической мобилизации [16]. Как пишет норвежский исследователь А. Стин, «политические деятели стран Прибалтики имели особый стимул для мобилизации этнических ресурсов на фоне ослабления политической базы прежнего режима: независимость и этническое доминирование стали лучшими гарантиями их карьерного роста» [17].

Данный пример иллюстрирует превращение неформальных притязаний политических элит на власть в формальный институт. Это подводит нас к проблеме взаимодействия формальных и неформальных институтов и – шире – к осмыслению роли неформального политического процесса в институциональном развитии Литвы, Латвии и Эстонии. Речь идет о динамике нефор-

---

[9] Выступление помощника Госсекретаря США В. Нуланд в Институте Брукингса 27 января 2015 г. URL: http://translations.state.gov/st/english/texttrans/2015/01/20150127313219.html#ixzz3QfXccKYj

[10] Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. №3. С.5-15.

[11] Регион Центральной и Восточной Европы включает следующие страны: Чехия, Венгрия, Румыния, Болгария, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Украина, Молдавия, Белоруссия. Границы данного региона определяются, прежде всего, политически, охватывая территорию новых государств на востоке ЕС, часть из которых вошла в Евросоюз. Следует отметить многозначность понятия «регион» в современной политологии и политической географии. В отсутствие (или ввиду противоречивости) естественных географических границ регионы часто выделяются на основе исторических и политических границ. Последние нередко оказываются неопределенными и «плавающими», что свидетельствует об искусственности региональных разграничений, которые приходится «изобретать» – не столько с научными, сколько с политическими целями (Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. №3. С.5-15).

[12] Aasland A., Grodeland B., Pleines H. Trust and Informal Practice among Elites in East Central Europe, South East Europe and West Balkans // Europe-Asia Studies. 2012. №1. P. 115-143.

[13] North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, 1990. P.16.

[14] Nations in Transit 2014: Ratings and Democracy Score Summary. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Data%20tables.pdf

[15] Bennich-Björkman, L. State Formation and Democratic Consolidation in the Baltic States: a Political Perspective on the EU Membership. Uppsala, 2001.

[16] Литва, несмотря на принятый в 1990 г. т.н. «нулевой вариант», предоставляющий гражданство всем жителям страны, также пошла по пути политизации этничности, что выразилось в формализации этнонационализма на уровне государственной идеологии и исторической политики (в частности, это привело к неугасающим конфликтам с местной довольной многочисленной польской общиной).

[17] Steen A. Ethnic relations, elites and democracy in the Baltic States // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2000. №. 4. P. 71.

мальных институтов и неформальных организаций – сетей, кланов, к которым относятся главным образом представители политэлиты.

Значение неформальных сетей и отношений элит, основанных на связях, возникших в период первичной и трудовой социализации, традиционно было существенным в странах Прибалтики [18]. Распространение неформальных организаций вело к закреплению неформальных институтов – непубличных политических торгов и договоренностей, коррупции и клиентелизма.

Данные тенденции находят проявление в крупных коррупционных скандалах. Яркими примерами являются «война с олигархами» в Латвии, спровоцировавшая глубокий политический кризис в 2011 г., или расследование деятельности т.н. «клана государственников», вызвавшее большой резонанс в Литве в конце 2000-х гг. Особенности структуры и функционирования неформальной организации высокопоставленных политиков и госслужащих явствуют из материалов парламентского расследования литовского Сейма и экспертных исследований.

В своей работе Р. Янутене раскрывает [19] историю развития и сеть неформальных связей внутри «клана государственников», связанного с высокопоставленными сотрудниками МВД, МИД, Департамента госбезопасности Литвы и обеспечивающего неформальные институты «блата», клиентелизма и коррупции. Степень распространенности неформальных политических практик для Литвы красноречиво характеризует и такой факт: мандат депутата Европейского парламента от Литвы, которым в 2004–2014 гг. обладал В.Ландсбергис, в 2014 г. перешел к его внуку – Г. Ландсбергису [20].

Бывший премьер-министр Эстонии, многолетний мэр Таллина и лидер Центристской партии Э. Сависаар, анализируя наблюдаемые им плоды трансформации постсоветской Эстонии, вынужден был дать весьма нелицеприятную оценку – современная Эстония, по его мнению, это «государство-фасад», лишь внешне следующее демократическим принципам. Фиксируя все более глубокий отход от демократических норм, он сравнивает Эстонию с «частной компанией», которой заправляют националистические политики правого толка при активном участии лояльных спецслужб и бизнесменов (в т.ч. и в сфере СМИ) [21].

Упрочению неформальных отношений и институтов в среде элит стран Прибалтики также способствовал фактор зарубежных диаспор. Влияние диаспоральных сообществ на элиты Прибалтики в количественном отношении не велико, но значительно в качественном смысле, т.к. способствует привлечению ресурсов западных фондов и формированию национального политического климата, прежде всего, на уровне риторики и символической политики [22]. Так, президентами Литвы и Эстонии были выходцы из литовской диаспоры в США, граждане США В. Адамкус (1998–2003 гг., 2004–2009 гг.) и Т.Х.Ильвес (2006 г. – по настоящее время) соответственно. Гражданка Канады В.Вике-Фрейберга являлась президентом Латвии в 1999–2007 гг. Представители зарубежных диаспор регулярно получали высокие посты в парламентах, дипломатических и силовых ведомствах прибалтийских стран, особенно в начальный период после распада СССР и во время присоединения к ЕС. Любопытно, что выходцы из зарубежной диаспоры, призванные олицетворять «новую жизнь по новым правилам», нередко оказывались проводниками, в общем-то, весьма банальных коррупционных практик.

Широкое распространение неформальных институтов и практик обусловливает высокий уровень коррупции. Страны Прибалтики входят в число лидеров по уровню коррупции в ЕС, следуя в фарватере высоких соответствующих показателей в странах ЦВЕ. Так, одним из показательных индикаторов является Индекс восприятия коррупции (Transparency International) [23], средний показатель которого составляет по Евросоюзу и Западной Европе 66 баллов из 100 (100 соответствует минимальному уровню коррупции, 0 – максимальному). Средний уровень показателя превышает лишь Эстония – 69, тогда как ниже среднего Литва – 58 и Латвия – 55.

Согласно отчету о коррупции «Евробарометр 397» от 2014 г. [24], три четверти респондентов в ЕС (76%) считают, что коррупция широко распространена в их стране. Среди стран-лидеров: Греция (99%), Италия (97%), Литва, Испания и Чехия (по 95%), Хорватия (94%), Румыния (93%). Литва входит в тройку лидеров стран ЕС по доле тех опрошенных, кто считает в целом приемлемым оказать какую-либо услугу в благодарность за то, что для них сделают органы госвласти – таковых 54% (в Словакии – 68%, в Венгрии – 60%, Латвии – 48%). Важным индикатором распро-

---

[18] Смирнов В.А., Фидря Е.С. Динамика структурных изменений политической элиты постсоветской Литвы / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Клемешева А.П. Калининград, 2012. С. 173-199.

[19] Grinevičiūtė R. Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius, 2013.

[20] Картину крепкой политико-семейной преемственности дополняет то, что сам В.Ландсбергис является сыном В.Ландсбергиса-Жямкальниса – министра во временном литовском правительстве 1941 г., созданного после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

[21] Сависаар Э. Правда об Эстонии. Том первый. Таллин, 2012.

[22] Смирнов В.А. Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве // Властные структуры и группы доминирования: Материалы X Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб., 2012. С.40-51.

[23] Corruption Perceptions Index 2014: Results. URL: http://www.transparency.org/cpi2014/results

[24] Special Eurobarometer 397 (Corruption). URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf

странения коррупции является самый низкий среди стран ЕС уровень доверия общества в Литве и Латвии органам охраны правопорядка.

Подобные показатели в значительной степени связаны с тенденциями «криминализации» политического процесса, увеличивающими удельный вес неформальных институтов в политическом процессе. В 2013 г. Международный институт демократии и электорального содействия в Стокгольме выпустил доклад «Нелегальные сети и политика в Балтийских странах». Отмечая значительную роль организованной транснациональной преступности в прибалтийской политике, эксперты приходят к выводу, что «связи между преступными сетями и коррумпированными политиками не зависят от электоральных циклов…, но основываются на более прочных дружеских или родственных связях» [25].

Упрочению неформальных институтов способствуют и недостатки в структуре формальных институтов, а также особенности партийной системы и принятия решений. Так, в Эстонии и Латвии отмечаются существенные недостатки регулирования лоббистской деятельности, что в комбинации с раздробленной партийной системой способствует созданию «благоприятной почвы» для распространения коррупции.

Примером является крупный скандал в Эстонии, вызванный т.н. «покупкой закона» в 2007 г., когда компания, осуществляющая строительство энергетической станции, финансировала политические партии, впоследствии принявшие закон, предоставляющий значительные субсидии данной компании. В Латвии слабость политической системы повлекла доминирование в политическом процессе крупного бизнеса, степень влияния которого ряд исследователей характеризуют как «захват» государства и ведущих СМИ «олигархами» [26].

В этой связи актуальным является вопрос об укреплении официальных институтов в сфере надзора за деятельностью и финансированием партий. Слабость партийной системы усугубляется и действиями политических субъектов, создающих фиктивные политические партии-«спойлеры» для дробления электоральной базы конкурентов. Подобная ситуация ведет к перманентному политическому кризису на уровне формальных представительных институтов, то затухающему, то разгорающемуся с новой силой в прибалтийских странах. А. Загайнова подчеркивает, что в Эстонии в 1991–2007 гг. ни одно правительство не сумело отработать полный четырехлетний срок, распадаясь, как правило, по коррупционным основаниям [27].

Так, неформальные институты в периоды глубоких трансформаций могут «замещать» устаревшие или разрушенные формальные институты, а в некоторых случаях – усиливать мотивацию следовать формальным правилам. Неформальные правила могут включать образцы поведения, которые не регламентированы формально, но имеют большое значение для слаженного функционирования политической системы.

Следовательно, требуется теоретическая модель, которая позволила бы определить различные типы неформальных институтов с точки зрения их функции в институциональной системе государства. Подобный подход был предложен Г. Хелмке и С. Левитски, выделившими следующие типы неформальных институтов на основе противопоставления формальным: дополняющие, приспосабливающиеся, конкурентные и замещающие [28]. Применение данной типологии позволяет уточнить характер взаимодействия формальных и неформальных институтов в странах Прибалтики.

Дополняющие неформальные институты повышают эффективность функционирования формальных, обеспечивая дополнительные инструменты, мотивацию и целеполагание субъектов в рамках формальных институтов. Примером подобного института могут служить «Народные фронты» (в Латвии и Эстонии) и «Саюдис» – общественные движения, созданные в Прибалтике в конце 1980-х гг. для поддержки идей перестройки, реализуемых центральной властью. Они вскоре начали конкурировать с официальными институтами, фактически возглавив конфликтный процесс демонтажа коммунистической системы власти. После установления нового политического режима необходимость в дополняющих институтах резко снизилась. Фактически, после 1991 г. они оказались не нужны новым режимам, кооптировавшим часть ведущих представителей общественных структур.

Приспосабливающиеся неформальные институты способствуют улаживанию противоречий, возникающих между субъектами в рамках формальных институтов. Речь идет о неформальных согласованиях и договоренностях, позволяющих согласовать интересы акторов без прямого конфликта с формальными правилами. Данные институты широко распространены практически во всех политических системах и Прибалтика не является исключением. Вероятно, одним из наиболее красноречивых примеров является согласование в 2007 г. кандидатуры будущего Прези-

---

[25] Смирнов В.А. Неформальное измерение политического процесса в Латвии, Литве и Эстонии: к вопросу об основных тенденциях / В.А. Смирнов // Власть. 2014. № 11. С. 217.

[26] Villaveces-Izquierdo S., Uribe Burcher C. Illicit Networks and Politics in the Baltic States. Stockholm, 2013.

[27] Zagainova A. Challenges of Anti-Corruption Policies in Post-Communist Countries // Corruption and Development The Anti-Corruption Campaigns / Ed. by Bracking S. Palgrave. Macmillan, 2007.

[28] Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2. С.192.

дента Латвии на закрытой встрече в узком составе политиков и крупных бизнесменов в Рижском зоопарке [29].

Конкурентные неформальные институты предполагают конфликт между формальными и неформальными правилами. Конкретными примерами данного неформального института служат коррупционные схемы, «блат», кумовство, клиентелизм, примеры и механизмы которых описаны выше.

Замещающие неформальные институты «перехватывают» существенные функции формальных институтов, фактически подменяя формально закрепленные правила «теневыми» способами взаимодействия. Речь идет о сетях неформального управления политическими процессами, сформировавшихся схемах сговора и перераспределения ресурсов. Данные структуры преобразуются в устойчивые кланы, образующие «теневую» систему координации и руководства, обмена услугами и патронажа. Проявления замещающих институтов в странах Прибалтики многократно становились достоянием общественности, что вело к политическим скандалам и отставкам. Однако вмешательство официальных органов власти не вело к демонтажу подобных структур, глубоко укоренившихся в политической жизни. Так, громкое расследование деятельности клана «государственников» в Литве, затрагивающее высших должностных лиц в аппарате Президента и силовых ведомствах, так и не было завершено.

Детальная характеристика множества примеров различных типов неформальных институтов в прибалтийских странах заслуживает отдельной тематической работы. Эмпирический анализ ведет к констатации нехватки в указанных странах дополняющих политических институтов. При этом большую роль играют приспосабливающиеся и конфликтные неформальные институты. Обширный эмпирический материал, прямые и косвенные свидетельства указывают на значительное распространение неформальных замещающих институтов, укоренившихся за демократическим фасадом. Подобное соотношение свидетельствует о серьезных «дефектах» в демократических системах [30] стран Прибалтики.

Безусловно, анализ взаимосвязей между формальными и неформальными институтами не будет полным без обращения к проблеме их динамики на современном этапе. В этой связи необходимо отметить три тенденции: 1) продолжается процесс формализации неформальных институтов; 2) значение символического компонента при формировании официальных институтов не снижается, а по ряду показателей возрастает; 3) снижается эффективность институтов социально-политической интеграции.

Первые две тенденции в значительной степени взаимосвязаны. Речь идет главным образом об исторической политике государств Прибалтики. С начала 1990-х гг. прибалтийские политические элиты сделали ставку на эксплуатацию этнонационализма в сочетании с провозглашением демократических принципов, что было продиктовано их желанием скорейшей евроатлантической интеграции. Примирение данных слабо совместимых доктрин потребовало активного участия государства в формировании исторических мифов «советской оккупации» и «внешней угрозы», оправдывавших конфликтную модель внутренней и внешней политики.

Однако если в начале 1990-х гг. этнонационализм проявлялся в основном на уровне государственной политики в области гражданства (подробнее данный вопрос рассматривается ниже), культурной политики и риторики, то спустя два десятилетия историческая политика получила широкое оформление в рамках формальных институтов, приобретя нормативный характер и превратившись фактически в государственную идеологию. Так, уголовное преследование и наказание в форме лишения свободы за отрицание «советской оккупации» было законодательно закреплено в Литве (2010 г.) и Латвии (2014 г.). Приговор в отношении литовского экс-дипломата А.Палецкиса является иллюстрацией, помимо прочего, еще и инструментального характера фиксируемых тенденций. Таким образом, неформальные практики давления на несогласных с идеологической линией политического режима воплотились в формальные институты.

Формализацию неформальных институтов на раннем этапе политической трансформации в странах Прибалтики иллюстрирует то, как там была «решена» проблема гражданства. Изначально в политическую программу новых прибалтийских элит входил пункт о «нулевом варианте», предполагавшем получение гражданства всеми жителями данных стран и в итоге реализованном лишь в Литве, обладающей более гомогенным этническим составом населения. В Латвии и Эстонии после «поющих революций» данный пункт, использованный в качестве предвыборной

[29] Norkus Z. Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks // Baltic Journal of Political Science. 2013. № 2. P. 21.

[30] Помимо проанализированных выше примеров следует также отметить ограничение свободы слова, выражающееся в запрете вещания российских телеканалов, а также становящейся регулярной цензуре по политическим мотивам. Так, в 2013 г. с эфира в Литве была снята с эфира программа Р. Янутене о Президенте Литвы Д. Грибаускайте, впоследствии автор программы была уволена. Многочисленные примеры указывают и на различные комбинации формальных и неформальных практик, нацеленные на ограничение демократических процедур. Так, в Латвии политическая партия «Согласие» (председатель – мэр Риги Н. Ушаков), представляющая, в том числе интересы русскоязычных жителей страны, регулярно не допускается к участию в формировании кабинета министров, несмотря на победу на парламентских выборах. С аналогичной проблемой сталкивается и Центристская партия Эстонии.

агитации, был впоследствии исключен. Это стало возможным после фактического оттеснения [31] от рычагов власти на уровне политических элит представителей нетитульных наций. Затем произошла формализация разделения по этническому признаку. На государственном уровне провозглашена доктрина континуитета, исходящая из восстановления преемственности с довоенными режимами в Латвии и Эстонии. Гражданство и право участия в политическом процессе было предоставлено лишь жителям довоенной Латвии и Эстонии и их потомкам. Был законодательно закреплен институт «неграждан». Обладатели данного «статуса», фактически олицетворяемого нетитульными нациями, оказались поражены в прямых и косвенных избирательных правах, но также и в экономических – ограничено их участие в процессе приватизации в 1990-х гг. В настоящее время «неграждане» не имеют права занимать целый ряд рабочих мест в адвокатуре, нотариате, полиции и пр.

В Латвии и Эстонии были созданы официальные механизмы натурализации, которые позволили снизить количество «неграждан», несмотря на критику со стороны международных организаций в отношении завышенных требований для получения гражданства. В 2014 г., согласно официальной статистике [32], число «неграждан» в Латвии составляло более 13%, в Эстонии – около 6,5%. В последние годы темпы натурализации снизились. В 2010 г. в исследовании Рижского университета отмечается, что натурализация в Латвии достигла минимального уровня с 1991 г. [33] Авторы исследования отмечают, что исключение «неграждан» особенно проявляется на рынке труда, в сфере социальной политики и общественно-политической сфере. Так, в 2009 г. Европейский суд по правам человека подтвердил дискриминационный характер пенсионной системы Латвии в отношении «неграждан» [34].

Основные выводы

В политических процессах стран Прибалтики существенную роль играют неформальные политические институты. Преобладание среди них приспосабливающихся и конфликтных, а также существенный удельный вес замещающих неформальных институтов позволяет сделать вывод о значительных дефектах в развитии прибалтийских демократий, укреплении за фасадом демократических институтов неформальных правил управления и согласования интересов политических элит. Причины подобной ситуации коренятся как в общем для стран ЦВЕ низком уровне доверия в социуме, последствиях политических трансформаций в конце XX в., так и в конкретных интересах элитных групп, специфике внутриэлитного взаимодействия.

Анализ текущих процессов взаимодействия формальных и неформальных институтов в Литве, Латвии и Эстонии подтверждает тенденции к формализации неформальных институтов на уровне государственной исторической политики, которая таким образом все больше уподобляется «государственной идеологии». Ужесточение официальной политики в данной сфере в последние несколько лет свидетельствует о ставке политических элит на *конфликтную* модель внешнеполитического взаимодействия. Данный политический курс является развитием опыта политических элит прибалтийских стран последних двух десятилетий, заключающегося главным образом в попытке примирить государственный этнонационализм и демократические принципы, необходимые для интеграции в евроатлантическое сообщество. Подобный «синтез» был обеспечен за счет изобретения и насаждения доктрины «советской оккупации».

Разумеется, институциональное развитие стран Прибалтики не исчерпывается лишь внутренними факторами. Литва, Латвия и Эстония как малые страны, обладающие скудными экономическими ресурсами, уделяют особое внимание внешнеполитическому «позиционированию», провозглашая себя «жертвами» России как олицетворения варварского Востока и одновременно «форпостом» Европы как олицетворения цивилизованного Запада. В этом отношении для них сравнительно легко доступным становится ресурс конфликтной дипломатии, позволяющий «питаться» от отношений между понимаемым таким образом Востоком и Западом, нацеленный на приобретение некоторого международно-политического веса и привлечение дополнительного внимания (и, следовательно, ресурсов) в рамках евроатлантического сообщества.

---

[31] Латвийский исследователь Ю. Розенвалдс пишет: «Именно то обстоятельство, что две трети русских относились к усилиям Народного фронта Латвии либо нейтрально, либо положительно, стало решающим фактором, позволившим стране (несмотря на то, что латыши составляли немногим более половины ее жителей) достичь независимости мирным путем, избежав каких-либо серьезных столкновений на этнической почве. К сожалению, многие обещания, данные в годы «поющей революции», и особенно в период подготовки референдума о независимости, были не выполнены после достижения независимости Латвией и Эстонией» (Розенвалдс Ю. Русскоязычное меньшинство в политической элите Латвии и Эстонии: перспективы «(де)герметизации» // Политические элиты в старых и новых демократиях. 2012. С. 217).

[32] Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc valstiskās piederības. URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/01072013/01.01.2014/ ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf

[33] About Estonia. Citizenship. URL: http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html

[34] Трудовой стаж, полученный за границами Латвии, учитывался при начислении пенсии гражданам, но не учитывался в случае «неграждан».

Изучение возможных последствий применения конфликтной модели на государственном уровне в случае стран Прибалтики представляет значительный интерес для дальнейших исследований (особенно в контексте украинских событий и политических перспектив ЕС и США относительно постсоветского пространства). Безусловно, данная политика в будущем окажет существенное влияние на институциональную структуру стран Прибалтики. Вместе с тем, она способна воздействовать и на политические процессы в Евросоюзе. Заботливо пестуемая прибалтийскими элитами конфликтная модель внешней политики является не только гарантом их электоральной востребованности, но и источником недоверия, причем не только в отношениях России и ЕС, но и внутри Евросоюза, тем самым вступая в противоречие с ценностями доверия, на которых изначально был основан проект европейской интеграции.

Политический опыт последних десятилетий убедительно демонстрирует отсутствие универсальных законов формирования и взаимодействия формальных и неформальных институтов в рамках государства. Скорее, речь следует вести о различных моделях и механизмах развертывания институциональных процессов.

Теория малых стран позволяет существенно сузить набор альтернативных моделей поведения малых государств, с точки зрения которых осуществляется анализ причин и последствий действий политических элит, институциональные и международные последствия принятых решений. Пример стран Прибалтики демонстрирует чрезмерную оптимистичность теоретических построений Й. Коломера относительно демократической институциональной организации малых стран и их в целом благотворной международной роли.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян П.А. – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Алятина А.Г. – доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук

Бессуднов А.А. – научный сотрудник Иститута истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук

Бессуднов А.Н. – доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета

Болгов Н.Н. – профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук

Бочарова С.Е. – заместитель директора по учебной работе муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования детей «Детская школа искусств №1» г. Донской Тульской области

Брежнева С.Н. – профессор кафедры «Социально-культурная деятельность» Поволжского государственного университета сервиса, г. Тольятти, доктор исторических наук

Быстрицкий Н.И. – научный сотрудник Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Вепренцева Т.А. – доцент кафедры истории государства и права, кандидат исторических наук

Гребенщиков А.Е. – аспирант кафедры истории России Воронежского государственного университета

Дегтярева Н.А. – доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук

Дудайти А.К. – доцент кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, доктор исторических наук

Ермачкова Е.П. – кандидат исторических наук

Задворная Е.С. – аспирант отдела международных отношений стран Восточной Азии института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

Захов А.С. – аспирант кафедра истории народов стран СНГ Санкт-Петербургского государственного университета

Истомина И.В. – старший преподаватель кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Кобзева А.В. – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Комлякова Ю.Ю. – преподаватель Донецкого государственного университета управления

Курбанов А.В. – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Лебедева С.О. – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института филиала Волгоградского государственного технического университета, кандидат философских наук

Лобанов К.Н. – начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, доктор политических наук, доцент

Лотарев К.А. – старший научный сотрудник отдела управления наукой Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

Лясина И.Ю. – доцент кафедры социально-гуманитарных наук филиала Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Волжском, кандидат социологических наук

Матвеев А.С. – старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук

Огнева В.В. – профессор кафедры политологии и государственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Орле), доктор политических наук, профессор

Пашин В.П. – профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета, доктор исторических наук

Пимков К.В. – аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Пичугин А.Б. – соискатель кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета

Погонина Е.А. – профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат психологических наук, доцент

Половнева Л.С. – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат политических наук

Рамазанова Ф.М. – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Руми Ф. – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сахаров А.В. – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Синица М.М. – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Скотони Джорджо Ренато – доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

Смирнов В.А. – старший научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

Соколов Р.В. – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института филиала Волгоградского государственного технического университета

Соловьянов Н.И. – доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, кандидат исторических наук

Сурхаева С.Х. – аспирант кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, кандидат исторических наук

Харина О.А. – аспирант кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений МИД РФ

Худавердян А.Ю. – научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армения, г. Ереван, кандидат исторических наук

Чикаидзе Ц.М. – доцент кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, кандидат исторических наук

Шаповалова С.П. – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Ярцев С.В. – доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук